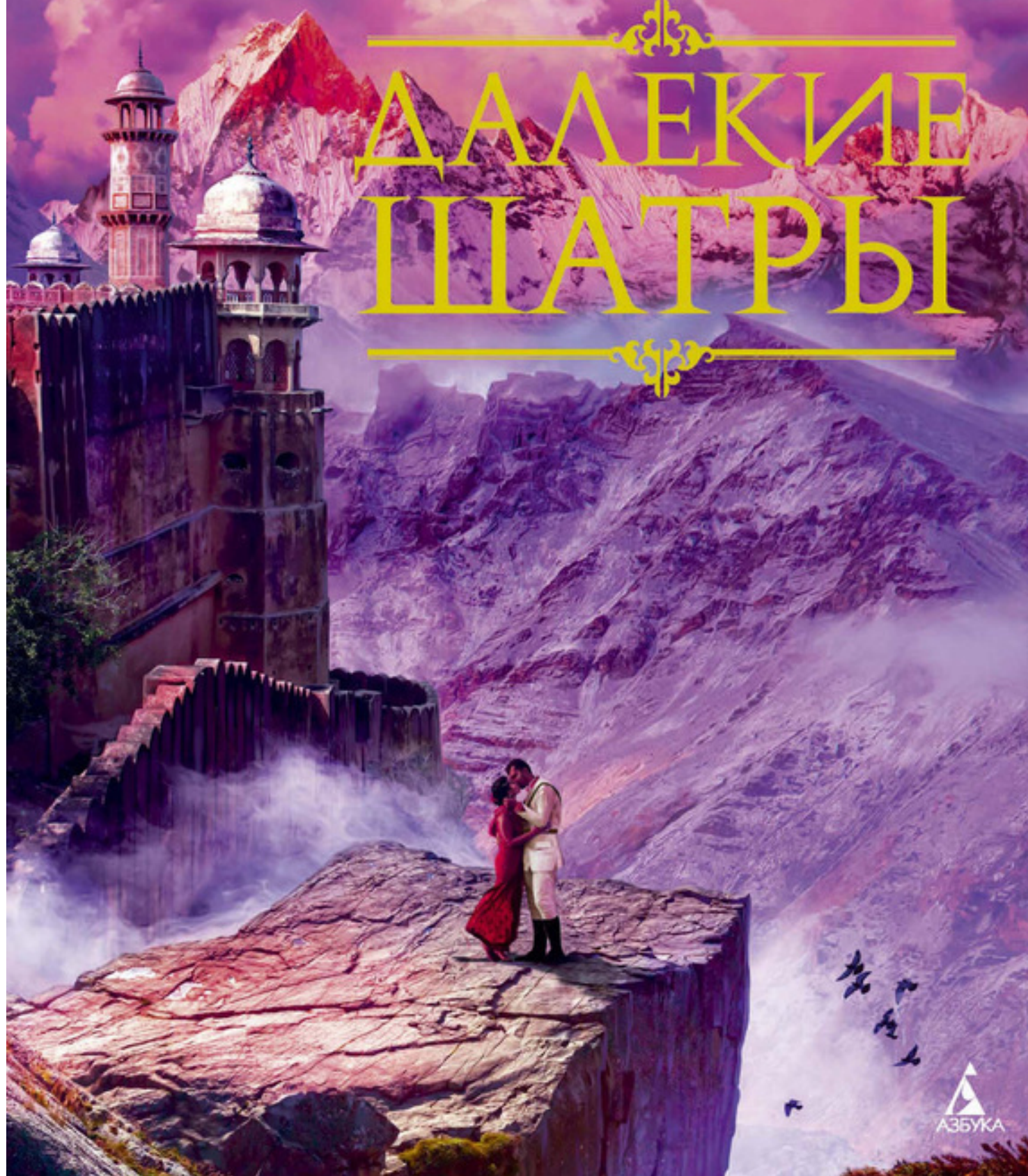

ОДНА ИЗ ВОИСТИНУ ВЕЛИКИХ КНИГ.

Book Review

М. М. КЕЙ

ДАЛЕКИЕ ШАТРЫ

Далекие Шатры

Мэри Маргарет Кей
Далекие Шатры

«Азбука-Аттикус»

1978

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Кей М.

Далекие Шатры / М. Кей — «Азбука-Аттикус»,
1978 — (Далекие Шатры)

ISBN 978-5-389-12617-6

Английский аристократ по рождению, Аштон был воспитан простой индийской женщиной Ситой и считал себя индийцем. Он всегда верил, что счастье ждет его в зеленой долине за заснеженными вершинами гор под названием Дур-Хайма, что означает Далекие Шатры. Однако перед смертью Сита признается, что она не родная его мать и на самом деле он англичанин. Мальчика отправляют в Англию, чтобы он получил достойное образование. Окончив престижную военную академию, Аштон возвращается в Индию в надежде сделать достойную карьеру и встретить старых друзей. Однако через некоторое время молодой человек понимает: он так и не стал англичанином, но и жители Индии не считают его своим. По долгу службы Аш сопровождает двух индийских принцесс в княжество, где должна состояться их свадьба. И во время этого долгого путешествия он влюбляется в одну из принцесс, Анджали, и хотя та отвечает ему взаимностью, влюбленные понимают, что им никогда не быть вместе. Казалось, они будут разлучены навсегда, но события начинают развиваться самым непредсказуемым образом... «Далекие Шатры» – одна из величайших литературных саг нашего времени, стоящая в одном ряду с такими шедеврами, как «Унесенные ветром» Маргарет Митчелл и «Поющие в терновнике» Колин Маккалоу.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-12617-6

© Кей М., 1978

© Азбука-Аттикус, 1978

Содержание

Часть 1. Становление характера	8
1	8
2	19
3	32
4	44
5	61
6	76
7	84
Часть 2. Белинда	97
8	97
9	103
10	119
11	130
12	144
Часть 3. Мир вне времени	160
13	160
14	172
Конец ознакомительного фрагмента.	182

Мэри Маргарет Кей Далекие Шатры

M. M. Kaye
THE FAR PAVILIONS

© М. Куренная, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

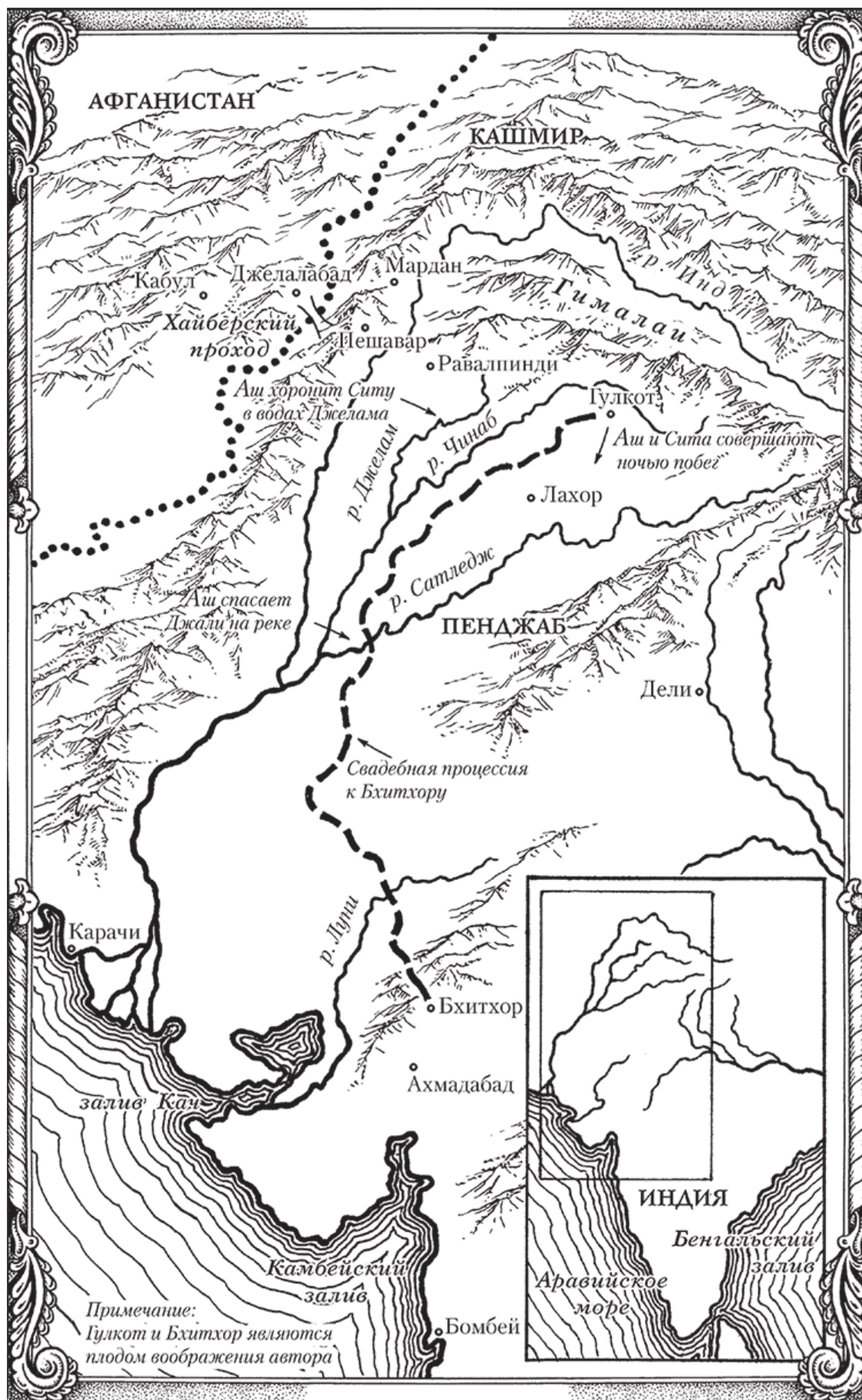
* * *

Посвящается всем офицерам и солдатам разных рас и вероисповеданий, с 1846 года верой и правдой служившим в Корпусе разведчиков, и среди них лейтенанту Уолтеру Гамильтону, кавалеру ордена «Крест Виктории», моему мужу генералу Гоффу Гамильтону, кавалеру ордена Бани 3-й степени, ордена Британской империи 2-й степени, ордена «За безупречную службу», и его отцу полковнику Биллу Гамильтону, кавалеру ордена Британской империи 4-й степени, мировому судье

*Мы пилигримы, мастер. Мы пойдем
Все дальше и вперед. Быть может, там,
За пиками заснеженных вершин,
За штормовым иль безмятежным морем,
На троне царствуя иль хоронясь в пещере,
Живет пророк, кому дано понять,
Зачем на свет рождается человек...*

Джеймс Элрой Флекер

Никогда не слишком поздно искать новый мир.
Альфред Теннисон

Часть 1. Становление характера

1

Аштон Хилари Акбар Пелам-Мартин появился на свет в лагере близ вершины перевала в Гималаях и впоследствии был крещен в патентованном парусиновом ведре.

Своим первым криком он отважно соперничал с рычанием леопарда ниже по склону, а с первым вздохом набрал полную грудь холодного воздуха, мощные потоки которого неслись с далекой твердыни гор, принося с собой свежие ароматы снега и сосновой хвои, разбавившие вонь горячего керосина, запах крови и пота и едкий дух выючных пони.

Изабелла задрожала, когда ледяной сквозняк приподнял палаточный полог и колыхнул язычок пламени в закопченном фонаре «молния», и, прислушиваясь к громким воплям сына, проговорила слабым голосом:

– По крику он не похож на недоношенного, верно? Думаю, я... наверное, я... ошиблась в расчетах...

Так оно и было, и именно ошибка в расчетах столь дорого стоила ей. В конце концов, иным из нас приходится платить жизнью за подобные ошибки.

По понятиям того времени – а речь идет об эпохе Виктории и Альберта, – Изабелла Аштон была чрезвычайно неординарной молодой женщиной, и дело не обошлось без недоуменно вскинутых бровей и неодобрительных замечаний, когда в год Великой выставки¹ она, незамужняя, двадцати одного года от роду, сирота, прибыла в военный городок в Пешаваре, на северо-западной границе Индии, намереваясь вести домашнее хозяйство своего единственного оставшегося в живых родственника – холостого брата Уильяма, который недавно получил назначение во вновь созданный Корпус разведчиков.

Недоуменно вскинутые брови поднялись еще выше, когда год спустя Изабелла вышла замуж за профессора Хилари Пелам-Мартина, известного лингвиста, этнолога и ботаника, и отправилась вместе с ним в неспешную бессистемную экспедицию по исследованию равнин и предгорий Индостана, не взяв с собой даже служанки.

Хилари был немолод и эксцентричен, и никто – а в первую очередь он сам – так никогда и не понял, почему он вдруг решил жениться на бесприданнице, пусть и общепризнанной красавице, вдвое моложе его и совершенно незнакомой с Востоком, или почему после долгих лет холостой жизни он вообще решил жениться. Мотивы Изабеллы, с точки зрения пешаварского светского общества, объяснялись проще: Хилари был достаточно богат, чтобы жить в свое удовольствие, а благодаря своим опубликованным трудам уже приобрел известность в научных кругах всего цивилизованного мира. Мисс Аштон, заключили все, сделала очень выгодную партию.

Но Изабелла вышла замуж не из-за денег и не из честолюбия. Несмотря на свой решительный нрав, она была импульсивна и весьма романтична, и образ жизни Хилари показался ей истинным воплощением романтики. Что может быть увлекательнее беззаботной кочевой жизни: привалов на лоне природы, переходов, исследования незнакомых местностей и руин забытых империй, ночевки в палатке или под открытым небом и полной свободы от условностей и ограничений современного общества? Она руководствовалась также и другим, возможно более веским, соображением – необходимостью вырваться из невыносимой ситуации.

¹ Великая выставка – первая международная промышленная выставка, организованная в Лондоне в 1851 г. – Здесь и далее примеч. перев., кроме особо оговоренных случаев.

Приехав без всякого предупреждения в Индию, Изабелла была жестоко разочарована, когда обнаружила, что брат, отнюдь не обрадовавшийся встрече, не только повергнут в ужас перспективой опекать сестру, но и совершенно не в состоянии обеспечить ее хотя бы кровом. В то время разведчики почти постоянно вели боевые действия против приграничных племен и редко получали возможность мирно жить в своих казармах в Мардане, а потому прибытие Изабеллы привело в смятение как Уильяма, так и весь полк. Они умудрились временно устроить ее в доме полковника и его жены миссис Пемберти в Пешаваре. Но это оказалось неудачным решением.

Пемберти были людьми, исполненными самых благих намерений, но невыносимо скучными. Более того, они открыто порицали поведение мисс Аштон, приехавшей на Восток без подобающего молодой девушке сопровождения, и очень старались своими советами и личным примером сгладить неблагоприятное впечатление, произведенное ее приездом. Изабелла вскоре поняла, что от нее требуют неукоснительного соблюдения нелепых правил хорошего тона. Этого делать не следует, так поступать не рекомендуется... Список запретов был бесконечным.

Эдит Пемберти нисколько не интересовалась страной, где они с мужем прожили большую часть жизни, и считала местных жителей дикарями и язычниками, из которых терпением и строгостью можно воспитать превосходных слуг. Она не допускала мысли о сколько-нибудь близком общении с ними на каком-либо уровне и не понимала, а равно и не одобряла страстного стремления Изабеллы тщательно обследовать базары и улочки туземного города и совершать конные прогулки по открытой равнине, простиравшейся к югу от Инда и реки Кабул, или среди пустынных холмов Хайбера, расположенных к северу.

— Там нечего смотреть, — говорила миссис Пемберти, — а тамошние племена состоят из кровожадных дикарей, совершенно не заслуживающих доверия.

Ее муж полностью разделял такое мнение, и восемь месяцев, проведенных в доме Пемберти, под конец стали казаться бедной Изабелле восемью годами.

Она не завела никаких друзей, ибо, к сожалению, гарнизонные дамы, обсуждая ее за чаем, пришли к заключению, что мисс Аштон легкомысленна и, скорее всего, приехала в Индию с целью заарканить себе мужа. Данное суждение повторялось вслух столь часто, что в конце концов с ним согласились все гарнизонные холостяки, которые при всем своем восхищении красотой, непринужденными манерами и превосходной скаковой посадкой мисс Аштон не желали оказаться легковверными жертвами охотницы за мужьями и, как следствие, держались от нее в стороне. Поэтому едва ли приходится удивляться, что Изабеллу уже с души воротило от Пешавара к тому времени, когда в гарнизоне появился профессор Пелам-Мартин в сопровождении своего старого друга и постоянного спутника сирдар-бахадур² Акбар-хана, разношерстной толпы слуг и попутчиков и четырех запертых якданов, содержащих образцы растений, манускрипт с трактатом на санскрите и подробный шифрованный отчет с почерпнутыми из официальных, полуофициальных и неофициальных источников сведениями о разнообразных событиях, происходивших во владениях Ост-Индской компании...

Хилари Пелам-Мартин очень походил на покойного мистера Аштона, чрезвычайно благожелательного и эксцентричного джентльмена, а Изабелла обожала отца. Возможно, этим отчасти объясняется ее моментально вспыхнувший интерес к профессору и блаженное чувство спокойствия и непринужденности, которое она испытывала в его обществе. Все в нем: образ жизни, глубокий интерес к Индии и здешнему народу, дружба с седым хромоногим Акбар-ханом и полное пренебрежение правилами, определявшими поведение и взгляды

² *Сирдар-бахадур* — кавалер ордена Британской Индии I степени (награждались индийцы, служившие в британской армии). — *Примеч. ред.*

людей вроде супругов Пемберти, – все пришлось по душе Изабелле. Для нее Хилари олицетворял собой одновременно бегство от безрадостного настоящего и уверенность в будущем, и она вступила в брак столь же бодро и бесстрашно, как в свое время ступила на борт корабля «Гордон-Касл» в Тилбери, чтобы совершить долгое путешествие в Индию. И на сей раз она не осталась разочарованной.

Хилари, правда, относился к Изабелле скорее как к любимой дочери, чем как к жене, но такое отношение казалось приятно привычным и привносило ощущение стабильности и постоянства в полную случайностей кочевую жизнь, которая стала ее уделом в последующие два года. Никогда прежде не любившая, она не располагала мерилom для оценки своих нежных чувств к рассеянному, добродушному и чуждому всяких условностей мужу и была довольна в той полной мере, в какой вправе быть довольным любой человек. Хилари позволял Изабелле ездить верхом, и два счастливых года они путешествовали по Индии, исследуя предгорья Гималаев, доезжая по дороге Императора Акбара до самого Кашмира и возвращаясь на зиму в равнины, простиравшиеся между разрушенными гробницами и дворцами погибших городов. Большую часть времени Изабелла проводила без женского общества и не испытывала нужды в нем. В ее распоряжении всегда имелись книги для чтения или мужнины образцы растений, подлежащие обработке и каталогизации, а вечерами она обычно читала либо занималась гербарием, в то время как Хилари и Акбар-хан играли в шахматы или горячо спорили по сложным вопросам политики, религии, божественного предопределения и расовых конфликтов.

Седовласый хромой сирдар-бахадур Акбар-хан был отставным офицером прославленного кавалерийского полка. Он получил ранение в битве при Миани и по увольнении обосновался в своем родовом поместье на берегу реки Рави с намерением провести остаток дней за такими мирными занятиями, как возделывание земли и изучение Корана. Мужчины познакомились, когда Хилари стоял лагерем близ родной деревни Акбар-хана, и сразу прониклись симпатией друг к другу. У них обнаружилось много общего по части характера и мировоззрения, и перспектива оставаться на одном месте до самой смерти перестала устраивать Акбар-хана.

– Я старый человек, ныне вдовый, да и бездетный тоже: мои сыновья погибли на службе Компании, а дочь замужем. Что меня держит здесь? Давайте путешествовать вместе, – сказал Акбар-хан. – Для человека, отжившего свое, в палатке всяко лучше, чем в четырех стенах дома.

С тех пор они путешествовали вместе и стали добрыми товарищами. Но Акбар-хан довольно скоро понял, что интерес друга к флоре, руинам и диалектам страны служит превосходным прикрытием иного рода деятельности – составления отчетов о работе администрации Ост-Индской компании для неких членов правительства ее величества, которые имели основания подозревать, что дела в Индии обстоят не так хорошо, как стараются представить официальные источники. Такого рода деятельность Акбар-хан горячо приветствовал и оказывал товарищу неоценимую помощь, так как знание своих соотечественников позволяло ему оценивать достоверность устных свидетельств более точно, чем получалось у Хилари. В течение нескольких лет они вдвоем составляли и отсылали в метрополию один за другим пространные доклады, содержавшие факты и предостережения, многие из которых публиковались в британской прессе и использовались в дебатах в обеих палатах парламента, хотя, несмотря на всю пользу этого, они с таким же успехом могли бы заниматься исключительно ботаникой, ибо английская общественность предпочитала верить сведениям, представлявшим наименьшую угрозу для ее спокойствия, и игнорировать любую тревожную информацию. Впрочем, подобная слабость свойственна всем народам.

Профессор и его друг работали и путешествовали вместе уже пять лет, когда Хилари неожиданно прибавил к каравану свою жену, и Акбар-хан принял ее присутствие как нечто

само собой разумеющееся, признавая за ней место в существующем порядке вещей и не придавая ее появлению особого значения в том или ином отношении. Он единственный из них троих не был неприятно поражен, когда стало ясно, что Изабелла беременна. В конце концов, предназначение женщины – рожать детей, и, конечно же, это будет сын.

– Мы сделаем из него офицера разведчиков, как его дядюшка, – проговорил Акбар-хан, размышляя над шахматной доской. – Или губернатора провинции.

Изабелла, как и большинство женщин ее поколения, не имела ни малейшего представления о процессах, сопряженных с деторождением. Она довольно поздно поняла, что беременна, и испытала сильное потрясение и немалое раздражение – пугаться ей никогда не приходило в голову. Ребенок явно осложнит кочевую жизнь: ему понадобятся постоянный уход, кормилица, особое питание и... Нет, честное слово, все это слишком хлопотно.

Хилари, тоже ошеломленный новостью, с надеждой предположил, что, возможно, она ошибается насчет своего положения, но, получив заверения в обратном, спросил, когда же ребенок появится на свет. Изабелла понятия не имела, но попыталась припомнить последние несколько месяцев, посчитала на пальцах, нахмурилась, посчитала еще раз и высказала мнение, на поверку оказавшееся абсолютно неверным.

– Мы должны направиться в Пешавар, – решил Хилари. – Там есть доктор. И другие женщины. Думаю, нам стоит прибыть туда за месяц до родов. А для пущей верности за шесть недель.

Вот так и вышло, что его сын появился на свет в богом забытой глуши, без помощи доктора, акушерки и лекарственных средств, известных медицинской науке.

Помимо двух жен уборщиков да нескольких безымянных, закрытых покрывалами родственниц случайных попутчиков, в лагере была только одна женщина, способная оказать помощь, – Сита, жена Даярама, главного саиса Хилари, горянка из окрестностей Кангана. Она покрыла себя двойным позором, за минувшие пять лет родив и потеряв пятерых дочерей, последняя из которых умерла на прошлой неделе, не прожив и трех дней.

– Похоже, она не способна рожать сыновей, – с отвращением сказал Даярам. – Но, видят боги, она набралась достаточно опыта, чтобы помочь появиться на свет чужому сыну.

Таким образом, именно бедная, робкая, похоронившая всех своих детей Сита приняла роды у Изабеллы. И она действительно знала достаточно, чтобы помочь младенцу мужского пола появиться на свет.

В том, что Изабелла умерла, Сита не была виновата. Изабеллу убил ветер, холодный ветер с далеких высоких заснеженных гор за перевалом. Он взметал клубы пыли с сосновой хвоей и заносил их в палатку, где фонарь так и норовил погаснуть на сквозняке, а в той пыли содержалась всякая гадость: гнилостные бактерии, болезнетворные микробы, мельчайшие частицы отбросов из этого лагеря и других лагерей. Ничего подобного не было бы в спальне в пешаварском военном городке, где английский доктор позаботился бы о молодой матери.

Тремя днями позже мимо лагеря проходил миссионер, направлявшийся через горы в Пенджаб, и к нему обратились с просьбой окрестить младенца. Он провел обряд крещения в складном парусиновом ведре и, по желанию отца, дал новорожденному имя Аштон Хилари Акбар, а затем ушел, не повидав матери ребенка, которая, как ему сказали, плохо себя чувствует – объяснение, ничуть не удивившее миссионера, поскольку несчастная женщина не могла получить надлежащий уход в таком лагере.

Задержись священник на пару дней, он получил бы возможность отправить заупокойную службу по миссис Пелам-Мартин. Изабелла скончалась через сутки после крещения сына и была похоронена мужем и его друзьями на вершине перевала, вздымающейся над палатками, и все обитатели лагеря, сокрушенные горем, присутствовали на скорбной церемонии.

Хилари тоже был убит горем. Но, помимо этого, он испытывал чувство сродни возмущению. Ну что, во имя всего святого, ему делать с ребенком теперь, когда Изабелла умерла? Он ничего не знал о младенцах, кроме того, что они постоянно орут и требуют пищи в любой час дня и ночи.

– Что же нам все-таки делать с ним? – спросил Хилари Акбар-хана, обиженно уставившись на сына.

Акбар-хан легонько потыкал младенца костлявым пальцем и рассмеялся, когда малыш уцепился за него крохотной ручонкой.

– О, он сильный, смелый мальчик. Он станет солдатом – командиром кавалерийского полка. За него не беспокойтесь, друг мой. Малыша выкормит жена Даярама, которая кормит его грудью с самого рождения. Своего ребенка она потеряла, что, безусловно, произошло по воле Аллаха, правящего ходом вещей в подлунном мире.

– Но мы не можем таскать его с собой, – возразил Хилари. – Нам надо найти кого-нибудь, кто уходит в отпуск, чтобы он отвез ребенка в Англию. Полагаю, Пемберти знают такого человека. Или молодой Уильям. Да, нам лучше поступить именно так: у меня в Англии есть брат, чья жена сможет позаботиться о мальчике до моего возвращения.

Решив этот вопрос, профессор последовал совету Акбар-хана и перестал беспокоиться. А поскольку ребенок чувствовал себя превосходно и редко подавал голос, они пришли к заключению, что никакой необходимости спешить в Пешавар нет, и, выбив имя Изабеллы на валуне над ее могилой, свернули лагерь и двинулись на восток, в направлении Гарвала.

Хилари так никогда и не вернулся в Пешавар, и в силу своей прискорбной рассеянности он так и не известил ни своего шурина Уильяма Аштона, ни каких-либо своих родственников в Англии, что стал отцом – и вдовцом. Редкие письма, по-прежнему приходившие на имя жены, время от времени напоминали Хилари о его долге. Но профессор всегда был слишком занят, чтобы уделять им внимание сразу по получении, поэтому они откладывались в сторону до лучшей поры и неизменно забывались. Точно так же он забыл Изабеллу и порой забывал даже о том, что у него есть сын.

Аш-баба – так стала называть ребенка кормилица Сита, а вслед за ней и все участники экспедиции – первые восемнадцать месяцев своей жизни провел среди высоких гор и первые шаги сделал на скользком травянистом склоне неподалеку от могучего пика Нандадеви, одетого вечными снегами. Если бы вы увидели малыша, неуклюже ковыляющего по лагерю, то приняли бы его за родного сына Ситы: Изабелла была черноволосой сероглазой смуглянкой с медового цвета кожей, и сын пошел в нее. Он также унаследовал от матери значительную долю красоты и, по словам Акбар-хана, обещал стать весьма привлекательным мужчиной.

Хилари изучал диалекты горных племен и собирал дикие растения, не задерживаясь подолгу на одном месте. Но более важные дела вынудили профессора отвлечься от этих занятий. Спустившись с гор, экспедиция двинулась на юг через Джханси и Сатару и наконец достигла покрытого буйной растительностью и изобилующего длинными белыми пляжами Коромандельского берега.

Жару равнин и влажный воздух юга Аш-баба переносил хуже, чем горную прохладу, а Сита, будучи горянкой, тосковала по горам и часто рассказывала мальчику истории о своих родных краях на севере страны, среди могучих хребтов Гиндукуша. Рассказывала о ледниках и снежных лавинах, о затерянных долинах, где текли реки, полные форели, и землю устилали пестрые ковры из цветов, где весной в воздухе разливалось благоухание цветущих фруктовых деревьев, а золотым дремотным летом вызревали грецкие орехи. Со временем Аш-баба полюбил эти истории более всех прочих, и Сита придумала долину для них двоих, где однажды они построят дом из глины и сосны, с плоской кровлей, на которой станут сушить маис и красный перец, и посадят чудесный сад, где будут выращивать миндальные и персиковые деревья и держать козу, щенка и котенка.

Сита, как и все остальные участники экспедиции, не говорила по-английски, и к четырем годам Аш не сознавал, что язык, на котором отец изредка обращается к нему, – это его родной язык (или, по крайней мере, должен быть таковым). Унаследовав от Хилари замечательные лингвистические способности, малыш овладел в многоязычной экспедиции рядом наречий: Сваб Гул научил его пушту, Рамчанд – хинди, а от уроженцы юга – тамильскому, гуджарати и телугу. Однако он предпочитал пользоваться языком пенджаби, на котором говорили Акбар-хан, Сита и ее муж Даярам. Аш редко носил европейскую одежду, поскольку Хилари нечасто задерживался в местах, где можно было достать подобные вещи. К тому же такая одежда решительно не подходила для здешнего климата и кочевой жизни. Поэтому мальчик обычно ходил в индуcском или мусульманском костюме. Разногласия между Акбар-ханом и Ситой по поводу того, как Аш-бабу следует одевать, уладились путем компромисса: неделю он ходил в мусульманском наряде, неделю – в индуcском. Но по пятницам – в священный день для мусульман – всегда в первом.

Осень 1855 года они провели в Сионийских горах, для видимости изучая диалект гондов. И именно здесь Хилари написал отчет о событиях, последовавших за произведенной Ост-Индской компанией аннексией (он назвал это кражей) княжеств Нагпур, Джханси и Танджор. В своем рассказе об увольнении Компанией злополучного комиссара и бывшего министра-резидента Нагпура, мистера Мэнсела, имевшего неосторожность предложить более великодушные условия соглашения семейству покойного раджи, он не пожалел красок.

Вся так называемая политика аннексий вследствие прекращения наследственного права на власть, то есть присвоения Компанией любого местного княжества, где правитель не имел прямого наследника, – вопреки многовековой традиции, позволявшей бездетному мужчине усыновить преемника из числа своих родственников, – была, по утверждению Хилари, не более чем лицемерным термином для обозначения безобразного и непростительного деяния, а именно бесстыдного ограбления и обмана вдов и сирот. Упомянутые в докладе правители (а Хилари подчеркнул, что Нагпур, Джханси и Танджор являются лишь тремя из княжеств, которым суждено стать жертвами этой чудовищной политики) верно служили интересам Компании, что не помешало этой самой Компании отнять у их вдов и родственников наследственные права вкупе с фамильными драгоценностями и прочими наследуемыми предметами собственности. В княжестве Нагпур, аннексированном вследствие прекращения права на власть после смерти раджи, у правителя имелась дочь, и президент мистер Форбс с похвальным мужеством (если учесть меры, примененные к злополучному мистеру Мэнселу) выступил в защиту интересов принцессы, утверждая, что по условиям договора, заключенного между Танджором и Компанией, власть должна переходить к любым наследникам, не обязательно мужского пола. Но его доводы остались без внимания. Во дворец внезапно вошел многочисленный отряд сипаев, и представители Компании наложили арест на все имущество, движимое и недвижимое, опечатали все драгоценности и ценные вещи, разоружили войско покойного раджи и конфисковали поместье его матери.

Но дальше стало еще хуже, писал Хилари, ибо последующие события пагубно повлияли на жизнь и благоденствие многих людей. По всему княжеству арендаторы всех участков земли, когда-либо принадлежавших любому из предыдущих раджей Танджора, выдворялись из своих владений с предписанием явиться к британскому комиссару для подтверждения права собственности, и все, кто жил за счет финансирования из доходных статей княжества, впали в панику от перспективы остаться без работы. В течение недели Танджор из самого благополучного района во владениях Компании превратился в очаг недовольства. Местные жители глубоко почитали свою правящую династию, и ее отстранение от власти привело всех в крайнее негодование – даже сипаи отказывались получать жалованье. В Джханси тоже имелся малолетний наследник престола – всего лишь дальний родственник покойного раджи, но официально усыновленный последним, и Лакшми-Баи, очаровательная вдова

раджи, пыталась взывать к справедливости, ссылаясь на долгое служение своего мужа интересам Компании, но безрезультатно. Джханси объявили территорией, перешедшей к британскому правительству, и передали под юрисдикцию губернатора Северо-Западных провинций, упразднив действующие там ведомства, сместив правительство раджи и немедленно рассчитав и распустив все войска княжества.

«Ничто, – писал Хилари, – не могло бы успешнее возбудить ненависть, злобу и негодование местного населения, чем этот наглый и безжалостный грабеж, возведенный в систему». Но у британской общественности имелись другие предметы, требующие внимания. Война в Крыму оказалась делом дорогостоящим и разорительным, а Индия находилась далеко, вне поля зрения и сферы непосредственных интересов. Те немногие, кто неодобрительно цокал языком, читая доклады профессора, забывали о них уже через несколько дней, а старшие советники Ост-Индской компании объявили автора введенным в заблуждение чудачком и попытались установить его личность и помешать ему пользоваться почтой.

Они не преуспели ни в первом, ни во втором – Хилари отсылал доклады на родину окольными путями. И хотя иные чиновники относились к деятельности профессора (в частности, к его близкой дружбе с туземцем) с подозрением, никакими уликами они не располагали. Подозрения же не имеют доказательной силы. Хилари продолжал свободно путешествовать по Индии и всячески старался внушить своему сыну, что величайшим грехом, какой только может совершить человек, является несправедливость и что против нее нужно всегда бороться всеми силами, даже если надежды на победу нет.

– Запомни на всю жизнь, Аштон: какими бы еще качествами ты ни обладал, будь справедливым. Поступай с людьми так, как бы тебе хотелось, чтобы поступали с тобой. Это значит, что ты никогда не должен поступать бесчестно. Никогда. Ни при каких обстоятельствах. Ни с кем. Ты меня понимаешь?

Конечно же, мальчик был еще слишком мал, чтобы понимать. Но это наставление повторялось изо дня в день, и в конце концов до него постепенно дошло, что имеет в виду бара-сахиб – большой господин (он никогда мысленно не называл отца иначе), ведь дядя Акбар тоже часто беседовал с ним на данную тему, рассказывая разные истории и приводя цитаты из священной книги в подтверждение мысли, что человек выше царей, и говорил, что, когда Аш вырастет и станет мужчиной, он убедится, что это правда. А потому он должен стараться быть справедливым во всех своих поступках, поскольку в нынешние дни в стране творится много чудовищной несправедливости людьми, облеченными и опьяненными властью.

– Почему местные жители мирятся с таким положением вещей? – однажды спросил Хилари Акбар-хана. – Их же миллионы против горстки представителей Компании. Почему они ничего не предпринимают, не поднимаются на защиту своих прав?

– Они поднимутся. В свое время, – невозмутимо ответил Акбар-хан.

– Так чем скорее, тем лучше, – резко заметил Хилари.

И добавил, что, сказать по чести, в стране все-таки есть хорошие сахибы: Лоуренс, Николсон, Бернс, люди вроде Мэнсела, Форбса, молодого Рэнделла в Лунджоре и сотни других – и что избавиться необходимо от тех, кто заправляет делами в Шимле и Калькутте, от этих напыщенных, алчных старых болванов, которые одной ногой стоят в могиле и давно отупели от жары, снобизма и преувеличенного сознания собственной значимости. Что же касается армии, то во всей Индии едва ли найдется хоть один британский старший офицер моложе семидесяти лет.

– Я не считаю себя человеком непатриотичным, – горячо продолжал Хилари, – но я не вижу ничего достойного восхищения в глупости, несправедливости и полной некомпетентности высокопоставленных должностных лиц, а в нынешней администрации три этих качества представлены в избытке.

– Здесь я не стану с вами спорить, – произнес Акбар-хан. – Но такое положение вещей переменится, и дети ваших детей забудут о преступлениях и будут помнить лишь о славных делах, тогда как наши потомки будут помнить лишь об угнетении и не признавать за вами никаких благих деяний. Однако вы сделали для страны много хорошего.

– Знаю, знаю. – Хилари иронично усмехнулся. – Возможно, я сам напыщенный и самодовольный старый болван. И возможно, будь старые болваны, на которых я жалуюсь, французами, датчанами или немцами, я бы возмущался не так сильно, ведь тогда я мог бы сказать: «А чего еще от них ожидать?» – и почувствовать свое превосходство. Но они мои соотечественники, и именно поэтому мне хочется, чтобы они были безупречными.

– Безупречен один только Бог, – сухо ответил Акбар-хан. – Мы, создания Божьи, порочны и несовершенны независимо от цвета нашей кожи. Но некоторые из нас борются за справедливость, и это внушает надежду.

Хилари больше не писал докладов о деятельности Ост-Индской компании, генерал-губернатора и совета, но обратился к занятиям, которым всегда уделял львиную долю своего внимания. Появлявшиеся в результате рукописи, в отличие от шифрованных докладов, отправлялись по обычным почтовым каналам, где вскрывались, тщательно изучались и укрепляли представителей власти во мнении, что профессор Пелам-Мартин – всего лишь эрудированный чудаков, не вызывающий никаких подозрений.

Экспедиция снова свернула палатки и, оставив позади пальмы и храмы юга, медленно двинулась на север. Аштон Хилари отметил свой четвертый день рождения в столице Моголов, городе-крепости Дели, где Хилари собирался закончить, выправить и отослать в Англию рукопись своей последней книги. По такому случаю дядя Акбар нарядил Аша в лучший мусульманский костюм и повел на богослужение в Джама-Масджид, великолепную мечеть, построенную императором Шах-Джаханом и обращенную фасадом к стенам Лал-Килы, могучего Красного форта на берегу реки Джамны.

Была пятница, народу в мечеть набилось видимо-невидимо, и многие люди, не сумевшие протолкнуться во внутренний двор, забрались на высокие ворота, а двое из-за давки сорвались вниз и разбились насмерть.

– Так было предопределено, – сказал дядя Акбар и продолжил молиться.

Аш стоял на коленях и клал земные поклоны по примеру остальных молящихся, а потом дядя Акбар научил его молитве Шах-Джахана «Хутпе», которая начиналась словами: «Господи! Покрой славой ислам и всех приверженцев ислама через непреходящее могущество и величие Твоего раба султана, сына султана, императора, сына императора, правителя двух континентов и повелителя двух морей, воина Бога, императора Абдула Музаффар Шахабуддина Мухаммада Шах-Джахана Гази...»

– Что такое море? – спросил Аш. – И почему морей только два? И кто предопределил, чтобы те два дядьки упали с ворот?

В качестве ответного хода Сита нарядила своего приемного сына по-индусски и отвела в городской храм, где за несколько монет жрец в желтом облачении нанес мальчику на лоб пятнышко красной краской, и Аш пронаблюдал за тем, как Даярам совершает пуджу перед древним бесформенным каменным столбом, символизирующим бога Шиву.

У Акбар-хана было много друзей в Дели, и в обычных обстоятельствах он пожелал бы задержаться там подольше. Но в этом году он ясно чувствовал странные и тревожные подспудные настроения в обществе, и речи друзей нарушали его душевный покой. По городу ходили темные слухи, на узких шумных улочках царил напряженный сдержанный злобный возбуждения. Все это вызывало у него острое предчувствие надвигающейся беды.

– Что-то неладное затевается. В воздухе пахнет бедой, – сказал Акбар-хан. – Это не сулит ничего хорошего вашим соотечественникам, друг мой, а я не хочу, чтобы с нашим

мальчиком приключилась какая-нибудь неприятность. Давайте уйдем отсюда куда-нибудь, где воздух чище. Города мне не по душе. Пороки и всякая мерзость плодятся в них, что мухи в навозной куче, а сейчас здесь зреет нечто худшее.

– Вы имеете в виду восстание? – спросил нисколько не обеспокоенный Хилари. – То же самое можно сказать о доброй половине Индии. И по-моему, чем скорее оно начнется, тем лучше: нам необходим взрыв общественного недовольства, чтобы очистить воздух и пробудить от летаргического сна самодовольных болванов в Калькутте и Шимле.

– Оно, конечно, верно. Но взрывом может и убить, а я не хочу, чтобы мой мальчик расплачивался за ошибки своих соотечественников.

– Вы хотите сказать, *мой* мальчик, – поправил Хилари с легким неудовольствием.

– Ладно, наш. Хотя меня он любит больше, чем вас.

– Только потому, что вы его балуете.

– Вовсе нет. Просто я люблю его, и он это знает. Он плоть от плоти вашей, но дитя моего сердца, и я не хочу, чтобы он пострадал, когда разразится гроза, а она непременно разразится. Вы предупредили своих английских друзей в военном городке?

Хилари сказал, что делал это неоднократно, но они отказываются верить предупреждениям, и вся беда в том, что не только высокопоставленные чиновники на местах, члены совета в Калькутте и государственные служащие в Шимле почти ничего не знают о настроениях народа, которым правят, но и многие армейские офицеры плохо о них осведомлены.

– В былое время дела обстояли иначе, – сказал Акбар-хан. – Но генералы теперь составились, разжирили и устали от службы, а офицеры переводятся с одного места на другое так часто, что не успевают узнать обычаи своих подчиненных или заметить, что сипаи начинают роптать. Мне не нравится история, случившаяся в Барракпоре. Правда, там взбунтовался всего один сипай, но, когда он застрелил своего офицера и угрожал убить самого генерала-сахиба, его товарищи молча наблюдали за происходящим и не пытались вмешаться. Однако, по моему мнению, было крайне неразумно расформировывать полк после казни преступника, ибо теперь к великому множеству недовольных прибавились еще три сотни человек, не имеющих хозяина. Из этого выйдет беда, и, думаю, очень скоро.

– Я тоже так считаю. И когда вспыхнут волнения, мои соотечественники будут потрясены и взбешены подобным вероломством и неблагодарностью. Вот увидите.

– Возможно... если мы доживем до этого, – сказал Акбар-хан. – Вот почему я и говорю: давайте отправимся в горы.

Хилари упаковал свои ящики, часть которых оставил на хранение в доме одного своего знакомого в военном городке за Грядой³. Перед отбытием из Дели он намеревался написать несколько писем, которые следовало написать еще много лет назад, но снова отложил это на потом, поскольку Акбар-хану не терпелось поскорее покинуть город, а у него будет полно времени для столь тягостного дела в горах, где царят мир и покой. Кроме того, он так долго никому не писал, что месяц-другой задержки не имеют никакого значения. Утешившись этой мыслью, профессор засунул пачку оставшихся без ответа писем, включая полдюжины адресованных покойной жене, в картонную коробку с надписью «Срочное» и обратился к занятиям поинтереснее.

Весной 1856 года из печати вышла книга «Неизвестные диалекты Индостана» (том 1, проф. Х. Ф. Пелам-Мартин, бакалавр гуманитарных наук, доктор естественных наук, член Королевского научного общества и прочая и прочая), посвященная «Светлой памяти моей жены Изабеллы». Второй том данного сочинения был издан только осенью следующего года и содержал более пространное посвящение: «Аштону Хилари Акбару, с надеждой пробудить в нем интерес к предмету, доставившему бесконечное наслаждение автору. Х. Ф. П.-М.».

³ Автор имеет в виду древнюю горную гряду Аравали. – *Примеч. ред.*

Но к тому времени и Хилари, и Акбар-хан уже полгода как лежали в могиле, и никто не потрудились поинтересоваться, кто же такой Аштон Хилари Акбар.

Экспедиция двинулась на север, в направлении Тераи и предгорий Дуна, и именно там в начале апреля, когда воздух начал нагреваться и ночная прохлада отступила, их постигло несчастье.

Несколько пилигримов из Хардвара, которых они гостеприимно приняли на ночлег, принесли с собой холеру. Один из них умер в темный предрассветный час, а остальные в страхе бежали, бросив тело товарища, найденное слугами поутру. К вечеру трое людей Хилари заболели, и холера столь быстро справилась со своим черным делом, что ни один из них не дожил до рассвета. В лагере началась паника, многие похватили свои пожитки и скрылись, не истребовав расчета. А на следующий день тяжело занемог Акбар-хан.

– Уходите отсюда, – прошептал он Хилари. – Берите мальчика и бегите прочь поскорее, иначе тоже умрете. Обо мне не печальтесь. Я увечный старик, вдовый и бездетный. С чего мне бояться смерти? Но у вас мальчик... сын, который нуждается в отце.

– Вы были для него лучшим отцом, чем я, – сказал Хилари, держа друга за руку.

Акбар-хан улыбнулся:

– Я знаю, ведь ему принадлежит мое сердце. И я научил бы его... я научил бы его... Но уже слишком поздно. Уходите скорее.

– Нам некуда идти, – ответил Хилари. – Разве можно убежать от черной холеры? Коли мы уйдем, она уйдет с нами, а я слышал, в Хардваре умирает свыше тысячи человек ежедневно. Здесь всяко безопаснее, чем в городе, и вы скоро поправитесь – у вас достаточно сил, чтобы выздороветь.

Но Акбар-хан умер.

Хилари скорбел о смерти друга сильнее, чем некогда скорбел о кончине жены. После похорон Акбар-хана он уединился в своей палатке, написал два письма в Англию – одно брату, другое своему адвокату – и, вложив в них кое-какие находившиеся при нем документы и дагеротипы, аккуратно завернул оба в промасленный шелк. Запечатав пакет воском, профессор вновь взялся за перо и начал третье письмо – запоздалое письмо брату Изабеллы, Уильяму Аштону, которое собирался написать много лет назад, но почему-то так и не написал. Однако он спохватился слишком поздно. Холера, убившая Акбар-хана, протянула свою костлявую руку и дотронулась до плеча Хилари – и перо дрогнуло и упало на пол.

Часом позже, немного оправившись после мучительного приступа судорог, Хилари сложил незаконченное письмо, с трудом нацарапал на нем адрес и слабым голосом позвал своего носильщика Карима Букса. Но Карим Букс тоже умирал, и в конце концов именно Сита, жена Даярама, боязливо просеменила в сумерках через пораженный холерой лагерь с фонарем «молния» и едой для бара-сахиба. Повар и его помощники убежали много часов назад.

Она привела с собой Аша, но, увидев, в каком состоянии находится его отец, сразу же вытолкнула мальчика из зловонной палатки и запретила входить.

– Это правильно, – прохрипел Хилари, одобряя действия Ситы. – Ты разумная женщина, я всегда так считал. Позаботься о нем, Сита. Доставь Аша к сородичам. Не дай ему... – Не в силах закончить фразу, он нашарил слабеющей рукой незаконченное письмо и запечатанный пакет и подтолкнул к ней. – Деньги в той жестянке... возьми их... Вот так. Здесь вам должно хватить, чтобы добраться...

Очередная конвульсия сотрясла тело профессора, и Сита, спрятав деньги и письма в складках своего сари, попятилась прочь, а потом быстро отвела Аша за руку в его собственную палатку и уложила спать – на сей раз, к великому негодованию мальчика, без обычных песен и сказок на сон грядущий.

Хилари умер той же ночью, и к середине следующего дня холера унесла жизни еще четырех человек, в том числе и Даярама. Оставшиеся в живых разграбили опустевшие палатки и, забрав с собой лошадей и верблюдов, пустились в бегство на юг по равнине Тераи, бросив в лагере овдовевшую Ситу из страха, что она могла заразиться от мертвого мужа, а вместе с ней четырехлетнего сироту Аш-бабу.

Долгие годы спустя, когда многое другое стерлось у него из памяти, Аш по-прежнему хорошо помнил ту ночь. Жару и лунный свет, мерзкое рычание шакалов и гиен, дерущихся за добычу на расстоянии броска камня от маленькой палатки, где Сита сидела подле него на корточках, напряженно прислушиваясь, дрожа всем телом и глядя его по плечу в тщетной попытке успокоить и усыпить. Хлопанье крыльев и карканье пресыщенных стервятников на ветвях саловых деревьев, тошнотворный смрад разложения и ужасное, щемящее душу чувство безысходного отчаяния в ситуации, которую он не мог понять и которую никто не объяснил ему.

Аш не был испуган, поскольку еще ни разу прежде не имел причин бояться чего-либо, а дядя Акбар учил, что мужчина никогда не должен выказывать страха. Вдобавок по характеру он был необычайно смелым ребенком и за время походной жизни в джунглях, пустынях и неисследованных горах привык к повадкам диких зверей. Но он не понимал, почему Сита дрожит и плачет и почему она не позволила ему подойти к бара-сахибу, а равно не мог взять в толк, что случилось с дядей Акбаром и остальными. Он знал, что они умерли, ибо видел смерть и раньше. Видел тигров, застреленных у него на глазах с мачана, где ему разрешалось сидеть с дядей Акбаром; видел убитых тиграми животных – коз или молодых буйволов, задранных и частично съеденных хищником накануне; видел зайцев, уток и куропадок, подстреленных на обед. Все эти животные были мертвыми. Но дядя Акбар не мог умереть так же окончательно и бесповоротно, как они. Наверняка есть что-то неистребимое – что-то, что остается от людей, которые путешествовали и разговаривали с ним и рассказывали ему разные истории, от людей, которых он любил и на которых полагался. Но куда девается это что-то? Аш тщетно ломал голову и не находил ответа.

Сита натаскала терновых веток от ограды, некогда защищавшей лагерь, и сложила из них подобие высокой стенки вокруг палатки. Она поступила разумно: ближе к полуночи пара леопардов прогнала прочь шакалов и гиен, заявив о своих правах на лакомство, а незадолго до рассвета в джунглях за саловыми деревьями раздалось рычание тигра, и поутру они обнаружили отпечатки его лап в ярде от хлипкой изгороди из терновых веток.

Тем утром им пришлось обойтись без молока, да и еды было совсем мало. Сита дала Ашу остатки чапати – индийской пресной лепешки, а потом увязала в тюк скудные пожитки, взяла мальчика за руку, и они покинули страшный разоренный лагерь, лежащий в мерзости запустения.

2

Сите не могло быть больше двадцати пяти лет, но выглядела она вдвое старше своего возраста. Изнурительный труд, ежегодные беременности и роды, глубокое горе и разочарование от потери всех пятерых детей преждевременно состарили ее. Она не умела ни читать, ни писать и не отличалась умом, но обладала мужеством и преданным, любящим сердцем, и ей ни разу не пришлось в голову присвоить деньги, полученные от Хилари, или ослушаться приказа хозяина. Сита любила сына Хилари с самого его рождения, и вот теперь Хилари передал мальчика под ее опеку и велел доставить к сородичам. Кроме нее, некому позаботиться об Аш-бабе. Она за него отвечает и не подведет его.

Сита не имела понятия, кто сородичи мальчика или как их найти, но не особо беспокоилась по данному поводу, ибо помнила несколько домов в военном городке Дели, где отец Аш-бабы оставил значительную часть своего багажа, а также имя полковника-сахиба, проживавшего там. Она отведет ребенка в Дели, к Абутноту-сахибу и его мэм-сахиб, которые все устроят, а поскольку им, безусловно, понадобится аяя для малыша, Сите не придется расставаться с ним. Дели находился далеко на юге, но она ни на мгновение не усомнилась, что они благополучно доберутся до него, хотя из опасения привлечь к себе внимание по дороге – ведь ей никогда прежде не доводилось держать в руках столько денег, сколько было в жестянке у профессора, – она нарядила Аша в самую старую одежку и строго-настрого запретила разговаривать с посторонними.

Они достигли окрестностей города Моголов только в мае: Аш был слишком тяжелым, чтобы Сита могла подолгу нести его на руках, а своим ходом он преодолевал не более нескольких миль в день, даром что был крепким мальчуганом. Да и погода, довольно прохладная для весны, становилась все жарче, и долгие знойные дни не располагали к спешке. Аш воспринял путешествие как нечто само собой разумеющееся – он путешествовал с самого рождения и привык к постоянной перемене мест. Единственным, что до сих пор никогда не менялось в жизни мальчика, было присутствие рядом одних и тех же людей: Ситы, дяди Акбара, бара-сахиба, Даярама, Картара Сингха, Сваба Гула, Тары Чанд, Дунно и двух десятков других. И хотя теперь все они исчезли, кроме Ситы, но она-то по-прежнему оставалась с ним – вместе со всей Индией и знакомыми индийскими пейзажами.

Они двигались медленно, покупая пищу в деревнях по пути и ночуя главным образом под открытым небом, чтобы избежать расспросов. Оба страшно устали к тому времени, когда увидели на горизонте крепостные стены, купола и минареты Дели, казавшиеся прозрачными в золотых лучах вечернего солнца, насыщенных тонкой пылью. Сита надеялась достичь города затемно и переночевать у дальнего родственника мужа, державшего зерновую лавку в переулке в Чанди-Чоук, где она могла бы постирать и погладить английскую одежду, которую прятала в своем узле, и одеть Аш-бабу надлежащим образом, прежде чем отправиться с ним в военный городок. Но в тот день они уже прошагали почти шесть миль, и хотя до городских стен оставалось всего ничего, к заходу солнца они все еще находились в четверти мили от понтонного моста через Джамну.

Еще полмили предстояло пройти по городу до лавки родственника, а сумерки быстро сгущались, обращаясь в непроглядную тьму. Но у них было достаточно еды и питья для ужина, и, поскольку малыш очень устал и клевал носом на ходу, Сита свернула с дороги к дереву пипал, раскинувшему ветви над полуразрушенной каменной оградой. Там она накормила Аша, уложила на расстеленное между древесными корнями одеяло и убаюкала старинной пенджабской детской песенкой «Арре ко-ко, Джарре ко-ко» и самой любимой колыбельной:

Нини баба, нини,
Мукан, роти, чини,
Роти мукан хогья,
Хамара баба согья.

Спи, малыш, спи,
Масло, хлеб, сахар,
Хлеб и масло доедены,
Мой малыш спит.

Ночь была теплой, безветренной и звездной, и Сита, которая лежала на земле, обняв одной рукой детское тельце, видела за равниной мерцающие огни Дели – золотые блестки на черном бархате тьмы. Среди руин другого, более древнего Дели были шакалы; в ветвях над головой носились летучие мыши и кричали пронзительными голосами ночные птицы; один раз гиена зловеще расхохоталась в зарослях красного пеннисетума в нескольких ярдах от них, и мангуст сердито засвиристел в густой тени. Но это все были знакомые звуки – такие же знакомые, как далекий барабанный бой в городе и резкий стрекот цикад, – и вскоре Сита накрыла лицо краем своей шали и погрузилась в сон.

Она проснулась перед самым рассветом, внезапно разбуженная не столь привычными звуками: дробным топотом копыт, треском ружейных выстрелов и громкими мужскими криками. По дороге скакали всадники, приближаясь со стороны Мирута. Они неслись во весь опор, точно одержимые или преследуемые погоней, и шлейф пыли, похожий на струю белого дыма, стелился за ними по окрашенной в цвета зари равнине. С оглушительным топотом они промчались мимо на расстоянии броска камня от дерева пипал, бешено паля в воздух из ружей и крича во всю глотку, как обычно кричат мужчины на полном скаку. Сита увидела широко раскрытые глаза и иступленные лица всадников, белые хлопья пены, срывающиеся с боков и напряженно вытянутых шей взмыленных лошадей. Это были совары, одетые в форму одного из кавалерийских полков Бенгальской армии. Совары из Мирута. Но форменная одежда на них была изорвана, запылена и покрыта темными пятнами крови.

Шальная пуля просвистела в ветвях пипала, и Сита испуганно пригнулась и обхватила обеими руками Аша, проснувшегося от шума. В следующий миг всадники пронеслись мимо и скрылись за вихрящимся облаком взметенной белой пыли, глотнув которую Сита задохнулась, закашлялась и прикрыла лицо свободным концом сари. К тому времени, когда пыль у нее перед глазами рассеялась, всадники уже достигли реки, и Сита слышала приглушенный расстоянием, но звучащий отчетливо в предрассветной тишине гулкий стук копыт по понтонному мосту.

Вид охваченных отчаянием мужчин, в страхе бегущих от преследователей, произвел на Ситу столь сильное впечатление, что она схватила ребенка на руки, бросилась в заросли пеннисетума и спряталась там, с минуты на минуту ожидая услышать шум приближающейся погони.

Она оставалась в зарослях почти целый час, успокаивая ничего не понимающего мальчика и шепотом уговаривая его сидеть тихо и не шуметь. Конские копыта по Мирутской дороге так больше и не простучали, но в утренней тишине ясно слышались отдаленные крики мужчин и треск выстрелов под стенами Дели. Вскоре и они прекратились или растворились в будничном шуме пробуждающегося города и обычных звуках индийского утра: скрипе колодезного ворота, криках куропаток на равнине и журавлей у реки, пронзительном вопле павлина среди хлебов, пiske большеухих хомяков, щебете сат-бхай и птиц-ткачей. Стая мартышек устроилась на ветвях пипала; легкий ветер с реки шевелил высокие стебли пеннисетума, и монотонный сухой шорох заглушал все прочие звуки.

– Мы стережем тигра? – шепотом спросил Аш, не раз сидевший в засаде с дядей Акбаром и сведущий в охоте на тигров.

– Нет... Но нам нельзя разговаривать. Надо сидеть тихо, – настойчиво прошептала Сита.

Она сама не понимала, почему впала в такую панику при виде воющих всадников и чего именно боится. Но сердце у нее по-прежнему выпрыгивало из груди, и она знала, что даже холера или ужасная последняя ночь в лагере не вызывали у нее такого страха, как проскакавшие по дороге мужчины. Холера, в конце концов, не представляла для нее никакой загадки, равно как болезни, смерть и повадки диких зверей. Но это было что-то другое. Что-то необъяснимое и наводящее ужас...

По дороге медленно протряслась телега, влекомая парой сонных быков, и знакомое погромыхивание колес по ухабам действовало на Ситу умиротворяюще. Солнце поцеловало краешек небес над далеким горизонтом, и внезапно наступил день – и Сита задышала ровнее и спокойнее. Осторожно поднявшись на ноги, она всмотрелась между сухими стеблями травы и увидела, что залитая солнечным светом дорога пустынна. На ней не наблюдалось никакого движения – и это само по себе казалось странным для обычно оживленной Мирутской дороги, по которой текли основные транспортные и людские потоки из Рохилкханда и Ауда в Дели. Но Сита этого не знала, а тишина придала ей смелости, хотя она не горела желанием слишком скоро последовать за всадниками с безумными глазами и сочла разумным малость подождать. У них еще оставалось немного еды, но молоко они допили накануне вечером, и оба начинали томиться жаждой.

– Жди меня здесь, – сказала она мальчику. – Я схожу к реке за водой и скоро вернусь. Шагу не ступай отсюда, золотко мое. Сиди тихо, и с тобой ничего не случится.

Аш послушался. Паника Ситы частично передалась ему, и впервые в жизни он испытывал страх, хотя тоже не сумел бы объяснить, чего именно боится.

Ждать пришлось долго, потому что Сита пошла не кратчайшим путем, по дороге, а окольным и достигла берега реки несколько выше по течению от понтонного моста. Отсюда она видела песчаные отмели и извилистые протоки Джамны, текущей к Калькуттским воротам, и длинную крепостную стену, тянущуюся мимо Арсенала к Водному бастиону, а также слышала, теперь более отчетливо, шум города, напоминающий жужжание рассерженных пчел в перевернутом улье, только тысячекратно усиленное.

К этому ровному мощному гулу примешивались резкие звуки выстрелов, то одиночных, то рассыпающихся частым стаккато; в небе над крышами носилась тьма-тьмущая птиц – ястребы, каркающие вороны, испуганные голуби кружили в высоте, временами устремляясь вниз и вновь взмывая вверх, словно встревоженные чем-то происходящим на городских улицах. Да, нынче утром в Дели явно творится что-то неладное, и соваться туда с ребенком не стоит, пока не выяснится, в чем там дело. Жаль, съестное у них на исходе, но Ашу хватит. И по крайней мере, у них будет вода.

Сита наполнила медный лота на отмели и крадучись двинулась обратно к безопасному убежищу в зарослях красного пеннисетума, стараясь держаться подальше от дороги и по возможности укрываясь за редкими деревьями кикар, валунами и кустами пампасной травы. Они останутся здесь до вечера, решила Сита, а после наступления темноты перейдут мост и направятся напрямик к военному городку. Для Аш-бабы путь долгий, но поскольку он отдыхал весь день... Она вытоптала для него местечко поудобнее в глубине зарослей, и, хотя было невыносимо жарко, душно и пыльно, а Аш, уже забывший о своих страхах и изнывавший от скуки, беспокоился и капризничал, в конце концов палящий зной и вынужденное бездействие нагнали на малыша сон, и вскоре после полудня он заснул.

Сита тоже погрузилась в чуткую, прерывистую дрему, убаюканная мерным скрипом влекомых волами телег, ползущих по пыльной дороге, и редким тархтением проезжающих

мимо икк. Эти звуки означали, что движение по Мирутской дороге возобновилось, а следовательно, опасность (коли таковая была) миновала и всадники, которых она видела, были просто-напросто гонцами, спешившими к Бахадур-шаху, Великому Моголу, с известием о некоем важном событии, что привело город в возбуждение и ликование. Возможно, это было известие о победе, одержанной Бенгальской армией Компании на каком-нибудь далеком поле брани, или о рождении наследника у какого-нибудь монарха – например, у падишаха Виктории в Билайте (Англии).

Такого рода успокоительные мысли притупили остроту страха, и городской шум больше не доносился до Ситы: хотя слабый ветерок, тянувший от влажных песчаных берегов и извилистых протоков Джамны, даже не взметал пыль, толстым слоем устлавшую дорогу, у него все же хватало силы шевелить верхушки стеблей красного пеннисетума, и тихий сухой шелест заглушал все прочие звуки. «Мы уйдем отсюда, когда малыш проснется», – подумала Сита. Но едва она успела это подумать, как иллюзия покоя разом разрушилась. Мощная дрожь прокатилась по равнине незримой волной, сотрясши высокую траву и поколебав самую землю под женщиной, а в следующий миг оглушительный грохот расколол шуршащую тишину знойного дня, как молния расщепляет сосну.

Аш вздрогнул и проснулся, а Сита вскочила на ноги, ставшие словно ватными от испуга, и сквозь дрожащие стебли травы увидела громадный столб дыма, вырастающий над далекими стенами Дели: чудовищный клубящийся столб с грибовидным облаком наверху, внушающий ужас в ослепительном свете солнца. Они понятия не имели, что это значит, и так никогда и не узнали, что видели взрыв делийского склада боеприпасов, уничтоженного горсткой защитников, дабы он не попал в руки мятежной толпы.

Спустя несколько часов над городом все еще висело облако дыма, окрашенное в розовато-золотистые тона заката, а ко времени, когда Сита с малышом отважились наконец выйти из укрытия, первый отблеск луны, стоявшей низко над горизонтом, уже посеребрил его расплывчатые края.

Сейчас, когда они находились так близко к цели, о том, чтобы повернуть назад, не могло идти и речи, хотя, имея у них возможность добраться до военного городка другим путем, Сита непременно воспользовалась бы таковой. Но она не рискнула переходить Джамну вброд, а других мостов на расстоянии многих миль не было. Им ничего не оставалось, кроме как пройти по понтонному мосту, что они и сделали: торопливо прошагали через него при тусклом свете звезд, пристроившись в хвосте свадебной процессии. Сразу за мостом вооруженные мужчины окликнули и остановили всю группу. Одинокая женщина с ребенком не вызвала никаких подозрений, и часовые их пропустили, а остальных принялись расспрашивать, и именно из услышанных вопросов и ответов Сита почерпнула первые сведения о сегодняшних событиях.

Хилари был прав. И Акбар-хан тоже. Слишком много жалоб оставалось без внимания, слишком много несправедливости творилось и не исправлялось, и люди не могли мириться с таким положением вещей вечно. Последней каплей, переполнившей чашу терпения, стала мелочь – вопрос о покрытых смазкой патронах, выданных пехотинцам Бенгальской армии для новых винтовок. В этой смазке заподозрили смесь говяжьего жира и свиного сала – наличие первого наносило удар по кастовой системе индусов, а второе оскверняло мусульман. Но это был только повод.

С того самого дня, когда полвека назад, после попытки Компании заставить солдат в Веллуру носить кожаную обувь и головные уборы нового образца, вспыхнул мятеж и произошло кровопролитие, сипаи подозревали о существовании заговора, направленного на уничтожение кастовой системы – самого чтимого общественного института индусов. Мятеж в Веллуру был подавлен быстро и жестоко, как и все прочие восстания, имевшие место в

последующие годы. Но руководство Компании не сумело прочитать письма на стене, и протест против смазанных патронов привел его в негодование.

В Барракупоре один возмущенный сипай, некий Мангал Панди из 34-го полка туземной пехоты, открыто призвал своих товарищей к восстанию, а потом выстрелил и ранил британского адъютанта. Впоследствии мятежника повесили, а всех сипаев, которые молча наблюдали за происходящим и не предприняли попытки вмешаться, разоружили. Сам полк расформировали, но, поскольку ропот продолжался, генерал-губернатор наконец издал приказ об изъятии новых патронов. Однако к тому времени было уже слишком поздно. Сипаи увидели в приказе лишь доказательство справедливости своих подозрений, и в результате он послужил не к ослаблению напряженности, а к усилению оной до критической точки. Со всех концов Индии приходили сообщения о массовых поджогах, но, несмотря на взрывоопасность ситуации и тот факт, что осведомленные люди прекрасно сознавали надвигающуюся беду, командир 3-го кавалерийского полка, размещавшегося в Мируте, решил преподать своим подчиненным урок, приказав всем пользоваться означенными патронами. Восемьдесят пять соваров, которые твердо, хотя и вежливо отказались выполнить приказ, были арестованы, преданы военному суду и приговорены к пожизненной каторге.

Генерал Хьюитт, страдающий ожирением апатичный старик без малого семидесяти лет, неохотно приказал выстроить весь мирутский полк на плацу, где после оглашения приговоров восемьдесят пять солдат были публично раздеты и закованы в ножные кандалы перед отправкой на пожизненную каторгу. Но это излишне затянувшееся бесславное мероприятие оказалось еще более серьезной ошибкой, чем суровость приговоров. Вид закованных в кандалы соваров возбудил сочувствие у наблюдателей, и всю следующую ночь люди в казармах и на базарах Мирута кипели стыдом и гневом и замыслили месть. Утром гроза, уже давно собиравшаяся, наконец разразилась: толпа разъяренных сипаев совершила нападение на тюрьму, освободила заключенных и двинулась на англичан, а после целого дня беспорядков, погромов и кровопролитных стычек совары 3-го кавалерийского полка подожгли разграбленные бунгало и поспешили в Дели, чтобы поднять знамя восстания и поступить в распоряжение Бахадур-шаха, последнего из династии Великих Моголов. Именно этих людей видела на заре Сита и с ужасом почувствовала в них предвестников беды.

Похоже, Могол поначалу не поверил повстанцам, ибо в Мируте стояло много британских полков и он с часу на час ожидал увидеть погоню, скачущую по следу мятежников. Но поскольку никто так и не появился, он в конце концов убедился, что солдаты 3-го кавалерийского полка говорили правду, когда утверждали, что все сахиб-логи в Мируте убиты и поступил приказ к началу такого же избиения европейцев в Дели. Горстка сахибов заперлась в здании склада боеприпасов, а когда стало ясно, что дальнейшее сопротивление бесполезно, они взорвали его и себя вместе с ним. Другие британские офицеры были убиты своими солдатами или толпами городских жителей, которые поднялись для поддержки героев Мирута и все еще охотились на случайных европейцев в лабиринтах городских улиц...

Прислушиваясь к рассказу о сегодняшних событиях, Сита поспешно оттащила ребенка в густую тень, подальше от света факелов, испугавшись, как бы часовые не признали в нем ангрези и не зарубили мечами прямо на месте. Рев толпы, хлопки выстрелов, треск горящих зданий лучше любых слов свидетельствовали об опасностях, подстерегавших в городе, и потому, повернув от Калькуттских ворот в сторону Водного бастиона, Сита торопливо зашагала в темноте по узкой пустоши, которая тянулась между рекой и стенами Дели.

Земля здесь была неровной, усыпанной камнями и разным мусором, и маленькие ножки Аша, семенившего рядом, быстро устали. Но теперь луна стояла высоко, и отсветы пожаров в небе рассеивали ночной мрак подобно яркому зареву заката. Они не прошли и половины мили, когда наткнулись на бесхозного осла, бесцельно бродившего среди валунов и мусорных куч, и присвоили его себе. Вероятно, он принадлежал какому-нибудь дхоби

или косильщику, который ненадежно привязал животное или временно забыл о нем, когда поспешил в город, чтобы принять участие в разграблении лавок и домов европейцев. Но Сита посчитала осла за дар богов и приняла его как таковой. Маленькое животное терпеливо стояло на месте, пока она усаживала на него Аша и сама устраивалась позади. По всей видимости, осел привык таскать ношу значительно тяжелее, и, едва Сита тронула пятками его бока, он резво потрусил вперед по какой-то невидимой тропинке, петляющей между камнями, кустами и мусорными кучами на гласисе за крепостным рвом.

Ослиные копыта ступали по песчаному грунту почти бесшумно, и бордовое сари Ситы терялось в густой тени, но сегодня ночью любой звук, любое движение казались подозрительными часовым на городской стене: дважды резкие голоса окликали их, и пули отскакивали рикошетом от камней или свистели над головой и с плеском уходили в воду. Достигнув Водного бастиона и контрэскарпа, они пересекли небольшой участок открытой местности, отделявший Кашмирские ворота от дружественной темноты садов Кудсия.

Прогремели последние несколько выстрелов, но все пули пролетели мимо, и через десять минут Сита с Ашем очутились среди деревьев и двинулись прочь от Дели, чьи крепостные стены и башни, крыши домов, купола и стройные минареты вырисовывались четкими черными силуэтами на фоне освещенного заревом пожаров неба. Справа от путников текла река, а впереди слева темнела длинная Гряда – естественный барьер, тянувшийся между городом и военным городком.

В военном городке всегда горели огни – в бунгало, казармах, столовых, палатках маркитантов. Отсвет огней в ночном небе представлял собой привычное зрелище, но сегодня он казался гораздо ярче и неверно пульсировал, словно там тоже бушевали пожары. Наверное, подумала Сита, сахиб-логи зажгли факелы вокруг своего городка, дабы предотвратить неожиданное нападение под покровом тьмы. Эту меру она сочла разумной, хотя теперь путь к цели стал более опасным для них самих, ибо на дороге, ведущей от города через Гряду к военному городку, мелькали фигуры вооруженных людей, пеших и верховых, в которых она предположила мятежников или мародеров. Чем скорее она с малышом доберется до бунгало Абутнота-сахиба, тем лучше, но, возможно, стоит немного подождать здесь, укрывшись среди деревьев и густых зарослей, покуда оживленное движение на дороге не прекратится.

Осел вдруг резко остановился, едва не сбросив Ситу. Он стоял неподвижно, шумно втягивая воздух ноздрями в явной тревоге, а когда она ударила его пятками по бокам, попятился, отказываясь идти вперед, и ей пришлось спешиться.

– Смотри! – воскликнул Аш, который видел в темноте не хуже осла. – Там в кустах кто-то есть!

Голос мальчика звучал скорее заинтересованно, нежели тревожно, и если до сих пор он хранил молчание, то потому лишь, что никогда не любил много разговаривать – разве только изредка, с дядей Акбаром. Выстрелы и крики привели Аша в возбужденное состояние, но не испугали, поскольку дядя Акбар брал его с собой на охоту еще в ту пору, когда он не умел ходить, и единственным поводом для тревоги в данной ситуации являлся страх Ситы и тот факт, что она не хотела или не могла объяснить, почему их обстоятельства вдруг переменялись и почему все, кого он знал в течение своей короткой жизни, – все, кроме нее, – внезапно его покинули. Но, как большинство детей во всем мире, Аш мирился со странным поведением взрослых и считал его частью существующего порядка вещей. Теперь он понял, что Сита снова испугалась – на сей раз человека в кустах. Ослик тоже испугался, и Аш ласково похлопал маленькое животное по дрожащей спине и утешительно сказал:

– Не бойся, это просто мэм-сахиб, она там спит.

Женщина в кустах лежала в странной позе: словно она ползла через густые заросли на четвереньках, а потом вдруг заснула, сморенная усталостью. В мерцающем красном свете пожаров, проникающем сквозь листву, было видно, что это чрезвычайно тучная леди в кри-

нолине и нескольких нижних юбках под широким платьем из бомбазина в серую и белую полосу, в котором она казалась еще толще. Она была мертва. «Должно быть, – подумала Сита, пытаясь от огромного безмолвного тела, – эта мэм-сахиб попыталась спастись от резни в городе и умерла от ужаса или остановки сердца, ведь на теле у нее нет никаких ран. Наверное, она тоже хотела добраться до военного городка, и, может статься, здесь в густых тенях спрячутся и другие беглые англичане... либо мятежники, их преследующие».

Последняя мысль вызвала тревогу, но после минутного раздумья Сита сообразила, что любые звуки погони были бы ясно слышны в зарослях заброшенного сада и что никто не пустится на поиски в темноте без факелов. Ночную тишину нарушал лишь шум движения на дороге. Они с ребенком могут спокойно переждать здесь.

Привязав осла, чтобы он никуда не ушел, Сита устроила среди высокой травы уютное гнездышко для Аша, накормила малыша последними прибереженными кусками чапати и принялась убаюкивать его, шепотом рассказывая про долину среди гор, где однажды они будут жить в домике с плоской кровлей посреди фруктового сада и держать козу, корову, щенка и котенка...

– И ослика, – сонно пробормотал Аш. – Мы должны взять с собой ослика.

– Конечно, мы возьмем с собой ослика, он будет помогать нам таскать кувшины с водой от реки и хворост для очага, потому что по ночам в высокогорных долинах прохладно – такая приятная прохлада, и ветер, пролетающий над лесами, приносит запах сосновых шишек и снега и шепчет: «Тш-ш... тш-ш...»

Аш счастливо вздохнул и заснул.

Сита терпеливо ждала несколько часов, пока зарево в небе не погасло и звезды не начали бледнеть, а потом, почуяв приближение рассвета, разбудила спящего ребенка, отвязала осла, и они осторожно вышли из садов Кудсия, чтобы завершить долгое путешествие в военный городок.

На дороге сейчас не было ни души, она простиралась перед ними – серая, пустынная, утопающая в пыли. И хотя от реки и влажных песчаных отмелей тянуло свежестью, в воздухе чувствовался слабый запах дыма и сладковатый смрад разложения. Все звуки в тишине казались громкими: хруст сухой ветки или стук камушка под копытом осла, частое неровное дыхание Ситы. Женщине чудилось, что они разносятся на целую милю окрест, и она принялась подгонять осла, ударяя голыми пятками по мохнатым бокам и упрашивая прерывистым шепотом:

– Скорее же... скорее...

В последний раз Сита с ребенком проезжала по этой дороге в повозке, и путь от Кашмирских ворот до военного городка тогда показался очень коротким. Но теперь он представлялся бесконечным, и задолго до того, как они достигли гребня Гряды, небо побледнело в преддверии рассвета и черные бесформенные пятна по обочинам дороги обрели четкость очертаний, превратившись в камни и чахлые колючие деревца. Когда дорога пошла под уклон, стало легче. Теперь они двигались быстрее, и тишина успокоила Ситу. Если обитатели военного городка могут так мирно спать, значит здесь все в порядке и беда миновала – или вообще прошла стороной.

В столь ранний час огни нигде не горели, и над дорогами, бунгало, садами висела глубокая предрассветная тишина. Но внезапно запах гари стал острее, причем не знакомый запах горящего угля или навоза, а более едкий запах тлеющих балок и тростниковых крыш, выжженной земли и опаленного кирпича.

Было еще слишком темно, чтобы рассмотреть что-нибудь, помимо смутных очертаний деревьев и бунгало, и, хотя на мощеной дороге дробный цокот ослиных копыт стал громче, никто не окликнул путников: казалось, часовые тоже спали.

Бунгало Абутнотов стояло на ближней окраине военного городка, на тихой тенистой улочке, и Сита без особого труда отыскала его. Спешившись у ворот, она сняла малыша с осла и принялась развязывать узел с вещами.

– Что ты делаешь? – с интересом спросил Аш.

Он надеялся, что она достанет что-нибудь съестное для него, ибо сильно проголодался. Но Сита вытащила из узла матросский костюмчик, который намеревалась надеть на мальчика в доме родственника мужа, торговца зерном. Сыну бара-сахиба не подобало представлять перед сородичами отца в грязной, запыленной одежде бродяжки, и она позаботится о том, чтобы нарядить ребенка должным образом. Костюмчик мятый, но чистый, и обувь начищена до блеска – конечно же, мэм-сахиб поймет их обстоятельства и простит, что одежда не поглажена.

Аш покорно вздохнул и безропотно позволил натянуть на себя ненавистный матросский костюмчик. Похоже, он сильно вырос с тех пор, как надевал его в последний раз: костюмчик оказался тесноват, а когда дело дошло до европейских туфель с ремешками, обнаружилось, что ноги в них не лезут.

– Ты плохо стараешься, милый, – бранчливо сказала Сита, чуть не плача от усталости и досады. – Пихай ножку сильнее... еще сильнее.

Но все было без толку, и в конце концов Сита позволила мальчику смять пятки туфель, чтобы ходить в них, как в шлепанцах. Белая матросская шапочка с широкой синей лентой не стала выглядеть лучше от долгого нахождения в узле, но Сита старательно разгладила ее руками и аккуратно поправила эластичный ремешок у Аша под подбородком.

– Теперь ты настоящий сахиб, сердце моего сердца, – прошептала Сита, целуя своего подопечного.

Вытерев слезу уголком сари, она увязала в тюк старую одежку, а потом поднялась на ноги и повела Аша по подъездной аллее к дому.

Сад уже окрасился в серебристо-серые тона занимающегося рассвета, и бунгало Абутнотов четко вырисовывалось впереди. Там царила тишина, такая глубокая тишина, что, подойдя ближе, они слышали частый топот мягких лап по циновкам, когда неясная фигура какого-то животного появилась из черного дверного проема, а в следующий миг метнулась через веранду и прыжками понеслась по лужайке. Это была не собака сахиба и не одна из бездомных собак, наводняющих базары военного городка, а гиена – горбатый загривок и нелепо короткие задние ноги, ясно различимые в бледном свете наступающего утра, не оставляли в том никаких сомнений.

Снова охваченная паникой, Сита замерла на месте с бешено колотящимся сердцем. Она слышала удаляющийся шорох листвы в кустах, где скрылась гиена, и размеренную жвачку осла у ворот. Но из дома по-прежнему не доносилось ни звука, как и из расположенных за ним хижин для слуг, где кому-нибудь, безусловно, уже пора проснуться и затеять возню по хозяйству. И где чокидар, который должен охранять бунгало? Сита заметила маленький белый предмет, лежащий на гравийной дорожке почти у самых ее ног, медленно наклонилась и подняла его. Это оказалась атласная туфля с высоким каблуком, какие мэм-сахиб носят по вечерам на балах или больших приемах, – определенно не того рода предмет, какой ожидаешь найти брошенным на подъездной аллее в столь ранний час, да и в любой другой.

Сита окинула испуганным взглядом лужайку, клумбы и только сейчас увидела, что повсюду вокруг разбросаны и другие предметы: книги, осколки фарфоровой посуды, клочья изорванной одежды, чулок... Бросив атласную туфлю на землю, она бегом пустилась обратно к воротам, таща за собой Аша, и там толкнула его в густую тень перечного дерева.

– Стой здесь, милый! – приказала Сита таким тоном, какого Аш никогда прежде слышал. – Отступи поглубже в тень и стой тихо-тихо. Я сперва посмотрю, кто там в бунгало, а потом вернусь за тобой. Коли ты меня любишь, не издавай ни звука.

– Ты принесешь мне что-нибудь поесть? – беспокоенно спросил Аш и добавил со вздохом: – Я так проголодался!

– Да-да. Я найду что-нибудь, обещаю. Только стой тихохонько.

Сита прошла через сад и, собрав все свое мужество, осторожно поднялась по ступенькам веранды и вошла в молчаливый дом. Там не было ни души. В темных пустых комнатах валялись обломки мебели и разный мусор, оставленные здесь людьми, которые разграбили все ценные вещи и бесцельно уничтожили остальное. В хижинах для слуг тоже никого не оказалось, и бунгало явно пытались поджечь, но огонь не занялся. В кладовой с выбитой дверью еще оставалось изрядное количество съестных припасов, которые никто не потрудился похитить, – вероятно, кастовая принадлежность не позволила грабителям прикасаться к подобной пище.

Возможно, в других обстоятельствах Сита тоже испытала бы такие же сомнения. Но сейчас она увязала в разорванную пополам скатерть столько всего, сколько могла унести: хлеб, холодное карри, миску чечевицы, остатки рисового пудинга, несколько вареных картофелин, свежие фрукты, пирог с вареньем, половину кекса с изюмом и сухое печенье. Она также нашла в кладовой молоко, но уже скисшее, и жестяные банки с разными консервированными продуктами, слишком тяжелые, чтобы брать их с собой. Среди разбитых винных бутылок она отыскала одну целую, хотя и пустую, и набрала в нее холодной воды из глиняного чатти у кухонной двери, после чего поспешно вернулась к Ашу.

Небо с каждой минутой становилось все светлее, и скоро вчерашние мародеры, будмарши с базаров, проснутся после своих ночных бесчинств и вернуться в военный городок проверить, не проглядели ли они чего-нибудь ценного. Задерживаться здесь даже минутой дольше было небезопасно, но сначала нужно было снять с малыша предательский матросский костюмчик, что Сита и сделала дрожащими от волнения и спешки руками.

Аш не понял, зачем она потрудилась нарядить его в дурацкую одежду, если почти сразу снова передела во все старое, но обрадовался перемене платья и облегченно вздохнул, поняв, что никогда больше не будет носить матросский костюмчик, ведь Сита оставила его под перечным деревом. Пока он уплетал рисовый пудинг, Сита набрала в медный лота воды из маленького колодца среди вытоптанных олеандровых кустов и напоила осла из кожаного ведра. Затем они снова сели верхом и в жемчужно-сером свете зари нового дня двинулись по направлению к Великому колесному пути, который тянулся на север, к Карналу и Пенджабу.

Осел предпочел бы идти по ровным дорогам военного городка, но сейчас, когда небо посветлело, Сита видела, что большинство бунгало уничтожены огнем и над тлеющими руинами среди обугленных деревьев все еще поднимаются призрачные столбы дыма. Это зрелище усугубило ее страхи, и, отказавшись от мысли пересечь военный городок, она повернула назад к Гряде и темной громаде Флагштоковой башни, где Делийская дорога уходила на север, к Великому колесному пути.

Глядя назад с горного гребня, с трудом верилось, что некогда оживленный городок, лежащий внизу, превратился в пустынные горестные руины. Деревья скрывали от взора страшные пожарища, а лениво всплывающие ввысь струи дыма, разгоняемого легким ветром и образующего тонкую туманную пелену над селением, могли бы подниматься от кухонных очагов, на которых готовится пища для пропавшего гарнизона. По другую сторону Гряды простиралась плоская равнина с вьющейся по ней серебряной лентой Джамны, окаймленной белыми песчаными берегами, и широкой полосой пахотных земель, а в полутора милях от нее смутно виднелись стены и купола Дели, словно плывущего по туманам, что поднимались от реки. Длинная белая дорога, прямая, как клинок меча, тянулась от Флагштоковой башни к Кашмирским воротам, но в этот ранний час на ней не наблюдалось никакого движения. Даже воздух был недвижим, и в мире царила такая тишина, что Сита слышала

петушиный крик, доносящийся из какой-то далекой-далекой деревни за Наджафгархским каналом.

Гряды тоже казались пустынной, хотя даже здесь землю усыпали безмолвные свидетельства вчерашней паники: детский башмачок, кукла, игрушки, книги; отделанный розовым кружевом и лентами капор, висящий на терновом кусте; тюки и коробки, потерянные владельцами в темноте или оставленные в горячке бегства; опрокинутая собачья тележка с поврежденным колесом и сломанными оглоблями. Ночная роса сверкала россыпями драгоценных камней на раскиданных повсюду предметах и покрывала траву пленкой серебра, но она уже начинала высыхать под первым жарким дыханием наступающего дня, и птицы уже принимались щебетать и чирикать в терновых кустах.

Во Флагштоковой башне не было ни души, но вокруг нее валялось еще больше разного мусора и брошенных вещей, а утоптанная земля свидетельствовала, что маленькая армия женщин и детей, офицеров, слуг и конных повозок стояла тут лагерем не один час и снялась с места совсем недавно – один из фонарей на оставленной здесь собачьей тележке все еще горел. Судя по следам колес, лошадиных копыт и человеческих ног, проводившие здесь ночь люди бежали на север к Карналу, и Сита последовала бы за ними, если бы не одно обстоятельство.

В пятидесяти ярдах за башней – на дороге, которая тянулась на север мимо базара Судер до канала, где поворачивала направо, в сторону Великого колесного пути, – стояла повозка, нагруженная чем-то с виду похожим на ворох женской одежды. И снова, как накануне вечером, осел вдруг резко остановился и уперся, отказываясь приближаться к ней. Именно поэтому Сита решила заглянуть в повозку и увидела там изувеченные тела четырех сахибов в ярко-красных мундирах, на которые кто-то торопливо набросил женское муслиновое платье с цветочным узором и оборчатую нижнюю юбку в тщетной попытке укрыть трупы от глаз. Цветочный узор на платье состоял из незабудок и роз, а нижняя юбка некогда была белой, но сейчас и платье, и юбку сплошь покрывали бурые пятна, а ярко-красные мундиры, зверски исполосованные мечами, заскорузли от запекшейся крови.

Из-под складок муслина торчала рука без большого пальца, но с кольцом на безымянном, которое никто не додумался снять. В ужасе уставившись на нее, отшатнувшись от запаха смерти так же, как животное, Сита отказалась от мысли двинуться вслед за британцами.

Ни рассказы часовых на мосту, ни вид мертвой мэм-сахиб в садах Кудсия, ни даже разорение военного городка не помогли Сите осознать смысл происходящего. Это обычный мятеж: волнения, поджоги и беспорядки. Она довольно часто слышала о подобных бунтах, хотя никогда прежде не оказывалась в гуще событий. Но сахиб-логи всегда подавляли мятежи и впоследствии вешали или ссылали на каторгу зачинщиков, а сами оставались на месте с возросшими против прежнего силами и численностью. Однако в повозке лежали мертвые сахибы – офицеры армии Компании, а другие сахибы бежали в таком страхе, что даже не задержались, чтобы похоронить своих товарищей. Они просто торопливо накрыли лица мертвецов женской одеждой, а потом пустились наутек, оставив трупы в полном распоряжении воронов и стервятников или любого прохожего бандита, который может снять с них мундиры. Теперь находиться рядом с сахиб-логами небезопасно, и Сита должна увезти Аш-бабу куда-нибудь подальше от Дели и британцев...

Они повернули обратно, снова перевалили через Гряду и двинулись через разоренный военный городок, мимо почерневших бунгало без крыш, вытоптанных садов, сторевших дотла казарм и тихого кладбища, где мертвые британцы лежали ровными рядами в чужой земле. Ослиные копытца гулко и дробно застучали по мосту через Наджафгархский канал, и вспугнутая стайка попугайчиков, пивших воду из лужицы в сухом канале, брызнула ввысь зеленым пронзительно щебечущим фонтанчиком. Потом они выехали из военного городка

на открытую местность – и внезапно мир, до сих пор серый и безмолвный, озарился желтым светом восходящего солнца и огласился птичьим гомоном и трескотней белок.

За каналом дорога сузилась до тропы, бегущей между зарослями сахарного тростника и высокой травы, и вскоре вышла на широкий и ровный Великий колесный путь. Но они не стали на него сворачивать, а пересекли дорогу и двинулись по тропинке через хлебные поля в направлении маленькой деревушки Дахипур. Без осла они бы недалеко ушли, но как только большак скрылся из виду, Сита спешилась и пошла своим ходом, и таким образом они удалились от Дели на несколько миль ко времени, когда солнце стало нещадно палить. Они могли бы продвигаться вперед быстрее, но Сита по-прежнему остро сознавала опасность и часто сворачивала с тропы, чтобы обойти стороной деревушки и избежать встречи со случайными путниками. Да, Аш-баба унаследовал от матери черные волосы и, смуглый от рождения, загорел дочерна за годы жизни на открытом воздухе, так что цветом кожи не отличается от индийца, но глаза-то у него светло-серые – вдруг какой-нибудь подозрительный прохожий опознает в нем белого ребенка и пожелает убить его, дабы получить награду? Кроме того, никогда не знаешь, что может сказать или сделать малое дитя. Поэтому Сита подумала, что не почувствует себя в безопасности, куда Дели и мятежники из Мирута не останутся далеко-далеко позади, на расстоянии многих дней пути.

Хлеба еще не поднялись настолько, чтобы служить укрытием, но равнина была часто изрезана сухими оврагами, и вдобавок густые терновые кусты и заросли пеннисетума позволяли надежно спрятаться не только человеку, но и ослу. Однако здесь тоже недавно проходили англичане: жужжащий рой мух выдал местонахождение трупа пожилого евразийца в высокой траве у обочины тропы. Как и толстая женщина в садах Кудсия, бедняга тоже заполз в траву на четвереньках и там испустил дух, но в отличие от нее он перед этим получил столь тяжелое ранение, что казалось уму непостижимым, как он умудрился уползти на такое расстояние.

Ситу сильно встревожило то обстоятельство, что и другие люди предпринимали попытку бежать через равнину, а не по дороге, ведущей в Карнал. Вид несчастных, жалких беженцев послужит лишь к распространению слухов о бунте по прежде мирным деревням, возбуждению в местных жителях презрения к фаранги и выступлениям в поддержку мятежных сипаев, а Сита выбрала этот путь именно в надежде опередить вести из Дели. Однако, судя по всему, она поставила перед собой невыполнимую задачу: мертвый мужчина в траве явно лежал там со вчерашнего дня, и, похоже, кто-то помог бедняге отползти от обочины – тот самый человек, который аккуратно накрыл лицо трупа носовым платком, прежде чем оставить его мухам и пожирателям падали. Сита протащила упирающегося осла мимо и, чтобы отвлечь внимание Аша и самой отвлечься от собственных мучительных мыслей, принялась рассказывать историю про затерянную высоко в горах долину, которую они найдут однажды и где заживут припеваючи.

К наступлению темноты они уже порядком удалились от большака, и Сита решила, что теперь можно без особых опасений остановиться на ночлег в деревне, мерцающие огни которой наводили на мысль о базаре и возможности купить горячую пищу и свежее молоко. Аш-баба совсем умирался и клевал носом, а значит, вряд ли станет болтать языком. Осел тоже нуждался в питье и корме, да и сама она валилась с ног от усталости. Той ночью они переночевали под навесом у одного гостеприимного землепашца, в обществе своего осла и хозяйской коровы. Сита представилась женой кузнеца из окрестностей Джаландхара, возвращающейся из Агры с осиротевшим племянником, сыном мужнина брата. Она купила горячей еды и буйволиного молока на базаре, где наслушалась разных пугающих слухов, один хуже другого, а потом, когда Аш заснул, присоединилась к кучке судачащих деревенских жителей.

Сидя глубоко в тени, она слушала рассказы о мятеже, вести о котором принесли утром в деревню несколько гуджаров, а после полудня подтвердили пятеро сипаев из 54-го туземного полка, накануне присоединившихся к повстанцам у Кашмирских ворот, а теперь спешивших в Сирдану и Музаффарнагар с сообщением, что власть Компании наконец свержена и в Дели снова правит Могол. В своем рассказе сипаи не пожалели красок, и, выслушав эту историю в пересказе деревенских старейшин, Сита безоговорочно приняла все на веру – после того, что она видела своими глазами с момента, когда солдаты 3-го кавалерийского полка пронеслись мимо нее по Мирутской дороге.

Все англичане в Мируте перебиты, сказали старейшины, подтверждая слова соваров на понтонном мосту, и в Дели тоже все белые истреблены – как в самом городе, так и в военном городке. И не только в Дели и Мируте, ибо полки восстали по всей Индии и скоро в стране не останется в живых ни одного фаранги, даже ребенка. Всех, кто пытается спастись бегством, ловят и убивают, а тех, кто додумался спрятаться в джунглях, растерзают дикие звери, если они прежде не умрут сами от голода, жажды и нестерпимого зноя. Их время закончилось. Они исчезнут, как пыль, несомая ветром, и ни один не останется в живых, чтобы вернуться на родину с историей об их бесславном конце. Индийцы отомстили за позор Плесси⁴, сто лет порабощения подходят к концу, и больше не нужно платить налоги.

– Значит, Эшмитт-сахиб тоже убит? – спросил кто-то исполненным благоговейного страха голосом, имея в виду, надо полагать, местного окружного инспектора, по всей вероятности единственного белого человека, которого когда-либо видели жители этой деревни.

– Конечно. В пятницу – так говорит Дурга Дасс – он отправился в Дели, чтобы встретиться с комиссаром-сахибом, а разве рябой сипай не сказал, что все ангези в Дели перебиты? Он наверняка погиб. Он и все прочие представители его проклятого народа.

Сита все выслушала, всему поверила, а потом тихонько отступила в темноту и торопливо вернулась на базар, где купила глиняную миску и ингредиенты для изготовления коричневой краски, которая на человеческой коже держалась так же стойко, как на бумажной ткани. Замоченная на ночь смесь к утру настоялась до готовности, и задолго до пробуждения деревни Сита подняла Аша, вывела из-под навеса в предрассветные сумерки, торопливо раздела, присев на корточки за кактусовой живой изгородью, и тряпичей нанесла на тело краску, работая отчасти на ощупь и настойчивым шепотом наказывая мальчику никому об этом не рассказывать и запомнить, что отныне он будет зваться Ашоком.

– Ты не забудешь, сердце моего сердца? Ашок. Обещай мне, что не забудешь.

– Это такая игра? – заинтересованно спросил Аш.

– Да-да, игра. Мы будем играть, будто тебя зовут Ашок и ты мой сын. Мой настоящий сын, а твой отец умер – и это истинная правда, видят боги. Так как тебя зовут, сынок?

– Ашок.

Сита горячо поцеловала малыша, еще раз строго-настрого наказала не отвечать ни на какие вопросы, а затем вернулась вместе с ним под навес. Съев скудный завтрак и расплатившись за постой, они двинулись в путь через поля, и к полудню деревня осталась далеко позади, а Дели и Мирутская дорога превратились всего лишь в ужасное воспоминание.

– Мы пойдем на север. Может, в Мардан, – сказала Сита. – На севере мы будем в безопасности.

– В долину? – спросил Аш. – Мы пойдем в нашу долину?

– Пока еще нет, золотко мое. Но однажды обязательно пойдем. Однако она тоже находится на севере, и потому мы направимся на север.

⁴ В битве при Плесси в 1757 г. Индия была завоевана Робертом Клайвом и Ост-Индской компанией. Существовала легенда, что правление Компании продлится лишь сто лет, считая от этой даты.

И они правильно сделали, что пошли на север: земля за ними горела, охваченная пожаром кровопролитного насилия. В Агре, Алипуре, Нимуче, Насирабаде и Лакхнау, по всему Рохилкханду, Центральной Индии и Бунделкханду, в городах и военных поселениях по всей стране люди поднимались против британцев.

В Канпуре Нана, приемный сын покойного пешвы, не признанный британскими властями, восстал против угнетателей и осадил прискорбно ненадежные укрепления англичан. А когда через двадцать дней оставшиеся в живых приняли предложение сдаться в обмен на охранную грамоту и сели в предоставленные им лодки, чтобы доплыть до Аллахабада, лодки были подожжены и обстреляны с берега. Тех, кому удалось добраться до берега, взяли в плен. Мужчин расстреляли, а около двухсот женщин и детей (все, что осталось от гарнизона, в начале осады насчитывавшего тысячу человек) заперли в маленьком здании – биби-гурхе, где позже всех зарубили по приказу Наны, а тела умирающих и мертвых бросили в ближайший колодец.

В Джханси та самая вдова раджи, о чьих горьких бедах писал Хилари в своем последнем докладе, – Лакшми-Баи, прекрасная бездетная рани, которую Ост-Индская компания лишила права усыновить наследника и обобрала до нитки, отняв наследство, – отомстила за несправедливость, истребив британский гарнизон, неразумно согласившийся сдаться в обмен на охранную грамоту.

«Почему люди мирятся с таким положением вещей? – однажды спросил Хилари Акбар-хана. – Почему ничего не предпринимают?» Лакшми-Баи, не прощающая обид, приняла кое-что. Она отплатила за жестокую несправедливость, сотворенную с ней генерал-губернатором и советом Ост-Индской компании, деянием столь же несправедливым. Ибо не только мужчины, но и жены и дети тех, кто принял предложение сдаться в обмен на охранную грамоту, были связаны вместе и зверски убиты: дети, женщины и мужчины – в таком порядке...

Ост-Индская компания посеяла бурю. Но многие из тех, кому пришлось пожинать бурю, были так же ни в чем не повинны и сбиты с толку, как Сита и Аш-баба, подхваченные и несомые страшным ураганом, точно два беспомощных жалких воробушка в штормовой день.

3

Был октябрь, и листья уже начинали золотиться, когда Сита и Аш-баба достигли Гул-кота, крохотного княжества у северной границы Пенджаба, где равнины постепенно сменялись предгорьями Пир-Панджала.

Путешествие затянулось, поскольку большую часть пути они проделали пешком (осла у них реквизиrowали какие-то сипаи в конце мая), а из-за жаркой погоды могли совершать переходы лишь в прохладные предрассветные часы или после захода солнца.

Упомянутые сипаи прежде служили в 38-м пехотном полку, который распался в тот день, когда туда прибыли совары 3-го кавалерийского полка из Мирута. Они возвращались домой, нагруженные награбленным добром, и поведали множество разных историй о восстании, в том числе историю о казни последних оставшихся в Дели фаранги – двоих мужчин и пятидесяти женщин и детей, – содержавшихся в тюрьме императорского дворца.

– Нам необходимо очистить страну от всех иностранцев, – пояснил рассказчик, – но мы, солдаты, отказались убивать женщин и ребятишек, уже полумертвых от страха и голода после многодневного заточения в темной камере. Несколько придворных тоже высказались против казни, – мол, убийство женщин и детей или любых других военнопленных идет вразрез с принципами мусульманской веры. Но когда Миза Маджхли попытался спасти несчастных, толпа потребовала его крови, и в конечном счете слуги правителя зарубили всех мечами.

– Всех? – пролепетала Сита. – Но... но чем дети-то виноваты? Неужто нельзя было пощадить хотя бы малышей?

– Вот еще! Глупо щадить детенышей змеи, – насмешливо произнес сипай, и Сита снова задрожала от страха за Аш-бабу: «змееныш» безмятежно играл в пыли всего в двух шагах от них.

– Истинно так, – согласился один из его товарищей, – потому что они вырастут и наплодят себе подобных. Мы правильно поступили, уничтожив тех, кто стал бы угнетать и грабить нас в будущем.

Затем он реквизиrowал осла, а когда Сита попыталась протестовать, сбил ее с ног ударом приклада мушкета. Второй же мужчина схватил Аша, бросившегося на обидчика подобно маленькому тигренку, и швырнул в терновые кусты. Когда Аш, весь в синяках, исцарапанный и оборванный, всхлипывая, выполз из колючих зарослей, Сита лежала без чувств на обочине, а сипаи с ослом уже удалились на изрядное расстояние.

Это был черный день для них. Оставалось утешаться лишь тем, что мужчины не позарились на узелок Ситы. Вероятно, им просто не пришло в голову, что среди вещей одинокой женщины и маленького оборвыша может найтись что-нибудь ценное, и они так и не узнали, что по меньшей мере половина монет, которые Хилари некогда держал в жестяной коробке под кроватью, хранилась в замшевом мешочке на дне узелка. Как только Сита очнулась и вновь обрела способность ясно мыслить, она достала деньги оттуда и положила к остальным, которые держала в складке широкого пояса из куса ткани, обмотанного вокруг талии под сари. Пояс стал тяжелым и неудобным, но там деньги находились в большей безопасности, чем в узелке, а поскольку осла у них отняли, ей так или иначе приходилось нести все на себе.

Похищение осла стало для них тяжелым ударом по причинам не только практического, но и сентиментального свойства. Аш нежно привязался к маленькому животному и печалился об утрате еще долгое время после того, как даже самые глубокие царапины на его теле зажили, не оставив о себе никаких воспоминаний. Но этот случай и рассказы сипаев вновь напомнили Сите об опасностях, подстерегающих на большаках между городами и

крупными селениями. Разумнее было держаться троп для скота и крохотных деревушек, где жизнь текла размеренно и монотонно и куда редко доходили новости извне.

Время от времени слабое эхо отдаленной грозы доносилось даже до таких глухих цитаделей покоя, и тогда они слышали рассказы об израненных и умирающих от голода сахиб-логах, которые прятались в джунглях или среди скал и выползали из укрытий, чтобы выманивать пищу у самых бедных путников. Однажды вслед за слухом об успешных восстаниях, поднятых по всему Ауду и Рохилкханду, пришло известие о мятеже и кровавой бойне в Фирозпуре и далеком Сиялоте, и именно оно заставило Ситу отказаться от недавно возникшего и еще не вполне оформившегося намерения доставить Аша в Мардан, где находился брат его матери со своим Корпусом разведчиков. После того как полки в Фирозпуре и Сиялоте тоже взбунтовались, на что теперь могут надеяться британцы любого военного городка в любом уголке страны? Даже если кто-нибудь из них и остался в живых до сих пор, что представлялось сомнительным, все они скоро погибнут – все, кроме Аш-бабы, который отныне был ее сыном Ашоком.

Сита никогда больше не называла мальчика иначе чем «сынок», и Аш принял такие отношения без всяких вопросов. Уже через неделю он забыл, что они начинались как игра и что прежде он называл Ситу не мамой, а как-то по-другому.

По мере того как они продвигались на север вдоль хребта Сивалик, слухи о мятежах и беспорядках становились реже, а люди все больше разговаривали о посевах, урожае и местных проблемах да обсуждали сплетни маленьких деревенских общин, для которых мир ограничивался окрестными полями. Нестерпимо знойный июнь закончился проливными дождями, когда над выжженными равнинами Индии пронесся муссон, превративший поля в болота, а все канавы и овраги – в полноводные реки, из-за чего покрываемое беглецами за день расстояние сократилось до минимума. Ночевать под открытым небом стало невозможно, приходилось искать пристанище на ночь – и платить за него.

Сита отчаянно экономила деньги, ведь они составляли неприкосновенный запас, который нельзя расходовать беспечно. Они принадлежали Аш-бабе, и она должна была сохранить что-нибудь к тому времени, когда он подрастет. Вдобавок существовала опасность произвести впечатление слишком богатой женщины и тем самым спровоцировать нападение и ограбление, а посему представлялось разумным тратить лишь самые мелкие монетки, причем только после долгого и упорного торга. А еще Сита купила ярд грубого домотканого холста, чтобы Аш укрывался под ним от дождя, хотя прекрасно понимала, что он предпочел бы обходиться без такой защитной меры и ходить с непокрытой головой и босиком. Бабушка Аша по отцовской линии была шотландкой с западного побережья Аргайлшира, и, вероятно, именно потому, что в жилах мальчика текла ее кровь, он с таким наслаждением подставлял лицо под хлесткие струи дождя. А может, просто-напросто он, как и все дети, любил шлепать по грязи и лужам.

От постоянного пребывания под дождем почти вся краска смылась с его тела, и кожа обрела прежний цвет, который сразу узнали бы Хилари и Акбар-хан. Однако Сита не стала обновлять краску. Теперь они находились близ предгорий Гималаев, а так как у горцев кожа светлее, чем у жителей юга (вдобавок у многих из них светлые глаза – голубые, серые, карие, – и рыжие или каштановые волосы здесь встречаются не реже, чем черные), ее сын Ашок не привлекал к себе внимания и на самом деле был даже малость смуглее бледнокожих индусских ребятишек, с которыми играл в деревнях по пути. Мучительная тревога за него постепенно отступала, и Сита больше не жила в вечном страхе, что он выдаст себя каким-нибудь неосторожным упоминанием о бара-сахибе и былых днях, поскольку мальчик, казалось, забыл о них.

Но Аш ничего не забыл. Просто он не хотел думать или говорить о прошлом. Во многих отношениях он был не по годам развитым ребенком: на Востоке дети созревают рано и ста-

новятся полноценными мужчинами и женщинами в возрасте, когда их ровесники на Западе еще учатся в старших классах школы. Все всегда обращались с ним как с равным, никто не окружал его тепличной атмосферой детской комнаты. Он имел полную свободу действий в отцовской экспедиции с тех пор, как научился ползать, и прожил свою короткую жизнь среди взрослых, которые в общем и целом относились к нему как к взрослому, пусть и привилегированному, потому что все любили его. Когда бы не Хилари и Акбар-хан, возможно, Аша избаловали бы. Но хотя методы воспитания у них были разными, они оба прилагали все усилия к тому, чтобы он не вырос испорченным неженкой: Хилари – потому, что терпеть не мог нытья и капризов и хотел, чтобы его сын с малолетства вел себя как разумный человек, а Акбар-хан – потому, что намеревался вырастить из мальчика великого полководца, за которым однажды солдаты пойдут на смерть, а баловством и излишним потворством такого не достичь.

Сита была единственным человеком, сюсюкавшим с ним и певшим ему детские песенки, ибо Акбар-хан рано внушил Ашу, что он мужчина и не должен допускать, чтобы с ним цацкались. Таким образом, песенки и сюсюканье оставались секретом, известным только Ашу и его кормилице, и отчасти именно потому, что у них двоих был такой секрет, мальчик принял необходимость держать в тайне многое другое и ничем не выдал их обоим в самом начале злосчастного путешествия в Дели. Сита велела никогда не заводить разговоров о бара-сахибе и дяде Акбаре или о походной жизни и обо всем прочем, что они оставили позади, и Аш подчинился как из-за потрясения и недоумения, так и из послушания. Стремительность, с которой разрушился привычный ему мир, и непостижимость причин, приведших к этому, были подобны черному омуту, куда он боялся заглядывать из страха увидеть там вещи, помнить которые не хотел, – ужасные вещи вроде сцены, когда дядю Акбара бросают в яму и засыпают землей, или вызвавший сильнейшее потрясение вид бара-сахиба, плачущего над свеженасыпанным холмиком, хотя сколько раз и он, и дядя говорили, что слезы льют только женщины.

Лучше повернуться спиной к подобным вещам и никогда не вспоминать о них, и Аш именно так и сделал. В настоятельных просьбах Ситы не было никакой необходимости: даже если бы она вдруг захотела, чтобы он заговорил о прошлом, вряд ли ей удалось бы вытянуть из него хоть слово. Однако она думала, что Аш все забыл, и радовалась, что у детей такая короткая память.

Главной ее заботой стали поиски какой-нибудь тихой заводи, достаточно удаленной от оживленных городов и торных дорог Индии, где никто и слыхом не слыхивал о таких событиях, как подъем или падение Компании. Какого-нибудь селения, достаточно маленького, чтобы ускользнуть от внимания людей, которые придут к власти, но достаточно большого, чтобы женщина с ребенком могли затеряться в нем, не возбудив чьего-то любопытства своим прибытием. Какого-нибудь места, где для нее найдется работа, где они обоснуются и начнут жизнь заново, где обретут покой, довольство и избавление от всех страхов. Ее родная деревня не годилась: там Ситу знают, ее возвращение станет поводом для различных догадок и расспросов со стороны ее собственного семейства и родственников покойного мужа, и правда неизбежно всплывет. Ради безопасности мальчика Сита не может пойти на такой риск, да и о самой себе нужно подумать. Ей вряд ли удастся скрыть смерть Даярама от его родителей, а как только об этом станет известно, Ситу заставят вести себя как подобает вдове, бездетной вдове, – нет худшей участи в Индии, где на вдовую женщину возлагается ответственность за смерть мужа, так как считается, что она навлекла на него несчастье своими дурными поступками, совершенными в прошлой жизни.

Вдова не вправе носить цветные наряды или украшения, она должна обривать голову и одеваться только в белое. Она не вправе снова выйти замуж и обречена до конца своих дней задарма ишачить на семью мужа, всеми презираемая в силу своего пола и всеми нена-

видимая как человек, приносящий несчастье. Не приходится удивляться, что раньше, пока Компания не отменила такой закон, многие вдовы предпочитали стать сати и сгореть заживо на погребальном костре вместе с телом мужа, чем много лет влачить жалкое существование в рабстве и унижении. Но в чужом городе Сита сможет выдать себя за кого пожелает – и кто там узнает, что она вдова, или взволнуется по данному поводу? Она скажет, что муж подался на юг в поисках заработка или бросил ее и скрылся в неизвестном направлении. Какое это имеет значение? Она сможет ходить с высоко поднятой головой, как мать маленького сына, и носить яркую одежду и свои немногочисленные скромные украшения. А когда она найдет работу, то будет работать на мальчика и на себя, а не трудиться бесплатно на семью Даярама.

Несколько раз за месяцы, прошедшие со времени побега из Дели, Сите казалось, что она нашла нужное место – тихую гавань, где они закончат свои странствия и найдут работу и безопасность. Но каждый раз что-нибудь гнало женщину дальше: прибытие вооруженной шайки сипаев из какого-нибудь мятежного полка, рыщущей по стране в поисках беглых англичан; вид семейства изнуренных от голода фаранги, которые нашли приют у доброго селянина и которых гоголющая толпа выволакивает из укрытия и предаёт смерти; прохожий путник, щеголяющий в форме убитого офицера, или группа соваров, галопом пронесшихся по хлебным полям...

– Мы когда-нибудь где-нибудь остановимся? – с тоской спрашивал Аш.

Июнь сменился июлем, а июль – августом. Пахотные угодья остались позади, а впереди были только джунгли. Но Сита и Аш хорошо знали джунгли. В тишине знойных влажных чащ они чувствовали себя в большей безопасности, чем в деревнях, и здесь они находили съедобные корни и ягоды, воду и топливо, тень от палящего солнца и укрытие от дождя.

Однажды, следуя по звериной тропе через заросли высокой травы, они нос к носу столкнулись с тигром. Но огромный зверь был сыт и расположен благодушно. Обменявшись с незваными гостями долгим удивленным взглядом, он свернул в сторону и скрылся в траве. Сита стояла неподвижно пять долгих минут, пока сварливое кудахтанье кустарниковой курицы ярдах в тридцати справа от них не указало, в каком направлении ушел хищник, а потом повернула назад и обошла то место стороной. Удивительно, что они не заблудились в простирившихся на много миль диких чащах деревьев, пеннисетума и бамбука, среди скал и непролазных зарослей ползучих растений. Но здесь Сите помогло безошибочное чувство ориентировки, и, поскольку они двигались не к какой-то определенной цели, а просто на север, не имело особого значения, каким именно путем идти.

К концу августа они с трудом выбрались из джунглей и вновь оказались на открытой местности, а в сентябре дожди пошли на убыль. Снова нещадно пекло солнце, и каждый вечер тучи moskitov поднимались от широко разлившихся джхилов, прудов и канав. Но впереди, на краю равнины, за предгорьями, вздымались над знойным маревом высокие голубые хребты Гималаев, и ночной воздух стал чуть свежее. В разбросанных далеко друг от друга селениях никто не слышал о восстании и кровопролитиях, ибо проходимых троп здесь осталось мало, а дорог так и вовсе никогда не было, и местность эта была малонаселенной. Деревушки состояли из нескольких хижин и нескольких акров возделанных полей, окруженных каменистыми пастбищными землями, которые простирались на много миль окрест и на юге граничили с джунглями, а на севере – с предгорьями.

В ясные дни впереди виднелись снежные пики, служившие Сите постоянным напоминанием о том, что время странствий истекает, что приближается зима и надо подыскать какое-нибудь жилье до наступления холодов. В такой местности, как эта, у нее было мало шансов найти работу и обеспечить Ашу хорошее будущее, и потому, несмотря на крайнюю усталость, до крови стертые ноги и бесконечную утомленность путешествием, она не поддавалась искушению задержаться здесь. Они проделали длинный путь с того апрельского утра,

когда покинули безмолвный лагерь Хилари и двинулись к Дели, и оба остро нуждались в отдыхе. И вот в октябре, когда листья уже начали золотиться, они пришли в Гулкот, и Сита поняла, что наконец-то нашла место, которое искала. Место, где они могут спрятаться и ничего не опасаться.

Независимое княжество Гулкот было слишком маленьким, слишком труднодоступным и вдобавок слишком бедным, чтобы представлять интерес для генерал-губернатора и чиновников Ост-Индской компании. И поскольку регулярная армия здесь насчитывала менее сотни солдат – в основном седых стариков, вооруженных тулварами да ржавыми дже-зайлами, – а правитель пользовался популярностью у народа и не выказывал никакой враждебности, Компания оставила его в покое.

Главный город, давший имя маленькому княжеству, находился на высоте примерно пяти тысяч футов над уровнем моря, в самой высокой точке огромного треугольного плато в предгорьях Гималаев. Гулкот возводился как укрепленный город, и здесь до сих пор сохранилась массивная стена, которая окружала тесное скопление домов, единственную главную улицу, тянувшуюся от Лахорских ворот на юге до Лал-Дарвазы – Красных ворот – на севере, три храма, мечеть и лабиринт узких переулков. Над местностью господствовал беспорядочно выстроенный дворец-крепость раджи Хава-Махал – Дворец ветров, стоящий на вершине могучей скалы примерно в тысяче ярдов от городских ворот.

Родоначалником правящей династии был вождь раджпутов⁵, который прибыл на север в годы царствования Сикандара Лоди и остался здесь, чтобы основать княжество для себя и своих последователей. С течением веков княжество неуклонно сокращалось в размерах, и ко времени, когда Пенджаб перешел к сикхам с Ранджитом Сингхом во главе, оно представляло собой лишь несколько деревушек, разбросанных на территории, которую всадник мог пересечь в любом направлении за день. То, что оно вообще уцелело, по-видимому, объяснялось тем обстоятельством, что в настоящее время его границей с одной стороны служила река без мостов, а с другой – широкая полоса густого леса, тогда как на южных подступах к нему простиралась пустынная, каменистая, изрезанная глубокими оврагами местность, где правил родственник раджи, а сразу за ним складчатые лесистые предгорья вздымались ввысь, к белым пикам Дур-Хаймы и громадной заснеженной гряде, защищавшей Гулкот с севера. Двинуть войско на столь удачно расположенное со стратегической точки зрения княжество представлялось делом трудным, а поскольку в этом никогда не возникало необходимости, оно ускользнуло от внимания Великих Моголов, маратхов, сикхов и Ост-Индской компании и продолжало безмятежно жить своей жизнью в удалении от стремительно меняющегося мира XIX века.

В день, когда Сита и Аш прибыли туда, в древнем городе царил праздничный настрой: бедному люду раздавали дары из дворца в виде пищи и сладостей по случаю рождения ребенка у старшей рани. Сие событие отмечалось скромно, так как родилась девочка, но горожане с радостью устроили себе выходной: пировали, веселились, украшали свои дома гирляндами и бумажными флажками. Мальчишки бросали патаркары – самодельные петарды – под ноги прохожим на запруженных народом базарах, а после наступления темноты в ночное небо взмыли тонкой струйкой фейерверки, распустившиеся пышным букетом над плоскими кровлями, где толпились женщины, точно стаи щебечущих птиц.

Ситу и Аша, привыкших за долгие месяцы странствий к тишине и одиночеству (или, по крайней мере, к скромному обществу обитателей крохотных деревушек), яркие краски, толкотня и гомон беспечных толп привели в неопишное возбуждение. Они досыта наелись

⁵ Раджпуты – каста, возводящая себя к древней легендарной касте кшатриев (воинов).

дарами раджи, полюбовались фейерверком и нашли наемную комнату в доме торговца фруктами, стоявшем в переулке близ базара Чандни.

– Мы останемся здесь? – сонно спросил Аш, пресыщенный лакомствами и впечатлениями. – Мне здесь нравится.

– Мне тоже, сынок. Да, мы здесь останемся. Я найду работу, и мы проживем счастливо. Одно лишь плохо...

Сита вздохнула и не закончила фразу. Ее мучили угрызения совести, ведь она не выполнила приказ бара-сахиба вернуть его сына к сородичам. Но Сита не представляла, что еще она могла сделать. Возможно, однажды, когда ее мальчик станет мужчиной... Но сейчас они оба слишком устали от странствий, и здесь они хотя бы находятся в горах – и в безопасности. Проведенные в городе час-полтора убедили ее в этом, ибо ни в разговорах на базаре, ни в болтовне праздношатающихся гуляк она не услышала ни слова о волнениях, сотрясающих Индию, и ни единого упоминания о мятежниках или сахиб-логох.

Гулкот интересовали только собственные дела и последние дворцовые сплетни. Город обращал мало – или вовсе никакого – внимания на события, происходящие в мире за его пределами, и в данный момент главной темой разговоров, помимо вечной темы урожая и налогов, являлось ослабление позиций старшей рани и усиление влияния наложницы по имени Джану, девушки-нотч из Кашмира, которая приобрела такую власть над пресыщенным правителем, что недавно он убедил себя жениться на ней.

Джану-Баи подозревали в занятиях черной магией. Как еще могла обычная танцовщица возвыситься до положения рани и занять в сердце раджи место матери маленьких принцесс, чья власть не оспаривалась по меньшей мере три года? Она слыла одновременно красивой и безжалостной, а пол новорожденного младенца служил очередным доказательством ее колдовской силы. «Она ведьма, – говорили жители Гулкота. – Конечно ведьма. Придворные говорят, что именно она приказала раздать голодным пищу и сласти по случаю рождения ребенка. Радует, что это не мальчик, и хочет дать знать сопернице о своей радости. Теперь, если сама она родит сына!...»

Наслушавшись подобных разговоров, Сита исполнилась уверенности: никакая опасность не грозит здесь Ашоку, сыну саиса Даярама, который, как она сообщила жене торговца фруктами, убежал с бесстыжей цыганкой, предоставив ей самой кормить себя и ребенка.

В правдивости ее истории никто не усомнился, и позже она нашла работу в лавке, расположенной в лошине Кханна-Лал за храмом Ганеши, где стала вырезать из разноцветной бумаги и яркой ткани цветы, какие используются в гирляндах и для украшения домов во время свадеб и различных праздников. Платили Сите мало, но на самое необходимое им хватало. Она всегда была искусной рукодельницей, и работа пришлась ей по душе. Вдобавок она могла подрабатывать, плетя корзины для торговца фруктами и время от времени помогая ему в лавке.

Как только они вселились в свою комнатку, Сита вырыла ямку в земляном полу и спрятала туда деньги, полученные от Хилари, а потом старательно притоптала землю и тщательно разровняла коровий навоз по всему полу, чтобы никто не заметил ничего подозрительного. На руках у нее оставалась лишь завернутая в промасленный шелк тонкая пачка писем и документов, которую она предпочла бы сжечь. Хотя Сита не могла прочитывать бумаги, она понимала, что в них наверняка содержатся свидетельства происхождения Аша. Страх и ревность побуждали ее уничтожить документы. Попадись они кому-нибудь в руки, Аша, скорее всего, убьют, как убивали детей сахиб-логов в Дели, Джханси, Канпуре и десятках других городов, да и сама она может поплатиться жизнью за попытку спасти мальчика. И даже если он избежит столь страшной участи, бумаги все равно докажут, что он ей не родной сын, а к настоящему времени эта мысль казалась Сите невыносимой. Однако она не смогла заставить себя уничтожить письменные свидетельства, ибо они тоже были

неприкосновенной доверительной собственностью: бара-сахиб передал бумаги ей в руки, и, сожги она их, его призрак или его Бог разгневется на нее и отмстит за такой поступок. Лучше было сохранить их, но так, чтобы они никогда никому не попались на глаза. А коли их сожрут термиты, в том не будет ее вины.

Сита выскребла небольшое углубление внизу стены в самом темном углу комнатухи, засунула туда пакет и замаскировала тайник так же, как недавно замаскировала тайник с деньгами: замазала отверстие глиной и коровьим навозом. И, только покончив с этим делом, она почувствовала, что невероятная тяжесть свалилась у нее с плеч и что Аш теперь поистине принадлежит ей.

Серые глаза и румяные щеки мальчика не привлекли ничьего внимания в Гулкоте: многие подданные раджи были родом из Кашмира, Кулу и Гиндукуша, да и сама Сита была горянкой. Аш подружился с сыновьями и внуками местных жителей и скоро уже ничем не отличался (для любого постороннего взгляда, но не для любящих глаз) от сотен непослушных базарных мальчишек, которые кричали, шалили и дрались на улицах Гулкота. И Сита успокоилась. Она по-прежнему верила тому, что сказали сипаи, встреченные по дороге: все англичане погибли и власть Компании навсегда свергнута. Дели находился далеко, а Гулкот граничил с Пенджабом, где сохранялось относительное спокойствие, и хотя время от времени по базарам проходили слухи о беспорядках и волнениях, они всегда были смутными, искаженными, сильно устаревшими и касались главным образом бедствий, постигших британцев...

Никто не говорил об армии, поспешно собранной в Амбале. Или о длинном переходе разведчиков (пятьсот восемьдесят миль от Мардана до Дели, покрытых за двадцать два дня в самый разгар лета), предпринятом для участия в осаде Дели; о гибели Николсона, о капитуляции последнего Могола и о смерти его сыновей, казненных Уильямом Ходсоном, командиром Ходсоновского кавалерийского полка. Никто не говорил о том, что осада Лакхнау продолжается до сих пор и что великое восстание, начавшееся с мятежа 3-го кавалерийского полка в Мируте, никоим образом не закончилось...

Шайтан-ке-Хава – Ветер дьявола – по-прежнему дул над Индией с ураганной силой, гибли многие тысячи людей, но здесь, в надежно укрытом Гулкоте, жизнь текла размеренно и мирно.

В том октябре Ашу было пять лет, и только осенью следующего, 1858 года Сита узнала от странствующего садху кое-какие сведения о событиях, происходящих во внешнем мире. Дели и Лакхнау снова захвачены британцами, Нана Сахиб бежал, а отважная рани из Джханси убита в бою, где сражалась до последнего, переодетая мужчиной. Компания низложена, но фаранги, по словам садху, снова пришли к власти, умножив свою силу против прежнего, и чинят жестокую расправу над всеми, кто сражался с ними в ходе великого восстания. И хотя Компания прекратила свое существование, вместо нее теперь правит белая рани Виктория. Вся Индия отныне стала собственностью британской короны, и ею управляет британский вице-король и британские войска.

Сита попыталась убедить себя, что садху ошибается или лжет. Ведь если он говорит правду, значит ей придется отвести Аша к англичанам, а подобная перспектива казалась неприемлемой. Это неправда, наверняка неправда. Она подождет, не станет ничего предпринимать, пока не узнает все точно. А до тех пор нет никакой нужды делать что-либо...

Она прождала всю зиму, а весной пришли новости, подтвердившие все, что поведал ей садху. Но Сита по-прежнему бездействовала. Ашок принадлежал ей, она не могла отказаться от него и не собиралась отказываться. Было время, когда она могла сделать это, но тогда она еще не считала мальчика своим сыном. Кроме того, она ни у кого не отбирает этого ребенка: Ашок потерял обоих родителей, и если кто-нибудь на свете и имеет право на него, то лишь она одна. Разве не она любила и опекала малыша с самого его рождения? Разве

не она извлекла его из материнской утробы и вскормила собственной грудью? Он не знает никакой другой матери и верит, что он ее сын, так что она никого не обкрадывает. Теперь он не Аш-баба, а ее сын Ашок, и она сожжет бумаги, спрятанные в тайнике, и ничего никому не скажет, и никто никогда не узнает правды.

В общем, они остались в Гулкоте и жили счастливо. Но Сита не сожгла бумаги Хилари. В последний момент страх перед возможной мстью призрака бара-сахиба возобладал над страхом перед разоблачительными свидетельствами, содержащимися в документах.

В городе снова пировали и пускали фейерверки – на сей раз по случаю рождения мальчика у Джану-Баи, в прошлом танцовщицы, а ныне фактической правительницы Гулкота, ибо она подчинила себе раджу настолько, что малейшее ее желание беспрекословно выполнялось.

Подданные раджи получили приказ праздновать рождение младенца – и праздновали, хотя и без особого воодушевления. Нотч не пользовалась популярностью у народа, и мысль о возможном принце, произведенном ею на свет, никого не радовала. Нет, ребенок не был наследником престола, ведь первая жена раджи, впоследствии умершая в родах, подарила своему супругу сына по имени Лалджи, то есть «возлюбленный», – ныне восьмилетнего ювраджа, в котором отец души не чаял и которым гордились все жители Гулкота. Но в Индии жизнь – штука ненадежная, и кто знает, доживет ли мальчик до взрослого возраста? Его мать за пятнадцать лет супружества родила девять детей, и все они, за исключением Лалджи (и последней мертворожденной девочки), умерли в младенчестве. Сама она скончалась при родах, и ее муж вскоре снова женился – на дочери чужеземца, прелестной юной девушке, получившей в Гулкоте прозвище фаранги-рани.

Отец фаранги-рани был русским наемником, поочередно служившим в войсках разных воюющих индийских князей. На службе у последнего из них, Ранджита Сингха, прозванного Львом Пенджаба, он значительно возвысился, а после смерти Ранджита благоразумно ушел в отставку, чтобы закончить свои дни в удаленном независимом княжестве Гулкот. Ходили слухи, будто в прошлом он был офицером казачьих войск, приговоренным к пожизненному заключению, но сбежал из тюрьмы и добрался до Индии через северные перевалы. Оставив службу в Пенджабе, он не выказывал ни малейшего желания вернуться на родину и жил в свое удовольствие на богатства, накопленные за десять лет пребывания на высоких должностях, вместе с компанией наложниц и своей индийской женой Кумаридеви, дочерью раджпутского князя, над которым одержал победу в бою и у которого потребовал дочь в качестве трофея, – они случайно встретились во время разграбления города и полюбили друг друга с первого взгляда.

Фаранги-рани была последним и единственным выжившим ребенком Кумаридеви, чье появление на свет стоило матери жизни. К тому времени некогда прекрасная принцесса превратилась в зрелую женщину, изнуренную выкидышами и рождением мертвых детей, что по большей части объяснялось бесчисленными тяготами походной жизни, поскольку Кумаридеви сопровождала мужа во всех военных походах. Ее дочь воспитывалась вместе с целым выводком незаконнорожденных единокровных братьев и сестер, и все они возникали, когда слухи о ее красоте дошли до раджи Гулкота и он сделал предложение о браке, понимая, что ни о каком другом союзе не может быть и речи, так как со стороны матери она принадлежала к более царственному роду, чем его собственный.

Какое-то время фаранги-рани была счастлива. Никто из сводных братьев и сестер или их матерей не питал к ней особой приязни, и она с радостью покинула родной дом ради показного великолепия Дворца ветров. Враждебность женщин в Хава-Махале не слишком ее беспокоила: она привыкла к женским интригам, а раджа, влюбленный в нее до безумия, ни в чем ей не отказывал. И она не особо горевала, когда через год после свадьбы умер ее отец, никогда не уделявший большого внимания своему многочисленному потомству. Если

фаранги-рани о чем-то и сожалела, то единственно о своей бездетности, хотя в отличие от чисто восточных женщин она не была одержима страстным желанием рожать детей и в любом случае не сомневалась, что это всего лишь дело времени. Но жадный интерес, зависть и торжество других женщин в связи с этим большим вопросом (а также злорадные намеки, что она, полукровка, бесплодна) уязвляли ее, и она уже начала беспокоиться и нервничать ко времени, когда наконец зачала ребенка – сына. Конечно сына, иначе и быть не могло.

До сих пор из всех женщин раджи только первая жена рожала сыновей, и из них выжил лишь один. Но одного сына для мужчины мало: у него должно быть много сыновей, дабы его род продлился, что бы ни случилось. Как женщина, занимающая главное положение во дворце и в сердце раджи, фаранги-рани почитала своим долгом родить мужу сыновей и очень обрадовалась, когда понесла. Но по какой-то причине – возможно, в силу своего чужеземного происхождения – фаранги-рани переносила беременность хуже, чем остальные женщины, и вместо того, чтобы расцвести и похорошеть, как они, с первых дней стала мучиться сильной тошнотой и приступами рвоты, быстро приобрела изможденный вид и землистый цвет лица и в считанные недели утратила свою красоту и жизнерадостность.

Раджа искренне любил фаранги-рани, но, как большинство мужчин, не находил удовольствия в обществе больных и увечных, а потому предпочел держаться от нее подальше в надежде, что она скоро оправится. К несчастью для нее, как раз в то время один из придворных министров устроил в честь раджи пир, где гостей развлекала труппа танцовщиц. Среди них была кашмирская девушка Джану, обольстительная чаровница с золотистой кожей и темными глазами, прекрасная и хищная, как черная пантера.

Джану была малого роста – по грудь радже – и имела легкую склонность к полноте. Но сейчас она была молода, и мужчинам, перед которыми она извивалась и раскачивалась под рокот барабанов и пение ситаров, танцовщица казалась живой копией тех сладострастных богинь, что улыбаются с фресок Аджанты или изваяны в камне на Черной пагоде в Конараке. Она в избытке обладала тем не поддающимся определению качеством, которое будущие поколения назовут словом «сексапильность», и была не только красива, но и умна; эти три своих бесценных достоинства она использовала с таким успехом, что уже через сутки прочно обосновалась во дворце, а через неделю всем стало ясно, что звезда фаранги-рани закатывается и появилась новая фаворитка, коей следует льстить и угождать, если желаешь snискать милость раджи.

Но даже тогда никому не пришло в голову, что это нечто большее, чем мимолетное увлечение, которое скоро пройдет, как проходили все остальные. И никто не принял никаких мер против нотч. Джану была честолюбива и с детства обучена искусству ублажать и развлекать мужчин. Она больше не довольствовалась подарками в виде пригоршни монет или какой-нибудь безделушки; она увидела свой шанс взойти на престол, разыграла свои карты – и выиграла. Раджа женился на ней.

Двумя неделями позже фаранги-рани разрешилась от бремени, но вместо сына, который смог бы отчасти восстановить ее утраченный престиж, она родила маленькую, невзрачную, бледную девочку.

– На большее она не способна, – презрительно сказала Джану-Баи. – Стоит только один раз посмотреть на нее, и сразу становится понятно, что такая бледная немочь никогда не станет матерью сыновей. Вот когда родится *мой* сын...

Джану ни минуты не сомневалась, что ее первым ребенком будет сын. И это действительно оказался сын, здоровый крепыш, каким гордился бы любой отец. В ночное небо взмывали фейерверки, осыпавшиеся над городом звездным дождем. В храмах ревели раковины и гудели гонги, и бедный люд пировал по случаю рождения нового принца, а среди прочих и маленький Ашок со своей матерью Ситой, чьи проворные пальцы сплели многие из блестящих разноцветных гирлянд, в тот день украшавших улицы.

Шестилетний сын Хилари и Изабеллы обедался халвой и джелаби, кричал и запускал патаркары с друзьями и жалел, что сын у раджи рождается не каждый день. Он не жаловался на жизнь, хотя Сита кормила его самой простой пищей и отнюдь не до отвала, а сласти, изредка ему перепавшие, она чаще всего не покупала, а незаметно утягивала с какого-нибудь прилавка на базаре, рискуя быть пойманной и избитой разъяренным торговцем. Аш был сильным и рослым мальчиком, высоким для своего возраста и проворным, как мартышка. Спартанская диета бедняков не позволяла ему набрать ни унции лишнего жира, а каждодневные игры с друзьями в пятнашки на городских улицах и крышах – не говоря уже о налетах на базарные прилавки со сладостями и фруктами и стремительных бегствах от погони – укрепили его мускулы и развили природную резвость ног.

На другом конце мира, в уютных детских комнатах высшего и среднего класса Викторианской Англии, пяти-шестилетние дети считались еще слишком маленькими для занятий более сложных, чем учить алфавит с помощью разноцветных кубиков да катать обручи под заботливым присмотром нянек. Но дети бедняков в таком возрасте уже трудились бок о бок с родителями на рудниках, фабриках и фермах – и в далеком Гулките Аш тоже стал зарабатывать на хлеб.

Ему едва исполнилось шесть с половиной, когда он начал работать подручным конюха в конюшнях Дуни Чанда, богатого землевладельца, имевшего в своей собственности дом рядом с храмом Вишну и несколько ферм в сельской местности за городской чертой.

Дуни Чанд держал лошадей, на которых навевывался на свои поля и ездил на соколиную охоту в бесплодную овражистую местность у реки, и в обязанности Аша входило носить зерно и воду, заботиться о сбруях и помогать во всех делах, начиная от косьбы травы и кончая чисткой животных скребницей. Работа была трудной, а жалованье скудным, но благодаря тому, что первые годы жизни мальчик провел среди лошадей, познакомившись с ними в самом раннем возрасте стараниями своего мнимого отца Даярама, он никогда не испытывал ни малейшего страха перед ними. Ухаживать за лошадьми Ашу нравилось, а несколько ан, заработанных своим трудом, придавали ему чувство собственной значимости. Теперь он мужчина и добытчик и может, коли пожелает, купить халвы у торговца сладостями, а не красть лакомство. Это был первый шаг вверх по общественной лестнице, и Аш сообщил Сите, что решил стать саисом и накопить достаточно денег ко дню, когда они наконец отправятся на поиски своей долины. По слухам, Мохаммед Шариф, старший саис, зарабатывал двенадцать рупий в месяц – огромная сумма, в которую не входил дастори (взимаемый саисом сбор в виде одной аны с каждой рупии, потраченной на покупку продуктов, инструментов и снаряжения в конюшню), в два с лишним раза превосходивший собственно жалованье.

– Когда я стану старшим саисом, – важно заявил Аш, – мы переедем в большой дом и найдем слугу, чтобы он готовил пищу, и тебе никогда больше не придется работать, матаджи.

Вполне вероятно, что Аш выполнил бы свой план и прослужил бы всю жизнь на конюшне у какого-нибудь мелкого вельможи, ибо, как только стало ясно, что он может ездить верхом на любом четвероногом, Мохаммед Шариф признал в нем прирожденного наездника, разрешил мальчику выезжать своих подопечных и научил его множеству ценных секретов, касающихся искусства верховой езды, так что год, проведенный на конюшнях Дуни Чанда, оказался для него очень удачным. Однако судьба, не без человеческого участия, распорядилась иначе, и падение старой выветренной плиты песчаника изменило весь ход жизни Аша.

Это случилось апрельским утром, ровно через три года после того далекого утра, когда Сита вывела Аша из ужасного, заполненного стервятниками лагеря в Тераи и пустилась с ним в долгий путь к Дели. Юный наследный принц Лалджи, юврадж Гулкота, ехал по городу к храму Вишну, чтобы совершить там жертвоприношение. И когда он проезжал под аркой

древних Чарбагских ворот, стоявших на перекрестке улицы Медников и базара Чандни, один из карнизных камней сорвался со своего места и упал на дорогу.

Аш стоял в первых рядах толпы, куда пробрался ползком, протискиваясь между ног взрослых, и краем глаза заметил движение наверху. Он увидел, как плита дрогнула и заскользила вниз, едва голова лошади ювраджа показалась из тени под аркой, и, почти не раздумывая (времени на размышление не было), прыгнул вперед, ухватился за уздечку и остановил испуганное животное за долю секунды до того, как тяжелый камень с грохотом рухнул на мостовую и распался на сотню острых осколков прямо под бьющими по воздуху копытами. Разлетевшиеся во все стороны осколки сильно поранили Аша, лошадь и нескольких зрителей, и кровь была повсюду: на горячей белой пыли, на праздничных нарядах толпы и на парадной попоне.

Зрители завопили и подались назад, а лошадь, обезумевшая от боли и шума, непременно понесла бы, если бы не Аш, который гладил ее по морде и ласковым голосом успокаивал испуганное животное, покуда ошеломленные солдаты из эскорта не бросились вперед и не окружили принца, выхватив у Аша поводья и оттерев его в сторону. Затем последовали несколько минут невероятной сумятицы, истерических криков, вопросов, ответов, пока солдаты оттесняли толпу назад и в ужасе таращились на обвалившийся карниз, а один седобородый всадник бросил Ашу монету – аж целый золотой мухур! – и сказал: «Браво, малыш! Отличная работа».

Убедившись, что никто серьезно не пострадал, толпа одобрительно заревела, и процессия двинулась дальше под иступленные приветственные крики. Юврадж прямо сидел в седле, сжимая поводья заметно дрожащими руками. Он с похвальной ловкостью удержался на взвившейся на дыбы лошади, но его маленькое лицо под украшенным драгоценными камнями тюрбаном было напряженным и бледным, когда он оглянулся через плечо, ища взглядом мальчика, по воле небес столь своевременного прыгнувшего к его лошади.

Какой-то незнакомый мужчина в толпе посадил Аша к себе на плечо, чтобы он видел удаляющуюся процессию, и несколько мгновений мальчишки пристально смотрели друг на друга: испуганные черные глаза юного принца встретились с любопытными серыми глазами малолетнего конюшонка. Потом между ними нахлынула толпа, и через полминуты процессия достигла конца улицы Медников и скрылась за поворотом.

Сита была приятно поражена видом золотой монеты, а рассказ об утреннем происшествии произвел на нее даже еще более сильное впечатление. После долгого обсуждения они решили отнести монету Бхагвану Лалу, ювелиру, имевшему репутацию честного человека, и выменять на нее соответствующее количество серебряных украшений, которые Сита сможет носить до той поры, покуда им не понадобятся наличные деньги. Ни один из них не ожидал продолжения этой истории – если не считать неизбежных расспросов, похвал и поздравлений со стороны заинтересованных соседей, – но на следующее утро в дверь дома Дуни Чанда постучал тучный и надменный дворцовый чиновник, сопровождаемый двумя пожилыми слугами. Наследный принц, высокомерно объяснил чиновник, желает немедленно видеть этого жалкого щенка во дворце, где он получит жилье и какую-нибудь незначительную должность при его дворе.

– Но я не могу, – запротестовал Аш, охваченный смятением. – Мама не захочет жить одна, а я не могу ее бросить. Она не захочет...

– Желания твоей матери не имеют никакого значения, – грубо перебил его чиновник. – Принц требует, чтобы ты служил у него, и тебе лучше поторопиться и привести себя в надлежащий вид. Нельзя являться во дворец в таких лохмотьях.

Ашу пришлось подчиниться. Его отвели в лавку торговца фруктами, где он торопливо переоделся в единственный свой сменный костюм и успокоил обезумевшую от горя Ситу, велел ей не волноваться, поскольку он скоро вернется. Очень скоро...

– Не плачь, мама. Для слез нет причин. Я скажу ювраджу, что хочу остаться с тобой, а раз я спас его от увечья, он позволит мне вернуться. Вот увидишь. К тому же они не смогут удержать меня там против моей воли.

Уверенный в этом, он обнял Ситу на прощание и двинулся следом за слугами ювраджа – через городские ворота, а потом вверх к Хава-Махалу, дворцу-крепости раджи Гулкота.

4

К Дворцу ветров вела крутая дорога, вымощенная гранитными плитами, на которых многие поколения проходивших здесь людей, слонов и лошадей оставили свои следы. Камень охлаждал босые ноги Аша, бредущего за слугами ювраджа, и, взглянув на вздымающиеся над ним крепостные стены, мальчик вдруг почувствовал страх.

Он не желал жить и работать в крепости. Он хотел остаться в городе, где жили его друзья, хотел ухаживать за лошадьми Дуни Чанда и учиться уму-разуму у Мохаммеда Шарифа, старшего конюха. Хава-Махал казался местом мрачным и враждебным, а Бадшахи-Дарваза, Ворота падишаха, через которые он вошел, лишь усилили такое впечатление. Окованные железом огромные створы открылись в темноту. За ними, в тени каменной перемычки, празднично сидели часовые, вооруженные кривыми саблями и джезайлами. Мощеная дорога проходила под обшарпанным балконом, откуда на них смотрели черные пушечные жерла, а потом солнечный свет словно отсекло мечом, когда они вошли в длинный тоннель, по обеим сторонам которого теснились ниши, караульные помещения и коридоры, тянувшиеся вверх сквозь недра скалы.

Переход с теплого солнечного света в холодную тень и жутковатое эхо шагов под черными сводами усилили тревогу Аша. Оглянувшись через плечо на огромные ворота, в проеме которых виднелся город, нежащийся в знойном мареве, мальчик почувствовал искушение пуститься наутек. Внезапно у него возникло ощущение, будто он входит в тюрьму, откуда нет пути назад, и если он не убежит сейчас, сию же минуту, то навсегда потеряет свободу, друзей, счастье и всю свою жизнь проведет за решеткой, как говорящий скворец в клетке над дверью гончарной мастерской. Это была новая и пугающая мысль, и Аш задрожал словно от холода. Но проскочить мимо стольких часовых представлялось делом нелегким, и будет унижительно, если его поймут и приволокут во дворец силой. Кроме того, мальчику хотелось увидеть все, что находится внутри Хава-Махала: никто из его знакомых никогда не бывал во дворце, и ему будет чем похвастаться перед друзьями. Но о том, чтобы остаться здесь и работать на ювраджа, он даже думать не желает, и они сильно ошибаются, если полагают, что сумеют его заставить. Он перелезет через стену и вернется обратно в город, а если за ним опять придут, тогда они с мамой убегут подальше отсюда. Мир велик, и где-то далеко в горах укрыта их долина – безопасное место, где они заживут в свое удовольствие.

Тоннель круто повернул направо и вышел в открытый внутренний дворик, где находились еще несколько часовых и еще несколько старинных бронзовых пушек. Ворота на противоположной стороне вели в широкий четырехугольный двор, где в тени чинара стояли на привязи два слона раджи, а десяток болтающих женщин стирали белье в зеленой воде каменного водоема. За двором возвышалась громада дворца – фантастическая мешанина стен, парапетов с бойницами, деревянных балконов, украшенных резьбой окон, стройных башенок и резных галерей, которую от наблюдателей в городе почти полностью заслонял наружный бастион.

Никто не знал, когда была основана эта крепость, но, если верить легенде, она противостояла войскам Сикандара Дулхана (Александра Македонского), когда молодой завоеватель вторгся в Индию через северные перевалы. Однако главная часть современной цитадели была возведена в начале XV века неким атаманом разбойников, которому требовалась неприступная твердыня, чтобы совершать из нее налеты на плодородные земли за рекой и возвращаться обратно в случае опасности. В нынешние дни она носила название Кала-Кила – Черная крепость, но не из-за цвета, ибо была построена из твердого серого камня, составлявшего пласт обнаженной скальной породы, на котором она стояла, а из-за своей репутации, в высшей степени темной. Вождь раджпутского племени, впоследствии захвативший

данную территорию, значительно расширил крепость, а его сын, построивший обнесенный стеной город на равнине внизу и ставший первым раджей Гулкота, превратил Кала-Килу в огромную, пышно украшенную резиденцию, благодаря своему расположению на значительной высоте получившую название Хава-Махал – Дворец ветров.

Нынешний раджа жил именно здесь, среди обветшалого великолепия затейливого лабиринта залов с персидских коврами, пыльными портьерами с золотым шитьем, настенными орнаментами из нефрита или чеканного серебра со вставками из рубинов и необработанной бирюзы. Здесь же, в роскошных покоях зенаны, за сквозными деревянными ширмами, отделявшими приемный зал от сада с розами и фруктовыми деревьями, обитала рани Джану-Баи – ее соперница, фаранги-рани, умерла от лихорадки, хотя иные считали, что от яда, прошлым летом. А в беспорядочном лабиринте комнат, занимавших целое крыло дворца, проводил свои дни маленький юврадж, более известный под своим «молочным» именем Лалджи, в окружении толпы слуг, мелких чиновников и прихлебателей, приставленных к нему отцом.

Когда Аша провели к Лалджи через многочисленные коридоры и прихожие, наследный принц Гулкота сидел с поджатыми ногами на бархатной подушке и дразнил взъерошенного какаду, который имел такой же мрачный и сердитый вид, как и его мучитель. Вчерашний великолепный парадный костюм уступил место узким муслиновым шароварам и простому полотняному ачкану, и в таком наряде мальчик выглядел гораздо моложе, чем вчера, когда восседал на белом жеребце в середине процессии. Накануне он выглядел истинным принцем с ног до головы, увенчанной лазурным тюрбаном с высоким плюмажем и сверкающей алмазной застежкой. А теперь это был просто маленький мальчик. Пухлый бледный ребенок, который казался не старше, а младше Аша на два года и был не столько сердит, сколько испуган.

Именно последнее обстоятельство успокоило и ободрило Аша, еще минуту назад объятого благоговейным трепетом. Он тоже порой искал спасения от страха за показным раздражением и потому сразу узнал чувство, явно скрываемое ювраджем от скучных взрослых, находившихся в комнате. Внезапно Аш проникся симпатией к будущему радже Гулкота. И почувствовал острое желание принять его сторону против толстокожих взрослых, которые кланяются столь почтительно и говорят такими фальшивыми льстивыми голосами, но сохраняют при этом холодное и хитрое выражение лица.

Вид у них не особо дружелюбный, подумал Аш, украдкой рассматривая присутствующих. Все они были слишком толстыми, холеными и самодовольными, а один из них – богато одетый щеголь с красивым порочным лицом, носящий бриллиантовую серьгу в одном ухе, – демонстративно приложил к носу надушенный платок, словно испугавшись, что этот городской щенок принес с собой запах нищеты и конюшен. Аш отвел от него глаза и низко поклонился принцу, поднеся сложенные ладони ко лбу, как требовал обычай, но при этом взгляд у него был дружелюбным и заинтересованным, и юврадж несколько просветлел лицом.

– Оставьте меня! – приказал юврадж своим придворным, отсылая их прочь повелительным взмахом царственной длани. – Я хочу поговорить с этим мальчиком наедине.

Щеголь с бриллиантовой серьгой низко наклонился к нему, схватил за руку и принялся горячо шептать что-то на ухо, но юврадж вырвал руку и громко и сердито сказал:

– Ты болтаешь вздор, Биджурам! Зачем ему нападать на меня, если вчера он спас мне жизнь? Вдобавок он не вооружен. Ступай прочь!

Молодой человек отступил назад и поклонился с покорной почтительностью, которая никак не вязалась с мерзким выражением, внезапно появившимся у него на лице. Аш был немало изумлен, поймав на себе взгляд, исполненный лютой злобы, совершенно несоразмерной с пустячностью повода. Очевидно, Биджурам не обрадовался полученному выговору и

счел Аша повинным в пережитом унижении. Это было явно несправедливо, если учесть, что Аш не произнес ни слова, да и вообще не хотел являться во дворец, коли на то пошло.

Юврадж нетерпеливо махнул рукой, и мужчины удалились. Два мальчика смерили друг друга оценивающими взглядами. Но Аш продолжал молчать, и именно юврадж нарушил минутное молчание, наступившее после ухода придворных:

– Я рассказал отцу, как ты спас мне жизнь, и он позволил мне взять тебя в слуги. Ты будешь получать хорошее жалованье, и я... Мне здесь не с кем играть. Во дворце живут одни только женщины и взрослые. Ты останешься?

До сих пор Аш твердо намеревался отказаться, но сейчас он заколебался и неуверенно проговорил:

– Моя мать... Я не могу бросить ее, и вряд ли она...

– Это легко устроить. Она может тоже жить здесь и ухаживать за моей маленькой сестренкой, принцессой. Так, значит, ты ее любишь?

– Конечно, – удивленно ответил Аш. – Она же моя мать.

– Понятно. Везет тебе. А вот у меня нет матери. Она была рани, ты знаешь. Но она умерла, когда я родился, и я совсем ее не помню. Может, если бы она не умерла... Мать моей сестры Анджали тоже умерла – говорят, от порчи или от яда. Но, вообще-то, она была фаранги и постоянно хворала, так что, возможно, *этой* не пришлось прибегать к колдовству, или к яду, или к помощи... – Он осекся, быстро оглянулся через плечо, а потом проворно встал и сказал: – Пойдем отсюда. Давай выйдем в сад. Здесь слишком много посторонних ушей.

Посадив какаду обратно на жердочку, юврадж вышел через занавешенный портьерами дверной проем и прошел мимо кланяющихся слуг в сад с ореховыми деревьями, фонтанами и маленькой беседкой, отражающейся в пруду, полном водяных лилий и золотых карпов. Аш последовал за ювраджем. В дальнем конце сада, по краю отвесного обрыва высотой двести футов, спускавшегося к плато, тянулся низкий каменный парапет, а с трех других сторон возвышались стены дворца: ярус за ярусом резного дерева и камня, с сотнями окон, из которых открывался вид на город и далекий горизонт.

Лалджи сел на берегу пруда и принялся бросать камешки в карпов.

– Ты видел, кто столкнул камень?

– Какой камень? – недоуменно спросил Аш.

– Тот самый, что упал бы на меня, если бы ты не остановил моего коня.

– Ах, этот. Его никто не сталкивал. Он сам упал.

– Нет, его именно столкнули, – убежденно прошептал Лалджи. – Данмайя, моя няня... бывшая... всегда говорила, что если *эта* родит сына, она найдет способ сделать его наследником престола. А я... я...

Мальчик прикусил язык, не желая признаться, пусть даже другому ребенку, что он боится. Но произнесенное слово легко угадывалось по дрожи в голосе и неловкости рук, швыряющих камешки в спокойную воду. Аш нахмурился, вспоминая движение, привлечшее его внимание за секунду до того, как упал карнизный камень, и впервые задаваясь вопросом, почему он упал именно в тот момент и не человеческая ли рука столкнула его.

– Биджурам говорит, что я все выдумываю, – продолжил юврадж тихим голосом. – Он говорит, что никто не посмел бы. Даже *эта* не посмела бы. Но когда камень упал, я вспомнил слова своей няни, и тогда я подумал... Данмайя говорит, что я не должен никому доверять, но ты спас мне жизнь, и если ты останешься здесь, возможно, со мной ничего не случится.

– Я не понимаю, – произнес озадаченный Аш. – Чего тебе опасаться? Ты же юврадж, у тебя есть слуги и стражники, а однажды ты станешь раджей.

Лалджи невесело усмехнулся:

– Еще недавно так оно и было. Но теперь у моего отца есть другой сын. Ребенок *этой*... ребенок нотч. Данмайя говорит, она не успокоится, пока не добьется, чтобы он занял мое место: она хочет, чтобы трон достался ее сыну, и она крепко держит моего отца в руках... вот так. – Он сжал кулак с такой силой, что костяшки побелели, а потом разжал пальцы и уставился на камешек, лежащий на ладони. На его маленьком лице пролегли недетские резкие складки. – Я его сын. Старший сын. Но он сделает все, лишь бы угодить ей, и...

Его голос пресекался, и тихий плеск фонтана заглушил последние слова. Внезапно Аш вспомнил другой голос, принадлежавший почти забытому человеку, который давным-давно, в другой жизни и на другом языке, говорил ему: «В мире нет ничего хуже несправедливости. Быть несправедливым – значит поступать бесчестно». С ювраджем хотят поступить бесчестно, а следовательно, этого нельзя допустить. Необходимо что-то предпринять.

– Хорошо. Я останусь, – сказал Аш, героически отказываясь от беспечной жизни в городе и приятной перспективы дослужиться до старшего конюха у Дуни Чанда.

Беззаботные годы остались позади.

Тем же вечером он передал весточку Сите, и она тотчас извлекла из тайников деньги и маленький пакет с бумагами, увязала в узел скудные пожитки и отправилась в Хава-Махал. На следующее утро Ашу сообщили, что отныне он придворный ювраджа с ежемесячным жалованьем в целых пять серебряных рупий, а Сита получила должность служанки при маленькой дочери покойной фаранги-рани, принцессе Анджали.

По дворцовым меркам предоставленное им жилье было весьма скромным: три комнатки без окон, одна из которых служила кухней. Но по сравнению с единственной комнатой в городе оно казалось верхом роскоши, а отсутствие окон возмещалось тем фактом, что все три двери выходили в маленький отдельный дворик, обнесенный восьмифутовой стеной и затененный ветвями сосны. Сита пришла в восторг от нового жилья и скоро стала относиться к нему как к настоящему дому, хотя ее печалило, что Ашок не может ночевать там. По роду своих обязанностей, состоявших главным образом в прислуживании ювраджу, Аш должен был спать в передней комнате, смежной с опочивальней принца.

Никто не назвал бы такую работу трудной, однако вскоре Аш начал находить ее довольно утомительной. Отчасти это объяснялось вспыльчивым характером и причудами юного хозяина, но в основном – происками молодого щеголя Биджурама, который почему-то страшно невзлюбил Аша. Лалджи называл Биджурама Биччху – Скорпион – или Биччху-джи, но больше никто не осмеливался обращаться к нему так, ибо он вполне оправдывал свое прозвище, будучи существом злобным и ядовитым, способным разъяриться и ужалить по малейшему поводу.

В случае с Ашем никакого повода и не требовалось. Биджурам явно получал удовольствие, всячески отравляя Ашу жизнь. Он никогда не упускал возможности посмеяться над мальчиком и сделал его мишенью бесчисленных злых шуток, призванных единственно причинить боль и унижить, а поскольку шутки обычно были не только жестокими, но и непристойными, Лалджи хихикал над ними, а придворные неизменно разражались подобоострастным хохотом.

Лалджи часто находился в дурном расположении духа и всегда вел себя непредсказуемо, чему не приходилось удивляться, ведь до появления нотч он был избалованным любимцем всего дворца, все его прихоти и капризы беспрекословно исполнялись любящим отцом, обожающими обитательницами зенаны и льстивыми придворными и слугами. Его первая мачеха, очаровательная и добрая фаранги-рани, жалела маленького сироту и любила всем сердцем, как своего родного сына. Но ни сама она и никто другой никогда не пытались воспитывать его, и не приходилось удивляться, что прелестный пухлый младенец превратился в испорченного властного мальчика, абсолютно неспособного примениться к переменам обстановки во дворце, произошедшим, когда новая фаворитка родила сына, а фаранги-

рани умерла. Внезапно юный юврадж утратил прежнюю значительность, и даже его слуги стали заметно менее угодливыми, а придворные, еще недавно лебезившие и раболепствовавшие перед ним, поспешили снискать милость новой притязательницы на власть.

Комнаты и слуги ювраджа приобрели неряшливый и запущенный вид. Теперь не все его приказы выполнялись, а постоянные предостережения преданной няни – старой Данмайи, которая нянчила еще его мать и последовала за ней в Гулкот, когда та отправилась туда в качестве невесты, – нисколько не облегчали переживаний юного принца и не улучшали положения дел. Данмайя с готовностью отдала бы жизнь за Лалджи, и вполне вероятно, она имела основания бояться за своего любимца. Но беспрестанные разговоры о возможных опасностях и неодобрительные высказывания о том, как невнимательно относится к нему отец, лишь усугубляли подавленное состояние мальчика и зачастую доводили его чуть ли не до истерики. Он не понимал, что происходит, и от этого испытывал скорее страх, нежели раздражение. Но гордость не позволяла ювраджу выказывать страх, и он нашел спасение во вспышках гнева, от которых страдали люди, прислуживавшие ему.

Несмотря на свой малый возраст, Аш многое понимал в сложившейся ситуации. И хотя понимание позволяло ему извинять многие выходки Лалджи, легче от этого не становилось. К тому же Аш был чужд всякого подобострастия, которого юврадж, за свою короткую жизнь привыкший к нему, ожидал от всех своих слуг, даже от пожилых мужчин и почтенных старцев. Поначалу Аш был сильно впечатлен значительностью наследника престола и важностью своих обязанностей, к которым он, как свойственно ребенку, относился отчасти серьезно, отчасти как к игре. К сожалению, близко узнав ювраджа, он вскоре почувствовал презрение к своему повелителю, а затем и скуку. Временами он ненавидел Лалджи так сильно, что убежал бы, если бы не Сита. Но он знал, что Сита здесь счастлива, а если он убежит, ей тоже придется покинуть дворец – не только потому, что он не может бросить ее здесь, но и потому, что Лалджи наверняка станет обращаться с ней дурно в отместку за его дезертирство. Однако, как ни странно, от побега Аша удерживала не только любовь к Сите, но и сочувствие к Лалджи.

У двух мальчиков было мало общего, и стать близкими друзьями им мешали самые разные причины: кастовая принадлежность, воспитание и окружение, наследственность и глубокая социальная пропасть, разделяющая наследника престола и сына простой служанки. Помимо всего прочего, играла роль разница характеров и темпераментов, а в какой-то мере и разница в возрасте. Впрочем, это как раз не имело особого значения: хотя Лалджи был старше на два года, рядом с ним Аш зачастую чувствовал себя взрослым, а следовательно, обязанным защищать слабого от злых сил, подспудное действие которых в громадном древнем дворце ощущали даже самые толстокожие.

Аш никогда не был толстокожим, и, хотя поначалу он счел предостережения Данмайи болтовней глупой старухи, ему не потребовалось много времени, чтобы изменить мнение. Пусть праздная, бессмысленная жизнь во дворце текла мирно и тихо, но за видимым покоем скрывались подводные течения интриг, заговоров и контрзаговоров, и в бесчисленных коридорах и укромных комнатах Хава-Махала шептал не один только ветер.

Продажность, злокозненность и алчность населяли пыльные дворцовые покои, таились за каждой дверью, и даже ребенок не мог не сознавать этого. Однако Аш не воспринимал все это достаточно серьезно до тех пор, пока не нашел случайно тарелку с любимыми пирожными Лалджи в маленькой беседке у пруда в личном саду ювраджа...

Лалджи гонялся по саду за ручной газелью, и именно Аш первым увидел пирожные и лениво покрошил одно из них в пруд, где жирные карпы жадно сожрали лакомый корм. Через несколько минут рыбы плавали вверх брюхом среди кувшинок, а Аш в ужасе таращился на них, не веря своим глазам: он понял, что они умерли, и понял отчего.

Обычно Лалджи не притрагивался к пище, пока блюдо не пробовал слуга, исполняющий обязанности дегустатора. Но найди он соблазнительные пирожные в беседке, то обязательно схватил бы и проглотил одно из них так же жадно, как карпы. Аш быстро отнес тарелку с отравленным лакомством к парапету в дальнем конце сада и швырнул вниз с обрыва. Пока пирожные падали, вращаясь в свете вечернего солнца, с высоты к ним устремилась ворона и подхватила на лету одно из них, а в следующий миг она тоже падала в пропасть безжизненным черным комком перьев.

Аш никому не рассказал об этом случае, хотя казалось естественным немедленно сообщить о происшедшем любому, кто станет слушать. Но слишком раннее знакомство со всеми возможными опасностями научило его осторожности, и он посчитал, что об этом деле лучше помалкивать. Рассказав все Лалджи, он добьется лишь того, что страхи мальчика усугубятся, а старая Данмайя окончательно обезумеет от тревоги. И даже если будет проведено расследование, вне всяких сомнений, настоящего преступника не найдут и отвечать за все придется какому-нибудь ни в чем не повинному бедолаге. Благодаря своему опыту жизни во дворце Аш прекрасно понимал, что ни на какую справедливость рассчитывать не приходится, коли в деле замешана Джану-Баи, особенно с недавнего времени, когда она еще сильнее упрочила свое положение рождением второго сына.

Мальчику ни разу не пришло на ум, что упомянутым бедолагой может стать он сам или что пирожные в беседке могли предназначаться ему, а не ювраджу.

Поэтому Аш хранил спокойствие, ибо детям остается лишь принимать мир таким, какой он есть, и мириться с тем фактом, что взрослые всемогущи, если даже не многоумны. Он постарался выбросить из головы историю с пирожными и, приняв свое рабство в Хава-Махале как неизбежное зло, на данный момент неустрашимое, покорился необходимости терпеть до времени, когда юврадж станет взрослым и перестанет нуждаться в его услугах. По крайней мере, теперь он ел досыта и ходил в чистой одежде, хотя обещанного жалования так и не получал из-за ненасытности нотч, истощившей казну раджи до угрожающего предела. Но такая жизнь казалась ужасно скучной, пока не появился Туку, маленький мангуст, который стал наведываться в сад Ситы и которого Аш развлечения ради приручил и выдрессировал.

Туку был первым живым существом, всецело принадлежавшим ему. Хотя Аш знал, что безраздельно владеет сердцем Ситы, он не имел возможности общаться с ней, когда пожелает. У Ситы были свои служебные обязанности, и они могли видаться только в определенные часы дня. Но Туку постоянно следовал за ним по пятам или сидел у него на плече, ночью спал у него на груди, свернувшись клубочком, и мгновенно приходил на зов. Аш любил грациозного, бесстрашного зверька и чувствовал, что Туку понимает это и отвечает взаимной любовью. Эта дружба приносила Ашу глубокое удовлетворение и продолжалась более полутора лет – до того черного дня, когда Лалджи, утомленный скукой, изъявил желание поиграть с Туку, а затем принялся немилосердно дразнить зверька, за что и был укушен острыми зубами. Следующие две минуты были истинным кошмаром, воспоминание о котором неотступно преследовало Аша многие месяцы и так никогда и не стерлось из памяти.

Лалджи, укушенный до крови, завопил от страха и боли и приказал одному из слуг убить мангуста немедленно – немедленно! Слуга выполнил приказ прежде, чем Аш успел вмешаться. Единственный удар меча в ножнах перебил Туку позвоночник. Несколько мгновений зверек корчился в смертных муках и пронзительно визжал, а потом испустил дух – и в руках у Аша остался лишь безжизненный комочек меха.

У него в голове не укладывалось, что Туку умер. Всего минуту назад он распушал хвост и недовольно свиристел, рассерженный грубым обхождением Лалджи, а теперь...

– Не смотри на меня так! – в ярости воскликнул Лалджи. – Подумаешь, велика важность! Он просто животное, дикое, злобное животное. Видишь, как он укусил меня?

– Ты дразнил его, – прошептал Аш. – Это ты дикое, злобное животное!

Ему захотелось закричать, заорать, завопить во все горло. Ярость вскипела в нем, и, уронив тельце Туку на пол, он бросился на Лалджи. Это была не настоящая драка, а детская потасовка. Постыдная потасовка, в которой Лалджи плевался, пинался и визжал дурным голосом, пока дюжина слуг, вбежавших в комнату со всех сторон, не растащила мальчиков.

– Я ухожу, – задыхаясь проговорил Аш, пытаясь вырваться из крепкой хватки объятых ужасом слуг и испепеляя Лалджи ненавидящим взглядом. – Я не останусь с тобой ни минуты. Уйду сейчас же и никогда не вернусь.

– А я говорю, ты никуда не уйдешь! – провизжал Лалджи, вне себя от ярости. – Ты не уйдешь без моего позволения, а если попытаешься – убедишься, что не можешь. Я позабочусь об этом.

Биджурам, который в знак своей готовности защитить ювраджа выхватил длинноствольный пистолет, по счастью незаряженный, небрежно указал стволом на Аша и лениво проговорил:

– Вам следует заклеить этого жалкого конюшонка, как клеймят лошадей или мятежных рабов. Тогда у него не будет возможности скрыться: в нем сразу опознают вашу ответственность и вернут вам.

Возможно, он не рассчитывал, что принц отнесется к предложению серьезно, но Лалджи, ослепленный гневом и плохо соображавший, ухватился за него. Встать на защиту Аша оказалось некому, ибо, к несчастью, единственный придворный ювраджа, имевший на него хоть какое-то влияние, в тот день лежал в постели с приступом лихорадки. Прямо на месте дело было сделано, причем самим Биджурамом. В комнате находилась горящая жаровня, поскольку стояла зима и во дворце было холодно, и Биджурам, с обычным своим мерзким смешком, сунул ствол пистолета в докрасна раскаленные угли. Хотя Ашу тогда едва исполнилось восемь лет, потребовалось четверо мужчин, чтобы удержать его. Он был сильным и ловким мальчиком, а когда понял, что должно произойти, стал драться, как дикая кошка, яростно кусаясь и царапаясь, так что досталось всем четверым. Однако в исходе схватки сомневаться не приходилось, и сопротивление было бесполезно.

Биджурам намеревался выжечь клеймо на лбу, и это, возможно, убило бы Аша. Но Лалджи, несмотря на ярость, все же сохранил толику здравого смысла и понял, что отец может не вполне одобрить такой поступок, а поэтому лучше заклеить Аша в таком месте, где отметина не привлечет внимания раджи. Биджураму пришлось удовольствоваться тем, что он прижал дуло пистолета к обнаженной груди жертвы. Раздалось шипение, запахло горелым мясом, и, хотя Аш поклялся себе, что скорее умрет, чем доставит Бичху удовольствие услышать свой крик, он не сумел сдержаться. Пронзительный вопль боли вызвал у щеголя очередной мерзкий смешок, но на Лалджи произвел неожиданное воздействие, пробудив в нем лучшие качества его натуры. Юврадж бросился к Биджураму и оттащил его назад, истерически крича, что сам во всем виноват, а Ашок совершенно ни при чем. В следующий миг Аш лишился чувств.

– Он умирает! – провизжал Лалджи, охваченный раскаянием. – Ты убил его, Бичху! Сделайте же что-нибудь! Пошлите за хакимом! Приведите Данмайю! О Ашок, не умирай! Пожалуйста, не умирай!

Аш вовсе не собирался умирать и довольно скоро очнулся. Безобразный ожог благополучно зажил благодаря умелому уходу Ситы и Данмайи, а также крепкому здоровью мальчика, но шрам остался у него до конца жизни: не полный круг, а полумесяц, потому что он дернулся в сторону, почувствовав прикосновение раскаленного металла, и дуло прижалось к груди не полностью, а Лалджи оттащил Биджурама назад прежде, чем тот успел исправить оплошность.

– Я собирался выжечь на твоей груди солнце, – впоследствии сказал Биджурам, – но, похоже, ты этого недостоем. Своим трусливым поведением ты превратил солнце в ущербную луну.

Из осторожности он сказал это в отсутствие Лалджи, который не желал, чтобы ему напоминали о прискорбном эпизоде.

Как ни странно, после этого мальчики сошлись ближе. Аш прекрасно сознавал тяжесть своего проступка и знал, что в былые времена его за такое удавили бы или затоптали насмерть слонами раджи. Самое малое, его могли бы лишиться руки или глаза, поскольку рукоприкладство по отношению к наследнику престола считалось отнюдь не мелким преступлением и многие взрослые мужчины поплатились жизнью за гораздо менее серьезные провинности, а потому он обрадовался сравнительной легкости наказания и удивился тому, что юврадж вступился за него. Тот факт, что Лалджи не только помешал довести дело до конца, но и во всеуслышание признал свою вину, произвел глубокое впечатление на Аша, хорошо понимавшего, чего стоило принцу такое признание.

Аш безумно тосковал по Туку, но не предпринял попытки приручить другого мангуста. Он вообще больше не заводил никаких животных, сознавая, что никогда уже не сможет доверять Лалджи и что для него полюбить какое-нибудь живое существо – значит дать в руки ювраджу оружие, которое тот сможет использовать против него в следующий раз, когда будет не в духе или пожелает наказать своего слугу. Однако, несмотря на это (и, уж конечно, не по собственному желанию), Аш получил неожиданную замену любимому Туку. Только на сей раз не животное, а крохотного человечка – Анджали-Баи, робкую, всеми заброшенную малолетнюю дочку несчастливой фаранги-рани.

Одним из достоинств Лалджи, а он обладал многими хорошими качествами, которые в нормальных обстоятельствах вполне могли бы перевесить дурные, было неизменно доброе отношение к маленькой сводной сестренке. Малышка часто навевалась в его покои, поскольку в силу своего возраста еще не подлежала заточению в зенане и могла разгуливать везде, где ей вздумается. Она была крохотным худеньким созданием, с виду всегда полуголодным и одетым в убогие обноски, какие сочли бы неприличными во многих крестьянских семьях. Такое положение дел объяснялось враждебностью нотч, не видевшей причин тратить деньги или время на дочь умершей соперницы.

Джану-Баи не знала наверное, унаследовала ли девочка от матери часть красоты и очарования, некогда пленивших сердце раджи, и не желала допустить, чтобы он полюбил свою дочь или стал гордиться ею, а потому распорядилась перевести ребенка в самое дальнее крыло дворца и приставила к нему горстку неряшливых, не получающих жалованья слуганок, которые прикармливали скудные средства, выдаваемые на содержание принцессы.

Раджа редко спрашивал о своей дочери и со временем почти забыл о ее существовании. Джану-Баи заверяла мужа, что о девочке хорошо заботятся, и неизменно делала какое-нибудь пренебрежительное замечание по поводу ее невзрачности, которая сильно затруднит поиски хорошей партии для нее. «Такое маленькое угрюмое существо», – с притворным сочувствием вздыхала Джану-Баи. Она дала малышке прозвище Каири, что означает «маленький незрелый плод манго», и возликовала, когда оно прижилось во дворце.

Каири-Баи предпочитала покои сводного брата своим собственным: они были светлее и лучше обставлены, а кроме того, Лалджи иногда угощал ее сладостями и позволял играть со своими мартышками, какаду или ручной газелью. Его слуги тоже обращались с ней ласковее, чем приставленные к ней женщины, и девочка сильно привязалась к самому юному из них, Ашоку, – он однажды нашел ее в дальнем уголке сада, где она тихо плакала от боли, укушенная мартышкой, которую дернула за хвост. Аш отвел Каири к Сите, чтобы она утешила и приласкала бедняжку, и Сита перевязала рану, дала малышке кусочек сахарного тростника

и рассказала историю про Раму, прекрасная жена которого была похищена царем демонов с острова Ланка и впоследствии спасена с помощью Ханумана, царя обезьян.

– Так что дергать обезьян за хвост никак нельзя: это не только задевает их чувства, но и вызывает гнев Ханумана. А сейчас мы с тобой нарвем ноготков и сплетем маленький веночек – я покажу тебе, как это делается, – который ты отнесешь к алтарю Ханумана в знак своего раскаяния. Мой сын Ашок отведет тебя туда.

Интересная история и плетение венка успешно отвлекли девочку от боли в укушенном пальце, и она, безбоязненно взяв Ашока за руку, радостно отправилась вместе с ним приносить извинения Хануману у алтаря возле слоновника, где гипсовая статуя обезьяньего царя плясала в сумерках. После этого она часто навещалась в комнаты Ситы, хотя привязалась не к Сите, а к Ашу, и постоянно ходила за ним по пятам, точно упрямый бездомный щенок, который выбрал себе хозяина и от которого так просто не отделаешься. Впрочем, Аша это не слишком тяготило, тем более что Сита велела, чтобы он относился к одинокой маленькой девочке с особой добротой – не потому, что она принцесса, и не потому, что она сирота, обделенная вниманием и заботой, а потому, что родилась в день, вдвойне для него знаменательный: в годовщину его собственного рождения и в день их прибытия в Гулкот.

Главным образом поэтому Аш почувствовал себя в известном смысле ответственным за Каири, смирился с ролью предмета ее обожания и стал единственным человеком, который никогда не обращался к ней по прозвищу. Он называл девочку либо Джали (так она сама переименовала свое имя, еще не умея свободно выговорить все три слога), либо, в редких случаях, Ларла, то есть «милая», относился к ней с терпеливой нежностью, какую выказывал бы надоедливому котенку, и по мере своих сил защищал от насмешек или наглых выходок дворцовой челяди.

Слуги ювраджа в отместку дразнили Аша нянькой и называли айя-джи, покуда на помощь к нему неожиданно не пришел юврадж, который гневно отчитал своих людей, посоветовав не забывать, что Анджали-Баи – его сестра. После этого они смирились с ситуацией и со временем свыклись с ней. В любом случае до девочки никому не было дела, и вряд ли она, такая хилая и тощая, сумеет благополучно перенести обычные детские болезни и дожить до взрослого возраста, а на Ашока так и вовсе всем наплевать – похоже, даже ювраджу.

Но в последнем своем предположении слуги ошибались. Лалджи по-прежнему доверял Ашу, хотя сам не смог бы объяснить почему, и не собирался отпускать его. Об убийстве Туку и последовавшей за этим драке у них никогда не заходило разговора, но в скором времени Аш понял, что Лалджи не бросал слов на ветер, когда угрожал помешать ему покинуть Хава-Махал. Во дворец вели лишь одни ворота, Бадшахи-Дарваза, и с того самого дня Ашу не разрешалось выходить через них одному – только в обществе избранных слуг или чиновников, которые зорко следили, чтобы он не отбился от них и вернулся обратно.

– Это приказ, – вежливо сказали Ашу часовые и отправили его назад.

То же самое повторилось на следующий день и во все последующие дни, а когда Аш обратился с вопросом к Лалджи, тот ответил встречным вопросом:

– А зачем тебе выходить из дворца? Или тебе плохо здесь живется? Если что-нибудь нужно, ты только скажи Раму Дассу – и он пошлет кого-нибудь за этим. Тебе нет никакой нужды ходить по базарам.

– Но я хочу повидаться с друзьями, – возразил Аш.

– Разве я тебе не друг? – спросил юврадж.

На этот вопрос у Аша не было ответа, и он так никогда и не узнал, кто именно отдал приказ не выпускать его из дворца: раджа, сам Лалджи, который сказал, что не он, но его словам нельзя было верить, или же Джану-Баи, по каким-то своим причинам. Так или иначе, приказ оставался в силе, и Аш всегда сознавал это. Он был узником в крепости, хотя и

имел относительную свободу передвижения в пределах ограниченного крепостными стенами пространства, а поскольку Хава-Махал занимал огромную площадь, Аш не мог пожаловаться на слишком уж строгое заключение. Как не мог пожаловаться и на одиночество, ведь в тот год он обзавелся двумя хорошими друзьями во дворце и нашел по меньшей мере одного союзника среди придворных ювраджа.

Тем не менее Аш остро сознавал свое положение узника. С крепостных стен, из полуразрушенных башен и венчающих их деревянных павильонов он видел мир, простиравшийся перед ним подобием разноцветной карты, – мир, который манил к свободе и далеким горизонтам. На юго-западе находился город, а за ним раскинулось широкое плато, на дальнем своем краю круто спускавшееся к реке и плодородным землям Пенджаба – порой, в ясные дни, даже можно было разглядеть пенджабские равнины. Но Аш редко обращал взор в ту сторону, ибо к северу от Хава-Махала начинались предгорья, а за ними, на всем горизонте от востока до запада, вздымались настоящие горы и зубчатая громада Дур-Хаймы, прекрасная и таинственная, поросшая рододендронами и гималайскими кедрами и увенчанная снежной шапкой.

Аш не знал, что появился на свет неподалеку от заснеженных пиков Дур-Хаймы и первые годы жизни провел высоко в Гималаях, что вечером перед сном он видел эти снежные шапки окрашенными в розовые тона заката или посеребренными луной, а по пробуждении наблюдал, как они меняют цвет с абрикосового и янтарного на ослепительно-белый с наступлением солнечного утра. Память о них хранилась лишь в его подсознании, потому что когда-то давно он накрепко запомнил их, как иной ребенок запоминает рисунок обоев на стене детской. Но, глядя на них сейчас, он точно знал, что где-то среди этих гор находится долина, о которой в прошлом Сита часто рассказывала на ночь. Их собственная долина. Безопасное укромное место, куда однажды они придут после многодневного путешествия по горным дорогам и через перевалы, где ветер пронзительно воет между черными скалами и зелеными ледниками, а холодный блеск снежных полей слепит глаза.

Теперь Сита редко заводила разговор о долине: днем она была слишком занята, а ночи Аш проводил в покоях ювраджа. Однако история, которую в детстве Аш часто слушал на сон грядущий, по-прежнему владела воображением мальчика, и он уже забыл, что речь в ней идет о вымышленном месте, а возможно, никогда и не сознавал этого. Он твердо верил в реальность долины и всякий раз, когда мог увильнуть от исполнения своих обязанностей – утром или вечером, но чаще в течение долгих праздных послеполуденных часов, когда весь дворец погружался в дрему и солнце нещадно припекало крепостные стены, – он поднимался на крытый балкончик, прилепившийся к стене Мор-Минар – Павлиньей башни, и, лежа там на теплом камне, замороженно смотрел на горы и думал о них. И строил планы.

Кроме него, о существовании балкончика знала только Каири. Они обнаружили его по счастливой случайности, так как из самой крепости он не был виден, скрытый за изгибом стены Мор-Минар. Мор-Минар являлась частью первоначальной крепости, сторожевой башней и наблюдательным постом, обращенным к предгорьям. Но крыша и лестница там давно обвалились, а вход в башню преграждала куча битого камня. Балкончик был пристроен позднее, вероятно для удовольствия какой-нибудь давно умершей рани, и казался здесь совершенно неуместным: изящная маленькая беседка из мрамора и красного песчаника, с ажурными узорчатыми стенками, увенчанная индусским куполом.

На ржавых дверных петлях болтались обломки истлевших досок, но хрупкие на вид ажурные стенки сохранились в целости, если не считать места, где в прошлом находилось вырезанное в мраморном кружеве окно, из которого рани со своими придворными дамами могла любоваться горами. Здесь, в передней части балкона, между изящными арками зияла пустота, а ниже стена башни отвесно уходила на сорок футов вниз, к поросшим кустарником скалам, которые, в свою очередь, круто уходили вниз на расстояние вчетверо большее – к

самому плато. Через кустарник пролегали козьи тропы, но не многие люди отваживались забираться на такую высоту. А если бы даже кто и забрался, то едва ли заметил бы беседку, терявшуюся на фоне истрепанной дождями и ветрами каменной стены Мор-Минар.

В погоне за дикой мартышкой Аш и Каири перелезли через кучу камня при входе в башню и, посмотрев наверх, увидели беглянку на полпути к проему, зиявшему на месте рухнувшей крыши. Очевидно, некогда в башне были комнаты, и хотя перекрытия в них полностью исчезли, от обвалившейся лестницы, которая вела к ним, сохранились обломки ступенек, порой такие крохотные, что и мартышке-то нелегко было уместить ногу. Но куда может забраться мартышка, туда зачастую может последовать и проворный ребенок, а Аш в свое время поднаторел в лазании по городским крышам и не боялся высоты. Каири тоже лазила ловко, как белка, и подъем по обвалившейся лестнице оказался делом не особо трудным, если смести с разбитых ступенек неряшливые кучи прутьев и яичной скорлупы, оставленные здесь многими поколениями сов и галок. Дети благополучно забрались наверх и, проследовав за мартышкой в один из дверных проемов, очутились на крытом балкончике с ажурными стенками, который висел на головокружительной высоте, надежный и недоступный, как ласточкино гнездо.

Аш пришел в восторг от находки. Вот оно, наконец-то: укромное местечко, где он сможет уединиться в тяжелые минуты жизни, любоваться миром с высоты, мечтать о будущем – и наслаждаться одиночеством. Гнетущая атмосфера дворца с его неумолчным шепотом вероломства и интриганства, с постоянными заговорами, кознями и соперничеством здесь отступала, рассеянная чистым воздухом, который струился сквозь мраморное кружево, омывая и освежая маленькую беседку. И что самое замечательное, никто не станет оспаривать у Аша право собственности на нее, ибо, кроме мартышек, сов, ворон и крохотных желтых бюльбюлей с хохолками, сюда явно никто не наведывался уже лет пятьдесят и наверняка все давно забыли о существовании беседки.

Будь у Аша выбор, он без раздумий обменял бы свой балкончик на разрешение выходить в город, когда захочется, и, получив таковое, он не убежал бы – хотя бы из-за Ситы. Но, лишенный этого права, он обрадовался вдвойне, получив в свое распоряжение укромное убежище, где можно отдыхать от ссор и сплетен, вспышек раздражения и докучных разговоров. Убогие комнатухи, где обретались они с Ситой, не отвечали нужным требованиям, поскольку любой слуга, посланный на поиски Аша, всегда в первую очередь направлялся туда. Желательно было иметь укрытие понадежнее, откуда его не погонят выполнять какое-нибудь пустячное задание или отвечать на вздорный вопрос, который юврадж частенько успевал забыть к приходу своего слуги. С обнаружением этого балкона жизнь Аша в Хава-Махале стала терпимее. А с обретением двух таких друзей, как Кода Дад-хан, управляющий конюшнями, и его младший сын Зарин, он почти смирился с перспективой остаться во дворце навсегда...

Кода Дад был патаном, который в юности покинул родные пограничные горы и пустился в странствование по северным окраинам Пенджаба в поисках счастья. Он случайно забрел в Гулкот, где своим искусством соколиной охоты привлек внимание молодого раджи, всего два месяца назад взошедшего на престол после смерти отца. С тех пор минуло более тридцати лет, но Кода Дад так и не вернулся в родные края, разве только изредка туда наведывался. Он остался в Гулкоте служить при дворе раджи и ныне, в должности управляющего конюшнями, пользовался значительным влиянием в княжестве. О лошадях он знал абсолютно все и, по слухам, владел лошадиным языком – даже самые свирепые и норовистые жеребцы становились кроткими и послушными, когда он разговаривал с ними. Кода Дад стрелял так же хорошо, как ездил верхом, а в соколах и соколиной охоте разбирался не хуже, чем в лошадях. Сам раджа, человек весьма сведущий в данном предмете, часто спрашивал у него советов и неизменно им следовал. После первого визита в родные края Кода

Дад вернулся с женой, которая в должный срок родила ему троих сыновей, и к настоящему времени он был гордым дедом нескольких внуков и порой разговаривал с Ашем об этих образцах совершенства:

– Они как две капли воды похожи на меня в молодости. Во всяком случае, так говорит моя мать, которая часто их навещает, ведь мы родом из страны юсуфзаев, что расположена неподалеку от Хоти-Мардана, где служит мой сын Авал-шах со своим полком и второй мой сын Афзал тоже.

Два старших сына Коды Дада поступили на службу к британцам, в тот самый Корпус разведчиков, где служил дядя Аша, Уильям, и теперь только Зарин-хан, самый младший, жил со своими родителями, хотя тоже мечтал о военной карьере.

Зарин был почти на шесть лет старше Аша и по азиатским меркам уже считался взрослым мужчиной. Но если не обращать внимания на разницу в росте, они двое очень походили друг на друга телосложением и мастью, ибо Зарин, как многие патаны, был сероглазым и светлокожим. Человек посторонний легко принял бы их за братьев, и Кода Дад действительно относился к ним как к таковым, называя обоих «сынок» и задавая обоим одинаково суровые трепки, когда полагал, что они заслуживают наказания. Подобные знаки внимания Аш почитал за великую честь, поскольку Кода Дад являлся реинкарнацией друга и героя его младенческих лет, чей образ потускнел в памяти, но оставался незабвенным, – мудрого, доброго и всезнающего дяди Акбара.

Именно Кода Дад научил Аша охотиться с соколом, дрессировать необъезженных жеребят, на полном скаку выдергивать из земли палаточный колышек острием копья и стрелять по движущейся мишени, попадая в нее девять раз из десяти, а по неподвижной мишени так вообще без единого промаха. И именно Кода Дад растолковал Ашу, что сдержанность благоразумна, а импульсивность опасна, и отчитал за привычку говорить или действовать без должного размышления. Речь шла, в частности, о его нападении на ювраджа и угрозе покинуть дворец.

– Если бы ты тогда придержал язык, то сейчас мог бы выходить в город, когда пожелаешь, а не сидел бы здесь взаперти, – сурово сказал Кода Дад.

Зарин тоже хорошо относился к мальчику и обращался с ним как с младшим братом, то награждая подзатыльниками, то поощряя добрым словом. И что самое замечательное, изредка Ашу разрешалось выходить с ними из Хава-Махала, каковые прогулки почти не отличались от одиночных вылазок: хотя Коде Даду и Зарину тоже строго было приказано не спускать с него глаз, они двое, в отличие от слуг ювраджа, нисколько не смахивали на тюремных конвоиров и с ними он наслаждался иллюзией свободы.

Аш успел забыть пушту, которым в малолетстве овладел в экспедиции отца, но сейчас снова научился говорить на нем, поскольку это был родной язык Коды Дада и Зарина, а Аш, как свойственно мальчишкам, хотел подражать своим героям во всем. В их обществе он говорил только на пушту, что приятно удивляло Коду Дада, но страшно раздражало Ситу – она стала ревновать мальчика к старому патану, как некогда ревновала к Акбар-хану.

– Он не поклоняется богам, – с осуждением сказала Сита. – Вдобавок хорошо известно, что все патаны – прирожденные преступники. Они воры, душегубы и убийцы коров, и меня печалит, Ашок, что ты проводишь столько времени в обществе дикарей. Они научат тебя плохому.

– Мама, разве плохо ездить верхом, стрелять и охотиться с соколом? – возразил Аш.

Он считал, что перечисленные достоинства с лихвой окупают такие незначительные недостатки, как склонность к воровству и убийству, и, несмотря на все наставления Ситы и предостережения жрецов, никогда не понимал, почему коров следует почитать за священных животных. Будь это лошади, или слоны, или тигры, он бы еще понял. Но коровы...

Удерживать в голове всех богов маленькому мальчику было трудно, ведь их так много: Брахма, Вишну, Индра и Шива, которые все один и тот же бог, но одновременно разные боги; Митра, повелитель солнца, и грозная Кали, повелительница черепов и крови, она же Парвати, милостивая и прекрасная; Кришна Многолюбимый, Хануман-обезьяна и толсто-пузый Ганеша со слоновьей головой, рожденный, как ни странно, от союза Шивы и Парвати. Всех этих и сотни других богов и богинь надлежало умиловать дарами, приносимыми жрецам. Однако Кода Дад говорил, что есть лишь один Бог, чьим пророком является Магомет. Разумеется, это сильно упрощало дело, разве только порой казалось непонятным, кому же поклоняется Кода Дад в действительности: Богу или Магомету. Бог, по словам Коды Дада, живет на небе, но его почитатели не вправе произносить молитвы, покуда не обратятся лицом в сторону Мекки, где родился Магомет. И хотя Кода Дад с презрением отзывался об идолах и идолопоклонниках, он рассказал Ашу про священный камень в Мекке, который все мусульмане почитали святыней и которому поклонялись точно так же, как индусы – своим каменным изваяниям, символизирующим Вишну.

Не желая идти ни против Ситы, ни против Коды Дада, Аш после долгих раздумий решил, что лучше выбрать для поклонения своего собственного идола. Это право, по мнению мальчика, давала одна молитва, однажды услышанная Ашем в городском храме от священника, обращавшегося к богам следующим образом:

О бог, прости мне ограниченность природы человеческой.
Повсюду ты, но я тебе свершаю поклонение здесь.
Бесформен ты, но поклоняюсь я тебе в сих формах.
Ты не нуждаешься в хвалах, но возношу тебе молитвы и хвалы.
Прости мне ограниченность природы человеческой.

Такой подход к делу показался Ашу в высшей степени разумным, и после непродолжительного размышления он выбрал группу заснеженных пиков, вид на которые открывался с балкона Павлиньей башни. Остроконечные вершины, возносившиеся над далекими горными грядами подобием крепостных башен некоего сказочного города, были известны в Гулкоте под названием Дур-Хайма – Далекие Шатры. Аш счел горы более приятным предметом поклонения, чем уродливый, размалеванный красной краской лингам⁶, которому приносила жертвы Сита, и вдобавок он мог обращаться к ним лицом во время молитвы, как Кода Дад обращался в сторону Мекки. Кроме того, рассудил Аш, кто-то же создал их. Возможно, тот же самый «кто-то», кого признают и Сита со своими жрецами, и Кода Дад со своими мусульманами. Как наглядное проявление могущества этого существа, горы определенно достойны поклонения. И это был его личный объект поклонения. Выбранный им самим защитник, покровитель и благодетель Ашока, сына Ситы и слуги ювраджа Гулкота.

– О бог, – прошептал Аш, обращаясь к Дур-Хайме, – повсюду ты, но я тебе свершаю поклонение здесь...

Принятый в качестве такового, прекрасный многовершинный горный массив сразу обрел свою неповторимую индивидуальность и в конце концов стал казаться Ашу живым существом – тысячелицой богиней, которая в отличие от символических каменных изображений Вишну и священного камня в Мекке принимала разные обличья при каждой перемене погоды и смене сезона, в каждый час каждого дня. Подобная мерцающему пламени на заре и блистающему серебру в полдень. Золотая и розовая на закате, сиреневая и бледно-лиловая в сумерках. Серовато-синяя на фоне грозных облаков, темная на фоне звездного

⁶ Лингам – основной символ Шивы.

неба. А в дождливый сезон она одевалась в многочисленные покровы туманов и пряталась за стальной завесой ливней.

Отправляясь в свое убежище, Аш всякий раз брал с собой пригоршню зерна или букетик цветов и клал их на осыпающийся край балкона как приношение Дур-Хайме. Птицы и белки с благодарностью поедали зерно и со временем стали на удивление ручными: они безбоязненно прыгали и шмыгали взад-вперед по телу лежащего мальчика, словно он был каменным изваянием, и требовали корма с настойчивостью профессиональных попрошаек.

– Где ты был, милый? – ворчливо спрашивала Сита. – За тобой приходили, и я сказала, что ты наверняка болтаешься где-нибудь с презренным патаном и его соколами или торчишь на конюшне с его ничемным сыном. Придворному ювраджа негоже водить знакомство с такими людьми.

– Похоже, слуги ювраджа считают меня твоим сторожем, – брюзжал Кода Дад. – Они явились сюда с расспросами: «Где он?», «Чем сейчас занимается?», «Почему его здесь нет?»

– Где ты шляется? – сердито осведомлялся Лалджи. – Биджурам и Мохан искали тебя повсюду. Я не желаю, чтобы ты пропадал неведомо где. Ты мой слуга. Я хотел поиграть в чаупар⁷.

Аш извинялся и говорил, что гулял в одном из садов либо навещался в конюшни или в слоновник, а потом они садились играть в чаупар, и история забывалась – до следующего раза. В громадном Хава-Махале было легко затеряться, а Лалджи знал, что мальчику никак не выйти за ворота одному и что рано или поздно его разыщут. Но все же юврадж предпочитал постоянно иметь Ашока где-нибудь поблизости, интуитивно чувствуя, что он единственный, кого нельзя подкупить или склонить к измене. Впрочем, поскольку «несчастные случаи» больше не повторялись, он постепенно начинал приходить к мысли, что страхи старой Данмайи являлись в значительной мере плодом воображения и что Биджурам был прав, когда сказал, что никто, даже нотч, не посмеет причинить ему вреда. Коли так, у него больше не было причин держать Ашока при себе, тем более что он не находил мальчика таким занятым собеседником, как Пран, Мохан или Биджурам, который – пусть он не заслуживал доверия и был почти на десять лет старше (Биджураму уже стукнуло двадцать) – всегда с охотой развлекал его разными скандальными историями из жизни обитательниц зенаны или приобщал к каким-нибудь приятным порокам. На самом деле если бы не странная уверенность, что Ашок для него все равно что талисман, оберегающий от опасности, Лалджи, наверное, уволил бы его, уж слишком часто в пристальном взгляде младшего мальчика читалось чувство, очень похожее на презрение, а его решительное нежелание смеяться непристойным остроумам Биджурама или жестоким выходкам Пунвы отдавало осуждением, унижавшим достоинство Лалджи. Помимо всего прочего, он начинал ревновать к Ашоку.

Все началось из-за Анджали, хотя в данном случае юврадж испытывал лишь самое слабое недовольство, так как она была всего-навсего глупым ребенком, к тому же невзрачным. Будь она красивой или обаятельной девочкой, он бы видел в ней соперницу в борьбе за любовь отца и ненавидел бы ее, как ненавидел проклятую нотч и ее старшего сына, своего сводного брата Нанду. Но Лалджи помнил доброе отношение к себе фаранги-рани и отплатил за него добрым отношением к ее дочери, молчаливо утвердив Ашока в должности неофициального наставника, воспитателя и защитника этого «маленького незрелого плода манго», Каири-Баи. Но он почувствовал досаду, когда один из его конюших, Хиралал, проникся симпатией к мальчику, и еще сильнее разозлился, когда Кода Дад, которого все молодые щеголи во дворце почитали живой легендой, сделал то же самое. Ибо Кода Дад пользовался благосклонным вниманием раджи и хорошо отзывался о мальчике.

⁷ *Чаупар* – древняя индийская настольная игра; является представителем игр типа «крест и круг». – *Примеч. ред.*

Правитель Гулкота был тучным, апатичным мужчиной, который из-за непомерного пристрастия к вину, женщинам и опиуму преждевременно утратил бывшее здоровье и в свои пятьдесят с небольшим выглядел гораздо старше. Он любил своего старшего сына и испытывал бы неописуемое потрясение при одной мысли, что кто-то может желать зла его наследнику. И он без колебаний предал бы смерти даже саму нотч, если бы узнал намерение, что она покушалась на жизнь мальчика. Но, будучи человеком немолодым и обремененным лишним весом, раджа избегал отрицательных эмоций. Он заметил, что всякий раз, когда он уделяет хоть самое малое внимание Лалджи, у него тут же начинаются нелады с очаровательной Джану-Баи. Посему в интересах собственного спокойствия он крайне редко виделся со своим старшим сыном, и Лалджи, любивший отца пылкой, ревнивой любовью, глубоко переживал такое небрежение и ужасно злился, если во время своих коротких визитов тот обращался хотя бы с несколькими словами еще к кому-либо.

Раджа заговаривал с Ашем только потому, что Кода Дад как-то заметил в беседе с ним, что мальчику стоит дать достойное воспитание, а также благодаря смутным воспоминаниям, что однажды мальчик спас жизнь Лалджи и это обстоятельство дает ему право на известное внимание. Поэтому он обращался с Ашем милостиво и иногда брал его с собой, когда выезжал опробовать нового сокола в охоте на пернатую дичь, в изобилии водившуюся на равнинных участках плато. В таких случаях Лалджи всегда впадал в хандру и раздражение, а впоследствии обязательно осуществлял какую-нибудь мелкую злобную месть. Например, неотлучно держал Аша при себе по многу часов подряд, не позволяя ни есть, ни пить, ни даже присесть на минутку, пока у того не начинала кружиться голова от усталости, или же, обнаруживая изощренное коварство, намеренно выводил его из себя бессмысленно жестоким обращением с одним из своих ручных животных, чтобы потом подвергнуть наказанию за неизбежную вспышку негодования.

Придворные Лалджи, равняясь на своего господина, всячески старались испортить жизнь малолетнему выскочке-конюшонку, чье неожиданное возвышение всегда их возмущало, и единственным исключением здесь был Хиралал, служебные обязанности которого туманно определялись названием «конюший ювраджа».

Хиралал единственный из всех относился к Ашу благожелательно, и он один никогда не восхищался садистскими выходками Биджурама и не смеялся его сальным шуткам. Вместо этого он обычно зевал и с рассеянным видом, явственно свидетельствующим о скуке, покорности обстоятельствам и отвращении, принимался теревить черную жемчужину, висящую у него в ухе. Сам по себе сей жест был всего лишь привычкой, но неизменно приводил в ярость Биджурама, подозревавшего (справедливо), что огромная жемчужина является умышленной пародией на бриллиантовую серьгу, которую носил он сам, и что на фоне ее редкой красоты (жемчужина имела форму груши и переливчатый цвет голубиного пера) его собственный бриллиант кажется дешевой стекляшкой – точно так же, как рядом со скромным серым шелковым ачканом конюшего его яркие наряды выглядели безвкусными и плохо скроенными.

Хиралал вроде бы никогда не утруждал себя никакой работой и всегда имел сонный вид, но его лениво прикрытые веками глаза были отнюдь не такими ненаблюдательными, какими казались, и на самом деле ничто не ускользало от них. По природе своей добродушный и покладистый, он славился ленью, которая стала постоянным предметом шуток во дворце и снискала ему репутацию своего рода придворного шута, чьи высказывания не следует принимать всерьез.

– Не обращай на них внимания, малец, – ободряюще говорил он Ашу. – Они жалкие тупицы, изнывающие от скуки, и за неимением иных развлечений вынуждены искать, кого бы подразнить и помучить. При виде замешательства и растерянности другого существа они ощущают собственную значимость, даже если это существо – всего лишь малый ребенок

или ручная газель. Если ты не станешь показывать, что тебя это трогает, им скоро надоест такая забава. Верно ведь, Биччху-джи?

Обращение по прозвищу было дополнительным оскорблением, и Биджурам вперял в Хиралала яростный взгляд прищуренных глаз, а остальные придворные сердито хмурились и недовольно ворчали. Но Лалджи делал вид, будто ничего не слышал. Он знал, что не может наказать или уволить Хиралала, приставленного к нему самим раджой (как порой подозревал Лалджи, по наущению ненавистной мачехи-нотч), и потому предпочитал притвориться глухим. Вдобавок следовало признать, что конюший – шпион он или нет – умел быть и остроумным, и занятым: он отпускал смешные шутки и придумывал разные дурацкие игры, которые развеселили бы любого даже в самый безрадостный день, и жизнь без него стала бы гораздо скучнее.

Аш проникся признательностью к Хиралалу и извлек пользу из его совета, оказавшегося весьма разумным. Он научился скрывать свои чувства и стоически переносить наказания. Но хотя со временем он приобрел умение сохранять равнодушный вид во всех обстоятельствах, кипевшие у него в душе эмоции оставались прежними – и даже более сильными, поскольку за неимением выхода загонялись глубже и не стихали дольше. Однако именно Хиралал заставил мальчика понять, что Лалджи заслуживает скорее жалости, чем неприязни, и что его собственное положение неизмеримо лучше положения озлобленного и растерянного маленького принца.

– Притесняя тебя, он просто мстит за недостаток любви, в которой нуждается, но которой не получает, – сказал Хиралал. – Если бы Лалджи никто никогда не любил, сейчас он вел бы себя иначе, ибо многие вырастают без любви и не знают, что они потеряли. Но, однажды познав любовь, он понял, сколь тяжело ее лишиться. Вот почему он чувствует себя несчастным. Когда он изводит, мучает и несправедливо наказывает тебя, ты всегда можешь пойти пожаловаться своей матери, и она утешит тебя и поплачет над твоими ранами. Но Лалджи не к кому обратиться за утешением, если не считать этой старой ведьмы, няни Данмайи, которая только пугает беднягу вечными предостережениями об опасности, заставляя бояться собственной тени. Будь терпелив с ним, Ашок, ведь ты счастливее его.

Аш старался сохранять терпение, хотя это давалось ему с трудом. Но более ясное понимание незavidного положения ювраджа, безусловно, помогало делу, и за это мальчик был благодарен Хиралалу.

На следующий год Лалджи женили, и за суетой приготовлений к свадьбе и празднеству вражда была временно забыта. Погруженный в дрему громадный дворец ожил и загудел, точно потревоженный улей, когда в него толпой хлынули художники и маляры с ведрами извести и красок. Обшарпанные пыльные стены, потолки, арки засверкали свежими яркими росписями и позолотой. Нотч, как и следовало ожидать, возревновавшая к пасынку, который стал центром всеобщего внимания, то дулась, то закатывала скандалы, а родственники невесты вызвали значительное волнение во дворце прямо накануне свадьбы, внезапно потребовав удвоить предварительно оговоренный выкуп за невесту и тем самым приведя отца жениха в такую ярость, что он чуть было не отменил бракосочетания. Но таким поступком он навлек бы позор на всех заинтересованных лиц, поэтому после нескольких часов споров, льстивых уговоров и ожесточенного торга стороны достигли компромисса и приготовления к свадьбе продолжились.

Невестой была восьмилетняя дочь раджи маленького горного княжества, которая после свадьбы возвращалась к родителям до времени, пока не станет достаточной взрослой, чтобы осуществить брачные отношения. Впрочем, данное обстоятельство никак не влияло на продолжительность и замысловатость тщательно разработанного церемониала. Это растянутое и утомительное мероприятие обошлось радже в огромные деньги, которые он мог бы употребить с большим толком на оказание помощи беднякам или на ремонт дорог в Гулкоте, –

правда, подобная мысль даже не приходила на ум ни самому правителю, ни подданным, а если бы вдруг кому и явилась, то была бы единодушно отвергнута всеми в пользу веселья и развлечений, какие сулит истинно пышная свадьба.

Все гулотцы от души наслаждались роскошным празднеством, дарами в виде пищи и денег, раздававшихся беднякам, и зрелищем небывалого великолепия. Фейерверки, оркестры, шествие к храму по освещенному факелами городу, гарцующие всадники и тяжело ступающие слоны в пополах из сверкающей парчи, с полными разодетых гостей серебряными паланкинами на спинах пленяли взоры горожан и истощали казну. Это нисколько не волновало раджу, но очень злило нотч, которая громко негодовала по поводу бессмысленной траты денег и успокоилась, только получив в подарок от правителя княжества горсть рубинов и алмазов.

5

Аш наслаждался свадебными торжествами не меньше любого другого, а четырехлетняя Каири впервые за свою короткую жизнь принимала участие в официальной церемонии в качестве принцессы Гулкота.

Как сестра ювраджа, именно Каири имела почетное право вручить невесте первые дары, что она и сделала, облаченная в непривычный пышный наряд и украшенная сверкающими драгоценностями, поначалу восхитившими малышку переливчатым блеском, но вскоре утомившими своей тяжестью и тем, что больно царапали кожу острыми краями. Но поскольку до сих пор единственным ее украшением была маленькая перламутровая рыбка, которую она носила на шнурке на шее как талисман (прежде безделушка принадлежала ее матери и являлась фишкой из китайского набора), девочка упивалась сознанием собственной значимости, придаваемой ей драгоценностями. Было замечательно хоть раз в жизни почувствовать себя важной особой, и Каири нашла облегчение в этом чувстве и выполнила свои обязанности с должной серьезностью.

Церемонии и празднества продолжались более недели, а когда они завершились и новобрачная и гости отбыли домой, все украшения у Каири мигом забрали и вернули обратно в один из многочисленных сундуков, теснившихся в сокровищнице раджи, и только потрепанные гирлянды, увядшие венки, застоявшийся запах курений и осыпавшиеся сухие цветы продолжали напоминать о знаменательном событии. Хава-Махал и раджа вновь погрузились в летаргический сон, а рани Джану-Баи принялась строить планы гораздо более зрелищных бракосочетаний для своих собственных маленьких сыновей.

Что же касается Лалджи, то, когда все возбуждение улеглось и осталось в прошлом, он обнаружил, что почетное положение женатого мужчины нисколько не прибавило ему значимости в глазах окружающих и что, несмотря на всю важность события, он вполне мог бы обойтись без этих долгих, утомительных церемоний. Свою жену он считал маленьким глупым существом, причем не особо привлекательным, и мог лишь надеяться, что с возрастом она похорошеет. Данмайя сказала, что непременно похорошеет, но Данмайя скажет все, что угодно, только бы он был доволен. После отбытия гостей отец потерял всякий интерес к нему, и Лалджи снова томился смертельной скукой и был раздражен и подавлен, как никогда прежде. По этой причине он постоянно ссорился со своими придворными и сделал жизнь Аша настолько невыносимой, что именно тогда, в тот унылый, тягостный период, последовавший за свадьбой, Аш впервые завел с Ситой разговор о побеге из Гулкота.

Сита пришла в ужас от одной этой мысли, но вовсе не потому, что беспокоилась о своем благополучии, ибо была готова пожертвовать всем ради любимого сына. Просто она считала, что лучше, чем здесь, Ашоку нигде не будет и что нынешнее его настроение является всего лишь естественной реакцией на грубое и вздорное поведение ювраджа, который скоро успокоится. Сита знала обо всех проблемах Лалджи, поскольку во дворце мало что оставалось секретом. И хотя женщину сердило, что он срывает свое раздражение на ее любимом сыне, она, как и Хиралал, не могла не испытывать жалость к лишенному матери, обделенному вниманием наследнику, чей отец не желал оказать ему никакой поддержки и чья мачеха молилась о его безвременной смерти. Безусловно, такие приступы хандры и вспышки жестокости вполне естественны для несмышленого мальчонки, оказавшегося в столь невыносимом положении, и Ашок должен смириться с ними и постараться не обращать на них внимания. Помимо всего прочего, юврадж никогда не позволит ему покинуть дворец, а значит, следует выбросить из головы всякую мысль о побеге. Бежать отсюда невозможно, а если даже получится – куда, спрашивается, они направятся? Где еще они смогут жить в таком

же благополучии и безопасности, как здесь, во дворце раджи, и иметь высокое жалованье и положение придворных слуг?

– Значит, тебе платят жалованье, мама? – с горечью спросил Аш. – А вот мне не платят, хотя и обещали. Да, мне выдают еду и одежду. Но только не деньги. А если я спрашиваю, мне говорят: «Позже. В другой раз. В следующем месяце». У меня нет ни пайсы, чтобы дать тебе или потратить самому.

– Но, милый, мы оба сыты и одеты, – сказала Сита. – У нас есть крыша над головой и очаг, чтобы греться возле него. Кроме того, не забывай: в один прекрасный день юврадждж станет раджой, и тогда он вознаградит тебя и осыплет своими милостями. Он всего лишь мальчик, Ашок, маленький несчастный мальчик. Вот почему он порой бывает несправедлив. Но с возрастом он поумнеет. Вот увидишь. Тебе нужно только потерпеть и подождать еще немного.

– Сколько еще ждать? Год? Два? Три? Ах, мама...

– Знаю, сынок, знаю. Но я уже не так молода, как прежде, и...

Сита не закончила фразы, но Аш внимательно посмотрел на нее и впервые заметил с легким испугом, что в последнее время мать сильно похудела, а серебряных волос у нее, прибавлявшихся с каждым годом, уже стало больше, чем темных, и теперь она скорее седая, нежели черноволосая. Она выглядела усталой, и Аш задался вопросом, не заставляют ли ее слишком много работать в отведенном Каири крыле дворца. Он должен поговорить с Каири, объяснить, что его маму нельзя расстраивать или обременять непосильным трудом. Однако в данный момент именно он расстраивал ее, и, осознав это, Аш крепко обнял Ситу в неожиданном приступе раскаяния и сказал, что, конечно, они останутся, он просто пошутил и, покуда она здесь счастлива, они не покинут Хава-Махал.

Аш никогда больше не заводил разговора на эту тему и впоследствии всегда делал вид, будто при дворе ювраджджа все в порядке. Он изо всех сил старался не показывать матери, что недоволен или несчастен. Каири, которую он строго отчитал за недостаточно уважительное отношение к Сите, горячо заверила мальчика, что ее обязанности вовсе не тяжелы.

– Думаю, она устает, потому что старая, – осмелилась предположить Каири после минутного раздумья. – Старые женщины всегда устают, ты же знаешь. Данмайя постоянно жалуется на усталость.

Но мама вовсе не старая, подумал Аш, совсем не такая, как сморщенная, седовласая Данмайя. И он снова почувствовал страх. Именно под влиянием страха он заговорил с Каири грубо и сказал, что она глупая, безмозглая и ничего не понимает и что он сам не знает, зачем тратит время на разговоры с ней или почему позволяет, чтобы она бегала за ним, точно бездомный котенок, не давая ему ни минуты покоя. «Мяу! Мяу! Девчонки!» – с чисто мужским презрением произнес Аш и зло добавил, что, к его счастью, у него нет сестер. Каири горько расплакалась и не успокоилась, пока он не разрешил повязать себе на запястье шелковый шнурок, став таким образом ее «браслетным братом» в согласии с древним обычаем, позволяющим женщине подарить или отослать браслет любому мужчине, который, приняв дар, впоследствии обязан всегда приходить к ней на помощь по первому зову, как к настоящей сестре.

Но хотя упорное обожание Каири зачастую досаждало Ашу, в конце концов он искренне полюбил маленькую девочку и проникся к ней чувством собственности, какого не испытывал со времени смерти Туку. В качестве преданного ручного существа Каири устраивала мальчика даже больше, чем Туку, ведь она умела разговаривать. Как и Туку, малышка любила его, повсюду ходила за ним и зависела от него, и со временем она заняла в сердце Аша пустое место, прежде принадлежавшее маленькому мангусту. Было приятно сознавать, что наконец-то у него есть живое существо, которое можно ласкать и защищать без всякого

опасения, что Лалджи или кто другой причинит ему вред. Но из осторожности он велел Каири не проявлять слишком открыто своих нежных чувств к нему.

– Я всего лишь слуга твоего брата, а потому Лалджи и остальным это может не понравиться, – объяснил он.

Несмотря на свой малый возраст, Каири все поняла и впоследствии редко заговаривала с Ашем при посторонних – только когда они находились наедине или с Ситой. Они придумали способ общаться друг с другом через разговоры, происходящие у них с третьими лицами, и вскоре научились извлекать подлинный смысл из ничего не значащих с виду фраз, обращенных к Лалджи, к одному из придворных или же, чаще всего, к попугаю либо ручной мартышке. Они оба находили удовольствие в такой игре и вскоре настолько в ней наловчились, что никто, кроме Хиралала, от чьего внимания ничего не ускользало, ни разу не заподозрил, что болтовня маленькой девочки и редкие брошенные вскользь замечания мальчика имеют двойной смысл. Таким образом они часто открыто договаривались о встрече в определенные часы дня и в определенных местах, для каждого из которых придумали кодовое название: либо во дворике Ситы, либо на балконе Павлиньей башни, где они кормили птиц и белок, обсуждали последние события во дворце или сидели в приятном молчании, задумчиво глядя на далекие снежные вершины.

В тот год Аш лишился одного из своих немногочисленных друзей. Осенью Зарин покинул Хава-Махал, чтобы присоединиться к своим старшим братьям, служившим соварами в Корпусе разведчиков.

– Зарин – прирожденный наездник, и я научил его всему, что знаю сам об искусстве стрельбы и владения мечом, – сказал Кода Дад. – Настало время ему самому пробивать себе дорогу в жизни. Война – мужское дело, а на границе всегда идут бои.

Кода Дад позаботился о том, чтобы сыну выдали лучшего коня во всем Гулките. Поступить в Корпус разведчиков стремились многие, но принимали туда только самых искусных наездников и самых метких стрелков из длинного списка претендентов. Ни Аш, ни Зарин ни минуты не сомневались в успехе, и Зарин уехал прочь, уверенный в своих силах, на прощание пообещав Ашу вернуться в первый же свой отпуск.

– А когда ты станешь совсем взрослым, то приедешь в Мардан и тоже станешь соваром, – заверил мальчика Зарин. – Мы с тобой будем ходить в атаки и участвовать в разграблении городов. Так что постарайся научиться всему, чему может научить тебя мой отец, чтобы мне не пришлось краснеть за тебя, когда ты явишься туда в качестве новобранца.

После отъезда Зарина жизнь в Хава-Махале показалась еще скучнее, чем прежде, и, когда из Мардана пришло известие, что он вступил в рисалу (кавалерию) и стал соваром, владевшее Ашем беспокойство возросло, а вместе с ним укрепилось намерение последовать примеру друга и стать солдатом. Поэтому мальчик никогда не упускал возможности поупражняться в верховой езде и стрельбе с Кодой Дадом, хотя Сита всячески старалась отговорить его от новых планов на будущее. Одно упоминание о разведчиках приводило в ужас Ситу, чье враждебное отношение к Коду Даду и Зарину объяснялось главным образом их связью с этим полком. Она испытала сильнейшее потрясение, когда поняла, что даже здесь, в Гулките, где она полагала себя в полной безопасности, Ашок завел дружбу с людьми, которые однажды могут обратить на него внимание его дяди-ангрез. И она сделала все возможное, чтобы предотвратить такую беду.

Солдаты – люди грубые, утверждала Сита; они получают низкое жалованье и ведут опасную, беспорядочную жизнь; спят в палатках или на голой земле и у них никогда нет крыши над головой или уютного дома для семьи. С чего вдруг Ашок решил пойти в солдаты?

Она казалась такой расстроенной и встревоженной, что Аш оставил всякие разговоры на эту тему и сделал вид, будто просто пошутил. Он решил, что мысль о военной службе не понравилась матери только потому, что ее подсказали Кода Дад и Зарин, всегда вызывав-

шие у нее неприязнь, и даже не заподозрил, что у Ситы есть иные причины для возражений. Мальчик никогда больше не заговаривал о своих планах с Ситой, но продолжал обсуждать их с Кодой Дадом и часто заводил речь о своем решении стать солдатом с Каири, которая, несмотря на свой малый возраст и недостаток понимания, оказалась благодарным и сочувственным слушателем.

Каири была готова часами слушать любые рассказы Аша, и он обнаружил, что ей не надо ничего объяснять – она, похоже, понимала его интуитивно, хотя вряд ли что-нибудь задерживалось у нее в памяти надолго, кроме историй про долину. Каири отдавала предпочтение этому предмету перед всеми прочими, долина стала для нее таким же реальным местом, как и для Аша, и девочка считала само собой разумеющимся, что она тоже отправится туда и поможет строить дом. Двое детей придумывали план дома комната за комнатой, добавляя новые помещения и различные декоративные элементы, постепенно превращая скромную хижину во дворец, но в конце концов, утомленные великолепием, уничтожали все взмахом руки и начинали планировать заново – на сей раз крохотное жилище с низкими потолками и тростниковой крышей.

– Но даже такой домик будет стоить уйму денег, – встревоженно говорила Каири. – Много, много раз по десять рупий.

Она умела считать лишь до десяти.

Однажды девочка принесла Ашу серебряную монетку достоинством в четыре аны, сказав, что пора начинать копить деньги на дом. Мальчик уже давно не держал в руках даже такой мелкой монеты, и она показалась ему целым состоянием. Он с удовольствием потратил бы ее на множество разных вещей, но вместо этого спрятал под расшатавшимся камнем в полу балкона Павлиньей башни, сказав Каири, что они будут добавлять к ней другие монетки по мере их поступления. Они так ничего больше и не добавили к своим накоплениям, поскольку жалованье в Хава-Махале платили крайне неохотно, хотя кормили там сытно и новую одежду исправно выдавали, когда старая приходила в негодность. Прежняя жизнь в городе представлялась Ашу чудесной порой благополучия и свободы, и он с тоской вспоминал о своем скромном жалованье конюшонка у Дуни Чанда.

Было унижительно сознавать, что сейчас он не в состоянии внести в общее дело даже такую скромную лепту, какую внесла Каири, и что, даже если он когда-нибудь получит разрешение оставить службу у ювраджа и преодолит предубеждение Ситы против военной карьеры, он все равно не сможет присоединиться к Зарину. Когда Дад говорил, что в кавалерию разведчиков может поступить только силладар, то есть тот, кто является в полк со своим конем, а также с деньгами на покупку обмундирования, и эта сумма возвращается ему по увольнении. У Зарина были и конь, и деньги, но Аш не смог бы достать ни того ни другого.

– Когда я выйду замуж, я дам тебе столько денег, сколько нужно, – утешила мальчика Каири.

Вопрос о ее помолвке уже обсуждался на женской половине Хава-Махала.

– Да какой в этом толк? – неблагоприятно ответил Аш. – Будет уже слишком поздно. Ты не выйдешь замуж еще много лет – ты ведь совсем ребенок.

– Мне скоро исполнится шесть, – с горячностью возразила Каири, – а Аруна говорит, что в таком возрасте уже выходят замуж.

– Тогда тебя увезут далеко-далеко отсюда, на расстояние многих дней пути, и, какой бы богатой ты ни стала, ты не сможешь переслать деньги в Гулкот, – ответил Аш, настроенный смотреть на вещи мрачно. – В любом случае твой муж может и не дать тебе денег.

– Даст, даст, не сомневайся. Если я стану махарани, у меня будет много кроров⁸ рупий, как у Джану-рани. И еще алмазы, жемчуг, слоны и...

⁸ Крор – десять миллионов рупий.

– И старый, жирный, лысый муж, который будет тебя бить, а потом помрет, когда ты будешь совсем молодой, и тебе придется стать сати и сгореть заживо на погребальном костре вместе с ним.

– Не говори так!

Голос Каири задрожал, ее маленькое личико побледнело. Ворота сати со скорбным фризом из красных отпечатков рук всегда наводили на нее ужас, и она не могла без содрогания видеть это трагическое напоминание о десятках и сотнях женщин, оставивших там эти отпечатки, – жен и наложниц, которых сожгли заживо вместе с телами покойных раджей Гулкота и которые окунали ладони в красную краску и прижимали к камню, когда выходили через Ворота сати из дворца, отправляясь в свой последний короткий путь к погребальному костру. Такие изящные маленькие ручки, иные размером не больше, чем у нее самой. Британцы запретили варварский обычай сожжения вдов, но все знали, что он по-прежнему практиковался в отдаленных и независимых княжествах, где белые люди появлялись редко, и добрая половина жителей Гулкота помнила, как бабушка Каири, старая рани, горела в пламени, пожиравшем тело ее мужа, вместе с тремя младшими женами и семнадцатью наложницами.

– На твоём месте, Джали, я бы вообще не стал выходить замуж, – сказал Аш после минутного раздумья. – Это слишком опасно.

Европейцы крайне редко посещали Гулкот. Хотя после мятежа сипаев 1857 года княжество официально стало частью территории, подпадающей под юрисдикцию Британской короны, отсутствие там дорог и мостов по-прежнему отпугивало путешественников, а поскольку Гулкот не доставлял никаких неприятностей, власти временно оставили его в покое и сосредоточились на более насущных проблемах субконтинента. Осенью 1859 года раджа, желая предупредить вмешательство в дела Гулкота, отправил своего премьер-министра и делегацию из представителей знати договориться о заключении союза с новыми правителями, но только весной 63-го полковник Фредерик Бинг из политического департамента нанес официальный визит правителю Гулкота, прибыв в сопровождении нескольких своих секретарей и отряда сикхской кавалерии под командованием британского офицера.

Данное событие вызвало огромный интерес у гулкотских подданных, чье знакомство с европейцами до сих пор ограничивалось упомянутым выше колоритным казаком-наемником Сергеем Водвиченко и его злополучной дочерью-полукровкой, фаранги-рани. Гулкотцам не терпелось увидеть, как выглядят сахиб-логи и как они станут вести себя. А еще больше всем хотелось насладиться празднеством, которое устраивалось по случаю сего знаменательного события. Торжества обещали стать поистине великолепным праздником, и никто не ждал его с большим нетерпением, чем Аш, хотя Сита ясно дала понять, что крайне не одобряет визитов чужестранцев в княжество, и всячески старалась отговорить сына от участия в каких-либо церемониях или даже от присутствия при дворе во время пребывания там англичан.

– С какой стати они приезжают сюда и суются в наши дела? – ожесточенно говорила Сита. – Нам вовсе не нужно, чтобы какие-то фаранги указывали нам, что можно и что нельзя, и причиняли всем беспокойство и неприятности... задавали разные вопросы. Обещай мне, Ашок, что ты и близко не подойдешь к ним.

Страстность матери приводила в недоумение Аша, который так и не забыл высокого седого мужчину, часто читавшего ему лекции о преступности всякой несправедливости. Больше о том мужчине он не помнил ничего, если не считать странного и неприятного воспоминания о мертвенно-бледном безжизненном лице, мельком увиденном в тусклом свете лампы, и еще о злобной грызне шакалов в пустынном лагере – эти звуки вселили в него такой ужас, что он до сих пор не мог слышать шакальего воя без содрогания. Но Аш давно понял, что матери не нравятся любые упоминания о прошлом, и потому решительно не желал о

нем заговаривать. Возможно, когда-то фаранги обошлись с ней дурно, и именно поэтому сейчас она так старается оградить его от встречи с английскими гостями. Однако с ее стороны неразумно рассчитывать, что он оставит свои служебные обязанности на время пребывания британцев во дворце: это никак невозможно, ведь в ходе предстоящего визита Лалджи потребуются услуги всех придворных.

Однако накануне прибытия полковника Бинга Аш по непонятной причине тяжело занемог, поев приготовленной матерью пищи, и следующие несколько дней пролежал пластом в постели в комнатах Ситы, не в силах думать ни о чем, кроме жестокой головной боли и мучительных желудочных колик. Сита самозабвенно ухаживала за ним, со слезами и горькими сетованиями виня себя в том, что накормила бедняжку испорченной пищей. Она не пустила на порог хакима, посланного к больному Хиралалом, и отпаивала Аша травяными отварами собственного приготовления, которые оказывали усыпляющее и отупляющее действие. Ко времени, когда мальчик оправился, гости уже уехали, и ему пришлось довольствоваться рассказами Каири, Коды Дада и Хиралала о минувшем празднестве.

– Ты немного потерял, – сардонически сказал Хиралал. – Полковник был старый и жирный, а его секретари – молодые и глупые, и один только командир эскорта говорил на нашем языке более или менее бегло. Сикхи сказали, что он чистый дьявол – в похвальном смысле слова. Ты уже выздоровел? Каири-Баи выразила уверенность, что тебя отравили ядом, чтобы ты не увидел торжеств, но мы велели ей не болтать вздора – кому какое дело, увидишь ты их или нет? Лалджи уж всяко здесь ни при чем, что бы там ни думала его маленькая неразумная сестренка. Наш любимый юврадж последние дни слишком исполнен сознания собственной значимости, чтобы занимать голову такими вещами.

Последнее утверждение соответствовало истине: будучи наследником престола, Лалджи играл значительную роль в официальных торжествах в честь полковника Бинга и упивался всеобщим вниманием. Эти мероприятия оказались гораздо более увлекательными и гораздо менее утомительными, чем растянутые церемонии по случаю его бракосочетания, а так как отец среди всего прочего рассчитывал ослепить варваров блеском роскоши, выданные ювраджу наряды и украшения затмили своим великолепием даже его свадебный костюм. Лалджи любил щеголять в пышных одеждах, а поскольку такая возможность представлялась крайне редко, он с восторгом воспользовался случаем покрасоваться рядом с отцом в ярких узорчатых нарядах, жестких от золотого и серебряного шитья, в усыпанных алмазами газовых тюрбанах, в жемчужных бусах и ожерельях из сверкающих драгоценных камней, с мечом в бархатных ножнах, расшитых мелким жемчугом.

Толстый англичанин, скверно говоривший на хиндустани, держался в высшей степени любезно и обращался с ним как со взрослым мужчиной, и хотя отец представил гостям и старшего сына нотч, маленький Нанду не произвел на них благоприятного впечатления: будучи испорченным, капризным ребенком, он постоянно вопил, ныл, хныкал и так плохо вел себя, что раджа потерял с ним всякое терпение и отослал прочь в середине первого торжественного приема. Больше Нанду не разрешалось показываться на глаза, и только Лалджи, один Лалджи сидел, стоял, шествовал или ехал на коне рядом с отцом в течение всех четырех дней празднества. А когда все закончилось, великолепные наряды и украшения у него не забрали, а оставили ему на хранение, и отец по-прежнему требовал его присутствия рядом и обращался с ним на удивление ласково.

Лалджи был счастлив, как никогда прежде, и его счастливое расположение духа проявлялось буквально во всем. Он перестал дразнить свою маленькую сестру или мучить ручных животных и стал относиться к придворным милостиво и доброжелательно. Перемена, произошедшая с гневливым, вздорным ювраджем, премного всех обрадовала, и один только Хиралал предсказывал скорую беду. Впрочем, Хиралал был известным циником. Остальные придворные Лалджи наслаждались мирной атмосферой, установившейся в покоях молодого

господина, и видели в ней свидетельство, что мальчик превращается в мужчину и наконец вознамерился оставить ребяческое поведение. Всех также приятно удивило, что раджа продолжал искать общения со своим старшим сыном. Придворные полагали, что оно прекратится с отъездом гостей, и были изумлены, когда юный юврадж стал ежедневно проводить значительное время в обществе отца, посвящавшего его в курс государственных дел. Все это доставляло великую радость многочисленным врагам нотч, которые истолковали сложившуюся ситуацию как признак ослабления ее власти, тем более что последний ребенок, недавно рожденный ею своему супругу, оказался тщедушной, болезненной девочкой. Однако последующие события показали, что они снова недооценили нотч.

Джану-рани пришла в страшную ярость, когда визжащего Нанду удалили из зала для торжественных приемов, а его ненавистный сводный брат, наследник престола, произвел на всех самое благоприятное впечатление. Она рвала и метала два дня, а следующие семь дней ходила мрачнее тучи. Но обычного результата не достигла. Раджа в ответ просто стал обходить стороной покои жены и проводить время на своей половине дворца в ожидании, когда она успокоится, и такая неожиданная реакция испугала рани в той же мере, в какой обрадовала ее врагов.

Джану посмотрелась в зеркало и увидела то, что до сих пор отказывалась замечать: она утратила былую стройность и начала полнеть. Возраст, роды и праздная жизнь сделали свое дело, и обольстительная девушка с золотистой кожей превратилась в низенькую пухлую женщину, которая уже теряла прежний нежный цвет лица и скоро растолстеет, но пока еще не утратила ни своего ума, ни влияния, ни очарования. Трезво оценив ситуацию, Джану поспешно устроила примирение с супругом, и настолько успешно, что в скором времени снова оказалась на коне. Однако она не забыла того короткого приступа ужаса и теперь, к великому удивлению двора, принялась добиваться дружбы своего пасынка.

Это было непросто, ибо ревнивая ненависть мальчика к женщине, занявшей место фаранги-рани и поработившей его отца, успела расцвести пышным цветом и глубоко пустить корни. Но на свою беду, Лалджи всегда был падок на лесть, и нотч тешила его тщеславие неискренними комплиментами и щедрыми подарками. Отказавшись от прежней политики, она настойчиво советовала радже уделять больше внимания старшему сыну и в конечном счете добилась если не дружбы, то хотя бы перемирия с Лалджи.

– Кто-нибудь, – сказал Кода Дад, нисколько не тронутый внезапной переменой настроения рани, – должен напомнить мальчику о тигре из Титагунджи, который притворился вегетарианцем и пригласил буйволена на обед.

Придворные тоже поначалу отнеслись к новому положению дел скептически и предсказывали, что оно не продлится долго. Но недели текли одна за другой, а рани по-прежнему оставалась в добрых отношениях со своим пасынком. В конце концов ситуация утратила новизну и со временем стала восприниматься как должное, что очень радовало раджу и нравилось почти всем придворным ювраджа, кроме старой Данмайи, которая решительно отказывалась доверять нотч, и Хиралала, разделявшего ее мнение.

– Никогда не доверяй змее или шлюхе, – сардонически процитировал он известную поговорку.

Положение Аша тоже ненадолго улучшилось с переменой обстановки при дворе. Ювраджу, счастливому и довольному жизнью, хотелось загладить прежнюю несправедливость к мальчику, который все-таки однажды спас ему жизнь, хотя Лалджи больше не подозревал свою мачеху в причастности к тому происшествию. Теперь он не сомневался: то был несчастный случай, а коли так, значит у него больше нет необходимости настаивать на присутствии Ашока во дворце и нет никаких веских причин ограничивать его свободу. Казалось естественным разрешить мальчику выходить в город, когда он пожелает. Но Лалджи был

невероятно упрям, и гордость не позволяла ему отменить однажды отданный приказ. Однако он решил впредь обращаться с Ашоком лучше.

На какое-то время юврадж восстановил Аша в прежнем положении своего товарища и доверенного лица. Но это продолжалось недолго. Мальчик не знал за собой никакой вины и не понимал, почему он снова попал в немилость, как не понимал и того, почему недавно юврадж неожиданно опять приблизил его к себе. Но факт оставался фактом: Лалджи вновь без всякого видимого повода ополчился против него и с тех пор относился к нему с беспричинной и неуклонно возрастающей враждебностью. Положенная не на место вещь, разбитая безделушка, порванная занавеска или захворавший попугай – эти и десятки других мелких неприятностей вменялись в вину Ашу, и он нес должное наказание за них.

– Но почему я? – спросил Аш, озадаченный необъяснимой переменой настроения Лалджи, по обыкновению делясь своими бедами с Кодой Дадом. – Что плохого я сделал? Это нечестно! Почему он так обращается со мной? Какая муха его укусила?

– Одному Аллаху ведомо, – пожал плечами Кода Дад. – Возможно, какой-нибудь придворный возревновал к благосклонности, которую юврадж снова стал проявлять к тебе, и нашептал ему клеветнические измышления против тебя. Благосклонность принцев порождает зависть и вражду окружающих, а тебя многие не любят. Например, некто по прозвищу Биччху.

– Ах, он! Биджурам всегда меня ненавидел, хотя я понятия не имею почему. Я не делал ему ничего плохого и никогда не становился у него на пути.

– В этом я не слишком уверен, – сказал Кода Дад. Аш вопросительно взглянул на него, и Кода Дад сухо произнес: – Тебе никогда не приходило в голову, что он может работать на рани?

– Биджурам? Но... но такого быть не может, – пробормотал ошеломленный Аш. – Он не стал бы... ведь он пользуется чрезвычайной благосклонностью Лалджи и получает от него дорогие подарки, и... Нет, он не пошел бы на такое...

– Почему? Не сам ли юврадж прозвал его Биччху? И с полным на то основанием. Говорю тебе, у Биджурама такая же холодная кровь, как у его тезки. Более того, в моих родных краях за Хайбером есть поговорка: «У змеи, скорпиона и шинвари⁹ нет сердца», и, видит Аллах, в отношении шинвари это истинная правда. Послушай, сынок, в городе, да и здесь, в Хава-Махале, поговаривают, что этот человек – ставленник рани и получает от нее хорошие деньги за свою работу. Если это правда, в чем я не сомневаюсь, тогда и у него, и у этой женщины есть все основания ненавидеть тебя.

– Да. – Голос мальчика прозвучал еле слышно, и он зябко поежился, почувствовав, что земля уплывает у него из-под ног. – Бедный Лалджи!

– Поистине бедный, – спокойно согласился Кода Дад. – Разве я не говорил тебе много раз, что у высокопоставленных особ жизнь не всегда легка и безмятежна?

– Да, но в последнее время он так сильно переменился к лучшему. Он стал гораздо счастливее – и добрее тоже. Со всеми, не только со мной. Но теперь вдруг я оказался единственным, кого он постоянно бранит и наказывает, причем всегда за то, чего я не делал. Это несправедливо, Кода Дад! Это несправедливо!

– Чушь! Это слова малого ребенка, – проворчал Кода Дад. – Люди всегда несправедливы – и молодые, и старые. Тебе уже давно пора понять это, сынок. А что говорит Хиралал? Но Хиралал просто подергал свою серьгу и сказал:

– Я же предупреждал: быть беде.

А поскольку он не пожелал ничего добавить к данному замечанию, оно не особо помогло делу.

⁹ Пуштунское племя. – *Примеч. ред.*

Спустя несколько дней Лалджи обвинил Аша в порче своего любимого лука, сломавшегося во время стрельбы по мишени. Мальчик заявил, что не притрагивался к нему, но Лалджи не поверил и велел крепко вздуть его. Именно после этого Аш попросил у ювраджа разрешения оставить службу и покинуть Хава-Махал. На свою просьбу он получил отказ и вдобавок был поставлен в известность, что он не только остается на службе, но и отныне не имеет права покидать крепость ни при каких обстоятельствах. Иными словами, ему запрещалось сопровождать Лалджи и раджу во время выездов на соколиную охоту на равнины или в предгорья и выходить в город с Кодой Дадом или любым другим человеком. Хава-Махал наконец превратился в ту самую тюрьму, которой представился Ашу, когда он впервые вошел во дворец: ворота закрылись за ним, и пути к бегству не было.

С наступлением холодов Сита простудилась и начала покашливать сухим кашлем. В этом не было ничего необычного: она и прежде частенько простужалась. Но на сей раз она никак не могла оправиться, хотя отказалась обратиться за советом к хакиму и заверила Аша, что хворь пустяковая и пройдет, как только свежие зимние ветры прогонят влажную жару затянувшегося сезона дождей. Однако жара на плато уже спала, и дувший с гор прохладный ветер приносил слабый запах сосновой хвои и снега.

Из Мардана пришли вести от Зарина, но вести плохие. Разведчики вступили в сражение с одним из пограничных племен, и его брат Афзал, средний сын Коды Дада, пал в бою. «Такова воля Аллаха, – сказал Кода Дад. – Написанного в Книге Судеб не изменить. Но он был самым любимым у матери».

Это была печальная осень для Аша, и она была бы еще печальнее, если бы не стойкая поддержка маленького, но преданного союзника – Каири-Баи. Ни порицания, ни прямые запреты не оказывали никакого действия на Каири. Она ускользала от своих служанок с легкостью, приобретенной за годы практики, и каждый день тайком прибегала к Ашу на балкон Павлиньей башни, очень часто принося с собой фрукты или сласти, либо утаенные из своей собственной порции, либо украденные у Лалджи.

Лежа там и глядя на белые пики Дур-Хаймы, двое детей придумывали бесчисленные планы побега Ашока из дворца – или, вернее, Аш выдвигал разные варианты, а Каири слушала. Но все планы обсуждались не всерьез, поскольку оба понимали, что Аш не оставит свою мать, слабеющую с каждым днем. Сита, всегда такая деятельная и энергичная, теперь часто устало сидела в своем дворике, прислонившись спиной к стволу сосны и уронив вялые руки на колени, и дети по взаимной договоренности старались не упоминать при ней о неприятностях Аша. А неприятностей у него было много, и не последней из них являлась уверенность, что кто-то снова предпринимает попытки убить наследника престола.

Три года – немалый срок для ребенка, и Аш уже почти забыл давнюю историю с отравленными пирожными в беседке Лалджи, когда внезапно похожий эпизод пробудил в нем неприятные воспоминания.

Однажды они обнаружили коробку халвы с орехами, любимого лакомства Лалджи, на мраморной скамье в беседке у пруда, и юврадж сразу схватил халву, предположив, что она оставлена здесь одним из слуг. Но в следующий миг в памяти Аша, словно высвеченное яркой вспышкой, возникло отвратительное видение трех жирных карпов, плавающих вверх брюхом среди кувшинок, и он прыгнул вперед и вырвал коробку из руки ювраджа.

Он действовал чисто инстинктивно и оказался в западне, когда Лалджи в бешенстве потребовал у него объяснений. Никому не рассказав про отравленные пирожные тогда, он не мог рассказать про них и сейчас, не навлекши на себя обвинения во лжи или в сокрытии факта покушения на жизнь ювраджа. Правда не сослужила бы ему доброй службы, и потому Аш прибег ко лжи: мол, халву оставил здесь он, но она непригодна в пищу после того, как к ней ненароком прикоснулся метельщик – представитель низшей касты, а он, Аш, принес сюда оскверненное лакомство, чтобы скормить голубям. Лалджи в ужасе отшатнулся, и Аша

сурово наказали за то, что он принес нечистую пищу в сад. Однако воспоминание трехлетней давности не обмануло мальчика: позже вечером он бросил кусочек халвы вороне, и ворона издохла. Но поскольку он промолчал раньше, то не осмелился заговорить и сейчас.

На следующей неделе произошел еще один пренеприятный случай, связанный с коброй, непонятно каким образом заползшей в опочивальню Лалджи. Дюжина слуг могла поклясться, что змеи там не было, когда юврадж укладывался спать, но в первые часы после полуночи она точно находилась там, ибо что-то вдруг разбудило Аша среди ночи и через несколько минут он услышал, как часы пробили два раза. Его соломенный тюфяк лежал у самого порога комнаты ювраджа, и никто не мог проникнуть туда, не разбудив мальчика, даже змея. Но, лежа в темноте и напрягая слух, он услышал звук, который не мог спутать ни с каким другим: сухой шорох чешуек по не покрытому ковром полу.

Аш испытывал перед змеями всю меру свойственного европейцам ужаса, и инстинкт самосохранения приказывал ему лежать тихо и не шевелиться, чтобы не привлечь внимания ползучей твари. Но звук доносился из комнаты ювраджа, а Аш знал, что Лалджи спит беспокойно и в любой момент может откинуть руку в сторону, перевернуться на бок или сделать любое другое резкое движение, способное спровоцировать атаку. Поэтому Аш поднялся на ноги, дрожа от непреодолимого страха, и ощупью добрался до занавешенного портьерами дверного проема, ведущего в наружное помещение. Там тускло горела масляная лампа с прикрученным фитилем, и Аш вывернул в ней огонь до предела и разбудил слуг.

Кобра, обследовавшая фрукты и питье на низком столике у кровати Лалджи, была убита под пронзительный визг последнего и вопли переполошенных слуг, придворных и стражников. Никто так никогда и не выяснил, каким же образом змея ухитрилась проникнуть в опочивальню, хотя все склонились к мнению, что она проползла по сточному желобу ванной комнаты. И только Данмайя увидела в появлении кобры злой умысел против своего любимца.

– Она глупая старуха, эта Данмайя, – сказала Сита, выслушав рассказ Аша о ночном происшествии. – У кого хватило бы духу поймать живую кобру и пронести во дворец? А если бы они и сумели сделать такое, их непременно заметили бы, ведь змея-то была не из мелких. Помимо всего прочего, кто здесь, в Гулкоте, может желать мальчику зла? Уж всяко не рани: всем известно, как она полюбила Лалджи в последнее время. Она обращается с ним ласково, будто со своим родным сыном, и уверяю тебя: совсем не обязательно самой произвести ребенка на свет, чтобы полюбить его всем сердцем. Ювраджа родила не Данмайя, однако она тоже любит мальчика, да так сильно, что повсюду видит заговоры и злые умыслы против него. Она сумасшедшая.

Аш промолчал и не рассказал Сите о найденных давным-давно пирожных и об отравленной халве, совсем недавно подброшенной в тот же сад, как не упомянул о словах Коды Дада насчет рани и Биджурама. Он понимал: подобные мерзкие истории только напугают мать. Но очень скоро скрывать их от нее стало невозможно. Каири случайно узнала нечто такое, что изменило жизнь Ситы и Аша так же круто, как это сделала холера ужасной весной, когда умерли Хилари и Акбар-хан.

Принцессе Анджали – Каири-Баи, «маленькому незрелому плоду манго» – тогда едва исполнилось шесть лет, и, родись она в любой западной стране, она бы еще считалась малым ребенком. Но девочка родилась не просто на Востоке, а в восточном дворце, и благодаря раннему знакомству с заговорами, кознями и интригами индийского двора ум у нее изощрился и развился не по годам.

Помня предостережение Ашока и зная о неблагоприятном отношении к нему Лалджи, Каири никогда не заговаривала с мальчиком и даже не смотрела в его сторону при посторонних. Но система условных знаков и кодовых слов, посредством которых они могли незаметно общаться на глазах у придворных, верно служила им, и через три дня после случая с

коброй девочка вбежала в покои ювраджа и ухитрилась подать Ашу сигнал срочного вызова, использовавшийся лишь в самых чрезвычайных обстоятельствах. При первой же возможности Аш незаметно выскользнул из комнаты и поспешил на балкон Павлиньей башни, где его ждала Каири, бледная и вся в слезах.

– Ты сам виноват, – прорыдала Каири. – Она сказала, что ты выбросил какие-то сласти и спас его от кобры. Я вовсе не хотела подслушивать, но побоялась, что она рассердится, если найдет меня в своем саду, а Миан Митау залетел туда, и я должна была поймать его... должна была. В общем, когда раздалися шаги, я спряталась в кустах за беседкой и слышала... слышала все, что она говорила. О Ашок, она плохая! Плохая и злая. Она хотела убить Лалджи и теперь злится на тебя из-за кобры и еще из-за каких-то сладостей. Она сказала, что ты слишком много знаешь и они должны убить тебя немедленно, и не важно, каким способом, потому что ко времени, когда тебя хватятся, коршуны и вороны уже покончат с тобой, а кто станет поднимать шум из-за смерти базарного мальчишки... Это про тебя, Ашок, она говорила, про тебя. А потом она велела им сбросить тебя со стены, чтобы все решили, будто ты залез туда и сам свалился. Я правду говорю. Они собираются убить тебя, Ашок. Ой, что же нам делать, что делать?

Каири бросилась к нему, завывая от ужаса, и Ашок обнял девочку и принялся машинально убаюкивать ее, лихорадочно обдумывая услышанное. Да, это, несомненно, правда: Каири в жизни не придумала бы такого разговора. Джану-рани всегда хотела убить Лалджи и поставить своего сына на его место, и она достоверно знает, что Ашок как минимум три раза помешал ей осуществить задуманное – или четыре, если учесть, что именно он нашел и выбросил отравленные пирожные несколько лет назад. Знает ли она об этом? Вряд ли кто-то видел его тогда. Но сейчас это не имеет значения. Рани намерена позаботиться о том, чтобы он больше не нарушал ее планов, и убить его будет гораздо легче, чем Лалджи, ибо кто станет тщательно расследовать смерть или исчезновение столь незначительной особы, как сын одной из служанок никому не нужной Каири-Баи? Он так и не рассказал Лалджи про отравленные пирожные и халву, и уже слишком поздно рассказывать. К тому же Лалджи давно убедил себя, что падение плиты песчаника было всего лишь несчастным случаем, и два дня назад обозвал Данмайю старой злонамеренной смутьянкой, которой следует отрезать язык, когда старуха выразила свои подозрения по поводу истории с коброй. От ювраджа ждать помощи не приходится.

«Джали права, – в отчаянии подумал Аш. – Я сам виноват, что ничего не рассказал Лалджи и не показал карпов, подохших от пирожных, и ворону, умершую от отравленной халвы». Теперь у него нет никаких доказательств, и даже располагай он таковыми, это не поможет, ведь ныне Лалджи совершенно уверен, что рани – его друг, а он, Ашок, не может доказать ее причастность к покушениям или рассказать о разговоре, подслушанном Каири, поскольку все сочтут это детскими выдумками. Но рани-то будет знать, что никакие это не выдумки, и, не исключено, убьет и девочку тоже, а также Ситу, если та станет задавать слишком много вопросов по поводу его смерти...

Под куполом балкона Павлиньей башни начинали сгущаться сумеречные тени. Каири, обессиленная от рыданий, тихо лежала в объятиях Аша, который мерно покачивал девочку, глядя поверх ее головы на заснеженные вершины гор. Слабый ветерок дышал зимней свежестью; октябрь подходил к концу, и дни становились все короче. Солнце уже почти скрылось за горами, и пики Дур-Хаймы казались подобием бледно-розовых и золотисто-желтых островерхих шатров на фоне опалового неба, где мерцала единственная звездочка, похожая на один из бриллиантов Джану-Баи.

Аш зябко поежился и, отпустив Каири, отрывисто произнес:

– Нам пора идти. Скоро совсем стемнеет, и, возможно, меня станут искать.

Но они оставались на балконе до тех пор, пока далекие снега не сменили цвет с розового на фиолетовый и только самый высокий пик Дур-Хаймы – Таракалас (Звездная башня) – еще тускло светился последними отблесками закатного солнца.

Сегодня Аш не принес с собой риса, но на запястье у Каири был браслетик, сплетенный из поздних роз, и мальчик взял у нее нехитрое украшение и рассыпал розовые бутоны на краю балкона, надеясь, что Дур-Хайма примет во внимание чрезвычайные обстоятельства и простит, что он не принес свой собственный жертвенный дар.

– Помоги мне, – обратился Аш с мольбой к своему личному божеству. – Пожалуйста, помоги мне! Я не хочу умирать.

Багровые отсветы заката на высоком пике постепенно погасли, и вся горная гряда виделась сиреневым силуэтом на фоне темнеющего неба, где уже мерцала не одна-единственная звездочка, а целая тысяча звезд. Крепчающий ночной ветер смел с балкона розовые бутоны, и Аш несколько успокоился, решив, что Дур-Хайма приняла жертву. Двое детей разом повернулись кругом, ощупью спустились вниз по лестнице полуразрушенной башни и направились во дворик Ситы, крепко держась за руки, напрягая зрение и слух в попытке уловить самый тихий звук, самое незаметное движение, которые выдадут соглядатая, притаившегося в густой тени.

Сита стряпала ужин, и Аш оставил Каири с ней, а сам сломя голову помчался в покои ювраджа по лабиринтам коридоров и внутренних дворов, занимавших треть Хава-Махала. Сердце у него бешено колотилось, и он ощущал неприятный холодок между лопаток – в месте, куда запросто могли всадить нож. Мальчик испытал огромное облегчение, обнаружив, что никто не заметил его отсутствия, поскольку Лалджи получил в подарок от рани набор украшенных драгоценными камнями шахматных фигур и сейчас играл в шахматы с Биджурамом.

С десятков льстивых придворных стояли вокруг игроков, выражая бурное восхищение каждым ходом своего молодого господина, а в дальнем конце комнаты, под висящей лампой, в одиночестве сидел, поджав ноги, человек, поглощенный книгой и не обращающий внимания на игру. Аш на цыпочках подошел к нему и шепотом попросил позволения переговорить с ним наедине. Хиралал лениво поднял взгляд и несколько мгновений внимательно всматривался в лицо мальчика, прежде чем снова опустил глаза в книгу.

– Нет. Говори здесь, – неторопливо произнес он приглушенным голосом, не доносившимся до группы придворных. – Если дело важное, нам лучше не выходить отсюда, иначе кто-нибудь последует за нами и узнает то, что ты хочешь скрыть. Повернись к ним спиной, чтобы они не видели твоего лица, и не надо шептать. Им в голову не придет, что ты станешь секретничать при таком скоплении народа, а потому можешь говорить, что тебе угодно.

Аш подчинился. Он нуждался в разумном совете, а из всех придворных ювраджа один лишь Хиралал относился к нему дружески. Придется довериться Хиралалу. Близится ночь, которую надо пережить, а Аш не знает, сколько придворных работает на нощ: возможно, половина из них или даже все они. Но только не Хиралал. Интуиция подсказывала Ашу, что на Хиралала можно положиться, и интуиция его не обманула. Хиралал слушал молча, рассеянно теребя тонкими пальцами свою серьгу, скользя по комнате блуждающим взглядом и всем своим видом показывая людям, собравшимся подле игроков, что он отчаянно скучает и слушает невнимательно. Но когда Аш закончил, он спокойно произнес:

– Ты правильно сделал, что рассказал мне. Я позабочусь о том, чтобы с тобой ничего не случилось сегодня ночью. Но рани – женщина опасная, и она в состоянии хорошо заплатить, чтобы достичь своей цели. Тебе и твоей матери придется покинуть Гулкот. Другого выхода нет.

– Я не могу... – Голос у мальчика прервался. – Юврадж никогда не разрешит мне уволиться, а стражники не выпустят меня за ворота одного.

– Ты не станешь просить об увольнении. А что касается ворот, мы найдем какой-нибудь другой путь. Завтра ступай к управляющему конюшнями и расскажи ему все, что рассказал мне. Кода Дад – умный человек, он что-нибудь придумает. А сейчас пора заканчивать разговор: Биджурам уже второй раз смотрит в нашу сторону.

Хиралал широко зевнул, захлопнул книгу и, поднявшись на ноги, произнес достаточно громко, чтобы все услышали:

– Лошадей я еще могу терпеть, но соколов – нет. Не рассчитывай заинтересовать меня болтовней о существах, которые кусаются, дурно пахнут и рассыпают перья и блох по всему полу. Тебе уже пора взрослеть, мальчик, и изучать творения поэтов. Это разовьет твой ум, коли у тебя таковой имеется.

Хиралал бросил книгу Ашу и неторопливо подошел к группе придворных, наблюдавших за шахматной партией. Но он сдержал свое слово. Той ночью переднюю комнату с Ашем разделил один из телохранителей раджи, чье присутствие расценили как знак недовольства его высочества нерадивостью слуг, допустивших проникновение кобры в опочивальню наследника.

Ночь прошла без происшествий, но Аш спал плохо и на следующее утро, воспользовавшись первой же возможностью улизнуть из покоев ювраджа, направился к Коде Дадхану. Хиралал успел побывать там до него.

– Все уже устроено. – Кода Дад поднял ладонь, останавливая едва успевшего открыть рот мальчика. – Мы сошлись во мнении, что ты должен покинуть дворец сегодня ночью. Через ворота тебе не пройти, а значит, придется бежать через стену. Для этого нам понадобится всего лишь веревка – длинная веревка, ведь стена очень высокая. Но на конюшнях веревок более чем достаточно, так что с этим проблем не будет. Трудность заключается в том, что затем тебе придется спускаться со скалы по козьим тропам, которые и днем-то найти непросто, а ночью и подавно. По счастью, ночи сейчас лунные.

– Но... но как же мама? – заикаясь проговорил Аш. – Она же такая слабая, она не сможет...

– Нет-нет, Сита выйдет через ворота. Ей это не запрещено. Она должна сказать, что хочет купить одежду или побрякушки на базаре и собирается погостить день-другой у старой подруги. Никто не усомнится в ее словах, а как только она уйдет, ты притворишься больным, чтобы тебе не пришлось спать на половине ювраджа сегодня ночью. Просто начнешь кашлять и делать вид, будто у тебя болит горло, и Лалджи мигом разрешит тебе ночевать в любом другом месте, поскольку страшно боится заразы. Как только дворец погрузится в сон, я самолично спущу тебя со стены на веревке, а затем тебе придется дать деру. Твоя мать умеет ездить верхом?

– Не знаю. Вряд ли. Я никогда...

– Не важно. Вы вдвоем весите меньше, чем один взрослый мужчина, и она сможет сесть позади тебя. Хиралал позаботится о том, чтобы за городом, среди чинар у гробницы Лала Бега, вас ждала лошадь. Ты знаешь это место. Городские ворота закрываются на ночь, поэтому твоя мать должна покинуть Гулкот ранним вечером, когда повсюду полно народу и никто не обращает внимания на то, кто входит и выходит через ворота. Вели Сите взять с собой еду и теплую одежду: зима уже не за горами и по ночам холодно. А когда посадишь мать на лошадь, гони во весь опор на север. Все наверняка решат, что вы двинулись на юг, где климат теплее и урожаи богаче. Если повезет, тебя не хватятся еще целый день, а то и дольше: поначалу юврадж будет думать, что ты болен, а к тому времени, когда он обнаружит твое исчезновение, ты будешь уже далеко отсюда. Но бояться тебе следует не Лалджи, а рани. Она поймет, почему ты сбежал, и еще сильнее возжелает твоей смерти – из страха, что ты слишком много знаешь и можешь рассказать кому угодно. Наша нотч – безжалостный и опасный враг. Не забывай об этом.

Юное лицо Аша побледнело, и он хрипло проговорил:

– Но Джали тоже знает... Каири-Баи знает. Если рани выяснит, кто предупредил меня, она убьет ее. Мне придется взять Каири с собой.

– Помолчи! – сердито прикрикнул Кода Дад. – Это просто детский лепет, Ашок. А ты должен быть мужчиной и рассуждать и действовать, как подобает мужчине. Тебе стоит лишь велеть Каири-Баи держать язык за зубами, и даже нотч никогда ее не заподозрит. Малышка снует по дворцу, что бездомный воробушек, и никому до нее нет дела. Но если ты убежишь с дочерью раджи – неужто ты полагаешь, что он проглотит такое кровное оскорбление? Да он тебя из-под земли достанет, и ни один человек во всей Индии не посчитает, что он не прав в своем гневе, и не откажет ему в помощи. Так что давай покончим с глупой болтовней!

– Прошу прощения, – извинился Аш, густо покраснев. – Я сказал не подумав.

– Это всегда было самым серьезным твоим недостатком, – проворчал Кода Дад. – Ты сначала действуешь, а потом думаешь. Сколько раз я тебе говорил об этом? Ладно, теперь подумай, есть ли где подходящее для спуска место на северной стене – к северу местность более пересеченная, там растет кустарник и среди скал пролегают козьи тропы. Но дело это непростое: я не знаю на той стороне ни одного места, которое нельзя было бы увидеть с крепостной стены или из окна.

– Там есть такое место, – медленно произнес Аш. – Балкончик...

И вот он впервые пришел на балкон Павлиньей башни ночью, чтобы покинуть его навсегда, крепко держась за конец веревки, которую Кода Дад и Хиралал осторожно спустили с высоты сорока футов на скалы, где терновые кусты отбрасывали густые тени в ярком свете октябрьской луны и извилистые козьи тропы уходили вниз, к молочно-белым равнинам плато.

Днем, после ухода Ситы, Аш попрощался с Каири и не рассчитывал увидеть девочку снова. Но она ждала его на балконе, маленькая одинокая тень в лунной ночи.

– Служанки не знают, что я здесь, – торопливо пояснила она, предупреждая возможный выговор. – Они думают, что я сплю. Я оставила на своей кровати узел тряпья на случай, если кто заглянет в спальню, но они обе храпели, когда я вышла, и не слышали моих шагов. Правда не слышали. Я хотела отдать тебе подарок, потому что ты мой браслетный брат и потому что ты уходишь. Вот... это тебе, Ашок. На... на счастье.

Каири протянула к нему маленькую квадратную ладошку, и лунный свет заблестел на кусочке перламутра, вырезанном в форме рыбки. Аш знал, что это единственная вещь, которую она может подарить, единственная безделушка, принадлежащая девочке, и самое дорогое и драгоценное ее сокровище. С этой точки зрения перламутровая рыбка, возможно, была самым щедрым подарком, какой кто-либо смог бы преподнести Ашу, и он неохотно взял ее, глубоко потрясенный ценностью дара.

– Джали, не стоит. Мне нечего подарить тебе. – Внезапно мальчик устыдился, что не в состоянии ничего оставить на память своей маленькой подруге. – У меня вообще ничего нет, – горько сказал он.

– Теперь у тебя есть рыбка, – утешила его Каири.

– Да, у меня есть рыбка.

Он посмотрел на безделушку и обнаружил, что видит ее неотчетливо из-за слез, выступивших на глазах. Но мужчины не плачут. Осененный внезапной мыслью, Аш разломал кусочек перламутра пополам и отдал Каири заднюю часть рыбки.

– Вот. Теперь у каждого из нас есть талисман. И однажды, когда я вернусь, мы склеим половинки и...

– Довольно! – резко прервал Кода Дад. – Возвращайся в постель, Каири-Баи. Если тебя хватятся и поднимут шум, нам всем конец. И мальчику нельзя мешкать ни минуты: он должен проделать длинный путь до захода луны. Прощайся с ним и беги обратно.

Маленькое личико Каири горестно сморщилось, и слова, которые она пыталась сказать, потонули в потоке слез. Тогда Аш, ужасно сконфуженный, торопливо проговорил:

– Не плачь, Джали. Однажды я вернусь, обещаю. – Он быстро обнял девочку, подтолкнул ее к Хиралалу, молча стоявшему в тени, и горячо сказал: – Пожалуйста, Хиралал, проследите за тем, чтобы она благополучно вернулась назад. Служанки не должны знать, что она выходила ночью. Слухи могут дойти до рани, а когда станет известно, что я сбежал...

– Да-да, малый. Я знаю. Я прослежу. Тебе пора.

Когда Хиралал выступил из тени на лунный свет, его серый ачкан слился с ночным небом, а лицо и руки приобрели сероватый оттенок резного мрамора – и на мгновение Ашу показалось, что он видит перед собой призрака и что Хиралал уже превратился в воспоминание. По спине у Аша пробежали мурашки, и он впервые ясно осознал, сколь многим обязан этому человеку, питавшему к нему искреннее расположение. И Коде Дад, и Каири, и всем остальным, кто хорошо относился к нему: сокольникам, саисам, погонщикам слонов и всем своим друзьям и знакомым по прежней счастливой жизни в городе. Странное дело, но только сейчас, когда он покидал Гулкот, Аш понял, что хороших дней у него здесь было почти столько же, сколько плохих.

Огромная черная жемчужина в ухе Хиралала тускло блеснула, когда ее владелец пошевелился, а когда на нее упал лунный свет, она засияла, словно осколок опала или слеза, и Аш уставился на нее немигающим взглядом, стараясь не расплакаться и задавая вопрос, когда же он увидит эту жемчужину снова – если вообще увидит когда-нибудь...

– Поторопись, малый, – отрывисто произнес Хиралал. – Час уже поздний, и тебе нельзя терять ни минуты. Ступай же, и да пребудут с тобой боги. Прощай!

– Там петля на конце. Поставь в нее ногу – вот так – и крепко держись за веревку, – приказал Кода Дад. – Когда достигнешь скал, найди прочную точку опоры, прежде чем начать спускаться. Дальше тебе придется труднее, но, если будешь двигаться медленно и постараться не поскользнуться на козьих тропах, у тебя все получится. Да поможет Всемиловый тебе и твоей матери благополучно добраться до безопасного места. Не забывай нас. Прощай, сын мой! Да хранит тебя Бог!

Он обнял мальчика, и Аш наклонился и дотронулся дрожащими руками до его стоп, а потом быстро отвернулся, для видимости поправляя на спине тяжелую котомку с одеждой, чтобы Кода Дад не заметил слез в его глазах. Он слышал позади судорожные всхлипывания Каири, охваченной безутешным детским горем, и, поглядев вниз, внезапно пришел в ужас при виде зияющей под ногами пустоты и поросшего кустарником скалистого склона, круто, почти отвесно уходящего к равнине.

– Не смотри вниз, – предостерег Кода Дад. – Смотри наверх!

Аш с трудом оторвал взгляд от бездны под ногами и увидел за озаренными луной пространствами ночи Далекие Шатры – сверкающие пики, высокие и безмятежные на фоне безоблачного звездного неба. Не сводя с них глаз, он нашарил ногой петлю, крепко вцепился в веревку и начал спускаться с балкона, все ниже и ниже, крутясь и раскачиваясь в головокружительной пустоте. Жгучие слезы подступали к глазам, а сверху доносился прерывистый шепот Каири, казавшийся громким в ночной тишине:

– Прощай, Ашок! Прощай! Ты ведь вернешься, правда? Да хранит тебя Бог!.. Да хранит тебя Бог!.. Живи долго!

Она свесилась с края балкона, и ее слезы закапали на лицо мальчику. Но вот наконец он коснулся ногами камней у подножия стены, прочно на них утвердился и отпустил веревку, тотчас поползшую наверх. Аш в последний раз помахал рукой трем своим друзьям, наблюдавшим за ним с высоты, а потом повернулся и принялся пробираться вниз между камнями и колючими терновыми кустами в поисках еле заметной тропы, которую разглядел с балкона днем, когда намечал свой путь вниз по склону.

6

Расстояние от подножия стены до равнины не превышало двухсот ярдов, но Ашу потребовался почти час, чтобы преодолеть его. Один раз он едва не попал в беду, потеряв равновесие на крутом участке склона, покрытом глинистым сланцем, и потратил немало времени, чтобы выползти с него на более безопасное место. Но после этого он стал двигаться осторожнее и в конце концов достиг равнины – запыхавшийся, исцарапанный, весь в синяках, в изодранной в клочья одежде, но с неповрежденной котомкой.

Он видел высоко над головой крепостную стену, подобную отвесной скале, и темную громаду Павлиньей башни, но балкон, скрытый в густой тени, был неразличим, и Аш знал, что там уже никого нет. Возможно, никто никогда больше не придет в это место, разве что Джали будет порой наведываться туда из сентиментальных чувств. Но вряд ли часто: ведь она всего лишь ребенок и со временем все забудет, и балкон опять станет пустынным и заброшенным, каким был до того, как они с Джали нашли его. Все переменится. Лалджи станет мужчиной, а нотч постареет, растолстеет и утратит красоту, а вместе с ней и свою власть. Кода Дад уйдет в отставку, и должность управляющего конюшнями займет человек помоложе. Хиралал тоже состарится, а старый раджа однажды умрет, и Лалджи взойдет на престол. Только Дур-Хайма не изменится. Пройдут месяцы, годы, века, Дворец ветров разрушится до основания, но Далекие Шатры будут стоять на прежнем месте, вечные и неизменные.

Аш опустил на колени на каменистую землю и в последний раз низко поклонился горам, коснувшись лбом праха, как делал Кода Дад, молясь Аллаху. Потом он поднялся на ноги, закинул котомку за спину и двинулся по залитой лунным светом равнине к чинаровой роще за городской чертой.

Сита не подвела его, как не подвел и Хиралал. Крепкая деревенская лошадь стояла на привязи в тени деревьев, рядом томила тревожным ожиданием Сита, прижимая к груди тяжелый узел с пищей и одеждой для путешествия, купленными днем на базаре. При лошади находился незнакомый мужчина, который не назвал своего имени, но вручил Ашу маленький пакет – от Хиралала.

– Он сказал, что вам понадобятся деньги и это поможет вам в пути. Лошадь резва и вынослива, даром что неказиста, – добавил незнакомец, подтягивая подпругу. – Она будет покрывать по многу миль в день, и ты можешь ехать на рысях по два-три часа кряду, потому что раньше она таскала гхари и не скоро выбивается из сил. Тебе лучше выбрать этот путь... – Мужчина показал направление костлявым пальцем, а потом наклонился, чтобы нарисовать приблизительную карту местности на пыльной земле в пятне лунного света. – В общем, так. Моста через реку нет, а переправляться на главном пароме опасно, но вот здесь – южнее – ходит маленький паром, которым пользуются только крестьяне. Но даже после того, как переправишься через реку, не теряй бдительности. Хиралал говорит, что рани вполне может преследовать тебя и за пределами Гулкота. Да хранят вас боги! Езжайте резво...

И когда Аш взял поводья, он хлопнул лошадь по крестцу, посылая ее вперед.

К счастью, Аш хорошо ориентировался на местности, поскольку в прошлом часто выезжал в эти края на обычную и соколиную охоту с раджой, Лалджи или Кодой Дадам. Иначе он бы наверняка не раз сбился с дороги до рассвета. Однако даже при лунном свете он сумел проследовать в сторону, указанную мужчиной, который ждал его в чинаровой роще у гробницы Лала Бега, и, когда в небе забрезжила заря, мальчик узнал скопление валунов на горном склоне, откуда однажды раджа при нем подстрелил леопарда, и понял, что он на верном пути.

Нервное возбуждение и драматические события минувшего дня изнурили Ситу, и она крепко спала, положив голову на плечо Ашу, привязанная к нему полосой ткани для тюрбана, чтобы не упасть с лошади. Когда она проснулась, разбуженная первыми солнечными лучами, далеко впереди, в конце узкой каменистой долины, между горами уже виднелась река, и Сита настояла на том, чтобы они спокойно позавтракали, перед тем как подъехать к переправе, ибо столь раннее появление к тому же взволнованных людей могло возбудить любопытство.

– А поскольку скоро начнутся расспросы насчет всех переправлявшихся здесь через реку, мы оденем тебя женщиной, сынок, – сказала Сита. – Те, кто станет разыскивать нас, будут спрашивать про женщину и мальчика, идущих пешком, а не про двух женщин на лошади.

Нарядившись в одно из сари Ситы и нацепив на себя несколько дешевых медных украшений, Аш стал вполне похож на девочку, и Сита велела ему скромно наклонять голову и прикрывать лицо свободным концом сари, а все разговоры предоставить ей. Единственная трудность возникла с лошадью, отказывавшейся входить в щелястую плоскодонную лодку – единственное средство переправы через реку, и поначалу паромщик заломил непомерную цену за перевоз животного. Но хотя в пакете, переданном Хиралалом, оказались деньги – пять рупий медными и серебряными монетами, – Сита не собиралась тратить их попусту, а тем более признаваться, что владеет таким богатством, и она торговалась с мужчиной до тех пор, пока вопрос не уладился к обоюдному удовлетворению, после чего лошадь ласковыми уговорами заманили в лодку.

– Теперь мы в безопасности, – прошептала Сита, глядя в сторону Гулкота с противоположного берега.

Но Аш помнил предостережения Коды Дада и незнакомца в чинаровой роще и понимал, что выиграл лишь первый бросок. Рани будет продолжать игру и пользоваться жульническими игральными костями. С этой мыслью мальчик направил лошадь на север, к суровой местности, где предгорья скоро запорошит снегом, а не на юг, в теплые края с тучными нивами, – в данных обстоятельствах беглецов станут искать именно там.

Ашу казалось, что прошло очень много времени – целая жизнь – с того дня, как они прибыли в Гулкот, уповая обрести там покой, свободу и безопасность. Но в Хава-Махале они нашли мало покоя и свободы – и никакой безопасности. А сейчас они снова бездомны, снова вынуждены спасаться бегством и искать какое-нибудь надежное тайное пристанище. Но где-то же должно быть место, где люди не жестоки, не бесчестны и не назойливы, где они смогут жить мирно, занимаясь своими делами и радуясь жизни. «Где никто не станет докучать нам и все оставят нас в покое», – в отчаянии подумал Аш.

Он спал меньше трех часов с момента, когда Каири рассказала ему о разговоре, подслушанном в саду рани. Ему было одиннадцать лет, и он изнемогал от усталости.

По мере их продвижения на север ночи становились все холоднее, и Сита стала кашлять значительно сильнее. Впрочем, возможно, Ашу просто так казалось, ведь теперь он постоянно находился с ней и потому обращал больше внимания на кашель. Памятуя о предостережении Хиралала, он продал лошадь, едва лишь они удалились на значительное расстояние от границы Гулкота, ибо понимал, что они будут привлекать к себе меньше внимания, путешествуя пешком. Но он сразу же пожалел о своем поступке, так как Сите каждый шаг давался с трудом и порой они покрывали менее мили в день.

Аш только сейчас осознал, насколько мать ослабла, и это очень его тревожило. Однако им не всегда приходилось идти пешком: располагая деньгами, полученными от Хиралала и вырученными от продажи лошади, они могли себе позволить путешествовать на тонге или телеге, запряженной волами. Но такие путешествия, вдобавок в обществе попутчиков, предоставляли идеальную возможность для расспросов и досужих разговоров. Благожела-

тельный подробный допрос, учиненный им попутчиками за долгий день, проведенный в запряженной волами телеге, и вынужденное общение с пытливым возницей икки заставили их прийти к выводу, что безопаснее медленно идти на своих двоих.

В течение многих дней не наблюдалось никаких признаков погони, и Сита начала понемногу успокаиваться, а Аш стал склоняться к мысли, что они перехитрили рани и теперь могут вздохнуть свободно и начать строить планы на будущее. Само собой разумеется, они не могут скитаться вечно: кошелек у них не бездонный, и, кроме того, Сите нужен отдых, покой и крыша над головой – собственная постоянная крыша, а не новая каждую ночь и уж всяко не открытое небо, под которым они ночевали, когда не удавалось найти пристанища. Он должен найти работу и какое-нибудь жилье, и чем скорее, тем лучше, потому как теперь даже в полдень воздух оставался студеным и на горах дальше к северу лежал снег. Они уже достаточно удалились от Гулкота, чтобы чувствовать себя в безопасности, а рани наверняка поняла, что больше он не представляет для нее угрозы, ведь даже если он кому-нибудь и расскажет все, что знает, кто заинтересуется делами маленького уединенного княжества или поверит рассказам малолетнего бродяжки?

Но Аш не только недооценивал агентов рани, но и не понимал истинной причины ее решимости уничтожить его. Ею двигал не столько страх перед раджой, сколько страх перед британскими властями.

В былые дни счастливой независимости Джану-рани вполне удовлетворилась бы сознанием, что мальчишка по имени Ашок бежал из княжества. Но прежние времена миновали, и ангези обладали всей полнотой власти в стране, назначая и смещая правителей. Джану-рани по-прежнему намеревалась возвести на престол своего сына, а для этого должна была убрать с дороги его сводного брата. Тот факт, что она трижды предпринимала такие попытки и трижды потерпела неудачу, не слишком ее волновал: есть другие способы, и в конце концов она найдет верный. Но было крайне необходимо, чтобы никто, помимо самых преданных и надежных сообщников, ничего не знал о покушениях, и рани впала в ярость, когда обнаружила, что один из слуг Лалджи, нищий сопляк, введенный ювраджем во дворец – вероятно, в качестве соглядатая, – каким-то образом проведал о них. Нужно было позаботиться о том, чтобы он умер прежде, чем успеет сообщить обо всем радже, который, по несчастью, питал к мальчишке приязнь и мог бы даже поверить ему. Рани отдала необходимые приказы, но слишком поздно: Ашок со своей матерью скрылся в неведомом направлении. И теперь Джану-рани была не только разгневана, но и испугана.

Лалджи тоже разгневался и отправил поисковые отряды арестовать мальчишку и доставить обратно во дворец под стражей. Но когда нигде не нашли и следа беглецов, он прекратил поиски и заявил, что они не много потеряли с исчезновением Ашока. Рани присоединилась бы к его мнению, если бы не британцы. Она не забыла неприятного визита представителя политического департамента полковника Фредерика Бинга, которого ее мужу пришлось принять со всеми почестями, и она слышала истории о правителях, которых британские власти смещали за убийство родственников или соперников. Если до Ашока когда-нибудь дойдут слухи о смерти наследника гулкотского престола в результате несчастного случая, он может сообщить известные ему факты британским властям, и тогда наверняка начнется расследование – а кто знает, какие вещи обнаружатся в ходе назойливых расспросов и пытливых допросов? Мальчишка должен умереть. Пока он жив, он представляет опасность для нее и является препятствием на пути ее сына к престолу. «Его нужно найти любой ценой, – распорядилась Джану-рани. – И его мать тоже: он наверняка все рассказал ей. Пока они не умрут, нам нельзя предпринимать никаких действий против ювраджа».

Аш устроился подмастерьем к кузнецу в маленькой деревушке близ Великого колесного пути и получил разрешение поселиться вместе с Ситой в ветхом чулане за кузницей. Работа была тяжелой и низкооплачиваемой, а в крохотной каморке без окон не имелось

никакой мебели. Но это было начало, и они потратили последние деньги из щедрого дара Хиралала на покупку подержанной сеточной кровати, дешевого лоскутного одеяла и набора кухонной посуды. Деньги, оставшиеся от продажи лошади, Сита закопала в земляном полу под кроватью, а во время отсутствия Аша выскребла еще одно отверстие в стене для запечатанного пакета и нескольких замшевых кошельков, которые забрала из своих комнат в Хава-Махале. Сама она не пыталась найти работу, что было на нее не похоже. Казалось, ее вполне устраивала возможность сидеть на солнышке за дверью каморки, стряпать нехитрые блюда и по вечерам слушать рассказы о делах Аша. Сита никогда не требовала от жизни многого и не сожалела о Хава-Махале. Она слишком мало виделась там со своим сыном и знала, что во дворце ему жилось плохо.

Безусловно, сейчас Ашу жилось гораздо лучше, нежели на службе у ювраджа. По крайней мере, скудное жалованье выдавалось ему на руки звонкой монетой, и получал он всяко больше, чем во Дворце ветров. Наконец-то Аш чувствовал себя мужчиной, и хотя он не отказался от своих грандиозных планов на будущее, но охотно согласился бы остаться здесь на пару лет. Однако в начале следующего года в деревню прибыли двое мужчин и стали расспрашивать про женщину-горянку и мальчика – сероглазого мальчика, который, сказали они, может быть переодет девочкой. Эти двое разыскиваются за кражу драгоценностей из казны Гулкота, и за поимку воров назначена награда в пятьсот рупий, а за любые сведения об их местонахождении положено поощрение в пятьдесят рупий...

Мужчины прибыли поздно вечером и, к счастью для Аша, остановились на ночь в доме тахсилдара¹⁰, чей младший сын дружил с ним. Этот мальчик подслушал разговор незнакомцев с отцом. Поняв, что во всей деревне только одна пара отвечает данному описанию, он крадучись вышел в темноту и разбудил Аша, спавшего на земле у двери Ситы. Через полчаса эти двое уже торопливо шагали в неверном свете звезд по пролегающей через поля тропинке, направляясь к большаку, где Аш надеялся сесть на какую-нибудь проезжающую мимо телегу, поскольку было очевидно, что Сита не в состоянии идти пешком долго или быстро. Им повезло: доброжелательный возница тонги подобрал их и провез пять с лишним миль до окраины маленького городка, а там они свернули в открытые поля и медленно побрели обратно на юг в надежде сбить погоню со следа.

Следующие два месяца они влачили полуголодное существование, постоянно терзаясь страхом и не смея останавливаться ни в одном селении из боязни привлечь к себе внимание. Города покрупнее казались более безопасными, чем маленькие деревушки, где появление незнакомцев неизбежно вызывало толки, но там было трудно найти работу, и жизнь была дорогая. Скудный запас денег истощался, а тяжелый пыльный воздух многочисленных городов шел во вред Сите, тосковавшей по горам. Она никогда не любила равнин, а теперь еще и боялась их. Однажды вечером, болтая с несколькими кули у лесного склада, Аш снова услышал о щедрой награде, обещанной за поимку двух воров, похитивших драгоценности раджи, и начал падать духом. Неужто они так никогда и не скроются от преследования?

– Давай пойдем снова на север, к горам, – умоляла Сита. – В горах мы будем в безопасности: там мало дорог и много укромных мест. Разве можно спрятаться на этих плоских равнинах, пересеченных сотнями дорог, ведущих к каждому городу?

И вот они снова двинулись на север, но пешком и очень медленно. Денег на тонги и телеги у них уже не осталось, да и на пищу едва хватало, и нечем было платить за постой, поэтому они ночевали на городских улицах или под деревьями на открытой местности, пока не настал день, когда Сита не смогла идти дальше...

Предыдущую ночь они провели в укрытии под скалой на берегу реки Джелам, неподалеку от заснеженного Кашмира. Когда над мокрой от росы равниной забрезжила заря,

¹⁰ Тахсилдар – сборщик налогов.

могучий крепостной вал гор, высоко вздымавшийся над пеленой утреннего тумана, засиял розовым светом в первых лучах солнца. В прозрачном воздухе раннего утра горы казались совсем рядом, всего в нескольких милях – расстояние, которое можно преодолеть за день. Но Сита, с трудом приподнявшись на локте и устремив на них тоскующий взор, поняла, что никогда не доберется до них.

Тем утром у них не было никакой еды, кроме горсти поджаренного зерна, прибереженного на крайний случай. Аш растер зерно между двумя камнями и смешал с водой до состояния жидкой кашицы, но Сита не смогла проглотить ни капельки, а когда он собрался продолжить путь, спеша покинуть нынешнее ненадежное убежище, она покачала головой.

– Я не могу, милый, – прошептала Сита. – Я слишком устала... слишком устала.

– Знаю, мамочка. Я тоже устал. Но нам нельзя оставаться здесь. Это слишком опасно. Никакого другого укрытия поблизости нет, и, если кто-нибудь тут появится, мы окажемся в ловушке. А я... я думаю, они скоро появятся. Я... – Он заколебался, не желая усугублять тревогу матери, но вынужден был продолжить, чтобы она поняла, что мешкать нельзя ни минуты. – Я не сказал тебе раньше, но вчера я видел одного знакомого человека в караван-сараях, где мы ненадолго останавливались. Человека из Гулкота. Вот почему я не захотел задерживаться там. Нам надо двинуться вниз по реке и попытаться найти брод или какого-нибудь лодочника, который перевезет нас на другой берег, и там мы сможем немного отдохнуть. Ты будешь опираться на мое плечо. Нам не придется идти долго, мамочка, милая.

– Я не могу, любовь моя. Ты должен идти один. Без меня ты пойдешь гораздо быстрее и к тому же будешь в большей безопасности. Они ищут женщину и мальчика, путешествующих вместе, и я знаю, что мне давно следовало расстаться с тобой, просто... просто я страшилась разлуки.

– Не говори глупостей! Ты прекрасно знаешь, что я не бросил бы тебя! – возмущенно сказал Аш. – Кто стал бы заботиться о тебе, если бы я ушел? Мама, пожалуйста, встань. Прошу тебя! Мы пойдем очень медленно. – Опустившись на колени, он взял холодные руки Ситы в свои. – Ты ведь хотела добраться до гор, правда? Ну так вот они – посмотри, ты ясно их видишь. В горах тебе сразу станет лучше. Твой кашель пройдет на горном воздухе, и ты снова почувствуешь себя хорошо, а потом мы отыщем нашу долину. Ты же не забыла про долину, про нашу козу, и... и про миндальное дерево, и... – Голос у него вдруг пресекся, и он снова потянул Ситу за руки, пытаясь помочь ей встать. – Ну, мамочка, еще совсем немножко, честное слово.

Но Сита знала, что подошла к концу своего пути. Силы у нее почти полностью иссякли, а те, что остались, нужно было употребить на последнее мучительное дело, которое следовало выполнить без промедления, пока не стало слишком поздно. Она высвободила свои руки и принялась шарить в складках сари в поисках запечатанного пакета и четырех увесистых замшевых мешочков, которые носила в поясе из полосы ткани, и при виде их горькие слезы подступили к ее глазам и покатались по впалым щекам. Сознание, что Ашок считает себя ее родным сыном, всегда бесконечно радовало Ситу, и даже сейчас, когда она ясно понимала, что правда может спасти его, она не находила в себе сил открыться. Однако он должен знать. У нее нет иного способа помочь любимому мальчику, и даже правда, возможно, не поможет...

– Я тебе не мать. Ты мне не сын, – прошептала Сита, с трудом выговаривая слова дрожащими губами. – Ты сын ангрези... сахиба...

Аш не понял слов матери, но ее слезы испугали его сильнее, чем любое событие, приключившееся за годы рабства в Хава-Махале или в течение ужасных недель, прошедших со времени побега оттуда. Смерть Туку, отравленные лакомства и кобра, панический страх погони – все меркло перед этими горькими слезами. Аш заключил Ситу в объятия, прижался к ней, умоляя не плакать, пообещал нести ее на руках, коли она не в состоянии идти сама: он

сильный, и, если она обнимет его за шею, он точно сможет нести ее. Странные слова матери показались мальчику лишеными всякого смысла, и только при виде денег он наконец ошеломленно умолк. Он в жизни не видел таких огромных денег и поначалу понял лишь одно: они смогут позволить себе нанять повозку, даже купить при необходимости. Теперь маме не нужно идти пешком, и они сумеют далеко оторваться от преследователей и заплатить за услуги врачей и за лекарства, которые ей помогут. Они богаты.

– Почему ты мне раньше не сказала, мама?

– Я не хотела, чтобы ты знал, что ты не мой сын... не мой родной сын, – прорыдала Сита. – Я бы давно выбросила все это, когда бы посмела, но... но я не посмела... из страха, что однажды тебе это понадобится. И вот такой день настал. Люди рани гонятся за тобой по пятам, и, чтобы спастись от них, тебе нужно оставить меня, продолжить путь одному и найти убежище у своих сородичей, где даже рани не отважится преследовать тебя. С ними ты будешь в безопасности. Другого выхода нет...

– У каких еще сородичей? Ты всегда говорила, что у нас нет родственников. И конечно, я твой сын. Ты не должна говорить такие вещи. Просто ты плохо себя чувствуешь и давно не ела толком, но теперь мы сможем купить еды, и лошадь, и повозку, и...

– Ашок, послушай меня! – От страха и отчаяния голос Ситы стал пронзительным, и ее исхудалые руки стиснули запястья мальчика с неожиданной силой. – Тебе нельзя возвращаться обратно, чтобы купить еду, а если кто-нибудь увидит у тебя деньги, тебя обвинят в воровстве: сумма слишком велика для такого маленького мальчика. Ты должен спрятать деньги, как прятала я все это время, и хранить до тех пор, пока не доберешься до своих сородичей. Тут в пакете разные документы, и вот еще письмо – в нем много чего написано. Ты должен найти человека, умеющего читать на ангрези, и тебе скажут, кому нужно показать бумаги. Письмо написал твой отец перед смертью, и я бы выполнила его наказ и отвела тебя к твоим сородичам, если бы не великое восстание и избиение сахиб-логов в Дели. Но я сохранила бумаги и деньги и выполнила просьбу твоего отца: я заботилась о тебе. Он сказал: «Позаботься о мальчике, Сита». Я так и сделала. Но из любви к тебе, поскольку – увы! увы! – я не твоя мать. Она тоже была ангрези, но умерла в родах, и я приняла тебя из ее рук и дала тебе грудь... Именно я заботилась о тебе с самого первого дня твоей жизни! Но мое время вышло. Поэтому я должна отправить тебя к твоим сородичам: с ними ты будешь в безопасности. Я не в силах продолжить путь, так что ты должен идти один. Понимаешь?

– Нет! – воскликнул Аш. – Ты все равно моя мать, и я тебя не брошу. Ты меня не заставишь! Я не верю ни одному твоему слову, ни единому. А даже если ты говоришь правду, это не имеет значения: мы можем сжечь бумаги, и тогда никто ничего не узнает и я по-прежнему буду твоим сыном.

– Если ты мой сын, то должен меня слушаться. Я тебя не прошу. Как твоя мать, я тебе приказываю. Оставайся со мной, покуда я не умру. Мне недолго осталось. Но потом возьми бумаги, деньги и живо уходи. Не уничтожай документы. Если ты меня любишь, обещай, что не уничтожишь их, а используешь для того, чтобы вернуться к своим сородичам. А коли ты не хочешь сделать это из любви ко мне, так сделай потому, что я... потому, что я была тебе матерью. Обещай мне, Ашок.

– Обещаю, – прошептал Аш.

Не может быть, чтобы она умирала! Это неправда! Если бы только он мог позвать на помощь хакима... или принести еды, которая восстановит ее силы... Однако она выглядит такой больной... Если он оставит ее здесь и побежит в ближайшую деревню – вдруг его схватят там?

Аш не решился пойти на такой риск: Сита слишком слаба, чтобы передвигаться самостоятельно, и она умрет медленной смертью от голода и жажды, не вернись он обратно. Но даже если он останется с ней, они оба умрут, так как рано или поздно кто-нибудь обнаружит

их здесь. На расстоянии более мили вокруг нет никакого другого укрытия, лишь плоская голая равнина да широкая гладь реки. Он ни за что не стал бы искать пристанища в таком месте, но вчера, когда они бежали из караван-сарая, уже сгущались сумерки, и, побоявшись идти по проезжей дороге, он свернул на открытую равнину. Они достигли скал на берегу реки через час после восхода луны и вынуждены были остановиться тут, потому что Сита вконец обессилела. Понимая, сколь ненадежное укрытие представляет собой одинокое скопление скал посреди открытой местности, Аш намеревался уйти отсюда на заре и найти убежище получше. Но теперь солнце уже разогнало утренние туманы, и он ясно видел предгорья – снега высоко над ними изменили цвет с розового и янтарного на ослепительно-белый. Настало утро нового дня, и его мать умирала.

«Это неправда. Я не допущу, чтобы она умерла!» – лихорадочно думал Аш, крепко обнимая Ситу, словно этим мог оградить ее от опасности. Но внезапно он понял с безысходной тоской, что это правда, что она покидает его навеки. Сердце его мучительно сжалось от горя, ужаса, отчаяния, и он уткнулся лицом в плечо любимой матери и заплакал навзрыд, как плачет ребенок, содрогаюсь всем телом и задыхаясь от рыданий. Слабые руки Ситы утешительно гладили мальчика по спине, родной голос нашептывал ему на ухо ласковые слова и говорил, что он не должен плакать, ведь он мужчина. Он должен быть отважным и сильным, и перехитрить своих врагов, и стать бара-сахиб-бахадуром, как его отец и старый сирдар-бахадур Акбар-хан, в честь которого его называли. Разве он не помнит дядю Акбара, который брал его с собой охотиться на тигра? Тогда он был совсем крохой, но ни капельки не боялся, и они все очень гордились им. Сейчас он должен быть таким же смелым и помнить, что в конце концов смерть приходит ко всем: и к радже, и к нищему, и к брамину, и к неприкасаемому, и к мужчине, и к женщине. Все уходят одним путем и снова рождаются...

– Я не умираю, милый. Я просто уйду отдыхать и ждать нового рождения. И в следующей жизни, коли боги будут милостивы к нам, возможно, мы с тобой снова встретимся. Да, непременно встретимся... может статься, в нашей долине...

Сита начала рассказывать про долину затрудненным, прерывистым шепотом, тяжело задыхаясь, а когда рыдания Аша мало-помалу стихли, она перешла от этой милой сердцу, давно знакомой истории к старой детской песенке, которой часто убаюкивала мальчика в прошлом.

– Нини баба, нини, мукан, роти, чини, – чуть слышно напевала Сита. – Роти мукан хогья... хамара... баба... согья...

Голос ее звучал все тише, тише и когда наконец пресекся, Аш не сразу понял, что остался один.

Длинные синие тени раннего утра сократились до куцых теней полудня, а потом снова начали удлиняться по мере того, как солнце спускалось к далекому горизонту и близился вечер.

На равнине кричали куропатки, дикие утки крякали на реке, и на белых берегах Джелама черепахи, весь день нежившиеся на солнцепеке, уже соскальзывали обратно в воду. Скоро сгустятся сумерки, и надо идти, с тупым безразличием подумал Аш. Он пообещал продолжить путь, и у него не осталось причин задерживаться здесь.

Он медленно поднялся на ноги, двигаясь с трудом, поскольку целый день просидел подле тела Ситы, сжимая в руке ее коченеющую натруженную ладонь. Мышцы у него сводило судорогой, ум мутился от горя и потрясения. Он не помнил, когда ел в последний раз, но не чувствовал голода – только страшную жажду.

Река сверкала в лучах закатного солнца, когда он опустил на колени на мокрый песок и принялся черпать пригоршнями воду и жадно пить, а потом обильно смочил пылающую голову и сухие воспаленные глаза. После смерти Ситы он больше не плакал, не плакал и

сейчас, ибо мальчик, горько рыдавший на рассвете, тоже умер. Ашу еще не исполнилось и двенадцати, но он перестал быть ребенком. Он повзрослел за один короткий день и оставил детство в прошлом. Сегодня он потерял не только мать, но и свою личность. Ашока, сына Ситы, жены саиса Даярама, больше не было (да и был ли он вообще?). Остался лишь мальчик, родители которого давно умерли и который даже не знает своего настоящего имени и понятия не имеет, где искать сородичей. Английский мальчик, фаранги. Он чужеземец, и это даже не его родина...

От холодной воды в голове у Аша немного прояснилось, и он спросил себя, что делать дальше. Он не мог уйти, бросив здесь свою мать. К нему вдруг вернулось отвратительное воспоминание из почти забытого прошлого, и он невольно содрогнулся, вспомнив знойную ночь в пустынном лагере и наводящую ужас яростную грызню шакалов и гиен под луной.

Он заметил какое-то движение на спокойной глади реки. То оказалась всего лишь коряга, плывущая по течению, но, глядя на нее, Аш вспомнил, что его соплеменники – нет, соплеменники его матери Ситы – сжигали своих мертвецов и бросали пепел в реку, чтобы в конце концов прах принесло в море.

За неимением топлива он не мог разложить погребальный костер для Ситы. Но вот она, река. Прохладная, глубокая, медленная река, которая берет начало в своих собственных горах и которая нежно и бережно отнесет Ситу к морю. Она сверкала, пламенела в лучах закатного солнца ярче любого костра, и Аш воротился к неглубокой пещерке среди скал, бережно завернул исхудалое тело Ситы в одеяло, словно стараясь уберечь мать от холода, а потом отнес к реке и шел по отмелям, пока вода не подхватила мертвое тело. Оно уже окоченело и стало почти невесомым, так что дело оказалось легче, чем он предполагал. И когда он наконец отпустил Ситу, она медленно поплыла прочь от него, удерживаемая на поверхности одеялом.

Течение отнесло ее от берега и повлекло вниз по реке. Аш стоял по пояс в воде и долго глядел вслед Сите, напрягая зрение, пока крохотная темная точка не потерялась в ослепительном сверкании солнца на речной глади. А когда река померкла и поменяла цвет с золотистого на опаловый, тело матери уже скрылось из виду.

Аш повернулся и побрел к берегу, еле передвигая онемевшие от холода ноги и стискивая зубы, чтобы не стучали. Он вдруг почувствовал острый голод, но не смог даже прийтронуться к приготовленной для Ситы кашице, от которой она отказалась утром, и потому выбросил ее. Он должен срочно раздобыть какую-нибудь пищу, иначе у него не хватит сил уйти далеко, а он обещал маме... Аш взял запечатанный пакет и увесистые замшевые мешочки, полные золотых и серебряных монет, и несколько мгновений держал в руках, испытывая искушение избавиться от них, но понимая, что делать этого нельзя. Они принадлежали ему, а значит, придется взять их с собой. Вынув одну-единственную золотую рупию на неотложные нужды, мальчик снова завернул пакет и мешочки в полосу ткани, которую затем обернул вокруг талии, как делала Сита, и скрыл под изодранной рубахой. Сложенный вчетверо пожелтевший от времени лист бумаги, исписанный тонким неразборчивым почерком, он спрятал в тюрбане, и теперь ничто в пещерке между камнями не свидетельствовало о том, что здесь кто-то был. Ничто, кроме отпечатков ног и едва заметного углубления в песке, где Сита легла спать накануне вечером и где умерла сегодня на рассвете. Аш легко дотронулся до этого места, словно его мать по-прежнему лежала там и он боялся разбудить ее.

И в тот же миг от реки налетело первое дуновение свежего ночного ветра, он завихрился в пещерке, взмел сухой серебристый песок и снова стих ненадолго.

Аштон Хилари Акбар Пелам-Мартин взвалил на плечи котомку и прочую ношу и, повернувшись спиной к прошлому, отправился в холодных сумерках на поиски своих сородичей.

7

– Это для капитана-сахиба. Капитана-сахиба из разведчиков, – сказал базарный писец, разглядывая последнее письмо Хилари сквозь очки с исцарапанными стеклами. – Да, вот видишь, тут значится: «Мардан». Это в окрестностях Хоти-Мардана, что находится по дороге в Малаканд. За Аттоком и Индом, на другом берегу Кабула.

– Разведчики, – выдохнул Аш благоговейным шепотом.

Он бы уже давно двинулся в Мардан, если бы посмел, но он знал, что люди рани ожидают появления беглеца в этом городе (его дружба с сыном Коды Дада ни для кого не была секретом в Хава-Махале) и устроят засаду. Но теперь они наверняка решили, что он слишком хитер, чтобы сделать столь предсказуемый ход, и отправились на поиски в другие места. А если даже и нет, сама ситуация изменилась коренным образом, ведь отныне он не одинокий базарный мальчишка, уповающий найти приют у совара из разведчиков, а сахиб, который может попросить защиты у других сахибов. Не только для себя, но и для Зарина. А при необходимости и для Коды Дада тоже.

– Разведчики, – тихо повторил Аш.

Внезапно глаза его загорелись от возбуждения, и сумрачное отчаяние, много дней владевшее его умом и сердцем, начало рассеиваться, словно туман под лучами утреннего солнца. Наконец-то удача улыбнулась ему.

– Это название палтана, стоящего в Мардане, – с важным видом пояснил писец. – А имя сахиба – Аш-тан. Капитан Аш-тан. Что же касается остального... – Он хотел развернуть сложенный лист бумаги, но Аш проворно выхватил письмо у него из рук, пояснив, что хотел узнать только имя и адрес сахиба, а остальное не имеет значения. – Если это рекомендательное письмо, то лучше знать, что в нем написано, – глубокомысленно посоветовал писец. – Коли там содержится неблагоприятный отзыв, письмо можно порвать и сказать, что потерял. А коли отзыв благоприятный, бумагу можно продать за большие деньги. За такие вещи на базаре дают хорошую цену. Так, значит, ты надеешься поступить на службу к этому сахибу?

– Нет, я... я направляюсь в гости к брату жены моего кузена, а он служит у капитана-сахиба, – бойко соврал Аш. – Адрес мне сказали, но я забыл, а на ангрези читать не умею.

Заплатив писцу пол-аны согласно предварительной договоренности и несколько раз повторив имя для пущей верности, он засунул письмо обратно в складки тюרבана и потратил другую половину аны на горсть чанны¹¹ и палочку очищенного сахарного тростника.

Аш проделал длинный путь с той ночи, как покинул пещерку на берегу Джелама. Очень скоро он понял, насколько быстрее путешествовать одному и насколько права была Сита, когда говорила, что один он будет в большей безопасности, ибо доходившие до него слухи о расспросах и допросах в деревнях свидетельствовали, что преследование продолжается. Но поскольку преследователи знали, что он никогда не бросит свою мать, они по-прежнему разыскивали женщину-горянку и сероглазого мальчика, путешествующих вместе, и не интересовались одиноким бездомным оборвышем, чья внешность в северо-западной области Индии, где на горизонте вздымались Хайберские горы, ничем особо не выделялась.

К Ашу никто не подступал с расспросами, но из страха привлечь к себе внимание неосторожным поступком он не решился попросить перевести письмо ни в одном из маленьких городков, где подобная просьба могла возбудить любопытство. Только достигнув города покрупнее, могущего похвастаться полудюжиной писцов, он почувствовал себя в достаточной безопасности, чтобы отважиться на такой шаг. И вот сейчас выяснилось, что на письме

¹¹ Чанна – жареный турецкий горох.

указаны имя и адрес офицера разведчиков – полка, где служит Зарин. Все складывалось так удачно, что даже не верилось.

Мама сказала, что не знает содержания письма. Но видимо, у нее имелись предположения на сей счет, и, возможно, именно поэтому она питала неприязнь к Коде Даду и его сыну и решительно противилась планам Аша однажды присоединиться к Зарину и вступить в тот же самый полк. Однако в конце концов она велела Ашу направиться в Мардан, где он встретится с Зарином и станет соваром Корпуса разведчиков или даже офицером, если этот капитан-сахиб окажется родственником и пожелает помочь ему. Но последнее так и осталось неизвестным, потому что Уильям Аштон был мертв.

Осенью прошлого года разведчики принимали участие в кампании в Амбале – военном походе, предпринятом против одного враждебно настроенного пограничного племени, и Уильям, так и не узнавший о существовании племянника, пал в бою всего через несколько недель после побега сына своей сестры из Хава-Махала. Но теперь была весна, миндальные деревья стояли в цвету, и на ивах уже распускались почки, когда Аш тронулся в путь по дороге, ведущей из Аттока в Пешавар.

Река Кабул, мутно-красная от красной земли Хайбера, которую в нее смывало с весенними дождями и таянием снегов в далеком Афганистане, широко разлилась, и броды стали непроходимыми, поэтому Ашу пришлось переправиться через нее по понтонному мосту в Ноушере. Аш уже сделал крюк примерно в десять миль, чтобы не переправляться через Инд на аттокском пароме, поскольку сообразил, что достаточно всего одного человека, чтобы уследить за всеми, кто проезжает там. Он поступил разумно, так как там действительно сторожил некий человек – безобидный с виду странник, который явно никуда не спешил, сдружился с лодочником и целыми днями празднично наблюдал за людьми, пользовавшимися паромом. Аш переправился на другой берег милями пятью ниже по течению, попросившись на плот к одному фермеру, а оттуда вернулся к дороге в Пешавар. И опять судьба оказалась благосклонна к нему. В Ноушере один доброжелательный крестьянин, направлявшийся в Рисалпур с грузом овощей, согласился подвезти мальчика, и тот, притворившись, что хочет спать, зарылся в груды капустных кочанов и кольраби и проехал через понтонный мост, никем не замеченный. Таким образом, ближе к вечеру этого дня он – в запыленной одежде, со стертыми в кровь ногами и страшно усталый – добрался до военного поста Мардан и спросил там совара Зарин-хана из разведчиков.

К тому времени Корпус разведчиков снова вернулся в казармы после нескольких месяцев тяжелого военного похода и еще более тяжелых боев на территории юсуфзаев. За одиннадцать месяцев службы Зарин так повзрослел, что в нем трудно было узнать веселого юношу, с легким сердцем покидавшего Гулкот в недалеком прошлом. Он стал выше ростом, шире в плечах, и темный пушок, прежде едва пробивавшийся у него над верхней губой, сменился внушительными усами. Но он остался все тем же Зарином и очень обрадовался встрече с Ашем.

– Отец прислал мне весточку о твоём побеге из Гулкота, и я знал, что однажды ты здесь появишься, – сказал он, крепко обнимая мальчика. – Тебе придется подождать, покуда не достигнешь призывного возраста, но я поговорю с братом – он получил звание джемадара после сражения на дороге в Амбалу, – и он подыщет тебе работу. Твоя мать здесь?

– Она умерла, – ответил Аш бесцветным голосом.

Он почувствовал, что не в состоянии говорить о Сите даже с таким старым другом, как Зарин. Но Зарин все понял и не стал задавать никаких вопросов, только сказал:

– Мне очень жаль. Она была тебе хорошей матерью, а я думаю, что и плохую-то потерять тяжело, ведь мать у каждого из нас всего одна.

– Похоже, у меня их было две, – мрачно произнес Аш.

Устало присев на корточки у костра Зарина, он поведал о своем побеге из Хава-Махала и о том, что узнал от Ситы в пещерке у реки, а в подтверждение последней части своего рассказа вытащил из тюрбана письмо, адресованное погибшему офицеру разведчиков.

Зарин не мог прочитать письмо, но он тоже поверил услышанному при виде денег. Монеты говорили сами за себя на языке, не требующем перевода. В общей сложности там было двести с лишним монет: около пятидесяти из них – серебряные рупии, а остальные – соверены и золотые мухуры. Тот факт, что Сита столько лет хранила это небольшое состояние, похоже, доказывал, что ее история правдива, по крайней мере отчасти.

– Думаю, лучше показать это моему брату, – сказал Зарин, с сомнением глядя на письмо, сунутое ему в руку Ашем. – Возможно, он даст тебе толковый совет. Для моего ума это дело слишком сложное.

Брат Зарина, джемадар, не испытал никаких сомнений. Есть только один вариант действий. Поскольку Аштон-сахиб погиб, дело нужно изложить полковнику-сахибу Брауну, командующему корпусом, и тот во всем разберется. Он сам, Авал-шах, немедленно отведет Ашока на квартиру полковника-сахиба. Если в этой поразительной истории есть хоть доля правды, то чем скорее деньги и бумаги окажутся в надежных руках, тем лучше.

– Ты же, Зарин, держи язык за зубами. Если гулкотская рани жаждет смерти мальчика, она станет мстить тем, кто помог ему бежать, а коли она узнает, что он здесь с нами, то заподозрит нашего отца в причастности к делу. Поэтому для всех нас лучше, чтобы след затерялся. Я сейчас пойду к командующему-сахибу, а ты, Ашок, иди за мной немного поодаль, чтобы нас не видели вместе, и подожди на улице, пока тебя не позовут.

Джемадар сунул в карман письмо и широким шагом вышел на предвечерний солнечный свет, а Аш последовал за ним на безопасном расстоянии. Следующие полчаса он провел, сидя на краю сточной трубы, швыряя камешки в канаву и зорко поглядывая на окна полковника, пока тени на пыльной дороге медленно удлинялись и свежий весенний вечер постепенно наполнялся запахом дыма от костров из хвороста и сухого навоза.

Тогда Аш еще не знал, что то был последний час его независимости. Последний – на много лет вперед – час покоя, свободы и праздности. Если бы он понял это, то, возможно, нарушил бы данное Сите обещание и убежал бы, пока не поздно. Однако, хотя Аш сумел скрыться от наемных убийц рани, сейчас ему едва ли удалось бы убежать далеко. Полковник Сэм Браун, кавалер ордена «Крест Виктории», исполняющий обязанности командующего Корпусом разведчиков, уже прочитал незаконченное письмо профессора Пелам-Мартина к своему шурина Уильяму Аштону и теперь взламывал печать на пакете, завернутом в промасленный шелк почти семь лет назад. Бежать сыну Хилари было уже слишком поздно.

Спустя три недели Аш, одетый в тесный, неудобный европейский костюм и обутый в еще более неудобные европейские туфли, находился в Бомбее – по дороге на родину своих предков.

Переезд организовали и оплатили офицеры полка его дяди, которые поначалу категорически отказывались верить, что этот нищий бродяжка может приходиться племянником бедному Уильяму, но в конце концов признали неоспоримость свидетельств, содержащихся в пакете (среди них имелся дагеротип Изабеллы, чье сходство с сыном было поистине поразительным, и дагеротип с изображением сидящего на коленях у Ситы Аша, сделанный в Дели в тот день, когда мальчику исполнилось четыре года, – обоих позирующих с уверенностью опознал Зарин) и полученных в результате тщательного допроса и осмотра претендента. Поменяв свое мнение на противоположное, друзья Уильяма исполнились решимости сделать все возможное и невозможное для племянника храброго офицера, который служил в корпусе со времени возведения Ходсоном крепости в Мардане и пользовался всеобщей

любовью. Впрочем, означенный племянник не испытывал ни малейшей признательности к своим благодетелям.

Аш выполнил последнюю волю своей приемной матери: отдал сахиб-логам бумаги и деньги, полученные от нее. Сделав это, он предпочел бы остаться при кавалерийской части Зарина и Авал-шаха и зарабатывать на хлеб трудом конюшонка или косильщика травы для армейских лошадей, покуда не достигнет возраста, когда сможет вступить в полк. Но этого ему не позволили. «Ну почему меня не оставят в покое? – с негодованием думал Аш. – Почему всегда и везде находятся властные люди, которые отдают мне неприятные приказы, ограничивают мою свободу и не считаются с моими желаниями? И другие, которые по воле злонамеренной и честолубивой женщины готовы гоняться за мной по всей Индии, чтобы убить меня, хотя я с ними не ссорился и не сделал им ничего плохого? Это несправедливо!»

Он был счастлив на базарах Гулкота и не хотел покидать город и перебираться в Хава-Махал. Но ему не оставили выбора. А теперь, судя по всему, ему придется расстаться с друзьями и отправиться на родину отца, и опять-таки у него нет выбора и права голоса. Он попался в ловушку – точно так же, как однажды угодил в западню Хава-Махала, – и пути назад уже нет, ибо ворота закрылись за ним. Возможно, когда он станет взрослым, то обретет право поступать по собственному усмотрению, хотя Аш уже начинал думать, что в мире, полном притеснителей, наемных убийц и назойливых людей, сующих нос в чужие дела, такое едва ли возможно. Но по крайней мере, сахибы обещали, что по истечении срока неволи в Билайте он получит разрешение вернуться в Индию.

Полковник Сэм Браун, командующий корпусом, сказал, что отослал телеграммы родственникам его отца – они отправят его в школу и сделают из него сахиба. А если он будет прилежно учиться и хорошо сдаст экзамены (что бы ни значило это слово), он получит назначение в армию и вернется в Мардан в качестве офицера разведчиков. Именно надежда на такой исход событий, а не данное Сите слово или страх перед людьми рани удержала Аша от попытки побега. А также то обстоятельство, что сахиб, в сопровождении которого он ехал в Англию, вез с собой на родину двух слуг-индийцев, а следовательно, Ашу будет с кем перемолвиться словечком. Последним он был обязан высказанному невзначай замечанию Авал-шаха.

– Очень жаль, – сказал Авал-шах своему командиру, – что мальчик забудет язык и обычаи этой страны. Сахиб, способный думать и разговаривать, как один из нас, и с виду похожий на патана или пенджабца, сделал бы отличную карьеру в нашем полку. Но в Билайте он все забудет и станет таким, как все прочие сахибы, а это будет большой потерей.

Эти слова произвели впечатление на командующего. Хотя от всех англичан, состоявших на службе у правительства Британии, требовалось умение бегло говорить на одном или нескольких из распространенных в Индии наречий, очень и очень немногие владели языком настолько хорошо, чтобы сойти за туземного жителя. И эти немногие в большинстве своем были полукровками, чья смешанная кровь препятствовала продвижению на высокие должности в армии и на государственной службе. Даже такой высокоодаренный солдат, как полковник Джеймс Скиннер, командир Скиннеровской конницы, знаменитый Сикондар-сахиб, получил отказ на прошение о принятии на службу в бенгальскую армию из-за того, что его мать была уроженкой Индии. Но было ясно, что племянник Уильяма Аштона – настоящий индеец во всех отношениях, помимо происхождения, и один из немногих, кто знает страну изнутри. В таком качестве он мог однажды оказать неоценимую помощь здесь, где от достоверной информации зачастую зависел вопрос победы или поражения, и Авал-шах абсолютно прав: столь ценными людьми нельзя разбрасываться.

Командующий корпусом пораскинул мозгами и в конечном счете нашел блестящее решение. Полковник Рональд Андерсон, окружной комиссар, вынужденный уйти в отставку по причине плохого здоровья, в следующий четверг отбывал в Англию в сопровождении

своего посыльного, патана по имени Алая, и своего кхансамаха Махду, уроженца горной местности за Абботтабадом. Оба находились у него в услужении свыше двадцати лет. Андерсон водил дружбу с Джоном Николсоном и сэром Генри Лоуренсом, а в молодости провел несколько лет в Афганистане на службе у злосчастного Макнотона. Андерсон свободно говорил на пяти индийских диалектах, глубоко знал и любил Северо-Западные пограничные провинции и местность за их пределами. Нет никаких сомнений, лучше Андерсона никто не присмотрит за юным Аштоном во время длительного путешествия на родину и в течение всех школьных каникул, на какие Пелам-Мартины разрешат забирать мальчика, он наверняка согласится взять на себя такую обязанность. Командующий Корпусом разведчиков, не теряя времени даром, тотчас приказал подать коня и направился к полковнику Андерсону, чтобы изложить дело. Отставной комиссар, заинтригованный историей, мгновенно дал свое согласие.

– Ну конечно ты вернешься, – успокоил Зарин встревоженного Аша. – Только сперва тебе необходимо получить образование, а они говорят, это надо сделать в Билайте. Хотя сам я... Впрочем, не важно. Но прежде всего необходимо остаться в живых, а в стране, где за твою голову назначена награда, тебе грозит смертельная опасность. Ты не знаешь наверное, потеряли ли шпионы рани твой след, но они уж точно не последуют за тобой через океан и, надо надеяться, забудут про тебя задолго до твоего возвращения. Мы с братом Авалом поклялись хранить молчание и не можем даже послать отцу весточку о тебе, ведь письмо может вскрыть и прочесть какой-нибудь любопытный. Лучше оставить отца в неведении, чем рисковать выдать твоё местонахождение и твои счастливо переменившиеся обстоятельства тем, кто желает тебе зла. Но позже, когда беспорядки утихнут и полковник-сахиб даст добро, я напишу тебе в Билайт. И помни, что ты отправляешься туда не один. Андерсон-сахиб – хороший человек, достойный всяческого доверия. Он и его слуги позаботятся о том, чтобы ты не забыл нас, когда станешь сахибом. Вот увидишь, Ашок, годы пролетят быстро.

Однако здесь Зарин ошибся: годы не летели быстро. Они ползли так медленно, что каждая неделя казалась месяцем, а каждый месяц – годом. Но насчет полковника Андерсона он оказался прав. Бывший окружной комиссар полюбил мальчика и за долгие, скучные дни путешествия умудрился преподать Ашу на удивление обширный курс английского, внушив ему мысль, что незнание языка чужой страны ставит человека в невыгодное положение и вдобавок унижительно для гордости.

Слова полковника достигли цели, и Аш, унаследовавший от отца лингвистические способности, взялся за изучение нового языка с таким усердием, что через год никто уже и предположить не мог, что мальчик когда-либо разговаривал на каком-то ином языке. Благодаря свойственной юному возрасту способности к подражанию он научился говорить по-английски с тягучей протяжностью и интонациями представителей британского высшего общества, как говорили педантичные наставники и пожилые Пелам-Мартины. Но несмотря на все старания, Аш так и не научился считать себя одним из них, да и они не признавали в нем своего.

Ему суждено было остаться чужаком в чужой стране. Англия никогда не стала бы для него родиной, поскольку он считал своей родиной Индостан. Он по-прежнему оставался сыном Ситы, и в своей новой жизни мальчик столкнулся с бесчисленным множеством вещей, не просто глубоко ему чуждых, но и приводящих в ужас. Речь шла о вещах самых обыденных с точки зрения англичан, но для Аша, воспитанного в традициях индуизма, поистине отвратительных. Например, употребление в пищу свинины и говядины: первое – невероятная мерзость, а второе – неслыханное кощунство, ибо свинья является нечистым животным, а корова – священным.

Неменьшее отвращение внушал обычай англичан использовать зубную щетку не еднoжды, а по многу раз – вместо тонкого прутика или веточки, которые можно срывать каж-

дый день и выбрасывать после использования, поскольку грязнее слюны, как всем известно, ничего нет. Очевидно, англичане этого не знали, и Аш долго и ожесточенно сопротивлялся, прежде чем сдался и смирился с этим и многими другими обычаями, казавшимися ему варварскими.

Первый год дался очень тяжело всем заинтересованным лицам, и не в последнюю очередь родственникам Аша, которых приводили в неменьший ужас повадки и наружность юного «язычника» с Востока. Глубоко консервативные, воплощающие собой всю природную сдержанность и замкнутость своего народа, они решительно отказались от мысли представить сына Хилари критическим взорам своих друзей и соседей и спешно изменили первоначальные планы, состоявшие в отправке племянника в привилегированную частную школу, где получили образование семь поколений Пелам-Мартинов. Вместо этого они наняли домашнего учителя и приходящего раз в неделю пожилого священника, отставного преподавателя Оксфорда, чтобы «обтесать мальчика», и с благодарностью приняли предложение полковника Андерсона забирать Аша к себе на каникулы.

Пелам-Аббас, поместье старшего брата Хилари, сэра Мэтью Пелам-Мартина, представляло собой внушительный надел недвижимого имущества, состоявшего из огромного, прямоугольных очертаний особняка в стиле эпохи королевы Анны, построенного на месте прежнего тюдоровского, который в 1644 году разрушили люди Кромвеля, и окруженного террасированными лужайками, конюшнями и оранжереями. Там также имелись декоративное озеро, обширный сад, где Ашу разрешалось совершать конные прогулки, ручей, изобилующий форелью, и приусадебная ферма акров в четыреста, расположенная за лесным участком, где егеря сэра Мэтью разводил фазанов. Сам особняк был полон фамильных портретов и мебели в стиле английского ампира, и Пелам-Мартины, опасавшиеся, что такая роскошь повергнет нецивилизованного юного племянника в благоговейный трепет, вскоре с неприятным удивлением узнали, что он находит дом холодным, неудобным и не идущим ни в какое сравнение – ни по размерам, ни по великолепию – с каким-то восточным дворцом с непроницаемым названием, где, по словам мальчика, он жил много лет.

Это стало для Пелам-Мартинов первым из нескольких сюрпризов, которые не все оказались неприятными. Они не ожидали, что мальчик столь ловко сидит в седле и так же ловко обращается с оружием, и очень обрадовались этому открытию.

– Покуда он хорошо ездит верхом и стреляет, он небезнадежен, – сказал кузен сэра Мэтью, Генри. – Однако жаль, что он не попал к нам в руки раньше. У него совершенно неправильный образ мыслей.

Образ мыслей Аша оставался крайне неортодоксальным и зачастую создавал для него серьезные проблемы. Например, мальчик категорически отказывался есть говядину в любом виде (самое последнее и самое стойкое из внушенных Ситой предубеждений, на преодоление которого у него ушло больше всего времени, несмотря на все сопряженные с ним неудобства, не говоря уже о нотациях и наказаниях, которые оно навлекало на него со стороны учителей и наставников, а также о гневе и возмущении, которые оно вызывало у родственников). Кроме того, Аш не понимал, почему ему не разрешают учить верховой езде мальчика-прислужника Уилли Хиггинса или приглашать к себе на чай в классную комнату двенадцатилетнюю Энни Мотт, худенькую, измученную непосильным трудом судомойку, всегда выглядевшую полуголодной.

– Но ведь это же мой чай, правда, тетя Миллисент? – спрашивал Аш.

Или:

– Но ведь дядя Мэтью сказал, что Голубая Луна будет моей собственной лошадкой, тогда почему мне нельзя...

– Они слуги, мой милый, а со слугами нельзя обращаться как с равными. Они поймут тебя неправильно, – объясняла тетя Миллисент, недовольная тем, что с ней спорит на ломаном английском несносный отпрыск ее эксцентричного деверя.

Ну просто вылитый Хилари! Тот всегда был для них головной болью и даже после смерти по-прежнему умудряется портить им жизнь!

– Но когда я был слугой Лалджи, – упорствовал Аш, – я ездил на его лошадях...

– То было в Индии, Аштон. А теперь ты в Англии и должен научиться вести себя прилично. В Англии не принято играть со слугами или приглашать их к столу. И уверяю тебя, Энни достаточно сытно кормят на кухне.

– Нет, не достаточно. Она всегда голодная, и это несправедливо, потому что миссис Мотт...

– Довольно, Аштон! Я сказала «нет», и если ты еще хоть раз заведешь подобный разговор, я прикажу, чтобы тебя и близко не подпускали к кухне и не позволяли тебе общаться с младшими слугами. Ты понимаешь?

Аш не понимал. Но его родственники тоже не понимали. Впоследствии, когда он научился читать и писать на английском так же хорошо, как разговаривать, сэр Мэтью, в похвальной попытке поощрить усердие племянника и несколько развеять скуку уроков, дал ему с дюжину книг про Индию, высказав предположение, что они наверняка представляют для него особый интерес. Среди книг были несколько последних трудов Хилари, а также такие увлекательные сочинения, как «Завоевание Бенгалии», отчет Слимана о подавлении секты душителей и «История восстания сипаев» сэра Джона Кея. Они действительно вызвали у Аша интерес, хотя и не такой, какого ожидал от него дядя. Книги отца показались мальчику слишком сухими и заумными, а его отзывы об остальных книгах рассердили сэра Мэтью, имевшего неосторожность спросить, какого он мнения о прочитанном.

– Но вы же спросили меня, что я думаю! – запротестовал Аш. – А я думаю именно так. В конце концов, это их страна, и они не делали вам... то есть нам... ничего плохого. Мне кажется, это было несправедливо.

«Ну в точности Хилари!» – с досадой подумал сэр Мэтью и раздраженно объяснил, что, напротив, они делали много всего плохого. Как насчет убийств, притеснений и беспрестанных междоусобных войн, удушения безобидных путников во славу какой-то языческой богини, сжигания вдов заживо и препятствования торговле и прогрессу в целом? Всем этим ужасам надлежало положить конец, и Британия, как христианская страна, сочла своим долгом и обязанностью решительно выступить против подобного варварства и принести мир и спокойствие миллионам страждущих индийцев.

– Но почему это ваша обязанность? – спросил Аш с неподдельным недоумением. – Я не понимаю, какое отношение это имеет к вам... то есть к нам. Индия даже не рядом с нами. Она на другом конце света.

– Дорогой мой мальчик, ты недостаточно внимательно прочитал книги, – сказал сэр Мэтью, изо всех сил пытаясь сохранять терпение. – Если бы ты читал более вдумчиво, то узнал бы, что нам предоставили право основать там торговые посты. А торговля не только имеет жизненно важное значение для нас, но и необходима для процветания всего мира. Мы не могли допустить, чтобы бесконечные кровопролитные войны между соперничающими князьями подрывали торговые отношения. Было необходимо навести порядок, и мы это сделали. Мы, в согласии с промыслом Божьим, принесли мир и благоденствие в эту несчастную страну и подарили благословенные плоды прогресса народу, который многие века подвергался чудовищным гонениям и жестокому угнетению со стороны алчных жрецов и враждующих сюзеренов. Мы можем гордиться своими деяниями, которые стоили нам великих трудов и огромных потерь в живой силе. Но поступь прогресса не остановить. На дворе девятнадцатый век, и мир становится слишком маленьким, чтобы мы могли допустить, что значи-

тельная часть человечества по-прежнему погрязает в средневековой греховности и темном варварстве.

Перед мысленным взором Аша внезапно возникли белые вершины Дур-Хаймы и широкое плато, куда он выезжал на соколиную охоту с Лалджи и Кодой Дадом, и сердце у него сжалось: было ужасно подумать, что однажды исчезнут эти прекрасные дикие места, где человек может спрятаться от того, что дядя Мэтью и его друзья называют прогрессом. У мальчика сложилось неблагоприятное мнение о прогрессе, и он не стал продолжать разговор, понимая, что они с дядей никогда не сойдутся во взглядах на подобные предметы.

Аш хорошо знал (в отличие от дяди Мэтью) о великом множестве вещей в Пелам-Аббасе, требовавших преобразования: расточительство и мотовство; яростные распри между слугами; тирания старших слуг и ничтожное жалованье, считавшееся достаточным за ежедневный многочасовой непосильный труд; неотопливаемые холодные мансарды, где ночевала такая презренная челядь, как кухонные работницы, судомойки, мальчики на побегушках и младшие лакеи; длинные лестничные пролеты, по которым горничным приходилось спускаться и подниматься по десять раз на дню с кастрюлями крутого кипятка, помойными ведрами или нагруженными подносами; вечный страх перед неожиданным увольнением за какую-нибудь оплошность без выплаты причитающегося жалованья и без рекомендаций.

Единственная разница в положении слуг Пелам-Аббаса и слуг Хава-Махала заключалась в том, что последние вели более приятную и праздную жизнь. Однако Аш задавался вопросом, как бы отреагировал сэр Мэтью, если бы Хиралал или Кода Дад, оба люди мудрые и неподкупные, внезапно появились у ворот Пелам-Аббаса с ружьями, боевыми слонами и вооруженными солдатами гулкотской армии, дабы навести здесь порядок в согласии с собственными представлениями. Неужто дядя Мэтью с благодарностью признал бы господство незваных гостей и стал бы охотно подчиняться их приказам потому только, что они управляют его домом и делами лучше, чем он сам? Аш в этом сомневался. Люди везде и всюду предпочитают совершать собственные ошибки и не терпят посторонних (даже толковых и исполненных благих намерений), которые лезут в их дела.

Его самого возмущало такое вмешательство. Он не хотел ехать в Билайт и учиться на сахиба. Он бы предпочел остаться в Мардане и стать соваром, как Зарин. Но ему не дали выбора, и потому он полагал, что лучше понимает чувства зависимых народов, нежели дядя Мэтью, снисходительно разглагольствующий о благословенных плодах прогресса, подаренных миллионам страждущих индийцев.

«Наверное, они считают меня одним из миллионов страждущих, – горько подумал Аш, – но я бы предпочел вернуться в Индию и работать кули, чем жить здесь, не смея шагу ступить без позволения старших».

Каникулы были оазисами в сухой пустыне скучных учебных дней, и без них Аш едва ли смог бы выносить тяготы новой жизни, ибо, хотя ему разрешалось гулять и ездить верхом в парке, он никогда не оставался в одиночестве и неизменно находился под бдительным присмотром наставника или конюха. Парк окружала высокая каменная стена, и выезжать за ворота мальчику запрещалось, так что его мир во многих отношениях был ограничен, как мир арестанта в тюрьме или душевнобольного в сумасшедшем доме. Однако тяжелее всего в те годы Аш переживал не утрату свободы – ему уже доводилось терпеть подобные ограничения в Хава-Махале. Но там у него была Сита и добрые друзья, и к тому же Лалджи был почти одного с ним возраста.

Преклонный возраст нынешних тюремщиков раздражал Аша, и после пестрой сутолоки индийского двора он находил чинную, размеренную, жестко регламентированную жизнь викторианского поместья скучной, бессмысленной – и невыразимо чуждой. Но поскольку на карманные расходы он получал так же мало денег, как слуги за свою работу,

думать о побеге не приходилось (в любом случае Англия была островом, а Индия находилась в шести тысячах миль от нее) и оставалось лишь мириться с существующим положением дел и ждать дня, когда он сможет вернуться обратно и поступить на службу в Корпус разведчиков. Только послушание и прилежание могли приблизить этот день, а потому Аш был послушным и усердно учился – и наградой для него стали завершение учебы и жизни в Пелам-Аббасе и четыре года в школе, которую до него окончили его отец, дед и прадед.

Ничто в прошлом, в годы формирования личности, не могло подготовить Аша к жизни в английской закрытой частной школе, и он ненавидел в ней все без исключения: строгую регламентацию и томительное однообразие дней, отсутствие всякой возможности уединиться, необходимость подчиняться, издевательское и жестокое обращение со слабыми и со всеми, чьи взгляды расходились со взглядами большинства, принудительные игры и почести, воздаваемые таким божествам, как распорядитель игр и капитан крикетной команды. Аш не любил рассказывать о себе, но одно из его имен – Акбар – вызвало вопросы, а когда он открыл часть своего прошлого, ему немедленно присвоили прозвище Панди. Этой кличкой британские солдаты уже много лет называли всех индийцев – по имени сипая Мангала Панди, своим выстрелом положившего начало Индийскому восстанию.

К молодому Панди Мартину относились как к чужеземному дикарю, которого следует научить правилам поведения в цивилизованной стране, и процесс обучения был болезненным. Аш отнесся к нему без должного понимания, он яростно дрался со своими мучителями, кусаясь, царапаясь и пинаясь на манер гулкотских базарных мальчишек. Такое поведение представлялось всем не просто нецивилизованным, но и неспортивным, хотя считалось в порядке вещей наваливаться на него по пять-шесть человек разом, когда стало ясно, что по части физической силы он легко может соперничать с любыми двумя из них. Но численное превосходство неизменно брало верх, и какое-то время Аш снова всерьез подумывал о побеге, но опять отказался от данного намерения из-за неосуществимости предприятия. Ему придется терпеть все это, как он терпел меньшие тяготы жизни в Пелам-Аббасе. Но по крайней мере, он покажет этим фаранги, что на их игровых площадках может выступать не хуже, а то и лучше их.

Занятия по стрельбе с Кодой Дадом развили хороший от природы глазомер и реакцию Аша, и школьные товарищи довольно скоро обнаружили, что молодой Панди не только не уступает, но и берет верх в любом виде спорта, и заметно переменили свое к нему отношение, особенно после того, как он научился боксировать. Когда же Аш перешел из запасных игроков в основной состав команды и стал играть в фэйвз¹² и футбол сначала за класс, а потом за школу, он стал предметом обожания среди сверстников, хотя у них не получалось сойтись с ним близко. Нет, он не выказывал никакой враждебности, но явно не интересовался вещами, в которые они всегда свято верили, как, например, превосходство англосаксонской расы, важность хорошего воспитания и священное право Британии править всеми цветными (а следовательно, непросвещенными) народами.

Даже полковник Андерсон, обнаруживавший ум и понимание в большинстве вопросов, в целом не разделял взглядов Аша и склонялся скорее к мнению сэра Мэтью. Он тоже говорил, что с повсеместным внедрением паровых двигателей и повышением уровня медицинского обслуживания мир с каждым годом становится все меньше и густонаселеннее. Ни отдельные люди, ни народы больше не вправе руководствоваться единственно своими желаниями и поступать только по своему усмотрению, ибо, если все получают полную свободу действий, в результате наступит не всеобщее довольство, а анархия и хаос. «Тебе придется найти необитаемый остров, Аш, если ты хочешь, чтобы в твою жизнь никто никогда не вмешивался. А я думаю, таких островов в наше время почти не осталось».

¹² Род игры в мяч.

Вопреки ожиданиям английский климат не поправил здоровья полковника Андерсона, но, даже вынужденный примириться с жизнью полуинвалида, он продолжал принимать деятельное участие в судьбе Аша, по-прежнему проводившего у него значительную часть школьных каникул. Маленький дом полковника располагался в предместьях Торки и во всех отношениях не шел ни в какое сравнение с Пелам-Аббасом, однако мальчик предпочел бы жить там все свободное от учебы время. Те дни каникул, которые ему приходилось проводить в дядином доме, по-прежнему оставались тяжелым испытанием для обоих. Сэр Мэтью очень досадовал, что племянник не дает никаких поводов гордиться собой, если не считать спортивных успехов, и при этом выказывает все признаки упрямства и несговорчивости, свойственных его отцу Хилари. А Аша в равной мере озадачивали и раздражали дядя, родственники и друзья родственников. Почему, например, они упорно продолжали интересоваться его мнением по разным вопросам, а потом оскорблялись, когда он высказывал свою точку зрения? Возможно, вопрос: «А что *ты* думаешь, Аштон?» – задавался из лучших побуждений, но это был исключительно глупый вопрос, если на него заведомо не ожидали честного ответа. Нет, Аш никогда не поймет англичан и не будет чувствовать себя легко и непринужденно в их стране.

Полковник Андерсон никогда не задавал глупых вопросов, и разговоры с ним грели и возбуждали, как терпкое вино. Он любил Индию самозабвенно, как иные мужчины любят свою работу – или своих жен, – и часами мог рассказывать об истории, культуре, проблемах и политике этой страны, а также о знаниях и умении хитрить, какие необходимо приобрести тем, кто стремится служить индийскому народу и править им. В таких случаях полковник неизменно переходил на хиндустани или пушту, а поскольку ни Алаяр, ни Махду никогда не общались с его протеже на английском, он мог докладывать в своих письмах в Мардан, что мальчик по-прежнему бегло говорит на обоих языках.

Зимой 1868 года полковник тяжело болел, и потому Аш провел рождественские каникулы в Пелам-Аббасе, где его образование – если здесь уместно такое слово – стало более всесторонним. Он был соблазнен недавно нанятой горничной, некой Лили Бриггс, нахальной рыжеволосой девицей пятью годами старше его, которая уже стала причиной ожесточенного соперничества и раздоров среди мужчин на половине слуг.

У Лили был чувственный рот и блуждающий взгляд, и она завела привычку перед самым сном приходить в спальню Аша в одном пеньюаре, чтобы убедиться, что окна открыты и занавески задернуты. Ее тяжелые золотистые косы почти достигали колен, и однажды ночью она распустила волосы и присела на край кровати Аша, чтобы показать, сказала девушка, что она может на них сидеть. Дальше события развивались стремительно, и Аш так никогда и не вспомнил толком, каким образом она очутилась в его постели или кто погасил свет, но он испытал тогда поистине головокружительные ощущения. Его собственная неопытность с лихвой возмещалась чрезвычайной искусственностью Лили, и он оказался таким способным учеником, что она осталась весьма довольна и ухитрилась провести у него в постели следующие шесть ночей. Она, безусловно, провела бы там и седьмую, если бы экономка миссис Пэррот не застала их на месте преступления, хотя миссис Пэррот использовала несколько иной термин, когда докладывала о происшествии тете Миллисент...

Лили Бриггс немедленно уволили без рекомендации, а Аш получил крепкую порку от дяди Мэтью, вкупе с лекцией о пагубных плодах похоти, и здоровенный синяк под глазом от второго лакея, одного из самых преданных и страстных поклонников Лили. Остаток тех каникул прошел без происшествий, а на следующие он снова отправился к полковнику Андерсону.

Один или два раза в год приходили письма от Зарина. Но новостей в них содержалось мало: Зарин не умел писать, а базарный писец, которого он нанимал, писал цветистым стилем и имел обыкновение начинать и заканчивать каждое послание любезными

пространными расспросами о здоровье получателя и многоречивыми мольбами к Всемогущему Аллаху о его благополучии. Втиснутое посередине, как правило, представляло собой несколько разрозненных кратких сообщений о последних событиях, и из них Аш узнал, что Зарин собирается жениться на троюродной сестре жены Авал-шаха, что молодой младший офицер лейтенант Оммани убит фанатиком во время репетиции военного оркестра в Мардане и что разведчики предпринимали поход против племени утманхель, которое совершало набеги на деревни, находящиеся на британской территории.

Через два года после отъезда Аша мать Зарина умерла, а Кода Дад в скором времени оставил свою должность и покинул Гулкот. Радже очень не хотелось расставаться со своим старым верным слугой, но Кода Дад сослался на плохое здоровье и желание закончить свои дни среди родственников в родной деревне. Истинной причиной увольнения, однако, являлось глубокое недоверие к нему Джану-рани, которая не делала тайны из того факта, что подозревает Коду Дада в причастности к побегу Аша. Она очень постаралась настроить против него раджу, но безуспешно. Раджа высоко ценил старика и грубо обрезал жену, а Кода Дад знал, что может не бояться рани, покуда пользуется благосклонностью и покровительством ее мужа.

Но настал день, когда раджа решил отправиться в Калькутту, чтобы встретиться с вице-королем и лично предъявить притязания на соседнее княжество Каридарра, чей недавно усопший правитель, его дальний родственник, не оставил наследника. Раджа объявил, что старший сын, юврадж, поедет с ним, а на время его отсутствия рани получит полномочия регента – по мнению Коды Дада, глупое решение, о котором придется пожалеть многим людям, помимо него самого. В список должностных лиц, отбывающих в Калькутту в составе свиты, управляющий конюшнями не вошел, и, заметив данное упущение, Кода Дад понял, что пора покинуть Гулкот.

Он не огорчился вынужденным отъездом, ибо теперь, когда жена умерла, а сыновья служили на севере, мало что держало его здесь: несколько друзей, лошади да соколы – вот и все. Раджа более чем щедро вознаграждал своего верного слугу, и Кода Дад уехал на превосходнейшем коне из княжеских конюшен, со своим любимым соколом на запястье и с седельными сумами, набитыми таким количеством монет, какого с избытком хватит на обеспеченную старость. «Ты правильно делаешь, что уезжаешь, – сказал Хиралал. – Если бы не юврадж, который, видят боги, нуждается хотя бы в одном слуге, не работающем на нотч, я бы последовал твоему примеру. Но я отправляюсь с ним в Калькутту, и вряд ли она подозревает меня, ведь я был очень осторожен».

Но похоже, Хиралал был недостаточно осторожен. Он позволил себе забыть, что Лалджи – избалованный, тщеславный и легковверный – никогда не умел отличать друзей от врагов и вполне мог отдавать предпочтение тем, кто угождал и льстил ему. Биджурам и Пуран, фавориты ювераджа, оба были шпионами рани и никогда не доверяли Хиралалу. Однажды жаркой ночью в ходе долгого путешествия в Калькутту Хиралал, по всей видимости, вышел из палатки на свежий воздух и подвергся нападению тигра. Следов борьбы на месте не обнаружили, но на терновом кусте ярдах в ста от лагеря нашли окровавленный клочок одежды, а в тех краях, по слухам, обитал тигр-людоед. Раджа пообещал награду в сто рупий тому, кто найдет тело Хиралала, но тамошняя местность была покрыта непроходимыми лесами и густыми зарослями пеннисетума и изрезана глубокими оврагами – и все дальнейшие поиски остались безрезультатными.

Хиралал исчез. Но поскольку друзья Коды Дада не имели привычки писать письма, он так и не узнал об этом событии, как и обо всех других, происходивших в Гулкоте. Аш тоже больше не получал никаких известий оттуда, ибо с отъездом Коды Дада последняя связь с княжеством прервалась. Прошлое неуклонно уходило все дальше, так как жизнь в Англии не оставляла мальчику времени для воспоминаний. У него всегда были дела, требующие

его внимания, игры, требующие его участия, школа, которую приходилось терпеть, и каникулы, которыми следовало насладиться в полной мере. Со временем воспоминания о Гулоте стали смутными и не вполне реальными, и он редко думал о нем, хотя в глубине души у него оставалось – безотчетное, но непреходящее – странное ощущение пустоты и утраты, неотступное ощущение собственной неполноценности, связанное с потерей чего-то жизненно важного. Аш понятия не имел, сколь давно поселилось в душе это чувство, и не предпринимал попыток проанализировать его из страха мысленно вернуться в день смерти Ситы. Но мальчик был уверен, что оно бесследно исчезнет, как только он вернется в свою страну и снова увидит Зарина и Коду Дада, и с течением времени привык к нему, как человек без руки или ноги привыкает к своему увечью и научается жить с ним, не обращая на него внимания.

Аш не завел близких друзей и никогда не пользовался особой популярностью у сверстников, которые так и не сумели наладить с ним доверительные отношения и продолжали считать его своего рода чудачком – «одиночкой». Но в мире, где способность ловко бить по мячу или обгонять соперников ценилась выше образованности, своими спортивными успехами он снискал уважение сверстников (и изрядное восхищение младших мальчиков), и в последний год в школе его средний уровень успеха был равен 52,3, он прошел семь воротец из шестнадцати в товарищеском матче по крикету, выиграл бег на сто ярдов и перешел в новый Военный колледж в Сандхерсте с хорошим преимуществом по очкам.

После трех последних семестров в школе было унинительно вновь оказаться в положении новенького на низшей ступени иерархической лестницы. Но в целом учиться в колледже Ашу понравилось больше, чем в школе, и он успевал там хорошо. Во всяком случае, достаточно хорошо, чтобы некоторые из товарищей-кадетов попытались отговорить его от поступления на службу в Индийскую армию, особенно сейчас, когда обычай покупать офицерские звания собирались запретить, а это означало, что сыновьям богатых родителей в будущем придется рассчитывать на свои способности, а не на свои кошельки, чтобы получить повышение в чине. Теперь, с возникновением такого препятствия, не многие молодые джентльмены пожелают связать свою жизнь с армией, и советчики Аша предсказывали (как оказалось, верно) резкое сокращение числа кадетов – их собственный курс выпускался последним перед введением нового закона в силу. И в самых приличных-то полках положение будет неважным, не говоря уже о службе в окружении пробивных провинциальных ничтожеств. «Тебе ведь это не нужно, сам понимаешь. В конце концов, денег у тебя хватает, так зачем хоронить себя в колониальном захолустье, среди чернокожих и посредственностей? Мой папаша говорит...»

Аш довольно резко ответил собеседнику, что если он, его отец и его друзья держатся такого мнения, то чем скорее британцы уберутся из Индии и предоставят ей самой управлять своими делами, тем лучше, ибо она наверняка сможет делать это успешнее с помощью своих собственных выдающихся сынов, чем посредственностей из чужой страны.

– Ну, Панди опять сел на своего любимого слона! – насмешливо загудели товарищи по роте (прозвище последовало за ним в Военный колледж).

Но старший преподаватель, слышавший разговор и впоследствии передавший его ротному командиру, был склонен согласиться с Ашем.

– Типичное для конногвардейцев предубеждение, – сказал старший преподаватель. – Все эти парни полны кастовых предрассудков не меньше индусов и привыкли относиться к офицеру Индийской армии как к своего рода неприкасаемому. Старый Кардиган даже не станет обедать с таким в одной столовой. Но если мы хотим упрочить империю, нам нужны лучшие люди для службы за морем, а не худшие. И слава богу, у нас осталось еще достаточно первых, которые готовы отправиться туда.

– Вы числите молодого Панди Мартина в лучших? – скептически спросил ротный командир. – Я лично – нет. Коли хотите знать мое мнение, он дикий, как сокол, и в любой

момент может повести себя непредсказуемо. Да и дисциплина дается парню плохо, несмотря на видимое послушание. Я не доверяю людям такого типа. В армии не место радикалам, особенно в Индийской армии. На самом деле они представляют серьезную опасность, и, будь моя воля, я бы и близко не подпускал их к военной службе в Индии. Это касается и вашего молодого Панди!

– Чепуха! Вероятно, в конечном счете он станет вторым Николсоном. Или, по крайней мере, Ходсоном.

– Именно этого я и боюсь – или боялся бы на месте его будущего командира. Эти двое были продувными бестиями. Полезными, не стану спорить. Но только в силу особых обстоятельств. Наверное, оно и к лучшему, что они умерли. Судя по слухам, они были совершенно несносными типами.

– Что ж, возможно, вы правы, – согласился старший преподаватель, потеряв интерес к предмету разговора.

Как и в школе, в Сандхерсте Аш не обзавелся близкими друзьями, хотя товарищи относились к нему с приятной и изрядной долей восхищения, которое опять-таки объяснялось главным образом его успехами в спорте. Он побеждал на соревнованиях по пятиборью, играл за колледж в футбол, фэйвз и крикет, занимал первые места в состязаниях по верховой езде и стрельбе и завершил курс обучения двадцать седьмым в списке из двухсот четырех кадетов.

Дядя Мэтью и тетя Миллисент, кузен Хамфри и две пожилые представительницы семейства Пелам-Мартин присутствовали на выпускном параде. Но полковника Андерсона не было. Он умер неделей раньше, оставив двум своим индийским слугам небольшое наследство вкуче с суммой, покрывающей расходы на обратную дорогу в Индию, и письмом к Ашу с просьбой проследить, чтобы они благополучно добрались до родины. Дом вместе со всем содержимым он завещал племяннику, и свой последний месяц в Англии Аш, Алаяр и Махду провели в Пелам-Аббасе, а в конце июня взойшли на борт парохода «Кентерберри-Касл», направлявшегося в Бомбей.

– Будет здорово снова увидеть Лахор, – сказал Махду. – В Билайте много городов крупнее, но ни один из них ни в чем, кроме размеров, не может соперничать с Лахором.

– Или с Пешаваром, или с Кабулом, – проворчал Алаяр. – Приятно будет опять покупать нормальную пищу на базарах и наслаждаться свежим утренним воздухом в Хайберских горах.

Аш ничего не сказал. Он стоял, опершись на поручень, смотрел, как ширится пространство испещренной пенными полосками воды между пароходом и берегом, и видел свою жизнь подобием бескрайней, озаренной солнцем равнины, простирающейся перед ним до далеких, невообразимых горизонтов.

Наконец-то он свободен. Он возвращается домой, и будущее находится в полном его распоряжении. Сначала полк: разведчики, и Зарин, и служба среди пустынных гор на северо-западной границе... Возможно, однажды он станет командовать корпусом. А потом – дивизионом. Возможно, в свое время он даже станет джунги-лат-сахибом – главнокомандующим всеми войсками Индии, но это дело далекого будущего. Тогда он будет старым, и вся жизнь у него останется в прошлом.

Сейчас Аш не хотел думать о прошлом – только о будущем.

Часть 2. Белинда

8

Аш вернулся в Индию в конце лета 1871 года.

То был год, небезынтересный для многих миллионов людей. Франция увидела капитуляцию Парижа, услышала, как принца Уильяма Прусского торжественно объявляют императором Германии в Версале, и снова провозгласила себя республикой. В Англии парламент наконец легализовал профсоюзы и была упразднена давняя возмутительная система, позволявшая покупать чины в Британской армии лицам, предлагающим наивысшую цену, независимо от их заслуг. Но ни одно из перечисленных событий не представляло интереса для Аштона Хилари по сравнению с тем фактом, что после семи лет ссылки он возвращался в страну, где родился.

Он снова находился дома. Ему шел двадцатый год – и он был помолвлен...

До недавних пор Аш очень мало общался с девушками своего круга. После Лили Бриггс воспитанные и благонравные сестры и кузины его школьных товарищей казались до боли чопорными и бесцветными, и он старательно избегал их. У Лили были преемницы, но они не оставили яркого впечатления, и их имена и лица уже начинали стираться в памяти, ибо сердце Аша больше ни разу не трепетало. В бытность свою кадетом он приобрел совершенно не соответствующую истине репутацию женоненавистника, поскольку неизменно отказывался от приглашения на чаепития, пикники и танцы, высокомерно заявляя, что у него нет времени на женщин. Но в долгом плавании из Лондона в Бомбей свободного времени было с избытком – часы, дни и недели. И мисс Белинда Харлоу была не просто юной леди, но самой хорошенькой девушкой на всем пароходе.

Белинду никак нельзя было назвать чопорной или бесцветной. Она была такая же белорозово-золотистая, как романтизированный образ Лили, запечатленный в памяти Аша, такая же веселая и жизнерадостная, как Долли Девелейн из «Сисайд фоллиз», и имела такие же соблазнительные формы, как Айви Маркинс, которая работала в шляпной мастерской в Кемберли и столь щедро дарила своими милостями. К тому же Белинда была мила, невинна и юна (двумя годами моложе Аша) и, помимо обворожительного своенравного личика, казавшегося еще краше в обрамлении пышных бледно-золотых локонов, была счастливой обладательницей изящного прямого носика, очаровательно морщившегося при смехе, огромных васильковых глаз, лучившихся радостью жизни, и прелестного пухлого рта с обольстительными ямочками в уголках.

Ни одно из этих достоинств не пробудило бы в Аше особых чувств (не считая естественного восхищения красивой девушкой), если бы он не узнал, что мисс Харлоу, тоже родившаяся в Индии, безмерно счастлива вернуться туда. Она сообщила об этом однажды вечером во время обеда, когда «Кентербери-Касл» находился в плавании уже почти десять дней и несколько пожилых леди, включая мать Белинды, горестно сетовали по поводу вынужденного возвращения на Восток. Они перечисляли разнообразные неудобства жизни в Индии: жара, пыль, болезни, чудовищное состояние дорог и тяготы путешествий по ним, – когда Белинда, вмешавшись в разговор, со смехом возразила:

– О нет, мама! Ну как ты можешь говорить такие вещи? Нет, Индия – прекрасная страна. Я хорошо помню наше чудесное прохладное бунгало с увитой лиловым плющом верандой и яркие пышные цветы в саду, похожие на пятнистые лилии, и еще такие высокие алые, на которых всегда сидели бабочки. Помню, как каталась на пони по усаженной деревьями аллее и видела караваны верблюдов; как меня несли в паланкине, когда мы переез-

жали в горы на лето... и громадные высокие сосны, и желтые дикие розы, что так дивно пахнут... и снега, бесконечные мили заснеженных гор. Ты просто не представляешь, каким уродливым показался мне после всего этого Нелбери и дом тети Лиззи. Тетушкины слуги вечно бранили меня, а не баловали, как аяя, Абдул и мой саис. Мне не терпится поскорее вернуться обратно.

Эта бесхитростная речь не понравилась некой миссис Чивертон, которая – по всей видимости, посчитав молодую мисс Харлоу развязной девчонкой, не имеющей права вмешиваться в разговор старших, – холодно заметила, что никто из переживших ужасы Восстания никогда больше не сможет доверять индийцам и что она завидует счастливому неведению милой Белинды относительно опасностей, с которыми неизбежно сталкивается там любая чувствительная англичанка, которую обстоятельства и чувство долга вынуждают жить в варварской стране. В ответ Белинда, нимало не смущенная, рассмеялась и, окинув сияющим взглядом мужчин за длинным столом, произнесла милым голосом:

– Но вы только подумайте, как много у нас отважных защитников. Нам нечего бояться. К тому же я уверена, что ничего подобного не повторится. – Подавшись вперед, она обратилась к Ашу, который сидел напротив и с интересом прислушивался к разговору: – Вы со мной согласны, мистер Пелам-Мартин?

– Не знаю, – ответил безнадежно честный Аш. – Думаю, это зависит от нас.

– От нас? – повторила миссис Чивертон тоном, ясно свидетельствующим, что она находит предположение Аша абсолютно несуразным и положительно оскорбительным в устах младшего офицера.

Аш замялся, не желая оскорблять даму дальнейшими своими речами, но мисс Харлоу живо устремилась туда, куда не решался ступить молодой прапорщик.

– Он имеет в виду, что, если мы будем обращаться с ними справедливо, у них не будет причины восставать против нас. – Тут она снова повернулась к Ашу и добавила: – Вы ведь это хотели сказать?

Аш хотел сказать не совсем это, но именно с момента, когда из уст Белинды прозвучало слово «справедливо», он перестал видеть в ней только красивую девушку. И впоследствии, несмотря на строгий надзор за мисс Харлоу, великое множество увивавшихся вокруг нее поклонников и тесное скопление народа на борту парохода, почти исключавшие возможность побеседовать наедине, он пользовался каждым случаем поговорить с ней о стране, куда они возвращались, полные самых радужных надежд и счастливых предчувствий.

Мать Белинды, миссис Арчибальд Харлоу, была дородной, благожелательной, рассеянной в мыслях женщиной. В прошлом она была так же красива, как дочь, но климат и условия жизни в Индии, соединенные с недоверием к «туземцам» и страхом второго восстания, не пошли на пользу ни ее здоровью, ни характеру. От жары и постоянных беременностей ее некогда восхитительная фигура расплылась; ее муж, ныне старик без малого семидесяти лет, до сих пор ходил в звании майора и служил в полку индийской пехоты; трое из семи рожденных ею детей умерли в младенчестве; и год назад ей пришлось отвезти пятилетних двойняшек, Гарри и Тедди, на родину в Англию, чтобы оставить на попечение сестры Лиззи, ибо Индия по-прежнему считалась гиблым местом для малолетних детей: английские кладбища по всей стране были переполнены могилами малышей, умерших от холеры, теплового удара, тифа или змеиного укуса.

Больше всего на свете миссис Харлоу хотела бы остаться в Англии со своими любимыми мальчиками, но после обстоятельных дискуссий с сестрой и двумя знакомыми дамами согласилась, что ее прямой долг вернуться в Индию – долг не только перед мужем, но и перед дочерью Белиндой, в свое время тоже порученной заботам Лиззи в семилетнем возрасте. С тех пор минуло десять лет, и у девочки практически не имелось шансов сделать выгод-

ную партию в таком маленьком провинциальном городке, как Нелбери. Однако в Британской Индии подходящих женихов хоть пруд пруди, и казалось разумным дать Белинде возможность познакомиться и сойтись браком с каким-нибудь приличным джентльменом, после чего ее мать сможет вернуться к своим драгоценным мальчикам и жить со своей дорогой Лиззи, куда Арчи не станет командовать полком или не выйдет в отставку.

Никто, кроме, возможно, майора Харлоу, не нашел бы изъянов в таком плане, и уверенность миссис Харлоу в правильности принятого решения мгновенно подтвердилась, когда не менее одиннадцати джентльменов из двадцати девяти, взявших билет на «Кентербери-Касл», начали оказывать ее очаровательной дочери знаки внимания. Правда, в большинстве своем это были всего лишь мальчишки – бедные прапорщики и мелкие чиновники либо начинающие торговцы, – а остальные пять незамужних леди на борту не отличались привлекательностью. Но в число означенных джентльменов входили также пехотный капитан лет тридцати пяти, богатый вдовец среднего возраста, являвшийся главным компаньоном в фирме по экспорту джута, и молодой прапорщик Пелам-Мартин, который, по словам миссис Чивертон, главной сплетницы на пароходе, был не только племянником баронета, но и единственным наследником более чем приличного состояния, оставленного ему отцом, выдающимся ученым с мировым именем.

С чисто финансовой точки зрения миссис Харлоу считала наиболее предпочтительной партией мистера Джозефа Тилбери, вдовца. Но несмотря на усиленные ухаживания за ее дочерью, он пока еще не сделал никаких признаний, а сама Белинда называла его и пехотного капитана старыми чудачками. Поручики и молодые чиновники нравились девушке не в пример больше, и она беспечно флиртовала с ними и развлекалась от всей души, сталкивая поклонников лбами и упиваясь своей юностью, красотой и всеобщим восхищением.

Пьянящая атмосфера долгого плавания вскружила Белинде голову еще сильнее после одного романтического события – бракосочетания на море. По общему признанию, жених и невеста не отличались красотой и находились далеко не в расцвете юности, а поскольку оба путешествовали третьим классом, она ни разу не видела их прежде. Но капитан, поддавшись на уговоры осуществить полномочия, которыми он обладал в качестве хозяина океанского судна, обвенчал сержанта интендантских войск Альфреда Биггса, возвращавшегося из отпуска, и мисс Мейбл Тиммингс, ехавшую в Бомбей к своему брату, служащему Бомбейско-Бародской железной дороги. Венчание состоялось в салоне первого класса, в присутствии всех пассажиров, какие сумели туда набиться, а за ним последовали поздравительные речи и тосты за здоровье молодых под звон бокалов шампанского, пожертвованного капитаном по столь торжественному случаю. Позже все собрание танцевало на палубе, и не менее трех поклонников страстно умоляли Белинду последовать восхитительному примеру новобрачной и провести остаток плавания как медовый месяц.

С учетом всех обстоятельств едва ли приходится удивляться, что Белинда не замечала ни враждебности остальных молодых леди, ни нескрываемого неодобрения, с каким их матери относились к ней. Десять долгих лет она просидела взаперти в тетушкином доме, занимаясь уроками, вышивая бесконечные салфеточки и послушно отвечая «да, тетя Лиззи» или «нет, тетя Лиззи», и единственными молодыми людьми, которых она видела прежде (на приемах, где сопровождающие пожилые дамы ни на шаг не отходили от нее), были сыновья тетиных подруг – неуклюжие, глуповатые школяры, знавшие ее с детства и потому относившиеся к ней как к сестре. После той душной, сковывающей и оупляющей атмосферы упительная свобода жизни на океанском лайнере и ухаживания дюжины восхищенных молодых джентльменов кружили голову пуще крепкого вина, и Белинда от души наслаждалась новыми впечатлениями и испытывала, наверное, всю полноту счастья, какую любой человек может надеяться познать в жизни. Единственная трудность заключалась в том, что поначалу она никак не могла решить, кому из своих многочисленных поклонников отдать предпочте-

ние, но ко времени прибытия парохода в Александрию у нее уже не оставалось никаких сомнений.

Возможно, Аштон Пелам-Мартин был не таким красивым, как Джордж Гарфорт (пусть неловкий и утомительно застенчивый, но зато обладавший греческим профилем и байроновскими кудрями), не таким остроумным и забавным, как прапорщик Огастес Блейн, и не таким богатым, как мистер Джозеф Тилбери из «Тилбери, Патерсон энд компани». В действительности Аштон был довольно молчаливым и замкнутым молодым человеком, который оживлялся, лишь когда говорил об Индии, к чему она поощряла его всякий раз, когда назойливые поклонники давали ей возможность побеседовать с ним наедине, ибо Индия в его представлении казалась такой же волшебной страной, как в ее детских воспоминаниях. При желании, как выяснилось, он мог быть очень милым, и в нем было что-то такое, что Белинда находила притягательным, что-то необычное и возбуждающее... и немного пугающее. Он отличался от всех остальных так же, как дикий сокол отличается от ручной птицы в клетке. Помимо всего прочего, молодой Пелам-Мартин, смуглый и узколицый, был бесспорно привлекателен и вдобавок окутан некой романтической тайной: ходили слухи о детстве, проведенном в индийском дворце, и заядлая сплетница миссис Чивертон несколько раз недоброжелательно намекала, что его смуглота и темный цвет волос и ресниц, возможно, свидетельствуют о смешанной крови. Впрочем, все знали, что миссис Чивертон – злобредная старуха, которая пришла бы в великий восторг, обрати он внимание на ее собственную чрезвычайно невзрачную дочь Эми.

Белинда стала дарить прапорщика Пелам-Мартина лучезарными улыбками, и тот в конечном счете отчаянно и безнадежно влюбился и к последнему дню плавания собрался с духом, чтобы подойти к миссис Харлоу и попросить у нее разрешения сделать предложение ее дочери.

Аш боялся получить отказ на том основании, что он слишком молод и недостойн такой чести, и не мог поверить своему счастью, когда мать Белинды заверила, что нисколько не возражает против его намерений и не сомневается, что папа милой Беллы согласился бы с ней, ведь он тоже приветствует ранние браки. Последнее заявление не имело ничего общего с правдой. Майор Харлоу, как и большинство старых армейских служаков, решительно не одобрял молодых офицеров, губивших свою карьеру и снижавших свою полезность полку из-за слишком ранней женитьбы на девушках, которые непременно станут отвлекать их от работы и загружать мелкими домашними делами во вред людям, находящимся у них под командованием.

Сам майор к моменту женитьбы был вдвое старше своей избранницы: ему было скорее под сорок, нежели за тридцать. Но хотя миссис Харлоу знала о взглядах своего мужа, она без колебаний поручилась за его согласие, убедив себя в том, что Арчи, безусловно, желает столь выгодной партии для своей единственной дочери. В конце концов, молодым людям не придется жить на жалованье прапорщика: Аштон получает весьма солидное содержание, а через два года с малым он достигнет совершеннолетия и вступит во владение всем состоянием отца. Поэтому, конечно же, Арчи должен согласиться. Пусть Аштону нет еще и двадцати, но любой видит, что он взрослый не по годам. Такой тихий, благовоспитанный молодой человек. Такой любящий и в высшей степени подходящий.

Расчувствовавшись, миссис Харлоу проронила несколько слезинок, и часом позже, когда солнце садилось, а пассажиры переодевались к обеду, в укромном уголке в носовой части палубы Аш сделал Белинде предложение и получил согласие.

Помолвку собирались держать в секрете, но каким-то образом новость просочилась. Обед еще не закончился, а Аш уже начал принимать завистливые поздравления соперников и ловить на себе ледяные взгляды дам, которые в большинстве своем уже давно объявили мисс Харлоу ужасной кокеткой и теперь пришли к заключению, что ее мать, производившая

впечатление женщины далеко не глупой, но добродушной, на самом деле всего лишь бесстыдная и коварная старая чертовка, охомутавшая младенца.

Мистер Тилбери и пехотный капитан держались особенно холодно, но один только Джордж Гарфорт выразил активный протест.

Джордж стал блее мела и после попытки утопить горькое разочарование в вине решил вызвать удачливого поклонника на дуэль, но, к счастью для всех заинтересованных лиц, не успел осуществить свое намерение по причине постыдного приступа дурноты. Белинда удалилась рано, а после того как Джорджа унесли в каюту, Аш поднялся на пустынную палубу и всю ночь пролежал там в шезлонге под звездами, пьяный от шампанского и счастья.

Ночь была чудесная, и, глядя в небо, на знакомые созвездия своего детства, Аш думал, что, сколько бы времени ни прошло, он никогда не забудет эту ночь – и никогда уже не будет так счастлив. Его первый роман закончился плачевно, и ему понадобилось целых шесть месяцев, чтобы осознать, что Лили Бриггс была вовсе не прекрасной богиней, чудесным образом влюбившейся в него, а просто-напросто безнравственной потаскушкой, развлеченной ради соблазнившей школьника. Однако она была его первой женщиной, и Аш знал, что никогда не забудет ее совершенно. Все последующие женщины были для него не более чем короткими грязными сексуальными приключениями, и вскоре он даже не мог припомнить их имен и только сожалел о своем знакомстве с любой из них. Эти связи представлялись теперь своего рода изменой Белинде, но она никогда не узнает о них, и у Аша есть для нее много других историй: вся фантастическая история его детства, все тайны, горести и чудеса тех лет.

Аш рассказал бы обо всем и раньше, но постоянное присутствие ревнивых соперников, наперебой старавшихся обратить на себя внимание Белинды, не давало такой возможности, и он не раз чувствовал острое желание убить Гаса Блейна или напыщенного старого болвана мистера Тилбери – или всех ее поклонников, коли на то пошло. Однако, имея столь большой выбор, она – невероятное дело! – выбрала его. Он счастливейший мужчина на свете, и завтра – нет, сегодня, ведь уже далеко за полночь, – он наконец вернется в свою страну. Скоро он снова переправится через реку Рави и увидит горы и Зарина...

Зарин...

Внезапно Аш с легким беспокойством подумал о том, сильно ли изменился Зарин за минувшие годы и сумеет ли он вообще узнать старого друга при встрече. В тех высокопарных цветистых письмах, что приходили так редко и содержали так мало сведений, не было ни следа от прежнего Зарина. Аш знал, что Зарин теперь дафадар и отец троих детей, – но и только. В остальном содержание писем сводилось к сухому, краткому изложению последних событий в полку, и он уже ничего не знал о мыслях и чувствах Зарина. Сумеют ли они продолжить старую дружбу, прерванную семь лет назад?

Раньше Ашу никогда не приходило в голову, что, возможно, не сумеют, но сейчас в его душу совершенно неожиданно закралось сомнение. Он вспомнил, что теперь они с Зарином поменяются местами. Он возвращается в качестве британского офицера, а Зарин-хан, «старший брат», всегда вызывавший у него восхищение, зависть и желание подражать во всем, будет находиться у него в подчинении. Как это скажется на их отношениях? Никак, покуда это зависит от него лично, но многое определяется обстоятельствами, от него не зависящими, – такими вещами, как полковые традиции и этикет. И помимо всего прочего, там будут другие офицеры и даже Белинда... хотя нет: Белинда любит его и отнесется к делу с пониманием. Но на первых порах, наверное, и ей, и Зарину придется трудно.

Сейчас он думал, что хорошо было бы встретиться с Зарином где-нибудь на нейтральной территории, а не в сугубо армейской обстановке Мардана, под пристальными взглядами людей, которые кое-что знают о его прошлом и станут внимательно следить за тем, как он поведет себя. Однако уже слишком поздно беспокоиться на этот счет: нужно просто дей-

ствовать осмотрительно и не совершать опрометчивых поступков (что, по мнению и Коды Дада, и дяди Мэтью, было самым серьезным его недостатком). А пока предстояло долгое путешествие на север страны и печальное расставание с Алаяром и Махду – единственное темное облачко на горизонте светлого будущего.

Вспомнив о своих спутниках, Аш испытал острые угрызения совести. Поглощенный общением с Белиндой, он совсем забросил обоих в последнее время и почти не виделся с ними, если не считать редких прогулок по палубе с одним из них ранним утром, когда пассажиры еще спали, да коротких разговоров, происходивших каждый день, когда Алаяр заглядывал к нему в каюту, чтобы подать свежее белье или вставить запонки в манжеты рубашки. А теперь у него уже не осталось времени, чтобы загладить свою вину, ведь завтра – то есть сегодня – Алаяр и Махду навсегда распрощаются с ним. Они трое пойдут каждый своим путем, и Аш знал, что будет скучать по обоим невыразимо. Они были связующим звеном между далекими годами его детства и новой жизнью, которая начнется с восходом солнца – очень скоро, ибо звезды уже постепенно угасали и небо на востоке стало бледно-зеленым в преддверии рассвета.

Бомбей все еще оставался за горизонтом, но предрассветный ветер уносил запах города далеко в море, и Аш слышал смешанный дух пыли и сточных вод, запруженных народом базарных площадей и гниющих фруктов, а также слабый аромат цветов – красного жасмина, ноготков и цветущего апельсина. Запах родины.

9

Дафадар Зарин-хан из разведчиков попросил трехнедельный отпуск в связи с неотложными личными делами и за свой счет отправился в Бомбей, чтобы встретить «Кентербери-Касл», взяв с собой носильщика для Аша – патана по имени Гулбаз, специально отобранного Авал-шахом для исполнения этой обязанности.

Зарин мало изменился за минувшие годы, и на первый взгляд мужчина на причале, встречающий пароход, почти ничем не отличался от молодого совара, который семь лет назад махал рукой на прощание безутешному мальчику. Он стал несколько выше и плотнее, и усы у него были пышнее и гуще, чем прежде. Еще у него появились складки у рта и гусиные лапки у глаз, а вместо песочной формы и ножных обмоток, в которых Аш видел друга в последний раз, на нем был патанский выходной костюм: просторные шаровары, расшитый цветочным узором жилет и длинная белая рубаха навыпуск.

Солнце ярко освещало грязную пристань с беспокойной гудящей толпой кули, портовых чиновников, зазывал из различных отелей, встречающих пароход, друзей и родственников. Когда буксиры развернули судно вдоль стенки причала и матросы спустили сходни, Зарин принялся напряженно всматриваться в лица людей, теснившихся у поручней, и лишь сейчас сообразил, что, хотя Ашоку не составит труда узнать его, сам он едва ли с легкостью опознает мальчика, ныне ставшего мужчиной. Но уже в следующий миг он остановил взгляд на одном молодом человеке и испустил облегченный вздох. Да, это наверняка Ашок. Ошибиться невозможно.

Он оказался ниже ростом, чем ожидал Зарин, но достаточно высоким – шесть футов без малого – и имел худощавую фигуру и приятную внешность северянина или патана. Платье изобличало в нем сахиба, однако лицо, и без того смуглое, загорело дочерна за долгие солнечные дни, проведенные в праздности на борту парохода, и волосы остались такими же черными. «Наряди парня должным образом, он запросто сойдет за патана или горца, – решил Зарин, криво усмехаясь. – Разумеется, при условии, что за минувшие годы он не изменился во всех прочих отношениях».

Так это или нет, могло показать только время, ибо, хотя Ашок писал часто и все письма, кроме самых первых, писал на урду (полковник Андерсон научил его этому), за переводом посланий Зарину приходилось обращаться к мунши, и в переводе они много теряли. Но по крайней мере, они свидетельствовали, что мальчик не забыл своих друзей. Оставалось посмотреть, получится ли у них привыкнуть к новым отношениям. Ашок явно не ожидал, что его кто-то встретит: в отличие от большинства остальных пассажиров он не вглядывался в толпу в поисках знакомых лиц, а смотрел поверх нее на крыши и густые зеленые сады прекрасного пышного города. Даже с такого расстояния Зарин видел выражение его лица и, прочитав написанные на нем чувства, остался доволен: в Индию возвращался именно Ашок, а не чужеземец.

– Вон Пелам-сахиб, – сказал Зарин Гулбазу, указывая пальцем.

Он высоко вскинул ладонь, собираясь подать сигнал другу, но тут же опустил. К Ашоку подошла женщина, очень молодая женщина, которая взяла его под руку с самым непринужденным видом и рассмеялась, заглядывая ему в глаза и требуя к себе внимания. Ашок тотчас повернулся к ней, и выражение лица у него переменялось. Заметив это, Зарин нахмурился. Мэм-сахиб... Молодая мэм-сахиб. Такого осложнения ситуации он никак не ожидал.

С самого начала именно мэм-сахиб сеяли недоверие и возводили социальные барьеры между белыми и темнокожими людьми на территории, подвластной Британии. В прежние дни – славные дни Ост-Индской компании, когда зародилась Бенгальская армия, – в Индии было очень мало мэм-сахиб, поскольку здешний климат считался для них вредным, а про-

должительность и тяготы морского путешествия отбивали у многих из них охоту приезжать сюда. Лишенные общества своих соплеменниц, сахибы брали в жены или любовницы индианок и, как следствие, хорошо узнавали страну и научались понимать ее народ, а также весьма бегло говорить на местных наречиях. В ту пору белых и темнокожих людей связывали дружеские, даже братские отношения, проникнутые взаимным уважением. Но когда с обузданием паровой энергии морские путешествия стали быстрее и комфортабельнее, мэм-сахиб толпами устремились в Индию, привозя с собой весь снобизм, нетерпимость и высокомерие цивилизованного островного народа.

Индийцы, к которым до сих пор относились как к равным, превратились в «туземцев», и самое это слово утратило свой изначальный нейтральный смысл и стало оскорбительным названием представителей низшей – цветной – расы. Мэм-сахиб предпочитали не водить знакомства с «туземцами», хотя не считали зазорным пользоваться широким гостеприимством индийских князей и весьма гордились своим терпением по отношению к многочисленным слугам. Но они редко приглашали индийцев в свои дома или пытались подружиться с ними. Считанные единицы из них проявляли интерес к истории и культуре страны, которую подавляющее большинство считало языческой и варварской. Белые мужчины перестали брать индианок в жены или любовницы, и самое глубокое презрение мэм-сахиб питали к бесчисленным полукровкам – потомкам своих соотечественников, произведенным на свет в лучшие времена, – которых они уничижительно называли евразийцами или черно-белыми, подвергая остракизму любого, в ком подозревали примесь черной крови. Конечно, из этого правила было много исключений, но они терялись в общей атмосфере нетерпимости, и по мере ослабления социальных контактов между представителями двух рас взаимные приязнь и понимание сходили на нет, а на смену прежним дружеским отношениям приходили недоверие, подозрительность и возмущение.

У Зарин-хана, стоявшего на бомбейской пристани под жарким солнцем и наблюдавшего за своим бывшим другом, который заботливо помогал светловолосой девушке спускаться по сходням, упало сердце. Он не знал, что сделали с Ашоком проведенные в Билайте годы, но не ожидал такого рода осложнения и мог лишь надеяться, что это не более чем мимолетное увлечение и оно пройдет само собой через несколько недель. Но Зарину крайне не понравилось самодовольное и собственническое выражение лица низкорослой тучной мэм-сахиб, определенно приходившейся матерью златовласой красавице. В дородной даме он узнал жену Харлоу-сахиба, заместителя командира полка, ныне стоящего в Пешаваре. Это не предвещало ничего хорошего, а поскольку Пешавар находился менее чем в четырех часах верховой езды от Мардана, сия молодая особа сможет приглашать Ашока на разные балы и приемы, отвлекая его внимание от более важных дел. Зарин нахмурился и внезапно усомнился в уместности своего присутствия здесь.

Майор Харлоу не мог встретить жену и дочь в Бомбее: пограничные войска готовились к осенним маневрам и он был слишком занят, чтобы просить об увольнении. Но он послал своего носильщика и айю своей жены с наказом хорошо заботиться о его близких во время долгого путешествия на север и не сомневался, что они заведут одно-два знакомства в поезде и не будут слишком уж скучать.

– Конечно мы не будем скучать! – вскричала Белинда, оглядываясь вокруг сияющими глазами. – Ведь с нами будет Аш. И вдобавок мы увидим столько всего интересного. Джунгли, тигров, слонов и... Ах, вы только посмотрите на этого прелестного малыша: на нем нет ничего, кроме браслета. Ну мыслимо ли в Англии вывести ребенка на улицу голышом, в одном браслете?! А зачем мистер Тилбери нацепил на шею столько гирлянд? Как комично он выглядит, весь в цветах и мишуре! У миссис Чивертон тоже гирлянды. Хорошо бы... Аш, там какой-то туземец не спускает с нас глаз. Такой высокий, в белом тюрбане с золотыми концами. Мне кажется, он тебя знает.

Аш повернулся посмотреть и внезапно застыл на месте. Зарин...

На несколько мгновений он словно перенесся в прошлое и снова стал мальчиком, слушающим Зарина, который объясняет, почему он должен ехать в Англию, и заверяет, что однажды он вернется: «Годы пройдут быстро, Ашок!» Они прошли не быстро, но прошли. Он вернулся домой, и здесь его ждал Зарин, как и обещал. Аш попытался окликнуть друга, но в горле у него стоял ком, и он мог лишь глупо улыбаться.

– В чем дело, Аш? – спросила Белинда, дергая его за рукав. – Почему у тебя такой вид? Кто этот человек?

Аш наконец обрел дар речи:

– Зарин. Это Зарин...

Он стряхнул со своего рукава руку Белинды и бегом устремился вперед, оставив девушку стоять и смотреть в крайнем изумлении и великом замешательстве, как ее жених на глазах у всех обнимается с незнакомым туземцем с горячностью, какая показалась бы ей чрезмерной, будь даже они французами. Боже, да они просто душили друг друга в объятиях! Белинда резко отвернулась с пылающими от смущения щеками и встретила злорадный взгляд Эми Чивертон, тоже свидетельницы этой встречи.

– Мама всегда говорила, что в мистере Пелам-Мартине есть что-то подозрительное, – язвительно сказала мисс Чивертон. – Как по-вашему, этот человек приходится ему братом или кузенком? Нет сомнений, они очень похожи. Ах, я совсем забыла: вы же с ним помолвлены. Как бестактно с моей стороны! Мне безумно жаль. Но разумеется, я пошутила. Думаю, это просто один из старых слуг мистера Пелам-Мартина, пришедший его встретить. Наши слуги тоже нас встречают. Полагаю, ваши тоже здесь.

Но ведь никто не станет обниматься со своим старым слугой, подумала Белинда, и в любом случае этот мужчина совсем не старый. Она снова повернулась взглянуть на них, и у нее мучительно сжалось от тревоги сердце, когда она увидела, что в одном отношении мисс Чивертон права: между двумя мужчинами действительно имелось сходство и, если бы Аштон отпустил усы, они вполне могли бы сойти за братьев...

– Право же, Белинда, дорогая, – укоризненно сказала миссис Харлоу, торопливо возвращаясь к дочери после прощания с полковником и миссис Филпот, занимавшими соседнюю каюту, – сколько раз я говорила тебе не стоять на солнце без зонтика! Ты испортишь цвет лица. Где Аштон?

– Он... он пошел распорядиться насчет своего багажа, – солгала Белинда, хватая мать за руку и таща за собой к зданию таможни. – Он вернется через минуту. Пойдем в тень.

Она вдруг поняла, что решительно не желает, чтобы мама увидела, как Аштон обнимается с туземцем. Хотя маме не придет в голову сказать – или даже подумать – такие вещи, какие минуту назад говорила Эми Чивертон, она, безусловно, не одобрит подобного поведения, а в данный момент Белинда не хотела слышать больше ни слова на эту тему. Вероятно, у Аштона есть какое-нибудь разумное объяснение, но он не должен был бросать ее таким образом. Он не имел права убегать и оставлять ее одну, без всякого присмотра, посреди толпы кули, словно ему нет до нее никакого дела. Если он собирается так обращаться с ней...

Голубые глаза Белинды наполнились гневными слезами, и внезапно красочное зрелище царящей вокруг суматохи утратило все свое очарование, и для нее остались только нестерпимая жара, оглушительный шум и сознание того факта, что корсаж ее муслинового платья с цветочным узором уже промок от пота и некрасиво прилип к лопаткам. Аш вел себя отвратительно, и Индия была ужасна.

В данную минуту он напрочь забыл о Белинде. Смеясь, восклицая и обнимаясь со своим другом, он забыл также, что он теперь сахиб и офицер.

– Зарин, Зарин! Почему мне никто не сообщил, что ты будешь меня встречать?

– А никто и не знал. Я попросил увольнения и уехал, не сказав, куда именно.

– Даже Авал-шаху? Как он? А ты сразу меня узнал или все-таки сомневался? Я сильно изменился? Ты – нет, Зарин. Ты совсем не изменился. Ну разве самую малость. Но не настолько, чтобы бросалось в глаза. Расскажи мне про своего отца. Здоров ли он? Я увижу его в Мардане?

– Не думаю. Он здоров, но его деревня находится в двух косах¹³ за границей, и он редко выезжает оттуда, ведь он уже немолод.

– Тогда мы должны взять отпуск и навестить его. О Зарин, как я рад видеть тебя! Как здорово вернуться домой!

– Я тоже рад. Знаешь, одно время я боялся, вдруг ты отдалишься от нас и не захочешь возвращаться, но теперь вижу, что ты все тот же Ашок, с которым я запускал змеев и воровал дыни в Хава-Махале. Мне следовало бы знать, что ты не переменишься. Ну как, годы в Билайте показались тебе долгими?

– Да, – коротко ответил Аш. – Но слава богу, они закончились. Расскажи мне о себе и полке.

Разговор перешел на разведчиков и слухи о предстоящей зимней кампании против одного пограничного племени, совершавшего набеги на деревни и похищавшего женщин и домашний скот, а потом наконец Зарин представил Ашу Гулбаза, а Аш в свою очередь представил другу Алаяра и Махду. Несколько покидающих пристань пассажиров замедлили шаг, с любопытством и изумлением глядя на молодого Пелам-Мартина, который с таким радостным оживлением смеялся и болтал с группой туземцев. На борту парохода он не отличался разговорчивостью и вообще слыл скучным типом, хотя его успех с молодой Харлоу наводил на мысль, что он не так прост, как кажется на первый взгляд. Но сейчас он держался совершенно раскованно, и пассажиры «Кентербери-Касл», чье внимание ненадолго привлекла сия странная группа, с неодобрительным недоумением вскидывали брови и торопливо проходили мимо, смутно чувствуя себя оскорбленными.

Толпа на причале постепенно редела, и горы багажа уменьшались, а Белинда и ее мать все еще нетерпеливо ждали возвращения Аша. Их спутники по двухмесячному плаванью набивались в экипажи и уезжали в направлении города, а над их головами нещадно палило солнце, раскаляя железную рифленую крышу таможи, и температура воздуха неуклонно повышалась. Но Аш потерял счет времени, увлеченный разговором, а когда наконец Зарин отправил Гулбаза разыскать его багаж и нанять кули, чтобы вынести вещи с причала, Алаяр неожиданно объявил, что они с Махду отправятся с Ашем в Мардан.

– Вам не нужно нанимать нового носильщика, – сказал Алаяр. – Я обещал Андерсону-сахибу незадолго до его смерти, что позабочусь о вас. Махду тоже желает служить у вас. Мы с ним обсудили этот вопрос и решили, что, хотя мы оба люди старые, мы не желаем оставлять службу и сидеть сложа руки. И не хотим искать работу у какого-нибудь нового сахиба, чьи привычки будут нам незнакомы. Поэтому я буду вашим носильщиком, а Махду – вашим поваром, и вам не придется особо беспокоиться по поводу нашего жалованья, так как Андерсон-сахиб щедро обеспечил нас обоих, а потребности у нас весьма скромные. Несколько рупий будет достаточно.

Никакие доводы не заставили их отказаться от принятого решения, а когда Зарин указал, что младшему субалтерну, питающемуся в офицерской столовой, повар не понадобится, Махду невозмутимо заявил, что в таком случае он будет кхидматгаром – какая разница? Но они с Алаяром служили вместе много лет и привыкли друг к другу – и к Аштону-сахибу тоже, а потому предпочитают не расставаться.

Ничто не могло устроить Аша больше, ибо перспектива разлуки с верными слугами была единственным обстоятельством, омрачавшим его возвращение в Индию, и он с радо-

¹³ 1 кос равен 2 милям.

стью согласился на такое решение вопроса, а равно на предложение оставить при себе Гулбаза в качестве помощника носильщика.

– Я пошлю его на станцию купить билеты и занять для нас купе как можно ближе к твоему, – сказал Зарин. – Впрочем, нет, мы не можем путешествовать с тобой, а ты – с нами. Так поступать не пристало. Ты теперь сахиб, и если не станешь вести себя, как подобает сахибу, у нас у всех будут неприятности, потому что многие этого не поймут.

– Он прав, – согласился Алаяр. – И, кроме того, нужно еще подумать о мэм-сахиб.

– Да к черту... – начал Аш и осекся на полуслове. – Белинда! О боже, я совсем про нее забыл! Послушай, Зарин, я встречу с тобой на станции. Скажи Гулбазу отнести туда мой багаж. Алаяр, у тебя же есть ключи, верно? Ты знаешь мои вещи. Мне надо идти...

Он бегом бросился обратно к месту, где оставил Белинду, но ее там уже не было. Как не было и всех прочих пассажиров, их багажа и тех, кто встречал пароход. «Кентер-бери-Касл», безмолвный и с виду пустынный, стоял у причала под палящими лучами полуденного солнца, а чиновник в здании таможи сообщил Ашу, что две леди ждали здесь почти целый час и ушли несколько минут назад. Нет, он не знал, куда они направились – может, в отель на Малабар-Хилл, или в яхт-клуб, или в Бикуллу. Возможно, один из возниц на причале знает. Обе леди, недоброжелательно добавил чиновник, выглядели расстроенными.

Аш нанял тонгу и пустился в погоню, но, поскольку пони оказался старой заезженной животинкой, неспособной развить сколько-либо приличную скорость, он не сумел догнать дам. Проведя несколько тревожных и утомительных часов в разъездах по всему Бомбею и бесплодных расспросах в различных отелях и клубах, Аш понял, что у него нет иного выбора, кроме как отправиться на железнодорожную станцию и ждать Белинду с матерью там.

Почтовый поезд отходил поздно вечером, и оставшиеся часы Аш провел, горестно слоняясь по вестибюлю вокзала и проклиная себя как эгоистичного бездумного болвана, во всех отношениях недостойного такой восхитительной девушки, как Белинда. Только накануне вечером он сказал ей, что, если она доверит ему свое будущее, он будет любить и лелеять ее всю жизнь и сделает все возможное, чтобы она была счастлива. Что она думает о нем теперь и куда подевалась?

На самом деле Белинда с матерью поехали к своим знакомым, жившим неподалеку от порта, и провели там весь день. Для экскурсии по городу, по мнению миссис Харлоу, было слишком жарко, и, разумеется, о том, чтобы отпустить Белинду одну, не могло идти и речи. Они отправились на вокзал после раннего ужина и по прибытии туда нашли Аша на платформе, но – к несчастью для него – не одного. В тот день молодому человеку определенно не везло. Если бы дамы появились пятью минутами раньше, он все еще стоял бы с несчастным видом возле билетной кассы. Но у Алаяра в городе были друзья, и он вместе с Зарином и Махду отправился к ним в гости, оставив Гулбазу улаживать все дела на станции. Трое мужчин подъехали в двуколке всего за несколько минут до прибытия миссис Харлоу с дочерью. Подобное стечение обстоятельств представлялось более чем несчастливым, ибо при виде своего жениха, занятого оживленным разговором с ними, Белинда, естественно, заключила, что он весь день провел с этими туземцами, оказав им предпочтение перед ней и не предприняв попытки разыскать ее.

Гнев и непролитые слезы подступили тугим горячим комом к горлу девушки, и будь у нее обручальное кольцо, она бы сорвала его с пальца и швырнула Ашу в лицо, несмотря на свое воспитание и тот факт, что на платформе тесно толклись пассажиры, кули, продавцы разнообразных продуктов и напитков. Лишенная возможности дать выход своим оскорбленным чувствам, Белинда уже приготовилась пройти мимо Аша с высоко поднятой головой, когда злая судьба послала ей оружие, за какое в подобных обстоятельствах с радостью ухватилась бы любая женщина.

В конечном счете это оказалась одна из тех заурядных случайностей, которые порой изменяют течение жизни гораздо большего количества людей, чем узкий круг непосредственно заинтересованных лиц, хотя никто – а уж тем более Белинда – не мог такого предвидеть. Она просто увидела возможность отплатить Ашу той же монетой. И молодой Джордж Гарфорт, обладатель греческого профиля и байроновских кудрей, торопливо шагавший по платформе в поисках своего вагона, внезапно был восторженно поприветствован девушкой, из-за которой два месяца назад потерял покой и сон. Ошеломленный таким приемом, он тут же потерял и голову.

Любовь, застенчивость и острое чувство собственной неполноценности до сих пор мешали Джорджу выразить свою любовь, и Белинда, несмотря на свое восхищение наружностью молодого человека, считала его прискорбно скучным и была полностью согласна с ядовитым замечанием Эми Чивертон, что из бедного мистера Гарфорта вышел бы отличный портновский манекен. Человек с подобной внешностью по праву мог бы быть самоуверенным, если не самодовольным. Но у Джорджа Гарфорта означенные качества напрочь отсутствовали, и он был болезненно неуверен в себе, а порой вел себя невероятно неловко, вдруг выступая самым неуместным образом в самые неподходящие моменты, а затем стушевываясь с пылающими щеками в смущении, которое лишь усиливало конфуз. Аш, питавший к нему приязнь, сказал как-то раз: «Вся беда Джорджа в том, что у него слишком тонкая кожа, и потому все задевает его за живое».

Белинда определенно задела беднягу за живое. В тот единственный раз, когда Джордж собрался с духом, чтобы постараться обратить на себя ее внимание, он действовал в манере, способной привести в раздражение кротчайшую из девушек, и Белинда отчитала молодого человека с резкостью, заставившей его – багрового от стыда, раздавленного и униженного – снова уйти в свою скорлупу. Однако сейчас Белинда шла ему навстречу с протянутой рукой и такой обворожительной улыбкой, что бедный Джордж застыл на месте и невольно оглянулся через плечо, чтобы посмотреть, не стоит ли кто за ним.

– О мистер Гарфорт! Какой приятный сюрприз! Вы едете на этом поезде? Надеюсь, да. Сколь приятнее путешествовать в обществе друзей!

Джордж уставился на девушку, словно не веря своим ушам, а потом, уронив на перрон пачку писем, схватил протянутую руку со страстью тонущего, цепляющегося за веревку. Кровь отхлынула у него от лица, а язык, казалось, завязался в узел, но неспособность ответить на приветствие, похоже, нисколько не обидела его богиню. Высвободив свою ладонь из его судорожной хватки, она доверительно взяла молодого человека под руку и попросила проводить ее до вагона.

– Когда бы я знала, что вы едете этим поездом, то не беспокоилась бы, – весело объявила Белинда. – Но признаюсь, меня немножко задело, что вы даже не попрощались со мной сегодня утром. Я повсюду вас искала, но на причале была такая жара и такая толкотня.

– В-вы искали м-меня? – пролепетал Джордж, наконец обретя дар речи. – Вы... правда искали?

Они приближались к Ашу и его сомнительным друзьям, и Белинда звонко рассмеялась прямо в бледное лицо своего спутника и, легонько пожав его руку, сказала:

– Да, правда.

Краска залила лицо Джорджа, и он глубоко вдохнул – не просто полной грудью, но всем телом, испытывая счастливое головокружение, какого никогда прежде не испытывал даже от самого крепкого вина. Он сразу почувствовал себя выше ростом, шире в плечах и впервые в жизни исполнился уверенности в себе.

– Ну надо же! – воскликнул Джордж.

Он радостно рассмеялся, а Аш обернулся и увидел их двоих, идущих рука об руку и смеющихся с самым беспечным видом. Он двинулся к ним навстречу, но Белинда небрежно

бросила: «О, привет, Аштон» – и прошествовала мимо, едва заметно кивнув на ходу, каковой жест был бесконечно больнее и обиднее любого прямого удара.

Аш проследовал за ними до вагона, где попытался принести извинения и дать объяснения мисс Харлоу, но Белинда была слишком поглощена беседой с Джорджем, чтобы обращать особое внимание на его слова. Она лишь любезно сказала, что это все пустяки и в извинениях нет никакой необходимости, чем не просто выбила у него почву из-под ног, но и поставила в глупейшее положение.

В последующие дни Ашу пришлось еще хуже, ибо Белинда продолжала обращаться к нему все с той же приводящей в бешенство вежливостью, когда он появлялся возле ее вагона во время частых долгих остановок на станциях, и ни разу не пригласила его посидеть с ними в купе или прогуляться по платформе вечером. Такое поведение приводило Аша в отчаяние и глубоко тревожило миссис Харлоу, но на Джорджа оказывало буквально гальванизирующее действие. Никто из путешествовавших на «Кентербери-Касл» не поверил бы, что неуклюжий, косноязычный и чрезмерно чувствительный юноша может так быстро превратиться в разговорчивого и самоуверенного молодого человека, который горделиво расправлял плечи и делал грудь колесом, когда прогуливался в сумерках под руку с Белиндой или без умолку болтал у нее в купе, не давая никому вставить слова.

Сам Аш был слишком подавлен и полон раскаяния, чтобы обижаться на поведение своей возлюбленной или даже замечать возрастающую ревность и грубость Джорджа, ибо он уже признал себя виновным почти во всех преступлениях, оскорбляющих любовь, и полагал, что заслуживает любого наказания, кроме самого страшного и немыслимого – потери Белинды. Зарин же, предприняв несколько бесполезных попыток поднять настроение Аша, утешился более приятным обществом своих земляков в ожидании, когда друг образумится. Путешествие, которого оба они с таким нетерпением ждали, стало казаться медленным и скучным, и Аш не обращал внимания на дивные пейзажи, проплывающие за окнами вагона, хотя в последний раз видел их семь долгих лет назад и все эти годы только и мечтал о том, чтобы увидеть снова.

Лесистые ущелья и покрытые буйной растительностью равнины юга сменились безводными каменистыми и песчаными пустынями, потом джунглями и пахотными угодьями, крохотными глухими деревушками, руинами мертвых городов и широкими извилистыми реками, где крокодилы и черепахи нежились в солнечных лучах на отмелях и белые цапли ловили рыбу в тени. С наступлением ночи густые чащи деревьев и пеннисетума мерцали, полные светлячков, а на рассвете из всех зарослей сахарного тростника доносились крики павлинов, и желтое небо отражалось в прудах и канавах, усеянных водяными лилиями. Но Аш лежал на спине, уставившись в потолок, и мысленно репетировал речи, призванные смягчить сердце Белинды, или неохотно и чаще всего невпопад отвечал на попытки завести разговор, предпринимаемые попутчиками – восторженным молодым человеком из политического департамента и средних лет лесничим.

Миссис Харлоу тоже не получала ни малейшего удовольствия от поездки, как и ожидала. Она по опыту знала, что в Индии путешествие на любом виде транспорта означает жару, духоту, пыль и чрезвычайные неудобства, но на сей раз ее удручали не тяготы дороги, а поведение Аштона и Белинды, ясно свидетельствовавшее, что оба они еще дети. Очень многие девушки выходили замуж в семнадцать лет – в том числе и она сама в свое время, – но они выходили за взрослых мужчин, надежных и способных о них позаботиться, а не за бездумных и безответственных мальчишек, каким показал себя Аштон, когда убежал, бросив Белинду одну, без присмотра, на запруженном народом причале, и целый час болтал с какими-то туземцами.

Доводы, приведенные молодым человеком в свое оправдание, только ухудшили дело. Объяснение, что один из них (причем простой дафадар, а даже не индийский офицер) – его

старый друг, который проделал путь из Хайбера в Бомбей, чтобы его встретить, и что Аш настолько обрадовался при виде его, что потерял счет времени, возможно, и делало честь прямодушию Аштона, но безусловно изобличало в нем недостаток ума и такта, и миссис Харлоу полностью разделяла решительное нежелание дочери принять столь несуразное объяснение. Честное слово, Аштону следовало бы соображать получше. А также иметь достаточно ума, чтобы не держаться на дружеской ноге с сипаями и слугами. Подобное поведение не лезло ни в какие ворота и лишь доказывало, что он еще не умеет вести себя должным образом – и что миссис Харлоу слишком мало о нем знает. Она сама признала, что по части происхождения и богатства он представляет собой подходящую партию, и страстное желание поскорее увидеть дочь удачно пристроенной возобладало над здравым смыслом и осторожностью. А теперь Белинда бесстыдно флиртовала с другим, совершенно неподходящим молодым человеком, и миссис Харлоу вся извелась от тревоги. Все это было в высшей степени неприятно, и она не представляла, что скажет Арчи, когда узнает...

Бедная, глупая, терзаемая раскаянием миссис Харлоу прибегла к слезам и приступам глубокого уныния, и трех дней такой атмосферы оказалось более чем достаточно для Белинды, которая начала понимать, что чувство праведного негодования не стоит того, чтобы томиться смертельной скукой бесконечно долгие часы, сидя взаперти в душном пыльном купе и не имея иных занятий, кроме как слушать мамины горестные высказывания насчет Аштона, скоропалительных помолвок и возможной реакции папы на произошедшее. Конечно, Аштон поступил отвратительно, но он уже достаточно наказан. Кроме того, Белинда начала уставать от все возрастающей развязности Джорджа Гарфорта и покровительственного, собственнического вида, какой он стал принимать по отношению к ней, и решила, что пора поставить зарвавшегося поклонника на место.

Когда во время следующей остановки поезда Аш робко постучался в дверь купе, его впустили, и несчастный Джордж, внезапно оказавшийся в положении третьего лишнего, вынужден был в одиночестве слоняться по платформе или вести утомительные разговоры с матерью своей богини. Но для Аша и Белинды путешествие в дальнейшем проходило вполне приятно, если не считать маленькой размолвки в Дели, где железнодорожный путь кончился и людям, желающим двигаться дальше на север, приходилось путешествовать по старинке в дак-гхари, паланкине, запряженной волами повозке или пешком. Путешественники остановились в делийском дак-бунгало, и Аш, посвятив два дня осмотру достопримечательностей, исчез на целый день.

На самом деле он отсутствовал целые сутки, но, к счастью, ни миссис, ни мисс Харлоу об этом не узнали, ибо Аш стал умнее и в оправдание своего отсутствия предъявил прелестное кольцо с жемчугом и бриллиантом и объяснил, что ему пришлось посетить по меньшей мере двадцать или тридцать лавок в Старом городе и на Чанди-Чоук, знаменитой делийской Серебряной улице, чтобы найти достойный подарок для Белинды. Обе леди пришли в восторг от кольца, хотя, разумеется, носить его можно будет только после того, как Аш поговорит с папой Белинды. А поскольку Джордж Гарфорт воспользовался отсутствием соперника, чтобы вывезти дам на пикник к Кутаб-Минар, они провели тот день весьма приятно. Аш получил прощение, и ни Белинда, ни ее мать не догадались подвергнуть его более подробным расспросам, что было ему на руку, ведь в действительности на покупку кольца Аш потратил менее получаса, а все остальное время провел за другим занятием.

У Махду в Дели жили родственники, и накануне вечером Аш нарядился в патанский костюм, позаимствованный по такому случаю у Гулбаза, и кутил в городе до рассвета, сначала пируя и веселясь с родственниками Махду, а потом знакомясь с ночной жизнью многолюдных базаров в обществе Зарина. Он упивался чувством свободы, будто узник, вырвавшийся из тюрьмы. Западный лоск, с такими муками приобретенный за холодные годы жизни в школе и Пелам-Аббасе, сошел с него так легко, словно был всего лишь зимним пальто,

снятым в первый теплый день весны, и Аш без малейших усилий вернулся к привычкам и языку своего детства. Жирная пряная пища казалась божественно вкусной после диеты из вареной говядины, моркови, водянистой капусты да пудингов, а жара, запах и шум города опьяняли и возбуждали пуще вина. Англия, сахибы, разведчики и Белинда – все отошло на второй план, и он снова был Ашоком, сыном Ситы, который вернулся домой и унаследовал царство.

Не имея понятия, в какой храм водила его Сита, впрочем, он все равно не смог бы войти туда в нынешнем своем наряде, Аш подал милостыню от ее имени нескольким измазанным пеплом садху и дюжине индусских нищих, а на следующее утро вместе с Зарином, Алаяром, Махду и Гулбазом присоединился к огромному собранию народа во дворе мечети Джама-Масджид и помолился за Ситу и дядю Акбара – за ортодоксальную индуску и ревностного мусульманина – в надежде, что единый Бог, для которого все верования суть одно, услышит молитвы и не обидится.

На галерее над большими воротами находилась группа туристов, европейцев обоих полов, которые смотрели на молящуюся толпу внизу, все время смеясь и переговариваясь с таким видом, словно они наблюдали за ужимками животных в зоопарке. Их громкие голоса бесцеремонно прорезались сквозь приглушенный гул молитв, и Аш сердито подумал, что бы они почувствовали, если бы группа индийцев вела себя таким же образом во время богослужения в Вестминстерском аббатстве. В следующий миг, к немалому своему замешательству, он узнал в одной из женщин миссис Харлоу, а в другой – свою суженую. «Это просто невежество... они не хотят никого обидеть, они не понимают», – нашел он оправдание для них.

Красностенный город Моголов был столь же интересен днем, сколь занимателен ночью, но ближе к вечеру совесть запоздало напомнила Ашу о чудовищности его поведения и возможных последствиях оно, и он неохотно переделался в свой костюм и провел полчаса в ювелирной лавке на Чанди-Чоук, прежде чем появиться в дак-бунгало.

Лишь горстка пассажиров, прибывших на почтовом поезде из Бомбея, направлялась дальше на север, в Пенджаб, и оставшуюся часть пути они проделали в дак-гхари – тряских конных повозках, напоминающих закрытые ящики на колесах. На сей раз Аш делил повозку только с одним попутчиком, но, поскольку им оказался Джордж Гарфорт, Аш предпочел бы путешествовать в полном одиночестве или в многочисленном обществе.

Джордж не собирался оставлять надежд, пробужденных в нем ласковым обхождением Белинды в течение первых трех дней после выезда из Бомбея. Тот факт, что она считала себя невестой Аштона Пелам-Мартина, никак не влиял на его чувства к ней, разве что к прочим переживаниям, связанным с девушкой, добавились ревность и отчаяние, а так как он не видел причины, почему бы не обсудить предмет своих душевных страданий с ее женихом, Аш был вынужден постоянно выслушивать своего снедаемого любовью соперника и часто с трудом сдерживал раздражение.

К сожалению, в свое время поощрив Джорджа к разговорам о себе, Белинда выпустила на волю демона болтливости, и, однажды закусив удила, Джордж уже не мог остановиться. Не находя способа достаточно вежливо пресечь излишества своего попутчика, Аш пошел по пути наименьшего сопротивления и стал проводить значительную часть каждого дня в обществе Зарина, Алаяра и Махду – не только потому, что отдавал своим друзьям бесконечное предпочтение перед мистером Гарфортом, но и потому, что теперь не имел возможности проводить время с Белиндой, так как ее мать пригласила свою старую знакомую, некую миссис Виккари, разделить с ними дак-гхари.

Присутствие третьей особы – дамы средних лет – положило конец всем надеждам получить приглашение провести час-другой в повозке Харлоу или побыть наедине с ними во время остановок на различных постоянных дворах, где сдавались комнаты, подавалась еда и менялись лошади. Однако, несмотря на такое разочарование, Аш отнюдь не проникся

сильной неприязнью к неожиданной попутчице, ибо миссис Викари оказалась чудесной женщиной, умной, терпимой и понимающей, обладающей талантом заводить друзей и питающей неподдельный интерес к другим людям, что делало ее очень приятным собеседником. Она была также замечательной слушательницей, и Аш неожиданно для себя рассказал ей о своей жизни больше, чем когда-либо рассказывал Белинде, что чрезвычайно удивило его, хотя несколько не удивило миссис Викари.

Эдит Викари привыкла получать доверительные признания (и ни разу в жизни не выдала ни одного секрета, почему, вероятно, и пользовалась таким доверием). Более того, выслушав многословный рассказ о перспективах, родственниках и происхождении молодого мистера Пелам-Мартина из уст его будущей тещи, она сама постаралась разговаривать Аша, так как не просто полностью понимала, но и всецело разделяла его страстную любовь к приемной родине, которая в известном смысле была и ее родиной. Миссис Викари тоже родилась здесь и прожила большую часть своей жизни в Индии. Отосланная домой в Англию в возрасте восьми лет, она вернулась сюда юной шестнадцатилетней девушкой, чтобы воссоединиться со своими родителями, тогда жившими в Дели, и именно в столице Моголов она годом позже познакомилась и сочеталась браком с молодым инженером Чарльзом Викари.

Это произошло зимой 1849 года, и с тех пор по роду работы своего мужа она объездила почти весь огромный субконтинент, где уже три поколения обоих семейств, Кэррол и Викари, служили сначала Ост-Индской компании, а позже – королеве. Чем больше миссис Викари узнавала Индию, тем сильнее любила эту страну и уважала местных жителей, близким знакомством со многими из которых гордилась, ибо, в отличие от миссис Харлоу, она в свое время твердо решила овладеть по меньшей мере четырьмя основными индийскими языками и научилась говорить на них с завидной беглостью. Когда холера отняла у нее единственного ребенка, а Великое восстание сипаев 1857 года унесло жизни ее отца, матери, сестры Сары и трех Сариных маленьких детей, погибших в ужасном биби-гурхе в Канпуре, она не предавалась отчаянию, не утратила чувства меры и справедливости и даже в страшные дни, последовавшие за восстанием, не позволила себе опуститься до ненависти.

В этом отношении, как и во всех остальных, Эдит Викари была отнюдь не единственной в своем роде. Но поскольку она оказалась первым человеком подобного склада, встреченным Ашем, именно благодаря ей он навсегда прогнал возникшее у него с недавних пор подозрение, что миссис Харлоу и ее спутницы, которые громко смеялись и разговаривали во время молитвы в мечети Джама-Масджид, являются типичными английскими мэм-сахиб и других в Индии просто нет. За одно только это Аш с готовностью простил бы миссис Викари почти все – даже то, что она невольно лишила его возможности видиться с Белиндой в ходе путешествия на север так часто, как он надеялся.

Если не считать этого досадного обстоятельства, дни проходили приятно. Было здорово снова находиться с Зарином и слышать знакомую речь, пока за окнами проплывали памятные с детства пейзажи. Было здорово есть пищу, которую Гулбаз покупал с прилавков в деревнях – карри, чечевицу, рис, чапати, липкие леденцы в блестящей фольге – и часто подавал на широких зеленых листьях, и запивать все молоком буйволицы или свежей водой из колодцев, имевшихся во всех деревушках. Названия городишек и рек, вид каждого крохотного селения вдруг оказывались знакомыми: именно здесь они с Ситой странствовали в месяцы, последовавшие за побегом из Гулкота.

Карнал, Амбала, Лудхиана, Джаландхар, Амритсар и Лахор, реки Сатледж и Рави. Все эти места Аш знал... Температура воздуха с середины утра и почти до самого вечера оставалась неприятно высокой, и краска на крыше и стенках гхари пузырилась под палящими лучами солнца. Но по мере того как изможденные пони влекли грохочущие повозки дальше и дальше через плодородные пахотные земли, воздух становился все прохладнее, и наконец настал день, когда Аш, выйдя на рассвете из гхари, чтобы размять ноги на обочине дороги,

увидел на северном горизонте длинную зубчатую полосу, бледно-розовую на фоне холодной зелени неба, и понял, что смотрит на заснеженные вершины Гималаев.

Сердце перевернулось у него в груди, и слезы подступили к глазам. Неожиданно ему захотелось рассмеяться, расплакаться и закричать во все горло – или помолиться, как молились Зарин, Алаяр и их единоверцы. Только обратиться лицом не в сторону Мекки, а к горам, его собственным горам, в чьей тени он появился на свет, – к Дур-Хайме, которой он молился в детстве. Где-то там возвышались Далекие Шатры с Таракаласом, или Звездной башней, сверкая в первых лучах восходящего солнца. И где-то там находилась заветная долина, куда Сита так хотела добраться перед смертью и куда он сам непременно доберется однажды.

Накануне вечером они остановились на окраине маленькой деревушки, поблизости от прилавка торговца пищей. Аш купил пригоршню вареного риса и, вспомнив свои жертвоприношения Дур-Хайме на балконе Павлиньей башни в Гулкоте, рассыпал его по мокрой от росы земле. Быть может, это принесет ему удачу. Сероголовая равнинная ворона и голодная бродячая собака жадно набросились на угощение, и вид тощей дворняги внезапно отвлек его от мыслей о далеком прошлом. Гулкот и Дур-Хайма разом вылетели из головы, и не Ашок, а Аштон Пелам-Мартин купил полдюжины чапати и скормил изможденной собаке, и не сын Ситы, а сын Изабеллы снова забрался в гхари, удобно уселся там, засунув руки в карманы, и принялся насвистывать «Джон Пил», когда солнце вышло из-за горизонта и залило равнины ярким светом.

– А! Я снова чую запах родины, – сказал Алар, принюхиваясь, точно старый конь, услышавший запах своей конюшни. – Теперь не беда, коли эти гхари развалятся: при необходимости остаток пути мы сможем пройти пешком.

Алаяр не доверял наемным повозкам и был убежден, что частые остановки объясняются лишь бестолковостью кучеров.

Гхари не развалились, но преградившая путь канава и размытый вследствие разлива реки участок дороги в полмили стали причиной двухдневной задержки, и путешественникам пришлось остановиться в ближайшем дак-бунгало, пока дорогу восстанавливали.

Если бы не Джордж Гарфорт, Аш, вне всяких сомнений, не устоял бы перед искушением поболтать по окрестностям в обществе Зарина и Алаяра. Но он не забыл, сколь милостиво обращалась Белинда с Джорджем в те первые три безрадостных дня после отъезда из Бомбея и сколь быстро Джордж занял его место, когда ему пришлось отлучиться по своим делам в Дели, а потому, к великому неудовольствию Зарина, на протяжении двух дней задержки Аш пользовался любым случаем побыть со своей невестой.

Мистер Гарфорт обнаруживал меньшее усердие, хотя бедняге снова пришлось проводить большую часть времени за разговорами с миссис Харлоу, а не с ее дочерью. Однако он снискал сердечное расположение этой дамы, держа для нее клубки шерсти и подробно рассказывая о своем детстве. Она всегда считала Джорджа Гарфорта весьма привлекательным и представительным юношей, но байроновские черты, каштановые кудри и влажные карие глаза не возмещали недостатка средств, и следовало признать, что на сегодняшний день перспективы мистера Гарфорта были отнюдь не блестящими.

В качестве нового и самого низшего по положению служащего фирмы, торгующей пивом, вином и крепкими напитками, он получал скромное жалованье и имел еще более скромное общественное положение, ибо повсюду, за исключением таких крупных портовых городов, как Калькутта, Бомбей и Мадрас, где всем правила коммерция, англо-индийское общество ставило бокс-валлахов (так презрительно называли всех, кто имел отношение к торговле) значительно ниже двух правящих каст – государственных чиновников и военных, а в таких оплотах армии, как Пенджаб, мелкий бокс-валлах вообще ничего не значил. Миссис Харлоу думала, что об этом остается лишь сожалеть, потому что при ином раскладе вещей она предпочла бы видеть в своих зятях Джорджа Гарфорта, а не Аштона Пелам-Мартина,

такого... такого... Она не могла объяснить своего отношения к Аштону. На пароходе он производил впечатление тихого, надежного юноши и, будучи человеком богатым или, во всяком случае, хорошо обеспеченным, который к тому же вполне может унаследовать титул баронета (поскольку у его дяди всего один сын), представлялся чрезвычайно выгодной партией. Но с того ужасного дня в Бомбее миссис Харлоу обуревали сомнения.

Если бы только Джордж был таким же подходящим женихом, как Аштон, насколько спокойнее была бы она за будущее дорогой Белинды! Несмотря на свою эффектную внешность, Джордж – обычный и незатейливый молодой человек, и родители у него, похоже, имеют хороший достаток: его описание родного дома ясно свидетельствует, что они живут на гораздо более широкую ногу, чем привыкла жить она. Два собственных выезда, не меньше. Тут поневоле задумаешься, не является ли он лучшей партией, чем кажется на первый взгляд. Его отец, по словам Джорджа, ирландец по происхождению, а бабушка по материнской линии – титулованная особа греческих кровей (вот откуда романтический профиль), и хотя сам он хотел поступить на военную службу, мама так решительно возражала, что он отказался от этого намерения и согласился пойти в торговлю, чтобы угодить ей. Романтика Востока пленила его отважную душу искателя приключений, и он согласился занять должность в фирме «Браун энд Макдоналд», отказавшись от хорошо оплачиваемой синекуры, полученной для него через семейные связи в Англии, потому что, по собственному признанию Джорджа, невзирая на всю свою любовь к родителям, он предпочитает всего добиться в жизни сам и начать с низшей ступени общественной лестницы. Подобное настроение мыслей миссис Харлоу полностью одобрила.

Ах какой милый мальчик! Вот Аштон никогда не упоминал о родителях, а то немногое, что он успел поведать о своем детстве, звучало настолько дико, что ей пришлось остановить молодого человека и сказать (тактично, разумеется), что чем меньше он будет говорить на данную тему, тем лучше, ибо подобную историю, скорее всего... ну... поймут неправильно. Индусская приемная мать, жена простого конюха, которую он называл – подумать только! – моя мать, словно родную! Миссис Харлоу содрогнулась при мысли о том, что сказали бы об этом люди, и в очередной раз пожалела о своем опрометчивом согласии на помолвку Аштона с Белиндой. Она бы в жизни не пошла на такой шаг, если бы не маленькие Гарри и Тедди и не страстное желание воссоединиться с ними. Люди не понимают, как ужасно жить в многолетней разлуке со своими детьми. Даже Арчи не понимает. Она просто хотела, чтобы Белинда удачно вышла замуж, и очень надеялась, что Арчи не рассердится. В конце концов, она хотела как лучше. Как лучше для Гарри и Тедди...

К вечеру второго дня ремонтные работы на дороге закончились, пассажиры собрались у обочины, снова расселись по своим местам, и вскоре после восхода луны гхари с грохотом покатались вперед, преодолевая последний участок пути до Джелама, где находился довольно крупный британский военный городок.

Река Джелам, вздувшаяся от проливных осенних дождей, стремительно несла свои воды, и ничто в этом бурном коричневом потоке не напомнило Ашу тихую реку, много лет назад унесшую к морю тело Ситы. Сам город, вместе с военными казармами, находился на другом берегу, но, поскольку в тот день проводились военные учения, несколько британских офицеров слонялись без дела у реки в ожидании лодок, и Белинда с живым интересом принялась разглядывать тех, что помоложе, думая о том, как не похожи эти веселые загорелые молодые офицеры на флегматичных, наряженных во все темное горожан Нелбери, которые сейчас, если вспомнить, казались представителями другой расы, не имеющими ничего общего с этими одетыми в яркую форму мужчинами, закаленными летней жарой, лютыми хайберскими зимами, боевыми действиями и тяжелыми учениями до полного сходства с краснокожими индейцами или тexasскими ковбоями.

При одном только их виде у Белинды поднялось настроение, заметно испортившееся за последние день-два. Утомительная задержка в пути и тяготы мучительно долгого путешествия повергли ее в уныние, и группа молодых офицеров на берегу стала для нее желанным напоминанием, что цивилизация и веселая жизнь отнюдь не остались в прошлом. Ни одна хорошенькая девушка никогда не будет скучать и изнывать от недостатка внимания в окружении столь многих мужчин, которые могут сопровождать ее на пикники или быть партнерами в танцах, и Белинда почти пожалела о своей помолвке с Аштоном. Но с другой стороны, она любила его и, конечно же, хотела выйти за него замуж, хотя, возможно, не в ближайшее время. Хорошо бы остаться свободной еще на несколько лет и насладиться всеми прелестями жизни, какие сулят ухаживания сразу нескольких поклонников. И по всей видимости, Аш даже не останется здесь с ней. Он будет жить за много миль отсюда, в Мардане, и, вполне вероятно, не сумеет приезжать к ней чаще раза в неделю, однако, будучи помолвленной, она не сможет принимать приглашения других мужчин – такое поведение сочтут слишком легкомысленным.

Белинда вздохнула, восхищаясь алыми мундирами и роскошными усами молодых офицеров, а пожилых, естественно, не стала даже разглядывать, поскольку не ожидала увидеть здесь своего отца. А даже если бы и ожидала, она бы его не узнала. Мужчина, чей смутный образ сохранился у нее в памяти, казался семилетней девочке великаном, а низенький пожилой джентльмен, появившийся у дверцы гхари, имел совершенно невнушительный вид, и Белинда оторопела, когда мать пронзительно вскрикнула: «Арчи!» – и горячо обняла незнакомца. Неужели это и есть тот самый грозный деспот, про которого решительная тетя Лиззи и тучная болтливая мама часто повторяли: «Твой папа никогда не позволил бы такого»?

Но если папа разочаровал Белинду, то сам он явно не остался разочарован своей дочерью. Она как две капли воды похожа на свою милую матушку в юности, сказал майор, и очень жаль, что бригада так скоро уходит на маневры: он боится, что Белинда найдет Пешавар несколько скучным, когда все молодые щеголи-военные покинут город. Но к Рождеству все полки вернутся, и тогда ей будет не на что жаловаться, потому что жизнь в пешаварском гарнизоне чрезвычайно веселая.

Майор Харлоу ущипнул дочь за подбородок и добавил, что словно воочию видит, как все молодые парни выстраиваются в очередь, чтобы пригласить его прелестную девочку на конную прогулку или на танцы. Это замечание вогнало Белинду в краску неприятного смущения, а миссис Харлоу заставило надеяться, что Эдит Виккари не сболтнет лишнего и Аштон не появится, покуда она не объяснит Арчи положение дел. Право слово, ну очень досадно, что Арчи решил встретить их у Джелама. Она предпочла бы выбрать удобный момент и поднять разговор о помолвке Белинды в спокойной обстановке дома, прежде чем возникнет вероятность встречи мужа с мистером Пелам-Мартинем, который собирался расстаться с ними в Ноушере.

Следующие четверть часа оказались весьма трудными, но миссис Виккари не сболтнула ничего лишнего, а когда Аштон появился, по пятам за ним следовал Джордж Гарфорт, что дало миссис Харлоу возможность представить обоих как знакомых по плаванию и избавиться от них под тем предлогом, что ей, ее мужу и милой Белле надо многое сказать друг другу после столь долгой разлуки... Она уверена, они поймут.

Разумеется, Аш понял, что сейчас не время и не место представляться майору Харлоу в качестве будущего зятя, и удалился в столовую дак-бунгало, чтобы съесть обед из четырех блюд, пока Зарин договаривался насчет транспорта на оставшуюся часть пути, а Джордж слонялся по веранде в надежде поймать прощальный взгляд голубых глаз Белинды.

– Я вас не понимаю, – горько сказал Джордж, садясь за стол к Ашу, когда Харлоу наконец уехали. – Если бы мне посчастливилось оказаться на вашем месте, я бы сейчас нахо-

дился с ними и обрабатывал старика, во всеуслышание заявляя о своих намерениях. Вы недостойны этого ангела, и поделом вам будет, когда какой-нибудь расторопный малый отобьет у вас Белинду. Держу пари, в Пешаваре вокруг нее будут увиваться десятки поклонников.

– На пароходе их тоже насчитывалось не менее дюжины, – дружелюбно заметил Аш. – И если вы полагаете, что здесь самое место представать перед совершенно незнакомым человеком и просить у него руки дочери, то это вы сумасшедший. Черт возьми, он не видел Белинду с тех пор, как она была малым ребенком! Я не могу заводить разговор на подобную тему через пять минут после того, как он встретился с ней, и к тому же в полном народе дак-бунгало. Не болтайте вздора!

– Наверное, я действительно сумасшедший, – простонал Джордж, ударяя себя кулаком по лбу в театральной манере, которая сделала бы честь Генри Ирвингу¹⁴. – Но я не могу не любить ее. Я знаю, мне не на что надеяться, но это не имеет значения. Я люблю Белинду, и если бы вы оставили ее...

– Ох, заткнитесь, Джордж! – с досадой перебил его Аш. – Минуту назад вы заявили, что она наверняка бросит меня ради другого, а значит, у вас в любом случае нет шансов. Велите кхидматгару подать вам что-нибудь и дайте мне спокойно поесть.

Он сочувствовал неудачливому поклоннику и, будучи счастливым избранником, считал своим моральным долгом обращаться с ним благожелательно, но картинные страдания Джорджа начинали приедаться, и Ашу оставалось лишь сожалеть о том, что его спутник будет жить в Пешаваре, где они с ним непременно еще не раз встретятся, коли он намерен постоянно торчать в бунгало Харлоу. А что Белинда может передумать, он не опасался. Она заверила его в своей любви, и любые сомнения на сей счет свидетельствовали бы о недоверии и были бы оскорбительны для них обоих. Отсюда видно, что Аш все еще был достаточно молод, чтобы не драматизировать сверх меры свои чувства.

У него также не хватило самолюбия, чтобы удивиться, когда ни Белинда, ни миссис Харлоу не предприняли ни одной попытки выделить его своим особым расположением или обратить на него внимание будущего тестя при встречах в различных дак-бунгало по пути от Джелама к Ноушере, где дак-гхари меняли лошадей, а пассажиры ужинали и ночевали. Джордж мог говорить все, что угодно (а он говорил без умолку, поскольку, к сожалению, они по-прежнему ехали в одной дак-гхари), но Ашу казалось вполне понятным, что дочь, много лет прожившая в разлуке с отцом, не решается омрачить радость встречи сообщением о своем намерении вновь расстаться с ним в скором времени. Как только Харлоу благополучно устроится в собственном доме и Белинда восстановит силы после утомительного путешествия, она, безусловно, письмом уведомит его об удобном дне визита, и тогда он приедет в Пешавар, обсудит дело с ее отцом и – как знать? – возможно, они поженятся еще до весны.

Правду сказать, такая мысль прежде не приходила Ашу в голову. Он с самого начала полагал, что папа Белинды потребует отложить свадьбу до его совершеннолетия, и не собиравшись возражать против этого. Но после встречи с майором Харлоу Аш начал пересматривать свои планы. Он тоже рисовал себе человека гораздо более грозного и внушительного, чем низенький и, следует признать, незначительный с виду джентльмен, которому его представили у Джелама, но теперь он уже не удивлялся, что миссис Харлоу сама дала согласие на помолвку, а не заявила (вопреки ожиданиям Аша) о необходимости подождать встречи с папой Белинды: судя по наружности, майор Арчибальд Харлоу относился к разряду мужчин, склонных прислушиваться к мнению своих женщин, а значит, супруга и дочь вполне могли вырвать у него согласие на ранний брак. Это была восхитительная перспектива, и Аш предавался сладостным мечтаниям.

¹⁴ Ирвинг Генри (1838–1905) – английский актер и режиссер. Руководил лондонским театром «Лицеум».

Майор Харлоу, со своей стороны, не обратил особого внимания на прапорщика Пелам-Мартина, разве только мысленно отметил вскользь, что его очаровательная дочурка, похоже, пленила двух привлекательных молодых поклонников. Он обменялся несколькими любезными словами с Ашем и мистером Гарфортom, представленными ему женой, и моментально забыл имена обоих, хотя приветливо кивал им при встрече на различных стоянках и добродушно поддразнивал дочь, уже успевшую обзавестись двумя ухажерами.

Дорога пропетляла через пустынный Соляной хребет, пролежавший между Джеламом и крупным военным поселением Равалпинди, прошла мимо руин Таксилы и между низкими каменистыми холмами, похожими на оголодавших костлявых коров посреди голой равнины, и закончилась на берегу Инда, в сумрачной тени Аттокского форта. Здесь путешественники сошли, расплатились со своими возницами и переправились через реку на пароме, после чего продолжили путь в других дак-гхари по дороге, которая тянулась параллельно реке Кабул. Осенние дожди превратили реку в стремительный бурный поток, испещренный ржавыми пятнами, но широкие равнины за вздувшимся Кабулом оставались сухими и пыльными и простирались до гор впереди – рыжевато-желтые, усеянные камнями, с деревьями и полями, выжженными солнцем за знойные летние месяцы до однородного золотого цвета.

Теперь горы стали ближе, и линия горизонта уже тянулась не во весь оком, а была ограничена угрюмыми скалистыми грядками, ежечасно менявшими свой цвет: порой казалось, что они находятся в пятидесяти милях впереди, голубые и прозрачные как стекло, а иной раз чудилось, что до них, ржаво-коричневых, исчерченных черными тенями бесчисленных оврагов, не более фарлонга¹⁵. За ними хребет за хребтом вздымались пограничные горы и горы Малаканда, похожие на застывшие волны, разбившиеся о край равнины, – стражи суровой местности, населенной двумя десятками беспокойных племен, которые не признавали иного закона, кроме закона силы, жили в хорошо укрепленных деревнях, соблюдали жестокий обычай кровной мести и постоянно воевали друг с другом или с британцами. Здесь находился северо-западный рубеж – врата в Индию, через которые прошел Александр Македонский со своей победоносной армией в пору юности мира. За труднопроходимыми перевалами находился Афганистан, где правил эмир Шир Али. А за ним простиралась огромная и грозная империя русских царей.

Белинде местность казалась удручающе унылой и пустынной, но, по крайней мере, на Пешаварской дороге наблюдалось хоть какое-то движение, и, глядя в окно дак-гхари, она видела редких англичан, едущих верхом или в рессорных двуколках, а также уже знакомые местные повозки и медленно бредущих пеших путников. Один раз мимо промаршировала колонна британских солдат, чьи алые мундиры приобрели ржаво-серый цвет от пыли, а за ней следовала вереница выючных слонов.

Видела Белинда и верблюдов, памятных с детства: длинные караваны верблюдов, нагруженных громадными тюками, колеблющимися и раскачивающимися, точно лодки на беспокойном море, высоко над козами и овцами, которых перегоняли из одной деревни в другую. С приближением к окраине Ноушеры движение на дороге стало интенсивнее, и кучеры фаэтонов, тикка-гхари, тонг и икк подстегивали кнутами своих пони на последнем участке пути, наперегонки несясь к городу, разгоняя пешеходов, точно взволнованных цыплят, и поднимая облака удушливой пыли, от которой пассажиры повозок заходились кашлем. Город был маленький, всего с одним дак-бунгалом, ничем не отличавшимся от десятков других расположенных вдоль дороги, и только когда Аш пришел попрощаться, Белинда поняла, что именно здесь он должен расстаться с ними.

Он стоял в свете предвечернего солнца, держа шляпу в руке, и неотрывно смотрел на нее полными любви глазами, лишенный возможности произнести заранее подготовленные

¹⁵ Фарлонг – восьмая часть мили (примерно 200 м).

слова, поскольку родители Белинды находились рядом, а по нервному возбуждению миссис Харлоу и вежливому безразличию ее супруга Аш ясно понял, что разговор о помолвке еще не состоялся. В данных обстоятельствах он мог лишь пожать девушке руку и пообещать, что приедет в Пешавар при первом же удобном случае, дабы иметь удовольствие навестить ее. Миссис Харлоу сказала, что они будут рады увидеться с ним, хотя не в ближайшие две недели, ведь предстоит столько возни с распаковкой вещей, – как насчет следующего месяца? А майор неопределенно сказал: «Конечно, конечно» – и добавил, что к Рождеству большинство молодых парней умудряются получить отпуск на несколько дней и он смеет предположить, что мистер... э-э?... тоже сумеет испросить увольнение и непременно заглянет к ним. Белинда густо покраснела и пробормотала, что мистер Пелам-Мартин, конечно же, изыщет возможность посетить Пешавар задолго до Рождества, а в следующий миг возница гхари Харлоу, надзиравший за сменой лошадей, объявил о готовности тронуться в путь.

Майор Харлоу снова усадил свое семейство в повозку, дверца с грохотом захлопнулась, звонко щелкнул кнут – и они уехали в облаке пыли, а Аш остался стоять на обочине, подавленный и растерянный, сожалея, что не набрался смелости поцеловать Белинду и тем самым ускорить ход событий. Предложение миссис Харлоу наведаться к ним где-нибудь в следующем месяце не обнадеживало, но замечание майора насчет отпуска к Рождеству особенно неприятно поразило Аша, ибо он намеревался приехать в Пешавар через день-два после прибытия в полк и впервые осознал, что вновь поступившему на службу субалтерну могут и не дать увольнительную – во всяком случае, до тех пор, пока он не предъявит достаточно уважительную причину для подобной просьбы, а он едва ли мог обсуждать свою помолвку с начальником строевого отдела или командиром части прежде, чем о ней уведомят отца Белинды. Ашу оставалось лишь надеяться, что, как только миссис Харлоу объяснит своему мужу ситуацию, майор Харлоу вызовет будущего зятя в Пешавар или же сам прибудет в Мардан. Но все будет зависеть от того, как он воспримет новость, и внезапно Аш усомнился, что отец девушки одобрит помолвку.

– Из полка прислали тонгу, – сказал Зарин, неожиданно возникший рядом. – Нам всем в нее не поместиться, поэтому я велел Гулбазу нанять еще одну для него самого и Махду, и они уже уехали вперед с багажом. Близится вечер, а до Мардана еще более десяти косов. Поехали.

10

На Востоке ночь опускается быстро, здесь не бывает затяжных сумерек, смягчающих переход от дневного света к ночной тьме. Река Кабул сверкала золотом в лучах закатного солнца, когда Аш с тремя своими спутниками проезжал по понтонному мосту в Ноушере, но задолго до прибытия в Мардан луна уже стояла высоко в небе, и маленькая звездообразная в плане крепость, построенная Ходсоном в годы, предшествовавшие Великому восстанию, чернела впереди неясной тенью на молочно-белой равнине.

В прежние дни, когда Земля Пяти Рек (Пенджаб) все еще была сикхской провинцией и единственными британскими войсками на данной территории были полки Ост-Индской компании, стоявшие в Лахоре для поддержания власти британского резидента, идея создания элитного и высокоподвижного войска, способного в два счета переместиться в любую горячую точку, пришла в голову сэру Генри Лоуренсу, этому великому и мудрому руководителю, впоследствии павшему смертью храбрых во время Восстания в осажденной резиденции в Лакхнау.

Эта «пожарная команда» должна была состоять из одного кавалерийского полка и двух пехотных, не скованных традициями и отвечающих совершенно новым требованиям в том смысле, что обычную военную службу там предполагалось сочетать с работой по своевременному сбору точных разведывательных данных, а ее членам – избранным солдатам под командованием избранных офицеров – предстояло носить просторную, удобную форму цвета хаки, сливавшуюся с серовато-коричневым фоном пограничных гор, а не алые мундиры с тесными портупьями, в которых большинство полков пеклось и парилось на жаре, делавшей подобную одежду чистым наказанием, не говоря уже о том, что эти мундиры были видны с расстояния многих миль. В дальнейшем нарушение традиций сэра Генри назвал свое детище Корпусом разведчиков и доверил воспитание одного некоему Гарри Ламсдену, молодому человеку исключительных способностей, силы воли и мужества, полностью оправдавшему такой выбор.

Изначально штаб-квартира нового корпуса размещалась в Пешаваре, и на первых порах обязанности разведчиков состояли в усмирении воинственных пограничных племен, которые грабили мирные деревни и угоняли женщин, детей и домашний скот в суровые пограничные горы, не считаясь с сикхским дурбаром, номинальным правительством Пенджаба, от чьего имени горстка британских чиновников осуществляла власть. Позже корпус был отправлен на юг сражаться на равнинах в окрестностях Фирозпура, Мултана и Лахора и покрыл себя славой в кровопролитных боях Второй сикхской войны.

Только когда война закончилась и правительство Компании аннексировало Пенджаб, разведчики снова вернулись на границу – правда, не в Пешавар. В пограничных областях установилось относительное спокойствие, и корпус обосновался у реки Калапани, в месте слияния дорог из Свата и Бунера, сменив палатки на земляные стены Марданского форта на Юсуфзайской равнине. Это была унылая голая местность, когда Ходсон начал строительство форта, и его жена София в своем письме домой, датированном январем 1854 года, писала о ней следующим образом: «Представьте бескрайнюю равнину, плоскую, как бильярдный стол, но не такую зеленую, вся растительность на которой состоит из разбросанных там и сям кустов верблюжьей колючки высотой не более восемнадцати дюймов. Такой вид открывается к югу и западу от нас, но на севере, за расположенной неподалеку невысокой горной грядой, вздымаются могучие Гималаи, одетые вечными снегами».

С тех пор пейзаж не переменился, но численность корпуса возросла, и разведчики насадили деревьев, чтобы укрыть в тени свое поселение. Этой осенней ночью сад, разбитый Ходсоном для своей жены и единственного нежно любимого ребенка, умершего в младенче-

стве, источал аромат жасмина и роз. На кладбище, где покоились погибшие в ходе кампании в Амбале, десять надгробных памятников смутно белели в лунном свете, а рядом, в месте слияния трех дорог, тутовое дерево отбрасывало черную тень на место, где полковник Споттисвуд, командир пехотного полка Бенгальской армии, посланного на подмогу разведчикам в страшном 1857 году, застрелился, когда его любимый полк взбунтовался.

Знакомые запахи и звуки военного городка поплыли навстречу Ашу, словно теплое приветствие. Запахи лошадей и дыма от костров, воды и опаленной солнцем земли, горящего угля и пряной стряпни; цоканье копыт и фыркание кавалерийских лошадей на привязи, сливающиеся в пчелиный гул голоса мужчин, занятых досужей болтовней после трудного дня. В офицерской столовой нестройный хор пел популярную балладу под аккомпанемент дребезжащего пианино, и где-то на базаре монотонно бил гонг, сопровождая тоскливый лай бродячих собак на луну. В каком-то храме резко загудела раковина, и с молочно-белой равнины далеко за рекой донесся заунывный вой шакалов.

– Как здорово вернуться сюда, – сказал Зарин, с наслаждением вдыхая свежий ночной воздух. – Это лучше, чем жара и шум юга да грохот поезда.

Аш не ответил. Оглядываясь вокруг, он вдруг осознал, что этот маленький рукотворный оазис между предгорьями Гималаев и бескрайними равнинами на много лет станет для него домом. Отсюда он будет выходить со своим полком, чтобы поддерживать порядок на границе и сражаться среди вон тех гор, похожих на складки смятой ткани в лунном свете, или выезжать на танцы, охоту и скачки в любой из веселых военных городков от Дели до Пешавара, но по какой бы причине он ни покинул Мардан – по долгу службы или развлечения ради, – он всегда будет возвращаться сюда, куда будет служить в Корпусе разведчиков.

Аш с ухмылкой повернулся к Зарину, собираясь заговорить, но в этот момент из тени индийской мелии у обочины дороги выступила на лунный свет фигура и преградила путь тонге.

– Кто тут? – спросил Аш на местном наречии.

Он еще не успел договорить, когда в памяти у него всплыло воспоминание о другой лунной ночи, и он выпрыгнул из тонги, не дожидаясь ответа, и низко наклонился, чтобы дотронуться до стоп старика, стоявшего перед лошадью.

– Кода Дад! Это ты, отец.

Голос у Аша прервался, и прошлое встало перед мысленным взором, словно высвеченное яркими вспышками молний.

Старик рассмеялся и обнял его:

– Так ты не забыл меня, сынок! Это хорошо, потому что я вряд ли узнал бы тебя. Маленький мальчик превратился в высокого сильного мужчину ростом почти с меня – или просто я усох от старости? Сыновья написали мне о твоём скором приезде, и я проделал путь до Мардана, и мы с Авал-шахом ждали здесь у обочины три последние ночи, не зная, когда именно ты прибудешь.

Авал-шах вышел из тени и отдал честь. Отец и Зарин могли забыть, что Аш – офицер, но джемадар Авал-шах не забудет.

– Салам, сахиб, – сказал Авал-шах. – Поскольку гхари задержались, мы не знали, когда ты доберешься до Мардана. Но мой отец пожелал увидеть тебя прежде, чем ты засвидетельствуешь свое почтение полковнику-сахибу. Поэтому мы ждали тут.

– Да-да, – кивнул Кода Дад. – Завтра обстановка будет не та. Завтра ты будешь офицером-сахибом, обремененным многочисленными служебными обязанностями и лишенным возможности распоряжаться своим временем. Но сегодня, пока ты не доложил о своем прибытии начальству, ты по-прежнему остаешься Ашоком. Так не уделишь ли ты полчаса старику, коли можно?

– С великим удовольствием, отец. Зарин, скажи вознице подождать. Мы пойдем к тебе, джемадар-сахиб?

– Нет. Это было бы неразумно и неудобно. Но мы принесли с собой еду, и здесь за деревьями есть славное местечко, не видное с дороги, где мы сможем спокойно посидеть и поболтать.

Джемадар повернулся и провел остальных к месту поодаль от обочины, где земля почернела от золы старых костров и между корнями мелии мерцала красным горстка тлеющих угольков. Рядом стояло несколько накрытых крышками котелков и кальян, и Коды Дад-хан присел на корточки в тени и одобрительно хмыкнул, когда Аш последовал его примеру, ибо не многие европейцы находят удобной такую чисто восточную позу: покрой западной одежды не располагает к ней, да и вообще западные люди с детства не приучены сидеть на корточках, принимая пищу, беседуя или просто отдыхая. Но полковник Андерсон, так же как Авал-шах и командующий Корпусом разведчиков, имел свои представления о воспитании юного Аштона Пелам-Мартина и позаботился о том, чтобы мальчик не забыл привычек и обычаев, которые однажды смогут пригодиться мужчине.

– Мой сын Зарин написал своему брату из Дели, что все в порядке и что ты не стал чужаком для нас. Посему я перешел через границу, чтобы поприветствовать тебя, – произнес Коды Дад, глубоко затягиваясь кальяном.

– А если бы он написал, что я превратился в настоящего сахиба? – спросил Аш, беря из рук Авал-шаха чапати с горкой плова на ней и с аппетитом принимаясь за еду.

– Тогда я не приехал бы, ведь говорить с тобой было бы не о чем. Но теперь я должен сказать тебе одну вещь.

Что-то в тоне старика заставило Аша насторожиться и резко спросить:

– Что именно? Какие-то скверные новости? У тебя неприятности?

– Нет-нет. Просто Зарин и Алаяр оба говорят, что во многих отношениях ты остался прежним Ашоком, и это хорошая новость. Но... – Старик умолк и взглянул на своих сыновей, которые разом кивнули, словно соглашаясь с произнесенной вслух фразой.

Аш перевел взгляд с Коды Дада на Зарина, с Зарина на Авал-шаха и, увидев одинаковое выражение на всех трех лицах, отрывисто спросил:

– В чем дело?

– Да ничего особенного, у тебя нет причин для волнения, – невозмутимо сказал Коды Дад. – Просто здесь, в Мардане, ты и мой сын больше не сможете быть прежними Ашоком и Зарином, ибо дафадару и офицеру-ангрезии не пристало вести себя как кровным братьям. Это вызвало бы много неприятных толков. А также, не исключено, посеяло бы страх фаворитизма среди людей. В корпусе служат патаны из самых разных племен и приверженцы разных вероисповеданий – такие, как сикхи и индусы, – и все они равны в глазах своих офицеров, что справедливо и правильно. Посему вы с Зарином вправе быть самими собой, какими были в прошлом, только наедине друг с другом или в отпуске, но не здесь и не сейчас, в окружении товарищей по полку. Тебе все понятно?

Последние три слова, хотя и произнесенные тихим голосом, прозвучали скорее как приказ, нежели вопрос. Тон старика живо напомнил о былых днях, когда управляющий конюшнями покровительствовал одинокому маленькому мальчику, слуге избалованного вздорного князька, задавая ему трепку, когда он того заслуживал, утешая его в горестях и неизменно относясь к нему как к сыну. Аш узнал этот тон и подчинился по старой памяти, пусть и неохотно. Казалось нелепым, что он не сможет обращаться с Зарином как с другом и братом, не вызывая осуждения окружающих. Но он видел множество примеров нелепого поведения людей гораздо старше и лучше его и знал, что с ними бессмысленно спорить. В данных обстоятельствах, возможно, совет Коды Дада был разумным и к нему следовало прислушаться, а потому Аш медленно проговорил:

– Мне все понятно. Но...

– Никаких «но»! – резко перебил Авал-шах. – Мы с отцом обсудили ситуацию и сошлись во мнении. Зарин тоже согласен с нами. Прошрое осталось в прошлом, и о нем лучше забыть. Индусского мальчика из Гулкота больше нет, а его место занял сахиб – офицер-сахиб из разведчиков. Ты не в силах изменить этого – или попытаться раздвоиться.

– Я уже раздвоился, – сухо ответил Аш. – Твой брат помог мне в этом, когда сказал, что для меня будет лучше отправиться в Билайт, на попечение родственников моего отца, и стать сахибом. Что ж, я стал сахибом. Однако я по-прежнему остаюсь Ашоком и этого тоже не в силах изменить. Пробыв сыном Индии на протяжении одиннадцати лет жизни, ныне я связан с ней узами такими же крепкими, как родственные, и я всегда буду ощущать раздвоенность своего существа, что весьма неприятно.

В голосе Аша неожиданно прозвучали горькие нотки, и Кода Дад, утешительно положив руку ему на плечо, мягко сказал:

– Я тебя понимаю. Но тебе будет легче, если ты станешь отделять одну свою личность от другой и не попытаешься совмещать обе одновременно. И возможно, однажды – как знать? – ты обнаружишь в себе еще и третью личность, которая будет не Ашоком и не Пеламом-сахибом, но кем-то цельным и совершенным – тобой самим. А теперь давайте поговорим о других вещах. Подай мне кальян.

Авал-шах пододвинул к отцу трубку курительного прибора, и знакомые с детства бульканье кальяна и аромат местного табака напомнили Ашу о давних вечерах в комнатах Коды Дада во Дворце ветров. Но пока трубка переходила из рук в руки, старик говорил не о прошлом, а о настоящем и будущем. Он говорил о пограничных областях, где в последнее время царило необычное спокойствие. Пока они беседовали, луна поднялась над верхушками деревьев и загасила багровое мерцание углей потоками холодного чистого света. Со стороны дороги донесся резкий звон колокольчиков, когда запряженный в тонгу пони беспокойно потряс головой, снедаемый желанием вернуться в конюшню, а в скором времени возница осторожно кашлянул, давая знать, что время бежит и что он потратил даром почти целый час.

– Однако уже поздно, – сказал Кода Дад. – Если я собираюсь хоть немного поспать, мне пора идти, ведь завтра затемно я двинусь обратно в свою деревню. Нет-нет, я все решил. Я только хотел повидаться с тобой, Ашок, а теперь, когда дело сделано, я возвращусь в свой дом... – Он тяжело оперся на плечо Аша, поднимаясь на ноги. – Старики, они что лошади: больше всего на свете любят свое стойло. Прощай, сын мой. Я был очень рад снова повидать тебя. А когда ты получишь отпуск, Зарин проводит тебя через границу, чтобы навестить меня.

Он обнял Аша и ушел прочь скованной походкой, с негодованием отклонив помощь старшего сына, который обменялся несколькими словами с Зарином, отдал честь Ашу и последовал за отцом.

Зарин затоптал тлеющие угли, собрал котелки и кальян и сказал:

– Мне тоже надо идти. Мое увольнение закончилось, и отец прав: нам не стоит появляться вместе. Тонга отвезет тебя к дому адъютанта-сахиба, где ты доложишь о своем прибытии. Мы будем видеться, но лишь по роду службы.

– Но у нас будут другие отпуска.

– Несомненно! И в увольнении мы сможем вести себя, как нам угодно. Но здесь мы на службе у сиркара. Салам, сахиб.

Он исчез среди теней деревьев, а Аш медленно вернулся к дороге, где в лунном свете ждала тонга, и поехал в крепость докладывать о своем прибытии адъютанту.

Первые дни в Мардане были не слишком радостными для Аша, и это обстоятельство, вероятно, предопределило многие последующие события, ибо оно с самого начала изменило его взгляды на армейскую жизнь и усугубило природное отвращение к любого рода жесткой

регламентации и незыблемым правилам поведения, а равно критическое отношение к самовластным решениям людей старше и лучше его.

Конечно, Ашу следовало предвидеть такое положение дел, хотя в том, что он оказался неподготовленным, виноват был не только он один. По меньшей мере еще три человека несли частичную ответственность за это: дядя Мэтью, которому, естественно, даже не приходило в голову предостерегать своего племянника против заключения помолвки еще до прибытия в полк; полковник Андерсон, который дал Ашу множество ценных советов, но, сам будучи холостяком, не счел нужным затронуть вопрос о браке, и миссис Харлоу, которой следовало отвергнуть предложение молодого человека, а не принимать с такой готовностью, заверяя в своем собственном согласии и согласии мужа. При данных обстоятельствах Аша едва ли можно винить в том, что он полагал, будто единственной причиной, препятствующей молодым офицерам жениться в самом начале карьеры, является недостаток средств, а не слишком юный возраст, а поскольку к нему самому это не относилось, он не видел никаких серьезных препятствий к помолвке.

Очень скоро он потерпел жестокое разочарование, так как худшие опасения миссис Харлоу оправдались. Ее муж крайне плохо отреагировал на историю с помолвкой, как и командующий Корпусом разведчиков, когда узнал о ней. Майор Харлоу опередил Аша, собиравшегося отправиться в Пешавар при первой же возможности: он приехал в Мардан через два дня после прибытия новоиспеченного прапорщика в полк и переговорил с командующим в частном порядке.

Оба мужчины придерживались одного мнения о ранних браках и плачевной участи молодых офицеров, которые заводят жен прежде, чем у них, фигурально выражаясь, прорежутся зубы мудрости. Аш был вызван к командующему и выслушал пренеприятную нотацию, болезненную для самолюбия, унижительную для гордости и, что самое ужасное и оскорбительное, выставившую его зеленым юнцом. Ему не запретили видиться с Белиндой – наверное, было бы милосерднее запретить, – но майор Харлоу совершенно недвусмысленно дал понять, что ни о какой помолвке, официальной или неофициальной, не может идти и речи и что этот вопрос не должен обсуждаться в ближайшие несколько лет. За это время оба молодых человека, следует надеяться, поумнеют и приобретут более здравые взгляды на жизнь (а Белинда, подразумевалось, познакомится и сочтается браком с мужчиной старше годами и более подходящим на роль супруга). При условии, что все вышесказанное ясно понято, майор Харлоу не возражает против того, чтобы мистер Пелам-Мартин навещался к ним в гости во время своих визитов в Пешавар.

– Не считайте меня жестокосердным, мой мальчик, – сказал отец Белинды. – Я понимаю ваши чувства. Но, право слово, спешить здесь не годится. Я знаю, ваше финансовое положение вполне позволяет вам содержать жену, но это не меняет того факта, что вы оба еще слишком молоды, чтобы думать о браке. Во всяком случае, вы, мой мальчик. Подождите, пока у вас не прорежутся молочные зубы, и овладейте своим ремеслом. А коли в вас есть хоть капля здравого смысла, вы повремените еще лет десять, прежде чем менять вольную жизнь на возню с пеленками и колясками. Таков мой вам совет.

Командующий советовал то же самое. А когда Аш попытался изложить свои доводы, ему коротко велели не выставять себя молодым болваном и сказали, что, если он не мыслит жизни без мисс Харлоу, значит он точно не подходит для службы в Корпусе разведчиков и ему лучше поскорее перевестись в какие-нибудь менее подвижные войска. Кстати, поскольку, похоже, имел место какой-то разговор о помолвке, он получает разрешение уйти в увольнение в конце недели, чтобы поехать в Пешавар и без обиняков изложить дело мисс Харлоу.

Аш был готов к известным возражениям против своих матримониальных планов и, несомненно, согласился бы ждать свадьбы сколь угодно долго, но ему ни разу не пришлось в

голову, что отец Белинды и командующий корпусом вообще откажутся признать помолвку. В конце концов, он же не какой-нибудь охотник за приданым или безденежное ничтожество: по сравнению со средним офицером Индийской армии он мог считаться весьма состоятельным человеком, и потому представлялось чудовищно несправедливым, что его предложение о браке отвергли столь бесцеремонно.

Внезапно уверившись, что он не сможет жить без Белинды, Аш тотчас решил, что им остается только бежать. Если они убегут, отец девушки даст согласие на брак во избежание скандала, а если разведчики исключат его из своих рядов – что ж, есть много других полков.

Оглядываясь впоследствии в прошлое, Аш никогда не мог толком вспомнить свою первую неделю в Мардане – столько всего ему нужно было узнать и сделать тогда. Но хотя дни проходили интересно, по ночам он жестоко мучился бессонницей, ибо лишь в ночные часы получал возможность думать о Белинде.

Он лежал в темноте с открытыми глазами, строя дикие планы, а когда наконец засыпал, то всегда видел сон, как гонит коня во весь опор по каменистой равнине между низкими голыми холмами, а позади него сидит девушка, которая крепко его обнимает и умоляет скакать быстрее, быстрее... Лица девушки он не видел, но нисколько не сомневался, что это Белинда, несмотря на то что длинные волосы, подобием флага развевавшиеся за ней на ветру и заслонявшие от него преследователей, были не светлыми, а черными. Он слышал топот копыт позади, становившийся все громче и ближе, и просыпался в холодном поту, чтобы понять: это грохотали не конские копыта, а его собственное сердце, бешено колотившееся, точно после стремительного забега.

Еще Аша тяготило сознание, что, хотя он вернулся в страну своего рождения и снова имеет возможность видаться и разговаривать с Зарином и Кодой Дадом, он не избавился от мучительного чувства пустоты в душе, которое неотступно преследовало его в годы ссылки. Оно по-прежнему оставалось с ним, но Аш был уверен: если только Белинда согласится послушаться своего отца и выйдет за него замуж, он навсегда освободится от этого чувства – вместе с тревогой, беспокойством и сомнениями. Именно из-за бессонных ночей первая неделя службы показалась такой долгой. Однако он и оглянуться не успел, как наступила суббота.

Он покинул Мардан задолго до рассвета, сопровождаемый Гулбазом, и в миле за Ноушерой они позавтракали чапати и карри, купленными у торговца на обочине Пешаварской дороги. Попугаи кричали и чистили клювом перья в ветвях тенистых деревьев, растущих вдоль дороги, и Гулбаз, несмотря на свои без малого тридцать лет, настолько забылся, что громко затянул песню, а Аш воспрянул духом и внезапно исполнился оптимизма. Скоро все проблемы так или иначе разрешатся, и завтра, когда он двинется обратно в Мардан, все вопросы уже будут улажены и будущее вновь обретет определенность.

Накануне Аш отослал короткое письмо Белинде с извещением, что выезжает в Пешавар и надеется прибыть туда к полудню, и более длинное и более официальное письмо миссис Харлоу, в котором спрашивал позволение заглянуть к ним в гости. Он подъехал к их бунгало чуть раньше, чем рассчитывал, но никого там не застал, кроме дородного носильщика-мусульманина, который сообщил, что майор-сахиб вчера отбыл в полевой лагерь со своим полком, а мэм-сахиб отправились за покупками и не вернутся до трех часов, так как завтракают с мэм-сахиб помощника комиссара. Однако они оставили записку для Аша.

Они очень сожалеют о своем отсутствии, писала Белинда, но они никак не могли отказаться от приглашения на ланч, а из лавки Моханлала сообщили о поступлении новой партии тканей для платья и набивного ситца из Калькутты, и потому им пришлось уйти рано. Она уверена, Аш не обидится, и мама надеется, что он выпьет с ними чая в четыре часа.

Записка содержала три орфографические ошибки и писалась явно в спешке, но это было первое послание, полученное Ашем от девушки, и к тому же она подписалась «ваша

любящая Белинда». Он бережно положил записку в нагрудный карман и, велел слуге передать дамам, что вернется к чаепитию, сел на лошадь и медленно направился к дак-бунгалю. Там он снял комнату на ночь, оставил Гулбаза и лошадей, распорядился подать двуколку и поехал в клуб. По крайней мере, там будет прохладно и тихо, решил он, чего никак нельзя сказать про дак-бунгалю. Но выбор оказался неудачным.

Да, действительно, в клубе было прохладно и уютно, и там никого не было, кроме нескольких скучающих кхидматгаров и двух пожилых англичанок, пивших кофе в углу комнаты отдыха. Аш удалился в противоположный угол с кружкой пива и экземпляром «Панча» шестимесячной давности, но безостановочная трескотня женщин не давала сосредоточиться, и вскоре он резко встал, стремительно вышел прочь и нашел убежище в баре, где оказался единственным посетителем, поскольку почти весь гарнизон ушел на маневры, и остался наедине со своими мыслями, не особо приятными.

Аш находился в столь тревожном состоянии, что всего через четверть часа испытал чувство сродни облегчению при виде Джорджа Гарфорта, хотя в обычных обстоятельствах постарался бы избежать его общества, и уже через несколько минут пожалел, что не сделал этого. Джордж, приняв предложение выпить, немедленно пустился в мучительный для Аша рассказ о впечатлении, произведенном Белиндой на пешаварское общество, и о знаках внимания, оказываемых ей несколькими состоятельными пожилыми холостяками, у которых, сказал он, хватает ума докучать столь юному и невинному созданию своими отвратительными ухаживаниями.

– Просто с души воротит, как подумаешь, что Фоули и Робинсон годятся ей в отцы, ну или в дядя, – горько сказал Джордж. – А что касается Клода Парберри, так у него на лбу написано, что он распутник, которому ни один разумный человек не доверит сопровождать свою сестру на конной прогулке. Я не понимаю, почему ее мать допускает такое – или почему вы допускаете.

Он с негодованием уставился на Аша, потом отхлебнул большой глоток из стакана и, немного повеселев, заметил, что сам-то он знает наверное, что Белинда смущена вниманием означенных офицеров – они недостойны зваться джентльменами, – но бедное дитя, в силу своей неопытности, не умеет обращаться с ними так, как они заслуживают. Он может лишь мечтать, чтобы Белинда облекла его правом поставить наглецов на место, сказал Джордж и воинственно добавил, что считает своим долгом предупредить Аша: возможно, она так и сделает в конце концов.

– И кстати сказать, она не носит вашего кольца, – громко заявил Джордж. – Я не считаю, что она окончательно и бесповоротно связана с вами некими обязательствами, и сделаю все возможное, чтобы заставить ее передумать. В любви и на войне все средства хороши, а я первый полюбил Белинду. Выпьете еще?

Аш отказался, холодно пояснив, что заказал обед и не намерен есть его остывшим. Но Джордж, невосприимчивый к грубости, просто сказал, что тоже голоден и с удовольствием присоединится к нему. Обед прошел в обстановке отнюдь не теплой и дружественной. Аш не проронил ни слова, а Джордж болтал без умолку, и, судя по его речам, он был *persona grata*¹⁶ в бунгалю Харлоу. Он уже сопровождал Белинду на пикник, ходил с ней и ее матерью за покупками, а сегодня вечером ужинает с ними, а потом они вместе идут на танцы в клуб.

– Белинда говорит, я лучший танцор в Пешаваре, – самодовольно заметил Джордж. – Осмелюсь сказать, я... – Он осекся, словно осененный некой новой и явно неприятной мыслью. – О, вы, наверное, тоже будете там сегодня. Что ж, народу там будет мало. Когда военные в городе, в клубе не протолкнуться, но, поскольку большинство из них сейчас марширует по Каджурийской равнине, танцевальные вечера проходят скромно. Не понимаю,

¹⁶ Желательная личность (лат.).

почему Белинда не упомянула, что вы тоже будете. Но возможно, вы не танцуете? Некоторые парни не умеют танцевать, но я...

Джордж продолжал болтать на протяжении всех четырех блюд, и Аш испытал огромное облегчение, когда он наконец удалился. В клубе воцарилась послеобеденная тишина, и он вернулся в пустую комнату отдыха, к своему непрочитанному экземпляру «Панча», и наблюдал за медленно ползущими по циферблату стрелками часов, пока не настало время уходить.

Миссис Харлоу ждала Аша в своей гостиной и поприветствовала гостя довольно тепло, но ей явно было не по себе, и она мгновенно завела бессвязный пустой разговор. Представлялось очевидным, что миссис Харлоу не намерена обсуждать личные дела и настроена отнестись к приходу молодого человека как к обычному светскому визиту, и она уже слегка задыхалась к тому времени, когда в комнату впорхнула Белинда, в белом муслиновом платье, пленительно юная и хорошенькая.

В унылом интерьере гостиной заурядного бунгало, с войлочными коврами, диванами, обитыми грязно-коричневым коленкором, и бенаресскими медными подносами, Белинда сияла, точно свежераспустившаяся роза в английском саду, и Аш, забыв обо всех приличиях и о присутствии миссис Харлоу, не обратив внимания на протянутую руку, обнял девушку и поцеловал бы, если бы она не отвернула лицо и не вырвалась из его объятий.

– Аштон! – Белинда отступила назад, вскинула руки и поправила локоны, заливаясь краской и не зная, смеяться ей или возмущаться. – Что подумает мама? Если вы собираетесь вести себя так ужасно, я уйду. Сядьте сейчас же и будьте благоразумны. Нет, не туда. Сюда, рядом с мамой. Нам обоим интересно услышать про ваш полк, про Мардан и про то, как вы проводите там время.

Аш открыл рот, собираясь возразить, что он явился для разговора об иных предметах, но не успел, ибо миссис Харлоу проворно позвонила, чтобы подали чай, а в присутствии суесящегося вокруг кхидматгара ему оставалось только коротко рассказать о своих делах, пока Белинда разливала чай, а кхидматгар подносил блюда с пирожными и сэндвичами.

Ашу, слышавшему звук собственного голоса, происходящее стало казаться похожим на сон, где все нереально. На кону стояло их с Белиндой будущее, однако они сидели здесь, попивая чай, вяло жуя сэндвичи с яйцом и обмениваясь пустыми фразами, как если бы все остальное не имело никакого значения. Весь день обратился сущим кошмаром с момента, когда он прибыл к бунгало Харлоу и узнал, что Белинда отправилась за покупками: непрошенные разглагольствования Джорджа, томительно долгие часы ожидания, нервная болтовня миссис Харлоу, а теперь еще и это. Комната была как будто наполнена незримым клеем, в котором он слабо трепыхался, словно муха, попавшая в горшок с вареньем, пока миссис Харлоу говорила о миссионерской деятельности в зенанах, а Белинда оживленно рассказывала о различных увеселительных мероприятиях, которые посетила на прошлой неделе, а потом обратила его внимание на впечатляющую коллекцию пригласительных билетов, выстроенных в ряд на каминной полке.

Аш бросил на них взгляд и отрывисто сказал:

– Я встретил в клубе Джорджа Гарфорта. Он говорит, что часто виделся с вами на прошлой неделе.

Белинда рассмеялась и презрительно наморщила носик:

– Если и виделся, то потому только, что почти все представительные мужчины ушли на военные учения и сейчас он чуть ли не единственный в городе, кто в состоянии танцевать, не наступая девушке на платье. Вы танцуете, Аштон? Надеюсь, да. Я обожаю танцевать!

– Тогда, возможно, вы потанцуете со мной нынче вечером, – сказал Аш. – Насколько я понял, сегодня в клубе устраиваются танцы, и, хотя я не могу поручиться, что танцую не хуже Джорджа, твердо обещаю не наступать вам на платье.

– О, но...

Белинда умоляюще взглянула на мать, и бедная миссис Харлоу, донельзя смущенная сложившейся ситуацией и совершенно неспособная с ней справиться, нервно пригласила Аша присоединиться к ним вечером, чего совершенно не собиралась делать. Она позвала мистера Пелам-Мартина на чай лишь для того, чтобы дать молодым людям возможность обсудить в саду положение дел и решить (как они, разумеется, должны поступить), что продолжать знакомство не имеет смысла и для них лучше расстаться. Тогда Белинда смогла бы вернуть Аштону кольцо, а потом бедный мальчик, естественно, пожелал бы немедленно покинуть Пешавар, и меньше всего на свете ему захотелось бы вернуться через час-другой, чтобы отужинать с ними. Она понятия не имела, почему пригласила его, но, возможно, у него хватит ума отказаться?

Аш разочаровал миссис Харлоу: он с готовностью согласился присоединиться к ним, ошибочно приняв приглашение за свидетельство, что мать Белинды по-прежнему остается на его стороне и намерена поощрять его ухаживания. А когда она предложила дочери показать гостю сад, он принял это за очередное подтверждение ее благосклонности. Аш снова воспрянул духом, как на Пешаварской дороге рано утром, и вышел с Белиндой в сад, где поцеловал ее под прикрытием перенных деревьев, пьяный от любви и счастья. Но далее произошло нечто худшее, чем все переживания и страхи, которыми он мучился на протяжении горестных дней, последовавших за разговором с майором Харлоу и командующим корпусом...

Да, Белинда ответила на поцелуй, но затем вернула Ашу кольцо и не оставила у него никаких сомнений касательно резко отрицательного отношения своих родителей к помолвке. Аш понял, что миссис Харлоу, отнюдь не поощряющая его ухаживаний, превратилась во врага и исполнена решимости расстроить все дело. Рассчитывать на милость родителей не приходится, а поскольку сама Белинда достигнет совершеннолетия лишь через четыре года, спорить и возражать здесь бесполезно.

Предложение Аша бежать привело Белинду в оторопь, и она категорически отказалась даже думать об этом.

– Мне в жизни не пришло бы в голову совершить поступок столь... столь глупый и возмутительный. Честное слово, Аштон, мне кажется, вы сошли с ума. Вас уволят из полка, и все будут знать почему. Разразится пошлый скандал, вы будете опозорены, и я тоже. Я никогда больше не смогу смотреть порядочным людям в глаза, и с вашей стороны просто ужасно даже заводить со мной разговор на такую тему!

Белинда расплакалась, и только самые униженные извинения Аша помешали ей убежать домой и навсегда отказаться видаться с ним. Но хотя в конце концов она согласилась простить его, неприятный осадок остался, и она не находила возможным впредь встречаться с ним наедине.

– Не подумайте, что я вас больше не люблю, – плачущим голосом пояснила Белинда. – Я люблю вас и вышла бы за вас замуж хоть завтра, если бы папа разрешил. Но откуда мне знать, какой я буду в двадцать три года – или будете ли вы по-прежнему любить меня к тому времени?

– Я буду любить вас вечно! – страстно поклялся Аш.

– Если так и если моя любовь к вам не пройдет, тогда, конечно же, мы поженимся, потому что убедимся, что созданы друг для друга.

Аш горячо сказал, что уже уверен в этом и готов ждать сколь угодно долго, если она твердо пообещает выйти за него замуж рано или поздно. Но Белинда ничего не пообещала. И не пожелала брать обратно кольцо. Оно должно остаться у Аштона, и, возможно, однажды, когда они оба повзрослеют, если ее родители и его командир не станут возражать и если сами они не передумают...

– Если, если, если... – гневно перебил Аш. – И это все, что вы можете предложить мне? Если ваши родители согласятся. Если мой командир разрешит. Но как насчет нас, дорогая моя, – вас и меня? Речь идет о нашей жизни, нашей любви, нашем будущем. Если вы любите меня... – Он осекся, обескураженный. Белинда выглядела уязвленной и расстроенной, и было очевидно: если он станет продолжать в том же духе, это приведет к очередной ссоре, новому потоку слез и, вполне возможно, немедленному и окончательному разрыву. Мысль о последнем казалась невыносимой, и потому Аш поцеловал девушке руку и покаянно произнес: – Простите меня, дорогая. Мне не следовало говорить этого. Я знаю, вы меня любите и ни в чем передо мной не виноваты. Я сохраню ваше кольцо и однажды, когда докажу, что достоин вас, попрошу вас принять его обратно. Вы ведь знаете это, правда?

– О Аштон, конечно знаю. И мне тоже очень жаль. Но папа говорит... Ох, ладно, давайте оставим разговоры на эту тему: в них нет никакого толка.

Белинда промокнула глаза мокрым батистовым платочком, отделанным кружевом, и вздохнула с таким несчастным видом, что Аш вознамерился снова поцеловать ее. Но она не позволила на том основании, что теперь, когда она вернула кольцо и таким образом формально разорвала помолвку, это было бы неприлично. Она надеется, однако, что они останутся друзьями и он не переменит своего решения провести вечер с ними, ведь он наверняка танцует превосходно, и в любом случае лишний мужчина никогда не помешает. На этой уничижительной ноте разговор закончился, и Аш проводил девушку обратно в бунгало с видом приговоренного к смерти и с острым желанием перерезать себе глотку – или напиться до беспамятства.

Замечание, что в качестве лишнего мужчины он не помешает сегодня вечером, никоим образом не облегчало страданий отвергнутого поклонника. Но поскольку Аш не мог заставить себя отказаться от возможности провести хотя бы минуту в обществе Белинды, он поступился самолюбием и явился в клуб.

Он не рассчитывал хорошо провести время, но вечер прошел на удивление приятно. Белинда три раза танцевала с ним и любезно похвалила за умение вальсировать, и Аш, ободренный таким успехом, попросил у нее на память желтую розу, приколотую к корсажу. Она ответила отказом (Джордж уже обращался к ней с такой же просьбой и получил отказ, а кроме того, мама наверняка заметит), но милостиво согласилась прогуляться с ним по освещенной фонарями террасе. Подобный знак благосклонности не позволил Ашу впасть в чрезмерное уныние в связи с тем обстоятельством, что она также три раза танцевала с Джорджем Гарфортom и три раза – с высоким молодым человеком со срезанным подбородком, личным адъютантом какого-то высокопоставленного генерала. Белинда в бальном платье являла собой столь пленительное зрелище, что Аш почувствовал себя совершенно ее недостойным и влюбленным еще сильнее прежнего, если такое было возможно. Мысль о необходимости ждать до совершеннолетия девушки – пусть даже служить за нее семь лет, как Иаков служил за Рахиль, – перестала казаться чудовищно несправедливой и представилась совершенно разумной и правильной. Такие восхитительные подарки судьбы негоже захватывать в бездумной спешке.

Миссис Харлоу, опасавшаяся, что присутствие отвергнутого поклонника дочери набросит тень меланхолии на их компанию, с облегчением обнаружила, что он ведет себя безупречно и даже во многом способствует успеху вечера, будучи единодушно признан очаровательным молодым человеком и украшением любого общества. Что же касается самой Белинды, то впечатление, произведенное Ашем на остальных присутствующих молодых женщин, не ускользнуло от ее внимания. Уверенная в его преданной любви, она тешилась сознанием, что владеет чем-то, что другие находят желанным, и при расставании так тепло пожала ему руку и устремила на него столь выразительный взгляд голубых глаз, что на обратном пути в дак-бунгало он ног под собой не чуял от радости.

Мать Белинды тоже попрощалась с Ашем на удивление любезно и даже выразила надежду, что он заглянет к ним в свой следующий приезд в Пешавар, – к сожалению, из-за принятых ранее приглашений они не смогут увидеться завтра. Но это не расстроило Аша, ибо, когда двуколка с дамами покатила прочь по темной дороге военного городка, он посмотрел на предмет, вложенный Белиндой ему в ладонь при прощальном рукопожатии, и со счастливым замиранием сердца увидел в своей руке смятую и поблекшую желтую розу.

11

Мардан показался приветливым и знакомым в вечернем освещении, и Аш с удивлением осознал, что рад вернуться сюда. Звуки и запахи кавалерийских конюшен, маленький звездообразный в плане форт и длинная гряда Юсуфзайских холмов, красно-розовая в лучах закатного солнца, уже стали для него родными, и, хотя он собирался приехать поздно, Алаяр ждал на веранде, готовый говорить или молчать в зависимости от настроения хозяина.

В последующие месяцы у Аша было мало времени думать о Белинде и о перипетиях их любви, и выпадали даже такие дни – порой по несколько подряд, – когда он вообще не вспоминал о ней, а если и видел ее во сне ночью, то к утру все забывал. Он начинал узнавать, как другие узнали до него, что жизнь в Индийской армии, а особенно в Корпусе разведчиков, сильно отличается от представлений, сложившихся у него в Военном колледже в Сандхерсте. Разница эта пришлась Ашу весьма по вкусу, и, если бы не Белинда, он не имел бы никаких поводов для расстройства, а, напротив, имел бы все основания радоваться жизни.

Как младший офицер разведчиков, он ежедневно должен был посвящать значительную часть времени изучению пушту и хиндустани, из которых первый являлся наречием пограничных жителей, а второй – общераспространенным в Индии языком, принятым в Индийской армии. Но хотя Аш хорошо владел обоими языками, он до сих пор не научился читать и писать на них так же бегло, как говорил, и теперь усердно занимался с пожилым мунши и, будучи сыном Хилари, делал большие успехи. Это обстоятельство, следует заметить, не сыграло особой роли, когда он держал квалификационный письменный экзамен – и не выдержал, к великому своему удивлению и к ярости мунши, который доложил о случившемся командующему и сердито заявил, что Пелам-сахиб не мог провалиться: у него никогда еще не было столь способного ученика и, по всей видимости, ошибка допущена со стороны экзаменаторов – может, какая-нибудь опечатка? Бумаги не подлежали возврату, но командир полка обратился к одному своему другу в Калькутте, который, взяв с него обещание не предпринимать никаких действий, разыскал в папках экзаменационную работу Аша и обнаружил там написанное красными чернилами поперек страницы краткое замечание: «Безупречно. Этот офицер явно пользовался шпаргалкой».

– Велите мальчику в следующий раз сделать несколько ошибок, – посоветовал друг командиру.

Но Аш никогда больше не держал экзамена.

В ноябре начались учения эскадрона, и Аш сменил жаркую комнату в форте на палатку на равнине за рекой. Лагерная жизнь с долгими днями в седле и морозными ночами в палатке под открытым небом нравилась ему гораздо больше, чем рутина военного городка, и после заката, когда усталый эскадрон заканчивал ужин и товарищи-офицеры, пресыщенные свежим воздухом и утомленные трудными тренировками, засыпали, Аш присоединялся к группе солдат у одного из костров и слушал разговоры.

Для него это была чуть ли не лучшая часть дня, и за часы, проведенные таким образом, он узнал о своих подчиненных гораздо больше, чем смог бы узнать в ходе обычного исполнения служебных обязанностей, – не только об их семьях и личных проблемах, но и об особенностях их характеров. В свободной и непринужденной обстановке люди проявляют такие стороны своей натуры, каких не обнаруживают в служебное время, и, когда свет костра мерк и лица становились неразличимыми в тени, мужчины обсуждали многие предметы, которых в обычных обстоятельствах не стали бы затрагивать в присутствии фаранги. Разговоры велись на самые разные темы – от проблем отдельных племен до теологических вопросов, и как-то раз один совар из патанов, недавно имевший беседу с миссионером (глу-

боко озадачившую обоих и не приведшую к взаимопониманию), настойчиво попросил Аша растолковать ему насчет Троицы.

– Миссионер-сахиб говорит, что он тоже верит в единого Бога, – сказал совар, – но что его Бог является тремя богами в одном. Как же такое может быть?

После минутного раздумья Аш взял крышку жестянки из-под печенья, которой кто-то пользовался вместо тарелки, капнул по капле воды в три ее угла и сказал:

– Смотри: вот три отдельные капли, верно? Каждая сама по себе.

Когда все взглянули и согласились, он наклонил крышку так, что три капли стеклись в одну большего размера.

– А теперь скажи, где тут каждая из трех? Теперь здесь только одна капля, но при этом в ней содержатся все три.

Мужчины одобрительно загудели, стали передавать крышку из рук в руки, внимательно разглядывая и высказывая свои соображения, и Аш мгновенно приобрел репутацию великого мудреца.

Ему было жаль, когда они свернули лагерь и вернулись в военный городок, но, если не считать крушения надежд на скорый брак, Аш остался очень доволен первыми месяцами своей службы в Мардане. У него сложились хорошие отношения с другими офицерами, и он отлично поладил со своими подчиненными, которые все, в силу таинственных путей распространения слухов в Индии (ибо ни Зарин, ни Авал-шах ничего не рассказывали), знали его историю и с живым, собственническим интересом следили за успехами своего командира. Вскоре подразделение Аша прослыло самым толковым и дисциплинированным во всем эскадроне, причем такое положение дел объяснялось скорее прошлым молодого офицера, нежели неким особым талантом к руководству или силой характера. Солдаты знали, что Пелам-сахиб не только говорит, но и думает, как они, и потому не купится на ложь и хитрости, какие порой проходят с другими сахибами. Они знали также, что спокойно могут обращаться к нему с личными проблемами, поскольку он непременно примет в расчет определенные обстоятельства, недоступные пониманию людей, родившихся и выросших на Западе. Именно Аш, к примеру, будучи на задании со своим подразделением, вынес судебное решение, которое еще много лет помнили и высоко ценили на границе...

Его солдаты получили приказ высматривать серого пони, украденного у одного офицера в Рисалпуре, и на следующую ночь часовой окликнул доктора из миссии, ехавшего по залитой лунным светом дороге на мышастой лошади. Лошадь испугалась и понесла, а часовой, приняв происходящее за попытку вора скрыться, выстрелил в седока, но, по счастью, промахнулся. Однако пуля просвистела в неприятной близости от доктора, и сей пожилой, холерического темперамента джентльмен страшно разозлился и подал жалобу на часового. На следующее утро часовой явился на разбирательство дела, и Аш, пользуясь судебскими полномочиями командира подразделения, приговорил его к пятнадцати дням ареста с удержанием жалованья: два дня за то, что стрелял в сахиба, и остальные тринадцать за то, что промахнулся. Приговор вызвал единодушное одобрение, и тот факт, что впоследствии командир эскадрона отменил его на том основании, что совар впал в добросовестное заблуждение, несколько не повлиял на популярность вердикта, ибо люди прекрасно понимали, что Аш не стал бы приводить приговор в исполнение, а просто хотел таким образом выразить свое недовольство плохой стрельбой. Его начальство, впрочем, осталось не в восторге.

– Надо приглядывать за этим молодым человеком, – сказал командир эскадрона. – Он парень толковый, но неуравновешенный.

– «Все слишком второпях и сгоряча»¹⁷, – процитировал лейтенант Бэтти. – Согласен с вами. Но он поумнеет.

¹⁷ Шекспир У. Ромео и Джульетта. Акт II, сцена 2. Перевод Б. Пастернака.

– Пожалуй. Хотя порой я в этом сомневаюсь. Будь у него побольше хладнокровия и выдержки, он идеально подходил бы для службы в таких войсках, как наши. Но он слишком склонен к необдуманным поступкам. Честно сказать, Уиграм, он меня беспокоит.

– Почему? Солдаты в нем души не чают. Он может делать с ними что угодно.

– Знаю. Но они относятся к нему как к какому-то низшему божеству, и мне кажется, они пойдут за ним в огонь и воду.

– Так что же здесь плохого? – спросил лейтенант, озадаченный тоном старшего офицера.

Командир эскадрона нахмурился и подергал себя за усы с видом расстроенным, смятенным и раздраженным.

– На первый взгляд – ничего. И все же, между нами говоря, я далеко не уверен, что в критический момент он не бросится вперед без должного размышления и не вовлечет своих людей в беду, из которой не сумеет их выволить. Он очень смел, спору нет. Возможно, даже чересчур. Но мне кажется, он слишком часто руководствуется скорее своими эмоциями, нежели... И еще одно: в чрезвычайных обстоятельствах – если предположить, что он окажется перед выбором, – чью сторону он примет? Англии или Индии?

– Боже правый! – выдохнул лейтенант, глубоко потрясенный. – Вы же не предполагаете, что он станет предателем, правда?

– Нет-нет, конечно нет! Ну... не совсем так. Но с таким человеком, как он, – в смысле, у которого такое прошлое, – никогда не знаешь, как он отнесется к той или иной ситуации. Для нас с вами, Уиграм, все гораздо проще: мы всегда будем исходить из предположения, что в любых обстоятельствах наша сторона права, поскольку она – наша. Но чью сторону он считает своей? Понимаете, о чем я?

– Честно говоря, не совсем, – смущенно признался лейтенант. – В конце концов, в нем же нет ни капли индийской крови. Оба его родителя были британцами до... до мозга костей. А тот факт, что он родился здесь... Ну, я имею в виду, многие из нас родились здесь. Вы, например.

– Да, но я никогда в жизни не считал себя индийцем! А он очень даже считал, и в этом вся разница. Ох, ладно, время покажет. Но я совсем не уверен, что мы не совершили ужасную ошибку, вернув парня в эту страну.

– Его ничто не остановило бы, – убежденно сказал лейтенант. – Он бы вернулся, даже если бы ему пришлось добираться пешком или вплавь. Похоже, он считает Индию своей родиной.

– Именно об этом я и говорю. Но Индия не является его родиной в подлинном смысле слова. Однажды он поймет это и вот тогда-то осознает, что ему нигде нет места – разве что в чистилище, которое, насколько я помню, находится где-то на окраине ада. Говорю вам, Уигз, я ни за что на свете не согласился бы оказаться на месте этого мальчика. И мне было бы наплевать, если бы он вернулся сюда по собственному почину, – тогда дело касалось бы только его одного. Но мы, разведчики, несем ответственность за его возвращение, а следовательно, дело касается и нас тоже, и именно это меня беспокоит. Впрочем, прошу заметить: мальчик мне нравится.

– О, с ним все в порядке, – беззаботно сказал лейтенант. – Правда, он держит с сослуживцами дистанцию, если вы понимаете, о чем я. Приветлив и ровен со всеми, но близко к себе не подпускает. Однако нельзя отрицать, что он лучший спортсмен-многоборец из всех, какие служили у нас в последние годы, и мы без труда одержим решительную победу над остальными полками бригады на соревнованиях в следующем месяце.

Ни Авал-шах, ни Зарин не служили в эскадроне Аша, и он довольно редко виделся с ними в Мардане, хотя при каждой возможности кто-нибудь из них выезжал с ним на охоту. Когда оба они не могли сопровождать друга по причине занятости, Аш отправлялся один

или брал с собой одного из своих соваров – Малик-шаха или Лала Маста, уроженцев местности, расположенной за Панджкорой, чье общество находил приятным и у которых многому научился.

Малик-шах был превосходным шикари, способным подкрасться к стаду диких коз, оставаясь незамеченным до тех пор, пока не оказывался на расстоянии выстрела. В этом искусстве его родственник Лал Маст (столь дальний, что установить степень родства не представлялось возможным) почти не уступал ему. И хотя Аш провел с ними много часов в горах, он так и не научился двигаться столь же ловко и бесшумно, как они, и не овладел искусством сливаться с окружением до такой степени, что любой наблюдатель поклялся бы, будто в радиусе нескольких миль от него нет ни единого человека.

– Этому надо учиться сызмала, – утешительно сказал Малик-шах, когда самец антилопы, к которому они подкрадывались, вскинул голову и унесся прочь по равнине. – В моих краях от умения передвигаться незаметно, укрываясь за каждым камнем, деревцем и кустом травы, зачастую зависит жизнь, ибо все мы меткие стрелки и у каждого из нас много врагов. Но с вами, сахиб, совсем другое дело: вам никогда не приходилось лежать неподвижно, как камень, или скользить от валуна к валуну бесшумно, как змея, потому что на дальнем склоне тебя подстерегает враг или ты сам подкрадываешься к врагу, чтобы убить. Будь у меня в свое время такое ружье, – Малик-шах охотился с армейским карабином, – я бы стал полновластным хозяином нашей долины и двух десятков горных деревень. Подождите здесь, сахиб, и я подгоню антилопу обратно – она пробежит между тем ущельем и вон теми терновыми кустами. Вы наверняка попадете в цель.

Аш приобрел много друзей в окрестных деревнях и часто гостил у деревенских старост по ту сторону границы, где прежде мало кто видел белых людей. Солдаты его собственного подразделения были набраны в основном из пограничных племен: юсуфзай, оракзай, хаттаки и горстка афридиев. Но разведчики также рекрутировали в свои ряды значительное количество сикхов, индусов из Пенджаба, гуркхов из Непала, догров, гебров (персов) и пенджабских мусульман. И Аш иногда отправлялся на юг, за Инд, пострелять бекасов и газелей вместе с рисалдаром Кирваном Сингхом из сикхов или Викрамом, одним из индусских унтер-офицеров, – жизнерадостными мужчинами, которые своими речами напоминали ему друзей детства, веселых товарищей беззаботных, беспечных лет, проведенных на гулкотских базарах. Да, то было славное время – или было бы, если бы не Белинда.

Аш охотно проводил бы все свободное время в Пешаваре, увиваясь около Белинды. Но майор Харлоу разрешал ему видеться с ней не чаще раза в месяц, да и то лишь за чаепитием. И даже миссис Виккари, которая часто присутствовала там в качестве гостьи и обычно приглашала Аша к себе отобедать и сочувственно выслушивала его сетования, отказывалась признать поведение майора неразумным и советовала молодому человеку поставить себя на место отца, пекущегося о благополучии своей дочери. Лишь в Рождество (общепризнанную пору мира и доброй воли) из этого правила было сделано исключение, но к тому времени Пешаварская бригада только что вернулась с Каджурийской равнины, и Белинда кружилась в вихре светских развлечений – приемов, скачек и балов.

Аш отправился в Пешавар, чтобы вручить рождественские подарки семейству Харлоу и подать заявку на участие в скачках с препятствиями на второй день Рождества, которые он, к великому восторгу Белинды, выиграл, опередив соперников на голову. Она почему-то посчитала, что этот подвиг делает честь именно ей, и вознаградила Аша двумя вальсами и заключительным танцем на балу по случаю Дня подарков. Как следствие, Аш остался весьма доволен праздничным вечером, в ходе которого имел продолжительную беседу с миссис Виккари, потанцевал еще с несколькими молодыми леди и настолько понравился их матерям, что позже получил лестное количество приглашений на различные приемы и балы. Но он так больше и не появился ни на одном увеселительном мероприятии в Пешаваре. Он

встретил новый, 1872 год в обществе Зарина и в совершенно другой обстановке – они взяли двухдневный отпуск, чтобы навестить Коду Дада.

Январь и февраль в тот год выдались морозными. Снег побелил пограничные горы, полк облачился в поштины – куртки из овечьей шкуры, спасаясь от холода, и Алаяр постоянно поддерживал огонь в камине в комнате Аша, куда ежедневно приходил мунши, чтобы учить сахиба чтению и письму. К началу апреля тополя и ивы, росшие вдоль Пешаварской дороги, дали почки, и в садах снова расцвели миндальные деревья. Весна пришла и ушла, а на границе по-прежнему царил покойствие, и племена – по крайней мере, внешне – оставались в мире друг с другом и с британцами.

В Мардане разведчики играли в новую игру под названием поло, проводили учебные бои на равнине и обучали новобранцев, как делали уже много лет. Распорядок полковой жизни стал для Аша таким же привычным, как стены его комнаты или вид, открывавшийся с веранды столовой. День начинался с чашки горячего чая, подслащенного гуром и слабо отдающего дымом, которую Алаяр подавал Ашу в постель, а пока тот брился и одевался, старший патан обсуждал вчерашние события и рассказывал новости о происшествиях в Мардане и на границе да базарные сплетни. Затем следовали учебные стрельбы на открытой местности, завтрак в офицерской столовой, посещение конюшен, совещание в штабе, и время от времени проводился дурбар – своего рода заседание полкового совета, где разнообразные жалобы, просьбы об увольнении и все вопросы, связанные с политикой начальства и правосудием, рассматривались панчаятом (пятью старейшинами). Панчайт представлял собой орган самоуправления, действующий в индийских деревнях с незапамятных времен. В данном случае панчайт состоял из командующего, заместителя командующего, адъютанта и двух старших офицеров-индийцев, которые присутствовали не в качестве зрителей, а для того, чтобы убедиться в справедливости всех принятых решений, ибо, согласно системе «силладар», каждый человек в полку был, по существу, акционером частной компании, являясь владельцем собственной лошади и личного снаряжения, как подмастерье является владельцем орудий своего ремесла. Солдаты в корпус набирались не из безземельной бедноты, а из мелких землевладельцев. Они поступали на службу из любви к сражениям и ради славы (и трофеев, коли представлялся случай добыть таковые), а когда пресыщались военной службой, возвращались домой возделывать свои поля и посылали в полк своих сыновей.

По завершении рабочего дня Аш большую часть свободного времени проводил, стреляя дичь в предгорьях, а остальное делил между поло и соколиной охотой. Раз в неделю он писал Белинде, которой не разрешалось отвечать на письма, и каждый месяц ездил в Пешавар, чтобы нанести официальный визит с позволения майора Харлоу.

Одно время он наивно полагал, что без труда обойдет установленные ограничения, посещая разнообразные увеселительные мероприятия в Пешаваре: танцевальные вечера в клубе, приемы, выезды на охоту, скачки, – где непременно встретит Белинду. Но его расчеты не оправдались. Провожатые строго присматривали за девушкой, не давая Ашу возможности поговорить с ней, а смотреть, как она ездит верхом и мило беседует с другими мужчинами или танцует с Джорджем Гарфортам, по всей видимости остававшимся ее любимым партнером, было для него столь мучительно, что он испытал почти облегчение, когда командир эскадрона, прознав об этих визитах, наложил на них запрет и разрешил ему наведываться в Пешавар не чаще раза в месяц, когда позволяет майор Харлоу.

Аш стал безумно ревновать девушку к Джорджу, хотя это было напрасной тратой эмоций. Родители Белинды разрешали мистеру Гарфортам часто наведываться к ним в дом и не возражали против того, чтобы она танцевала с ним или совершала конные прогулки, но у них хватало ума понимать, что дочери грозит опасность влюбиться в него, и в обычных обстоятельствах, вероятно, они вообще не приглашали бы в гости человека, занимавшего столь скромное положение в пешаварском обществе. Но тот факт, что его прибытие в Пешавар

совпало с осенними маневрами, ставшими причиной острой нехватки партнеров по танцам, сыграл Джорджу на руку, а его привлекательная наружность мгновенно произвела впечатление на всех юных леди в военном городке. Это обстоятельство вкупе с недавно обретенной самоуверенностью и рассказами о титулованной бабушке (по слухам, дочери прекрасной греческой графини и самого лорда Джорджа Гордона Байрона) возвысило мистера Гарфорта над безликой толпой, и Белинда повела бы себя против человеческой природы, если бы не нашла удовольствия в том, что молодой человек, вызывающий восхищение у всех остальных девушек, смотрит только на нее одну. Помимо всего прочего, как она однажды сказала Ашу, Джордж превосходно танцевал.

Посему она продолжала часто видаться с ним даже после возвращения полков в Пешавар, ибо отец не возражал против того, чтобы Белинду повсюду сопровождал молодой человек, за которого ей никогда не вздумается выйти замуж, и даже надеялся, что общение с ним поможет дочери забыть о дурацкой помолвке. О чувствах Джорджа он не задумался ни на минуту. По мнению майора Харлоу, каждый молодой человек когда-нибудь влюбляется и остается с разбитым сердцем, причем большинство делает это до пяти раз подряд. Он также не собирался принимать в расчет и чувства Аша: женитьба в девятнадцать лет – нет, у мальчика явно с головой не все в порядке! Несомненно, на его образ мыслей пагубно повлияли либо умственная неразвитость, либо воспитание, полученное в первые годы жизни, поскольку, будь он уроженцем Индии, он смог бы жениться в пятнадцать лет, не вызывая никаких толков. Но ведь Аштон – британец и должен вести себя, как подобает британцу.

Аш изо всех старался держаться подобающим образом, но находил это трудным делом. Те самые качества, которые девять лет назад Авал-шах, а потом командующий Корпусом разведчиков и, позже, полковник Андерсон считали ценными и в перспективе очень полезными, сейчас обернулись недостатками, и Аш часто завидовал своим товарищам-офицерам, способным принимать решения с такой веселой уверенностью. В большинстве случаев они всегда знали, что правильно и неправильно, что обязательно и необязательно, что очевидно, благоразумно или справедливо, – для них все было просто. Куда сложнее приходилось Ашу, склонному рассматривать любой вопрос не только с точки зрения выпускника английской частной школы и кадета Британской военной академии, но и с точки зрения младшего капрала Чодри Рама или совара Малик-шаха, что не упрощало, а сильно усложняло дело, ибо знание образа мыслей совара, представшего перед судом, или ясное понимание побуждений, заставивших подсудимого совершить то или иное преступление, не всегда помогало быстро вынести четкий приговор.

Слишком часто Аш принимал сторону человека единственно по той причине, что сам мог считать себя – и зачастую считал – уроженцем Индии. А между западным и восточным складом ума существует принципиальная разница, и этот факт издавна сбивал с толку многих исполненных благих намерений миссионеров и ревностных должностных лиц, которые, как следствие, объявляли все туземные народы безнравственными и продажными, поскольку местные законы, нормы поведения, обычаи и традиции отличались от принятых на христианском Западе.

– Сахиб, например, – объяснил мунши, пытаясь проиллюстрировать означенную разницу своим ученикам, – всегда дает на вопрос правдивый ответ, не подумав сперва, не лучше ли солгать. С нами дело обстоит наоборот, что в конечном счете помогает избежать многих неприятностей. Мы, жители этой страны, полагаем, что правда зачастую опаснее лжи, а потому ее нельзя беспечно разбрасывать по сторонам, точно лузгу для цыплят, но следует использовать с великой осторожностью.

Его ученики, младшие офицеры, сызмала усвоившие от своих родителей и наставников, что ложь – это смертный грех, были шокированы открытым признанием старого учителя, что в Индии ложь допустима и приемлема, причем по соображениям, кажущимся

англичанину коварными и циничными. Со временем они лучше поймут смысл сказанного, как это случилось до них с другими британскими офицерами, чиновниками и торговцами, и начнут приносить все большую пользу своей стране и империи, находящейся под властью Англии. Но при всем своем желании они сумеют понять лишь ничтожную долю мотивов и соображений, определяющих азиатский образ мыслей, – увидят лишь вершину айсберга. Только считанные единицы из них научатся проникать взором глубже, а многие станут ошибочно полагать, будто научились, хотя подавляющее большинство не пожелает или окажется не в состоянии даже предпринять такую попытку. Происхождение, окружение, традиции, культура и религия разделяли англичан и индийцев, и до сих пор мостов через эти пропасти было очень мало, причем в лучшем случае они представляли собой хрупкие, ненадежные сооружения, способные рухнуть в самый неожиданный момент, если на них возложить слишком много надежд.

Ашу жилось бы гораздо легче, если бы он, по примеру своих товарищей-офицеров, сосредоточился на строительстве и использовании таких мостов, а не стоял ногами на разных краях пропасти, с трудом удерживая равновесие и не в силах перенести вес ни на одну, ни на другую ногу. Он находился в ужасном положении и не получал от него никакого удовольствия.

Самые счастливые свои часы он проводил, выезжая на охоту с Зарином, хотя даже Зарин стал другим. Прежние отношения, которые они оба поначалу сочли благополучно восстановленными, изменились по не зависящим от них обстоятельствам. Зарину становилось все труднее забывать о том, что Аш – сахиб и офицер, облеченный властью над ним, и это естественным образом возводило преграду между ними, правда настолько тонкую, что Аш едва ее замечал. Но вследствие долгого проживания Аша в Англии, его служебного положения в полку и отдельных его слов и поступков Зарин больше не имел ясного представления, как поведет себя друг в той или иной ситуации, а посему предпочитал соблюдать осторожность. Ибо Ашок являлся также Пеламом-сахибом, и кто знает, который из них возобладает в нем в любой момент времени – сын Ситы или британский офицер?

Когда дело касалось Зарина, Аш предпочел бы всегда оставаться сыном Ситы, но он тоже понимал, что их отношения никогда уже не станут прежними. Снисходительный старший брат и обожающий маленький мальчик гулкотских дней, безусловно, остались в прошлом. А в настоящем они сравнивались друг с другом. Дружба между ними сохранилась, но она приобрела другое качество и теперь содержала много скрытых оговорок, каких не было прежде.

Один лишь Кода Дад не изменился, и Аш при каждой возможности пересекал границу, чтобы навестить его и провести с ним долгие часы, совершая конные прогулки, выезжая на соколиную охоту или просто сидя на корточках у очага, пока старик обсуждал дела нынешние и предавался воспоминаниям о прошлом. Только в обществе Коды Дада Аш чувствовал себя совершенно свободно и непринужденно, и, хотя он горячо отверг бы предположение, что отношения между ним и Зарином изменились, он ясно сознавал, что их дружбу что-то омрачает – «небольшое облако... величиною в ладонь человеческую»¹⁸.

И Алаяр, и Махду, и Авал-шах называли Аша не иначе как «сахиб», поскольку ни один из них не знал его в те дни, когда он был просто Ашоком. Но Кода Дад никогда прежде не общался с сахиб-логами и за свою долгую жизнь видел очень мало белых людей – раз, два и обчелся. Зная о них только по рассказам, он не испытал на себе их влияния, и то, что родители Ашока были ангрезы и, следовательно, он являлся сахибом по крови, никак не меняло отношения к нему Коды Дада. Мальчик оставался все тем же мальчиком, а ни один

¹⁸ Третья книга Царств, 18: 44.

ребенок не отвечает за свое происхождение. Для Коды Дада Аш всегда будет Ашоком, а не Пеламом-сахибом.

С наступлением жаркой погоды распорядок дня в полку изменился: теперь офицеры и солдаты вставали затемно, чтобы с толком использовать самые прохладные утренние часы, а до и после полудня, в самое пекло, оставались в своих комнатах и выходили, лишь когда солнце начинало клониться к закату. Аш больше не ездил в Пешавар, потому что миссис Харлоу с дочерью перебрались в горы, спасаясь от зноя, и он мог поддерживать связь с Белиндой только через письма (свои, а не ее). Один раз Белинде, так уж и быть, разрешили ответить, но из напыщенного короткого послания, написанного явно под наблюдением миссис Харлоу, Аш понял только, что его возлюбленная весело проводит время в Мари, и эта новость несколько его не обрадовала. Девушка не упомянула никаких имен, но Аш случайно узнал от одного офицера в Размаке, что фирма «Браун энд Макдоналд», где служил Джордж Гарфорт, имеет филиал в Мари и что Джорджа перевели туда на лето, после того как он перенес тепловой удар в Пешаваре.

Мысль о сопернике, выезжающем с Белиндой на пикники в сосновый лес и танцующем с ней на балах, казалась невыносимой. Но здесь Аш ничего не мог поделать: когда он обратился с просьбой об отпуске, чтобы съездить в Мари, начальник строевого отдела бесцеремонно заявил, что если Аш хочет отдохнуть, то может поехать поохотиться в Кашмир, причем через Абботтабад, а не через Мари, и это занятие принесет ему гораздо больше пользы, чем жалкое пресмыкательство на чаепитиях.

Зарин тоже не сочувствовал Ашу. Он считал, что бегать, подобно комнатной собачонке, выпрашивающей подачку, за женщиной, не имеющей намерения ни выходить за тебя замуж, ни спать с тобой, значит унижать свое достоинство и попусту тратить время, которое можно употребить с большим толком. Он посоветовал Ашу выбросить из головы всякие мысли о женитьбе лет на пять, самое малое, и взамен предложил посетить один из самых известных публичных домов в Пешаваре или в Равалпинди.

Аш испытывал сильное искушение согласиться, и, вероятно, такое дело пошло бы ему на пользу, поскольку холостому субалтерну в Индийской армии приходилось вести монашескую жизнь. Большинство офицеров, находившихся в том же положении, подавляли сексуальное желание изнурительными физическими упражнениями, а остальные, рискуя заразиться дурной болезнью и подвергнуться ограблению, тайно посещали базарные бордели или вступали в нетрадиционные половые связи с местными юношами по примеру представителей пограничных племен, не видевших в таком поведении ничего дурного. Однако Аш не имел склонности к гомосексуализму и, будучи влюбленным в Белинду, не мог заставить себя покупать ласки продажных женщин – даже таких прославленных прелестниц, как Масума, самая умная и красивая касби во всем Пешаваре. Вместо этого он отправился ловить рыбу в Канганскую долину.

К сентябрю ночи стали прохладнее, хотя днем по-прежнему стояла невыносимая жара. Но к середине октября воздух посвежел, на джхилах и удаленных тихих речных заводах снова появились утки и чирки, и длинные вереницы гусей поплыли высоко в небе, направляясь на зимовье в плодородные области Центральной и Южной Индии. Зарину присвоили звание джемадара, а Белинда с матерью вернулись в Пешавар.

Аш поехал на чаепитие к Харлоу. Он не видел Белинду с весны – почти шесть месяцев, которые казались ему шестью годами и вполне могли бы считаться таковыми, ибо он сильно изменился за это время. Белинда была все такой же хорошенькой, но уже не производила впечатления веселой и беспечной школьницы, которая совсем недавно забросила учебники и упивается вновь обретенной свободой и пьянящим вкусом новой вольной жизни. Она стала более уверенной в себе и внезапно превратилась в самую настоящую молодую леди. Хотя она оставалась такой же веселой, Ашу показалось, что ее веселость утратила былую непо-

средственность, а ее смех и милое кокетство, прежде абсолютно обворожительные и бессознательные, теперь носят оттенок деланости.

Произошедшая в ней перемена встревожила Аша, и он безуспешно попытался убедить себя, что ему все почудилось или что после столь долгой разлуки девушка просто стесняется и чувствует себя немного скованно в его обществе, а как только первая неловкость пройдет, она снова станет самой собой, прежней славной Белиндой.

Единственным слабым утешением стало то обстоятельство, что Джордж Гарфорт, тоже приглашенный на чай, удостоился еще меньшего внимания со стороны Белинды. Впрочем, Джордж явно чувствовал себя вполне непринужденно в гостиной миссис Харлоу и находился с ней в прекрасных отношениях (несколько раз в разговоре с ним она употребила обращение «мой милый мальчик»), в то время как требования вежливости заставили Белинду уделить львиную долю внимания развлечению некоего тучного пожилого джентльмена из штатских, который носил гордую фамилию Подмор-Смит и был другом ее отца.

Любопытно, как сложилась бы жизнь Аша, если бы он не повстречался с Белиндой или, повстречавшись с ней, не побудил бы невольно девушку затеять флирт с Джорджем Гарфортом. Только одному из них троих не пришлось впоследствии пострадать в связи с тем, что нити их судеб так тесно переплелись, и теперь Джорджу и Белинде предстояло сыграть роль – хотя и весьма незначительную – в подготовке неких обстоятельств, решительно изменивших будущее Аша, поскольку оба они были повинны в тягостном настроении, в каком он вернулся из Пешавара, и именно мысль о них позже подняла его с постели и заставила пойти прогуляться под луной.

Аш лег рано и, когда наконец заснул, увидел сон, который постоянно снился ему всю первую неделю в Мардане. Он снова скакал во весь опор вместе с Белиндой по каменистой равнине между низкими голыми холмами и слышал шум погони позади, глухой топот копыт, становившийся все громче и ближе... а потом проснулся и осознал, что то не копыта стучали, а колотилось его собственное сердце.

Несмотря на ночную прохладу, Аш обливался потом. Он откинул одеяло и несколько минут лежал неподвижно в ожидании, когда сердцебиение замедлится до нормального, и бессознательно напрягая слух в попытке расслышать шум погони. За открытым окном ярко светила луна, но даже бродячие псы и шакалы молчали, и весь форт, за исключением часовых, казался погруженным в сон. Аш встал, вышел на веранду, но через несколько мгновений, охваченный внезапным беспокойством, вернулся в комнату, надел халат и чапли – тяжелые кожаные сандалии, какие носят в пограничных областях, – и вышел прогуляться в надежде рассеяться на свежем воздухе. Часовые его узнали и пропустили без принятого по уставу оклика, пробормотав лишь несколько приветственных слов. Он направился в сторону плаца и открытой местности, простиравшейся за ним вплоть до предгорий, и черная тень ползла перед ним по пыльной дороге.

Вокруг Мардана стояли сторожевые пикеты, готовые поднять тревогу в случае нападения, но Аш, знавший точное местоположение каждого из них, без труда обошел стороной заставы и скоро уже шагал в направлении гор, оставив военный городок позади. Равнина была изрезана оврагами, усеяна кустами верблюжьей колючки и валунами, испещрена открытыми пластами скальной породы, и подошвы чапли звонко постукивали по камню. Этот звук, казавшийся неестественно громким в ночной тишине, отвлекал Аша от мыслей и в конце концов начал страшно раздражать. Но потом он наткнулся на козью тропу, покрытую толстым слоем пыли, и дальше стал двигаться бесшумно.

Тропа беспорядочно петляла по равнине на обычный манер козьих троп, и Аш прошел по ней почти мило, прежде чем свернул в сторону и поднялся на вершину маленького холма, где нашел удобный для сидения плоский камень, укрытый в тени высокой пампасной травы и нагромождения валунов. Холм едва ли превосходил размерами курган, но когда Аш, устро-

ившись на плоском камне и привалившись спиной к валуну, посмотрел на залитые лунным светом открытые пространства, у него возникло впечатление, будто он находится высоко над равниной – высоко и далеко от всех, как на уединенном балконе Павлиньей башни.

Накануне прошел дождик, и в прозрачном холодном воздухе далекие горные вершины казались совсем рядом – самое большее, на расстоянии дня пути, а то и часа. Глядя на них, Аш оставил мысли о Белинде и Джордже и стал думать о других вещах – о далекой лунной ночи, когда он шел через такую же равнину к чинаровой роще близ Гулкотской дороги. Интересно, как сложилась судьба Хиралала? Хорошо бы встретиться с ним снова и частично вернуть долг благодарности за лошадь и деньги. В ближайшие дни Аш возьмет отпуск и... Внезапно он отвлекся от мыслей о прошлом и прищурил глаза, напрягая зрение.

По равнине двигались какие-то тени – явно не домашние животные, ибо поблизости не было деревьев. Может, какие-нибудь олени, например чинкара? Трудно сказать, ведь лунный свет часто играет шутки со зрением. Но поскольку неясные фигуры направляются в его сторону и сейчас нет ветра, который донес бы до них его запах, он скоро узнает. Надо только сидеть неподвижно, и они пройдут совсем рядом. Одежда у него одного цвета с камнями, и, если затаиться в тени, он останется почти невидимым даже для зоркого глаза дикого животного.

Сначала Аш испытывал лишь праздный интерес, который в мгновение ока сменился настороженностью, когда лунный свет блеснул на чем-то, что было не оленьим рогом, но неким металлическим предметом. Он видел на равнине людей, а не диких животных – людей, вооруженных мушкетами.

Когда они приблизились, Аш рассмотрел, что мужчин всего трое, и нервное напряжение разом отпустило. Поначалу он решил, что это налетчики из-за границы, собирающиеся напасть на какую-нибудь спящую деревню и угнать с собой скот и женщин. Но три человека не представляют особой угрозы, и, возможно, это всего лишь повиндахи – представители кочевого племени вроде цыган, обитающие в палатках и ведущие бродячий образ жизни. Хотя вряд ли, ведь сейчас, когда дни снова стали приятно прохладными, мало кто предпочел бы путешествовать пешком ночью. Но кем бы они ни были, Аш не испытывал ни малейшего желания встречаться с ними: причины, побудившие незнакомцев разгуливать по равнине в такой час, почти наверняка неблагоприятны, а угонщики скота и разбойники обычно сначала стреляют, а потом задают вопросы. Посему он сохранял неподвижность и радовался тому факту, что тени удлинились, а луна теперь находится за его спиной и светит прямо в глаза приближающимся мужчинам.

Уверенный, что он останется незамеченным, если не пошевелится, Аш расслабился и стал наблюдать за ними с любопытством, смешанным с легким нетерпением. Он начинал замерзать и хотел, чтобы незнакомцы ускорили шаг: пока они не пройдут мимо и не удалятся на приличное расстояние, сам он не сможет покинуть свое укрытие. Аш зевнул, но в следующий миг встрепенулся.

Донесшийся до него едва уловимый звук произвели не мужчины, двигавшиеся к нему по равнине. Он раздался гораздо ближе, где-то позади него, предположительно ярдах в двадцати-тридцати, хотя в такой безветренной тишине любые звуки разносятся на значительное расстояние. Это был всего лишь стук камешка, сдвинувшегося с места, однако, если не считать холма, на котором сидел Аш, равнина на несколько сот ярдов окрест была совершенно плоской, и никакой камешек не мог сдвинуться с места или столкнуться с другим без посторонней помощи. Аш затаил дыхание, напряг слух и услышал следующий звук, столь же легко узнаваемый, – стук подкованной железом чапли о камень. По меньшей мере еще один человек приближался к холму с противоположной стороны.

Несколько разных предположений молнией пронесли в голове у Аша, все одинаково неприятные. На границе процветал обычай кровной мести, и возможно, этот человек соби-

рался напасть из засады на приближающихся мужчин. Или же намеченной жертвой являлся сам Аш, — может статься, кто-то, у кого имелись причины ненавидеть разведчиков, заметил его и последовал за ним по пятам. Напрасно он не взял с собой оружия. Но было слишком поздно сожалеть об этом, ибо позади снова раздался стук металла о камень, и Аш осторожно повернул голову и замер в ожидании, напрягшись всем телом, готовый к нападению.

Совсем рядом раздался шорох, словно кто-то задел терновый куст у подножия холма, а несколько мгновений спустя одинокий мужчина стремительно прошагал мимо, не обернувшись. Он прошел слишком быстро, чтобы Аш успел толком разглядеть что-нибудь, кроме высокой фигуры, закутанной в грубое шерстяное одеяло и вдобавок защищенной от ночной прохлады отрезом ткани, намотанным на голову и вокруг шеи. В следующий миг человек превратился в черный силуэт на фоне залитой лунным светом равнины. Если он и был вооружен, то всяко не мушкетом, хотя, возможно, под одеялом скрывался патанский нож. Он явно не заметил Аша и не заподозрил его присутствия. Однако в нем смутно чувствовалась некая вороватая настороженность: он втягивал голову в плечи и постоянно поглядывал направо-налево, словно нервничая и опасаясь погони.

Четверо мужчин встретились ярдах в пятидесяти от холма, остановились и несколько минут разговаривали. Потом они присели на корточки, дабы продолжить беседу в более удобном положении, и Аш увидел вспышку трута, когда они зажгли кальян, чубук которого стали передавать по кругу. Мужчины находились слишком далеко, чтобы он мог слышать что-нибудь, кроме невнятного бормотания и изредка смеха, но он понимал, что, если попытается покинуть свое укрытие, они сразу его заметят и едва ли придут в восторг от присутствия постороннего человека, следившего за ними. Сам факт, что они сочли нужным встретиться в такое время и в таком месте, свидетельствовал об их нежелании афишировать свои дела, и при данных обстоятельствах Ашу представлялось разумным терпеливо сидеть и ждать.

Он ждал почти целый час, с каждой минутой все сильнее замерзая и проклиная себя, дурака, за пристрастие к ночным прогулкам. Но наконец долгое ожидание закончилось. Четверо мужчин поднялись на ноги и двинулись в разные стороны: трое направились обратно к горам, а четвертый вернулся тем же путем, каким пришел. Он снова прошагал всего в нескольких ярдах от холма, и на сей раз луна светила ему в лицо, но он прикрывал рот и подбородок свободным концом тюрбана, так что видными оставались только ястребиный нос и глубоко посаженные глаза. Тем не менее лицо показалось Ашу знакомым. Он явно встречал этого мужчину раньше — он был уверен, хотя сам не знал, откуда такая уверенность. Однако, прежде чем он успел собраться с мыслями, мужчина прошел мимо и исчез за холмом.

Выждав с минуту, Аш осторожно выглянул из-за валунов. Он смотрел вслед высокой фигуре, торопливо шагавшей в направлении Мардана, пока она не скрылась из виду, и лишь потом поднялся на затекшие, замерзшие ноги и пустился в долгий обратный путь к крепости, напрочь забыв про Белинду.

На следующее утро, в ослепительном сиянии сине-золотого осеннего дня, ночное происшествие утратило зловещий оттенок, сообщенный ему призрачным лунным светом, и стало казаться совершенно безобидным. Вероятно, эти четверо мужчин встретились, чтобы обсудить какой-нибудь срочный вопрос, касающийся сугубо племенных интересов, а если они предпочли увидаться ночью, то это их дело. Аш выбросил происшествие из головы и, наверное, никогда больше не вспомнил бы о нем, если бы не случайная встреча в сумерках, состоявшаяся примерно шестью днями позже.

В тот вечер в поло не играли, и потому Аш взял ружье и отправился стрелять куропадок в лесочке у реки, а возвращаясь обратно вскоре после заката, встретил на дороге неподалеку от расположения кавалерийских частей одного человека, соvara из своего эскадрона. Последний свет дня быстро мерк, и Аш узнал солдата, только поравнявшись с ним. Ответив на воинское приветствие, он прошел мимо, а потом резко остановился и повернулся, вдруг

вспомнив этого мужчину. Он опознал его отчасти по походке – по манере слегка вздергивать одно плечо в такт шагам. Но было еще одно: старый шрам, который рассекал пополам правую бровь и который Аш, сам того не сознавая, успел заметить на лице, мельком увиденном в ярком лунном свете.

– Дилазах-хан...

– Сахиб?

Мужчина повернулся и подошел к нему. Он был патаном из афридиев, и его племя являлось одним из многих, формально подчинявшихся власти эмира Афганистана, но на практике не признававших никаких законов, кроме своих собственных. Ашу пришлось в голову, что ночью на равнине Дилазах-хан почти наверняка встречался со своими родственниками, которые принесли ему новости из родной деревни, скорее всего касавшиеся родовой вражды с каким-нибудь соседним племенем, один или несколько представителей которого могли служить вместе с ним в корпусе разведчиков.

Британская территория считалась нейтральной, и кровная месть на ней находилась под запретом. Но по ту сторону границы дела обстояли иначе, и соплеменники Дилазаха, по видимому, не хотели привлекать к себе внимание. В любом случае он не нарушил никаких законов, подумал Аш, а потому едва ли справедливо пытаться у него вещи, которые он явно желает сохранить в тайне. В свое время Аш сам страдал и бесился от подобного вмешательства в свои дела, поэтому он не сказал того, что собирался сказать, и, наверное, напрасно: если бы Дилазах испугался, возможно, он изменил бы свои намерения и планы, а тем самым, помимо всего прочего, спас бы свою жизнь. Хотя, воспитанный своей верой в твердом убеждении, что от судьбы не уйдешь, он вряд ли поверил бы, что любые его или еще чьи-то поступки в силах изменить предначертанный ход событий.

В общем, Аш не сказал Дилазаху, что видел его на равнине ночью. Вместо этого он заговорил о каком-то пустяковом вопросе, связанном со школой верховой езды, а потом отпустил соvara. Но теперь мысль о ночном происшествии никак не выходила у него из головы и изводила Аша с упорством докучливой мухи, раз за разом садящейся на лицо дремлющего человека. Поэтому он стал обращать на этого соvara больше внимания, чем обращал бы в иных обстоятельствах, и в конечном счете пришел к выводу, что тот ему не нравится. Дилазах-хан был хорошим солдатом и более чем приличным кавалеристом – здесь к нему было не придираться. Но в нем чувствовалось что-то такое, что Аш определил для себя словом «ненадежность». Что-то в его поведении, слегка отдающем раболепием (качество в высшей степени нехарактерное для представителя пограничного племени), и в манере отводить глаза, избегая встречаться взглядом с собеседником.

– Я не доверяю этому Дилазаху, – признался Аш в разговоре с командиром эскадрона. – Я видел одну-две лошади с похожим выражением глаз и не согласился бы купить такую даже за фунт чая.

– Дилазах? Да ну, чепуха, – сказал командир эскадрона. – А что он натворил?

– Да ничего. Просто... я не знаю. У меня от него холодок по спине, вот и все. Я видел его на равнине однажды ночью...

Аш описал ночное происшествие, но командир эскадрона лишь рассмеялся, небрежно пожал плечами и дал объяснение, аналогичное первоначальному объяснению самого Аша:

– Ставлю десять против одного, что между его соплеменниками и жителями соседней деревни вышла ссора и они просто хотели предупредить парня, чтобы держал ухо востро, когда пойдет в следующее увольнение, потому что его кузен Хабиб на днях застрелил сына деревенского старосты Али, а родственники Али открыли охоту на всех родственников Хабиба. Будьте уверены, именно так и обстоит дело.

– Я тоже сначала так подумал, но этого не может быть, ведь он пришел на встречу с ними. А значит, они договорились загодя. О встрече, я имею в виду.

– Почему бы и нет? Вероятно, они уведомили Дилазаха запиской, что у них есть новости для него. Если речь шла об убийстве, они не рискнули бы войти в подробности.

– Возможно, вы правы. Но все равно у меня такое ощущение, что за парнем следует приглядывать.

– Ну так приглядывайте, – добродушно согласился командир эскадрона таким тоном, словно предлагал малому ребенку пойти поиграть.

Аш покраснел и прекратил разговор. Но он не забыл о нем и чувствовал достаточный интерес к делу, чтобы попросить Алаяра навести справки о происхождении и прошлом соваара Дилазах-хана.

– В рисале служат еще пять человек из его клана, – доложил Алаяр. – Все они гордые свирепые мужчины – афридии, поступившие на службу в корпус из соображений иззата, то есть чести, и из любви к сражениям. А также, возможно, потому, что их клан раздрает родовая вражда, а здесь никто не может неожиданно напасть на них из засады и застрелить. Двое из них служат в вашем подразделении: Малик-шах и Лал Маст.

– Знаю. Оба они хорошие люди – лучшие из лучших. Я десять раз ходил на шикар с Маликом, а что касается Лала Маста...

Алаяр поднял руку:

– Выслушайте меня. Я еще не закончил. Их клан очень маленький, и все они связаны родственными узами, приходясь друг другу троюродными, четвероюродными и, возможно даже, пятнадцатюродными братьями или племянниками друг другу. Однако дело в том, что никто из них не любит своего родственника Дилазаха. Они говорят, что он обманщик и пройдоха, и не доверяют ему, как и вы.

– Почему? Из-за чего?

– Из-за множества разных незначительных поступков, совершенных в детстве. Вы знаете, как оно бывает с детьми: один из них постоянно врёт, обманывает и ябедничает старшим, а товарищи по играм недолюбливают его. И даже когда они становятся взрослыми, неприязнь не проходит. Все остальные были недовольны, когда Дилазах вступил в ряды разведчиков. Они говорят, что не понимают, зачем ему это понадобилось, ибо такой поступок для него нехарактерен. Но он пришел с добрым конем, и он искусный наездник, да и стрелок отличный – он добился своего места в честном соревновании с другими претендентами, а поскольку офицеры отзываются о нем положительно, его сородичам не на что жаловаться, и из чувства родовой гордости они будут защищать и поддерживать парня. Тем не менее они по-прежнему недолюбливают Дилазаха. В свое время он каждому из них учинил какую-нибудь пакость – речь идет всего лишь о детских выходках, но мужчины, как я уже сказал, ничего не забывают. Спросите Малика или Лала Маста, когда в следующий раз отправитесь с ними на охоту.

Аш так и сделал. Но не узнал ничего сверх того, что рассказал Алаяр.

– Дилазах? Да он чистая змея, – сказал Малик-шах. – У него холодная кровь, и с языка каплет яд. Когда мы были детьми...

И он поведал длинную историю о детской шалости, закончившейся суровым наказанием и слезами для всех, кроме Дилазаха, который, собственно, затеял все дело, но потом выдал своих товарищей старшим, а сам избежал последствий с помощью наглой лжи. Было ясно, что давняя обида до сих пор не прошла, однако Малик признал, что год службы в полку изменил Дилазаха до неузнаваемости.

– Из него вышел хороший солдат, и когда нас, разведчиков, снова пошлют воевать, возможно даже, он заставит гордиться собой всех нас, и свой клан тоже. И все же странно, что он пожелал служить сиркару и подчиняться требованиям дисциплины. Я считал, что человек вроде него никогда не выберет такой образ жизни. Однако – кто знает? – может, он совершил какое-нибудь убийство, после которого оставаться в наших горах стало для него

слишком опасно, и потому решил временно укрыться здесь. Он не единственный, кто так поступает!

Малик рассмеялся, и Аш, хорошо знавший, что последнее утверждение в полной мере соответствует истине, не стал продолжать разговор на эту тему. Но уже через несколько дней стало ясно, почему Дилазах-хан вступил в ряды разведчиков. И оказалось, что недоверие к нему сородичей и подозрения Аша были вполне обоснованными.

12

Луна не светила той ночью, когда Дилазах исчез из Мардана, прихватив два карабина, находящиеся на вооружении кавалерии: свой и еще один. И никто не видел, как он покидал крепость, ведь он, как и Малик, при желании мог двигаться бесшумно, словно тень.

Он нес караул в последнюю смену перед рассветом, патрулируя расположение своей части на пару с одним солдатом, и не зарезал своего напарника, вероятно, потому лишь, что не хотел навлекать на себя кровную месть его родственников, а не потому, что сколько-нибудь ценил человеческую жизнь. Второй часовой получил сильное сотрясение мозга и смог рассказать о случившемся лишь спустя некоторое время. Он, понятное дело, совершенно не ожидал нападения со стороны товарища и не помнил, как все произошло, но было очевидно, что Дилазах оглушил его ударом приклада, а потом засунул кляп в рот, связал снятым с него тюрбаном и оттащил в густую тень за пределами слышимости для спящего лагеря. Негодяй удрал под покровом тьмы, и прошло не менее часа, прежде чем приглушенные стоны связанного человека разбудили одного из солдат, ибо конные патрули, галопом пустившиеся прочесывать местность в поисках беглеца, вернулись ни с чем.

К вечеру найти Дилазаха так и не удалось, а на следующее утро командующий корпусом осведомился, сколько еще членов его клана служат в полку. Все они были вызваны к нему в кабинет и получили приказ снять все обмундирование и снаряжение, являвшееся собственностью корпуса. Они молча подчинились и один за другим сложили вещи в кучу на покрытом циновкой полу, а потом вернулись на свои места и стали по стойке смирно.

– А теперь ступайте прочь, – сказал командующий. – И не показывайтесь мне на глаза, покуда не вернете в полк обе винтовки.

Мужчины вышли, не проронив ни слова, и никто не поставил под сомнение справедливость действий начальника, кроме Аша, для которого произошедшее стало кульминацией исключительно тяжелой недели. Побелев от гнева, Аш яростно заявил командиру эскадрона:

– Он не имел права поступать так! Они-то здесь при чем? Это не их вина! Да ведь они... ведь они даже не любили этого парня! Никогда не любили.

– Они принадлежат к одному клану, – спокойно объяснил командир эскадрона, – а наш начальник – тертый калач и знает, что делает. Он хочет, чтобы похищенные винтовки вернулись в полк, поскольку не может допустить, чтобы такого рода оружие использовалось на перевалах, и поскольку мы не вправе позволить, чтобы одному из наших солдат сошла с рук такая выходка. Это навело бы на преступные мысли множество других людей. Нет, он сделал единственное, что мог сделать в данной ситуации. Это вопрос иззата. Дилазах опозорил свой клан, и его сородичи вернут оружие обратно в собственных интересах. Вот увидите. Они наверняка подозревают, куда он направился, и, скорее всего, в течение двух суток вернуться сюда с винтовками.

– Ну и что с того? – осведомился Аш. – Их заставили снять форму и прогнали прочь – наказали и публично разжаловали за дело, к которому они не имеют ни малейшего отношения. Наказать следовало бы меня или вас! Я знал, что этот парень затевает неладное, и вы тоже знали. Я предупреждал вас, но вы отмахнулись от меня, словно я рассказал вам какую-то глупую сказку. Но все же я мог сделать что-нибудь, чтобы предотвратить случившееся, а Малик и остальные не могли. Это нечестно!

– Ох, бога ради, повзрослейте же наконец, Панди! – рявкнул командир эскадрона, теряя терпение. – Вы ведете себя как двухлетний ребенок. Да что за бес в вас вселился? Вы ходите злой как черт последние несколько дней. Как у вас со здоровьем?

– Прекрасно, благодарю вас, – сердито ответил Аш. – Но мне не по душе несправедливость, и я намерен лично переговорить с командующим.

– Ну, лучше уж вы, чем я. В данный момент он находится не в самом приятном расположении духа, и, когда вы выслушаете все, что он вам скажет, вы очень пожалеете о своем безрассудном поступке.

Но Аш не желал внимать доводам разума в том, что касалось дезертирства Дилазаха и увольнения его сородичей. Просто это было последним, хотя далеко не худшим событием недели, которую впоследствии он всегда считал самым черным периодом своей жизни. В дальнейшем ничто уже не производило на него столь тяжелого впечатления, потому что сам он навсегда изменился и стал совсем другим человеком.

Все началось с письма, пришедшего с утренней почтой, и Аш даже не узнал почерка на конверте и небрежно вскрыл его в столовой, предполагая найти в нем очередное приглашение на званый обед или танцевальный вечер. Написанное из лучших побуждений послание миссис Харлоу, уведомлявшее о помолвке ее дочери, стало неожиданностью сродни первому удару землетрясения.

Белинда безумно, безумно счастлива, писала миссис Харлоу, и она очень надеется, что Аштон не предпримет попытки отравить это счастье, но отнесется к делу разумно и не станет разыгрывать никаких трагических сцен. К настоящему времени он сам наверняка понял, что они с Белиндой совершенно не подходят друг другу, и вообще он еще слишком молод, чтобы думать о женитьбе и семейной жизни. Амброуз во всех отношениях гораздо лучшая партия для Белинды, и она уверена, что Аштон достаточно великодушен, чтобы порадоваться счастием ее дочери и пожелать ей всяческого благополучия в будущем. Белинда попросила ее сообщить ему эту новость, поскольку из-за всех глупых разговоров, происходивших между ними, бедное дитя считает, что так будет лучше для него...

Аш долго сидел, уставившись в письмо, и в конце концов один из товарищей спросил, все ли с ним в порядке. Ему пришлось повторить вопрос трижды, прежде чем он получил ответ.

– Да... то есть нет. Ничего особенного, – смущенно пробормотал Аш.

– Плохие новости? – сочувственно поинтересовался Уиграм Бэтти.

– Нет. Просто голова болит... Наверное, легкий солнечный удар. Пожалуй, я пойду лягу, – сказал Аш. И неожиданно добавил: – Я этому не верю.

– Чему не верите? Послушайте, дружище, может, вам показаться врачу? Вы бледный как смерть, – с искренней заботой сказал Уиграм. – Если это солнечный удар...

– Ох, не глупите! – раздраженно бросил Аш и вернулся в свою комнату, где присел на край кровати и перечитал письмо миссис Харлоу.

Он перечитал его раз пять, и с каждым разом оно казалось все менее правдоподобным. Если Белинда действительно полюбила другого, он, безусловно, почувствовал бы это во время последней встречи с ней, состоявшейся всего три недели назад. Но прощальные слова девушки нисколько не свидетельствовали о решительной перемене ее чувств, и он не верил, что после всего, что было между ними, Белинда попросила бы мать написать такое письмо. Будь это правда, она бы сама написала – она всегда была честна с ним. Амброуз... кто такой этот Амброуз, черт возьми? Это все заговор ее родителей. Заговор с целью разлучить их. Либо это, либо они принуждают Белинду к отвратительному браку против ее воли.

Письмо миссис Харлоу пришло в пятницу, и до официально разрешенного визита к Белинде оставалось еще восемь дней. Но на следующий день Аш нарушил приказ и поехал в Пешавар.

Как и в день первого его визита, хозяева бунгало отсутствовали и слуга сообщил Ашу, что сахиб и мэм-сахиб пошли на ланч и не вернутся до трех часов. Как и прежде, Аш отправился в клуб, и там тоже история повторилась: хотя на сей раз клуб отнюдь не пустовал и на террасах и лужайках прогуливались веселые и оживленные воскресные толпы, первым человеком, заговорившим с Ашем, оказался Джордж Гарфорт.

– Аш! – воскликнул Джордж, хватая его за рукав. – Мне надо поговорить с вами. Не уходите. Пойдемте выпьем...

Аш не имел ни малейшего желания разговаривать с Джорджем или с любым другим человеком, кроме Белинды. Но он не отделался от него и не ушел по двум причинам. Во-первых, Джордж был сильно навеселе, а во-вторых, он наверняка знал, есть ли хоть капля правды в истории о помолвке. Сам факт, что Джордж напился с утра пораньше, свидетельствовал о многом, и сердце Аша сжалось от дурного предчувствия.

– Им-мно вы-то м-мне и нужны, – хрипло и невнятно пробормотал Джордж. – Х-хочу поговрить с вами, Аш. Вы единственный, с кем я могу п-поговрить. Только не здесь... здесь слишком много н-народа... слишком много ч-чертовых чванливых снобов, с-сидящих и п-пдслушиващ-щих. Поедьте в мое бунгало, пз... пзавтракаем.

При данных обстоятельствах предложение казалось разумным: Аш меньше всего на свете хотел выслушивать речи Джорджа (судя по всему, дело касалось Белинды) в присутствии половины членов пешаварского клуба. Да и вообще, чем скорее мистер Гарфорт уберется из такого людного места, тем лучше, ибо своим поведением он привлекал к себе внимание окружающих. Многие смотрели на него с нескрываемым неодобрением и перешептывались с соседями, и в любую минуту управляющий или какой-нибудь разгневанный член клуба мог попросить его удалиться – такой позор для человека столь чувствительного, как Джордж, станет причиной страданий и унижения, несоразмерных с тяжестью обиды. Аш распорядился подать тонгу и отвез пьяного мистера Гарфорта в его бунгало, которое оказалось большим, прямоугольным в плане зданием, где размещалась также контора его фирмы.

Апартаменты Джорджа занимали малую часть здания и состояли из тесной спальни, смежной с ванной комнатой, и отгороженного чиком уголка веранды, который служил гостиной и столовой. Вся обстановка здесь имела удручающее сходство с обстановкой дак-бунгало, но слуга, вышедший на звон колокольчика тонги, оказался в состоянии подать ланч из трех блюд и двух бутылок легкого пива «Браун энд Макдоналд», так что, невзирая на свои предчувствия, Аш поел вполне сносно. Хозяин же, наоборот, с отвращением отказывался от каждого блюда; он сторбился в кресле, бормоча что-то и злобно поглядывая на кхидматгара. Только когда слуга убрал со стола и удалился, Джордж переменил свое грубое поведение самым неожиданным образом.

Едва лишь чик опустился за ушедшим кхидматгаром, Джордж подался вперед, положил руки на стол, уронил на них голову и разрыдался.

Аш поспешно ретировался в пыльный дворик, где одинокая мелия отбрасывала тень, дающую возможность укрыться от палящих лучей полуденного солнца. Он с удовольствием вернулся бы обратно в клуб, но не мог бросить Джорджа в такой момент, хотя теперь не оставалось сомнений, что причиной его пьянства и горя является помолвка Белинды, и у Аша не было никакого желания выслушивать то, что Джордж хотел сообщить. Аш присел на корень мелии, злясь на себя и еще сильнее на Джорджа, и стал ждать. Слышать надсадные, судорожные рыдания было неприятно, но наконец они стихли, Джордж шумно высморкался и неверной поступью ушел в спальню, где, судя по плеску воды, вылил себе на голову содержимое чатти.

Аш встал и вернулся в свое кресло на веранде, а вскоре снова появился Джордж с накинутым на плечи полотенцем и мокрыми волосами. Он налил себе чашку кофе из котелка, оставленного кхидматгаром на подносе, тяжело опустился в продавленное тростниковое кресло и принялся с несчастным видом прихлебывать горячий напиток. Болтливый и самоуверенный молодой человек, который в течение года с лишним пользовался таким успехом на чаепитиях и танцевальных вечерах в клубе, куда-то вдруг исчез. Даже от прежней привлекательности не осталось и следа, ибо сейчас его бледное лицо было одутловатым и небри-

тым, глаза покраснели от слез, а мокрые волосы утратили байроновскую кудрявость и свисали разрозненными вялыми прядями на лоб и на шею.

При виде столь плачевного зрелища раздражение Аша ослабло, изрядно разбавленное состраданием, и он, смирившись с ролью доверенного лица и утешителя, встал с кресла, налил себе кофе и с усилием произнес:

– Вы бы лучше рассказали мне все. Полагаю, дело в помолвке.

– В какой еще помолвке? – бесцветным голосом спросил Джордж.

Сердце у Аша подпрыгнуло и бешено заколотилось, и он расплескал кофе на пол. Так, значит, он не ошибался! Миссис Харлоу солгала ему и все это неправда!

– В помолвке Белинды, разумеется. Я думал, именно поэтому... я имею в виду... – От облегчения он говорил бессвязно. – Я слышал, она обручилась и собирается замуж.

– Ах, это... – Джордж небрежно махнул рукой, словно речь шла о чем-то несущественном.

– Выходит, это неправда? Ее мать сказала...

– Она здесь ни при чем, – задыхаясь, проговорил Джордж. – Она... миссис Харлоу... постаралась проявить предельный такт. Она действительно любит меня, знаете ли. Но Белинда... Я... я в жизни не подумал бы, что кто-то... нет, дело совсем в другом: просто я хотел утаить это, поскольку сам поверил, что все это правда. Мне следовало бы предвидеть, что кто-нибудь однажды все узнает.

– О чем узнает? Что за вздор вы лепечете, Джордж? Она помолвлена или нет?

– Кто? А, Белинда... Ну да. Они обручились сразу после бала холостяков, кажется. Послушайте, Аш, вы не против, если я поговорю с вами об одном деле? Видите ли, я не знаю, как мне быть. То ли признаться во всем, то ли подать заявление об уходе со службы и уволиться, то ли... Я не могу оставаться здесь. И не останусь. Я... я скорее застрелюсь. Она всем расскажет... уже начала рассказывать. Разве вы не заметили, как все пялились на меня и перешептывались в клубе сегодня утром? Наверняка заметили. А дальше будет хуже. Гораздо хуже. Вряд ли я смогу...

Но Аш уже не слушал. Он поставил чашку на стол дрожащей рукой и порывисто сел. Он больше не желал ничего слушать и ни с кем разговаривать. Во всяком случае, с Джорджем. И все же...

– Но этого не может быть, – резко сказал он. – Бал холостяков устраивался в самом начале прошлого месяца, почти шесть недель назад, а я виделся с ней с тех пор. Я пил с ней чай, и она сообщила бы мне про помолвку. Или ее мать. Или еще кто-нибудь.

– Они не спешат объявлять о помолвке. Собираются держать ее в тайне, покуда он не получит назначения на новую должность... Полагаю, тогда это произведет большее впечатление. Выйти замуж за резидента как-никак!

– За резидента? Но... – Аш осекся и сердито уставился на Джорджа, по-видимому даже более пьяного, чем казалось.

Должность резидента была одной из самых высоких: «доходное место» на гражданской службе в Индии. Только люди, много лет прослужившие в государственном департаменте, посылались в различные независимые княжества представлять интересы своего правительства в звании резидента.

– Бхолапор – одно из южных княжеств, – равнодушно произнес Джордж. – Об этом писали в газетах на прошлой неделе.

– Бхолапор? – тупо повторил Аш. – Но... нет, вы ошибаетесь. Вы пьяны. Вот в чем дело. Как Белинда могла познакомиться со столь высокопоставленным чиновником, а тем более обручиться с ним?

– Значит, смогла, – безразлично произнес Джордж, словно для него это не имело никакого значения. – Друг ее отца. Вы наверняка обратили на него внимание: такой тучный тип с

красной физиономией и седыми бакенбардами. Он пил чай с Харлоу, когда вы навещали туда в последний раз, и Белинда была всецело поглощена беседой с ним.

– Подмор-Смит! – выдохнул Аш в полном ужасе.

– Он самый. Напыщенный старый зануда, но, говорят, он весьма выгодное приобретение. Скоро наверняка будет произведен в рыцари и закончит лейтенант-губернатором и все такое. У него жена умерла в прошлом году, а дочери старше Белинды, но ее, похоже, это не смущает. Разумеется, он невероятно богат – его отец был одним из калькуттских набобов, так что он просто купается в деньгах. И я думаю, Белинда совсем не прочь стать леди Подмор-Смит. Или ее превосходительством губернаторшей. А в будущем, возможно даже, баронессой Подмор. – Джордж хрипло хохотнул и налил себе еще кофе.

– Я не верю! – яростно проговорил Аш. – Вы все выдумываете! Она никогда не сделала бы ничего подобного. Только не Белинда. Вы не знаете ее так хорошо, как знаю я. Она милая и честная и...

– Она честная, спору нет, – согласился Джордж.

Губы у него задрожали, и глаза снова наполнились слезами. Аш не обратил на это внимания.

– Если она и обручилась с ним, то по принуждению. Здесь ее родители постарались – этот старый сухой сморчок, ее отец, и глупая болтливая мамаша. Но если они думают, что я позволю им погубить жизнь Белинде и мне, то они ошибаются!

– Это вы ошибаетесь, – возразил Джордж. – Ее родителям все это не слишком нравилось, но она их уговорила. Она умеет добиваться своего, вам бы следовало это знать. А впрочем, вы ее совершенно не знаете. Да и я тоже. Я думал, что знаю, и даже предположить не мог... О боже, что же мне делать?

Слезы хлынули у него из глаз и покатались по щекам, но он не попытался ни вытереть, ни сдержать их. Он просто ссутулился в кресле и смотрел невидящим взглядом в пустоту, нервно сжимая и разжимая пальцы вокруг чашки с кофе. Джордж представлял собой жалкое зрелище и своей бесстыдной демонстрацией горя возмутил Аша. Да разве у него есть право вести себя подобным образом? Белинда даже не была обручена с ним и никогда не обручилась бы! Аш так и сказал ему, весьма резко, и почувствовал извращенное удовольствие, сделав это. Но хотя он высказался без обиняков, Джордж несколько не рассердился.

– Да нет, дело не в этом, – безжизненным голосом произнес Джордж. – Вы не понимаете. Конечно, я знал, что она никогда не выйдет за меня замуж, я же не дурак. Я слишком молод, и у меня нет никаких перспектив. У меня нет... ничего! Наверное, именно потому я и придумал эту историю. Чтобы казаться более интересным... Но я и помыслить не мог... мне и в голову не приходило, что она так отреагирует, когда узнает.

– Да что узнает? – спросил Аш с понятным недоумением. – Бога ради, Джордж, возьмите себя в руки и прекратите мямлить! В чем дело? Что именно она узнала?

– Обо мне. Понимаете, я... я наврал про себя с три короба. А у этой женщины, миссис Гидни, с которой мать Белинды крепко дружит, есть знакомая в Рангуне, и она знает одного человека, который... В общем, дело было так...

Это была простая и довольно некрасивая история, неприятная для всех заинтересованных лиц. Миссис Гидни в своем письме к близкой подруге между прочим упомянула имя Джорджа и сообщила о его романтическом происхождении, а по несчастливому стечению обстоятельств означенная подруга оказалась знакомой некоего мистера Фрисби, занимавшегося торговлей тиковым деревом. Вот так все и открылось...

Бабушка Джорджа была отнюдь не греческой графиней, а индианкой низкого происхождения, чей союз с его дедом – цветным сержантом британского полка, квартировавшего в Агре, – носил сугубо временный характер, но имел своим результатом рождение дочери, которую в конечном счете отдали в сиротский приют. В возрасте пятнадцати лет девушка

нашла место помощницы няни в семье военного и впоследствии вышла замуж за молодого капрала из полка своего хозяина, некоего Альфреда Гарфорта. Их сын Джордж, родившийся в Барейлли, единственный из всей семьи уцелел в ходе Восстания 1857 года: его родители, новорожденный брат и три младшие сестры были убиты в течение пятнадцати кошмарных минут.

Джордж в тот день гостил в семье одного доброжелательного лавочника, избежавшей жестокой резни, и в течение нескольких лет, прошедших до возвращения полка в Англию, эта добрая чета давала мальчику приют, поскольку его отец тоже был сиротой и у него не имелось родственников, которые могли бы о нем позаботиться. Именно тогда Джордж узнал от своих товарищей по играм, что полукровка является объектом презрения. Среди казарменных мальчишек было несколько таких, и они вместе с Джорджем подвергались насмешкам и издевкам со стороны детей белых родителей и в свою очередь относились почти с таким же презрением к индийским детям, чьи родители были темнокожими.

«Твоя бабка была метельщицей!» или «Ха-ха, ты поганый черно-белый!» – такие обидные насмешки постоянно звучали во время потасовок между детьми в казармах, а базарные мальчишки порой выражались еще более оскорбительно. Однако у Джорджа по иронии судьбы кожа была светлее, чем у многих его белых мучителей, и обладая он характером потверже или наружностью поневзречнее, возможно, он сумел бы заставить всех забыть о своей неизвестной бабке. Однако он был всего лишь прехорошеньким маленьким мальчиком, хотя и болезненно застенчивым, – подобное сочетание умиляло взрослых, но возбуждало в ровесниках желание избивать его, что они и делали с энтузиазмом при каждом удобном случае.

У него развилось сильное заикание и лютая ненависть к школьным товарищам, казармам и всему связанному с армией. Когда полк отплыл в Англию, взяв его с собой, только доброта вышеупомянутой супружеской четы, Фреда и Эми, спасла Джорджа от армейского сиротского приюта. На собственные деньги они устроили его в маленькую школу-интернат под Бристолем, куда принимали детей, чьи родители находились за морем. Большинство учеников проводили выходные и каникулы в школе, и почти все они родились за границей – к несчастью для Джорджа, поскольку все они тоже отзывались о полукровках с презрением, а одного из них, который, на свою беду, имел черные глаза и смуглую кожу, жестоко дразнили из-за внешности, и Джордж, к своему стыду, присоединился к мучителям. Никто в школе, за исключением, возможно, директора, ничего не знал о нем, и потому он получил возможность придумать себе родословную.

Поначалу она была относительно скромной, но с возрастом он ее расширил, включив в нее мифических бабок, дедов, прабабок и прадедов и множество колоритных предков. А так как Джордж постоянно боялся, что однажды глаза у него потемнеют и кожа станет предательски смуглой (как потемнели кудрявые волосы, в младенчестве белокурые), он придумал себе ирландского отца – ирландцы зачастую черноволосы – и на всякий случай добавил бабку-гречанку. Позже он обнаружил, что большинство официантов и мелких лавочников в Сохо являются греческими эмигрантами, но к тому времени он уже не мог изменить национальность своей мифической бабушки и потому решил сделать ее графиней.

Как только Джордж окончил школу, его благодетель мистер Малленз через одного знакомого, служившего в «Браун энд Макдоналд», устроил своего протеже в фирму на должность клерка, полагая, что таким образом дает молодому человеку блестящую возможность сделать карьеру в виноторговле. К сожалению, новость несколько не обрадовала Джорджа. Будь его воля, он никогда не вернулся бы в Индию, но за недостатком мужества и средств он не смог отказаться от такого предложения. Когда Джордж прошел обучение и в конечном счете получил направление в Пешавар, его утешала только мысль, что Пешавар отделяют от Барейлли почти четыреста миль и в любом случае ему не придется навещать мистера и мис-

сис Малленз: за месяц до своего отъезда он узнал, что мистер Малленз умер от брюшного тифа, а его сокрушенная горем вдова продала лавку и отбыла в Рангун, где ее зять успешно занимался торговлей тиковым деревом.

Мистер Малленз, великодушный до последнего часа, оставил Джорджу пятьдесят фунтов и золотые часы. Джордж потратил деньги на покупку одежды и сказал своей домовладелице, что часы достались ему в наследство от деда. От ирландского деда – О'Гарфорта, владельца замка Гарфорт...

– Я не думал, что когда-нибудь все откроется, – горестно признался Джордж. – Но у миссис Гидни есть подруга, чей муж занимается торговлей тиковым деревом и знает зятя старого Малленза, и, похоже, эта подруга однажды встретила с миссис Малленз и они завели разговор о Восстании, и миссис Малленз рассказала обо мне: о том, как ее муж оплатил мое обучение в школе и устроил меня в фирму, и как хорошо у меня идут дела, и... в общем, обо всем. Она даже показала мою фотографию, о которой я совсем забыл. Я послал им снимок незадолго до окончания школы. Я писал старикам, знаете ли. А потом эта подруга написала миссис Гидни...

Миссис Гидни, по-видимому, сочла своим долгом предупредить свою милую подругу миссис Харлоу, а миссис Харлоу, глубоко расстроенная двуличностью Джорджа, естественно, рассказала все дочери. Но если две старшие леди были просто потрясены новостью, то Белинда пришла в ярость – не столько потому, что он солгал ей, сколько потому, что поставил ее в глупое положение. В конце концов, именно они с матерью, по сути, поручились за Джорджа и ввели его в пешаварское общество. Хотя он и привлек бы к себе известное внимание одной своей наружностью, но никогда бы не снискал такого общественного признания, какое получил с самого начала благодаря пристрастному отношению к нему миссис Харлоу и дружбе с ее дочерью. Помимо всего прочего, Белинда верила в романтическую историю о любовной связи его мифической прабабушки с лордом Байроном (справедливости ради надо заметить, что к распространению данного слуха Джордж не имел никакого отношения), но если она не находила ничего ужасного в мысли о незаконнорожденной бабушке, появившейся на свет от столь благородных родителей (скорее даже, наоборот, приходила в восторг от нее), то внебрачная дочь цветного сержанта и индианки из низшей касты – это совсем другое дело, в высшей степени отвратительное. Получалось, что мать Джорджа всего лишь полукровка, незаконнорожденная евразийка, вышедшая замуж за капрала пехотного полка, а сам Джордж имеет не просто слабую примесь черной крови – он на четверть индеец, причем из низшей касты. И это человек, которому Белинда помогла войти в пешаварское общество, с которым танцевала и обедала, которого одаряла улыбками! Теперь все остальные девушки будут смеяться над ней, и она никогда не загладит эту ошибку. Никогда.

– Она была в страшной ярости, – прошептал Джордж. – Говорила такие ужасные вещи... что все полукровки лжецы и что она больше не желает меня видеть и если... если я посмею еще хоть раз заговорить с ней, она м-меня з-зарезет. Я и не предполагал, что на свете бывают такие жестокие люди. Она даже не казалась х-хорошенькой... она казалась уродливой. А ее голос... Миссис Харлоу все повторяла: «Ты говоришь не всерьез, дорогая. Ты говоришь не всерьез». Но она говорила очень даже всерьез. А потом н-начала рассказывать всем подряд. Я точно знаю, потому что все смотрят на меня, как на какое-то мерзкое насекомое, и... Что мне делать, Аш? Я бы наложил на себя руки, если бы смог, но у меня не хватает смелости. Даже когда я пьян. Но я не могу оставаться здесь. Не могу! К-как повашему, если я чистосердечно признаюсь во всем начальнику, он переведет меня в д-другое место? Если я буду умолять на коленях?

Аш не ответил. Он находился в тошнотворном оцепенении и, вопреки всему, отказывался верить услышанному. Он не хотел и не мог поверить, что Белинда способна на такое. Джордж – да. Поведанная история объясняла многое в Джордже: болезненную ранимость и

неуверенность в себе, резкое превращение из косноязычного робкого юноши в развязного и самонадеянного, произошедшее, когда Белинда принялась флиртовать с ним, а миссис Харлоу начала выказывать предупредительное внимание и благосклонность и он наконец поверил в себя, и, самое главное, полный упадок нравственных и физических сил, случившийся сейчас, когда обнаружилась фальшивость его выдуманного мира. Но Белинда не могла вести себя так, как он описывал. Джордж снова все придумал и, повинувшись голосу нечистой совести, вложил ей в уста обличительные речи, с которыми сам обращался к себе. Он боялся услышать от нее нечто подобное и теперь наказывает себя, воображая, будто она действительно говорила такие вещи. Вполне возможно, он придумал также и помолвку Белинды с мистером Подмор-Смитом, в которую Аш тоже отказывался верить, покуда не услышит о ней от самой девушки. И если родители действительно принуждают ее к браку с мерзким стариком, впавшим в детство, тогда он выскажет им все, что о них думает.

Аш встал, отдернул чик и крикнул слуге нанять ему тонгу.

– Но вы же не уходите? – выдохнул Джордж, охваченный паникой. – Не уходите! Пожалуйста, не уходите! Если вы меня оставите, я... я снова напьюсь, а тогда будет еще хуже. Бренди придает мне смелости. Я могу в-выйти из дому и совершить к-какую-нибудь глупость. Как сегодня с утра, когда я отправился в клуб и выставил себя на посмешище.

– В таком случае не напивайтесь! – раздраженно отрезал Аш. – И бога ради, Джордж, прекратите жалеть себя! Вы не должны падать духом только потому, что вас уличили в глупом вранье насчет вашей бабушки. Кому какое дело, кем она была или не была? Вы же остались самим собой, верно? Смешно думать, будто люди любили вас за то, что ваша бабушка была гречанкой, или итальянкой, или кем там еще. А если вы хоть на минуту вообразили, будто Белинда или еще кто-нибудь собирается распространять рассказы о ней, значит вы сумасшедший. Знаете, в чем дело, Джордж? Вы все преувеличили сверх всякой меры и настолько упивались жалостью к себе, что даже не попытались остановиться хотя бы на минуту и посмотреть на дело разумно.

– Вы не слышали, что г-говорила мне Белинда, – задыхаясь, пролепетал Джордж. – Если бы вы слышали...

– Наверное, она ужасно рассердилась на вас за ваше дурацкое вранье и просто хотела наказать вас. Напрягите мозги хоть на секунду и прекратите вести себя словно истеричный трус. Если Белинда такая, какой ее считаю я, она будет хранить молчание ради вашего блага, а если она такая, какой ее считаете вы, она будет хранить молчание в своих интересах. То же самое касается ее матери и миссис Гидни: едва ли они захотят афишировать тот факт, что оказались легковверными старыми сплетницами.

– Об этом я не подумал, – слегка оживившись, согласился Джордж. – Да, пожалуй... – Он снова поник. – Но знаете, никто не разговаривал со мной в клубе сегодня утром, кроме миссис Виккари. Все остальные просто тарасились на меня, перешептывались и хихикали...

– Ох, прекратите, Джордж! – сердито перебил Аш. – Вы появляетесь в клубе воскресным утром пьяный в стельку и еще удивляетесь, что люди обращают на вас внимание. Во имя всего святого, перестаньте разыгрывать трагедию и попытайтесь посмотреть на вещи трезво!

Заслышав цокот копыт и звон колокольчика, возвещающие о прибытии тонги, Аш взял шляпу, а Джордж тоскливо сказал:

– Я надеялся, вы задержитесь еще н-немного и... и дадите мне дельный совет. Ужасно сидеть здесь в одиночестве и все думать, думать, а если бы я мог просто поговорить об этом...

– Вы говорили об этом более часа, – резко заметил Аш. – А коли вам действительно нужен мой совет – пожалуйста: забудьте о случившемся, помалкивайте о своей бабке и про-

чей родне и ведите себя как ни в чем не бывало, а не выставляйте свое горе на всеобщее обозрение, вызывая разные толки. Никто никогда не узнает об этой истории, если вы будете сохранять спокойствие и держать рот на замке.

– Вы действительно так считаете? – пролепетал Джордж. – Возможно, вы правы. Возможно, никто ничего не узнает. Вряд ли я вынесу, если правда откроется. Если такое случится... Аш, скажите честно, как бы вы поступили на моем месте?

– Я бы застрелился, – нелюбезно сказал Аш. – До свидания, Джордж.

Он сбежал по ступенькам веранды, сел в тонгу и поехал обратно в клуб, где взял свою лошадь и направился к бунгалу Харлоу. На этот раз удача улыбнулась ему: родители Белинды по-прежнему отсутствовали, а сама она уже вернулась и отдыхала. Слуга, пробужденный от дневного сна, очень не хотел беспокоить молодую госпожу, но Аш пригрозил войти к ней без предварительного доклада, и слуга поспешно удалился, постучал к ней в дверь и сообщил, что некий сахиб желает видеть ее и не уйдет, пока не добьется своего. Однако, когда пятью минутами позже Белинда появилась в гостиной, Ашу сразу стало мучительно ясно, что она ожидала увидеть совсем другого человека. Она весело вбежала в комнату, но в следующий миг резко остановилась, и улыбка погасла на прелестном лице, а глаза расширились от тревоги и гнева.

– Аштон! Что вы здесь делаете?

Что-то в ее тоне и выражении лица привело Аша в полную растерянность, и он неуверенно проговорил, слегка заикаясь, как Джордж:

– Я... хотел увидеть вас, дорогая. Ваша мать написала мне. Она сообщила, что вы... вы собираетесь замуж. Это ведь неправда, да?

Белинда не ответила на вопрос. Вместо этого она сказала:

– Вам не следовало приходить сюда. Вы сами знаете, что не следовало. Прошу вас, уходите, Аштон. Папа рассердится, коли вернется и застанет вас здесь. Абдул не должен был впускать вас. Уходите сейчас же!

– Так это правда? – спросил Аш, проигнорировав просьбу удалиться.

Белинда топнула ногой:

– Я попросила вас уйти, Аштон! Вы не имеете права врываться сюда и устраивать мне допрос, когда знаете, что я одна и...

Аш двинулся к ней, и она испуганно попятилась. Но он прошел мимо нее, запер дверь на ключ, положил ключ в карман, а потом вернулся назад и встал между девушкой и дверью на веранду, отрезая путь к бегству.

Белинда открыла рот, собираясь позвать слугу, но тотчас закрыла, устранившись перспективой вовлечь одного из слуг в столь неловкую ситуацию. Разговор с Аштоном, пусть и чрезвычайно неприятный, представлялся меньшим из зол, а поскольку он все равно состоялся бы рано или поздно, она вполне может покончить с делом прямо сейчас. Поэтому Белинда улыбнулась и заискивающе сказала:

– Пожалуйста, давайте обойдемся без сцен, Аштон. Я знаю, вам сейчас тяжело. Вот почему я и попросила маму написать вам – я не могла сама причинить вам боль. Но вы наверняка уже осознали, что в момент нашей первой встречи мы оба были слишком молоды, чтобы толком разобраться в своих чувствах и понять, что они недолговечны, как и говорил папа.

– Вы собираетесь замуж за этого Подмора? – холодно спросил Аш.

– Если вы имеете в виду мистера Подмор-Смита, то да. И вам нет необходимости разговаривать со мной таким тоном, потому что...

– Но, дорогая моя, вы не можете безропотно подчиниться родительской воле. Неужели, по-вашему, я не понимаю, что все это – дело рук вашего отца? Вы любили меня, вы собира-

лись выйти замуж за меня, а теперь он принуждает вас к такому ужасному браку. Почему вы не отстаиваете свои права? О Белинда, дорогая, неужели вы не видите?

– Я все прекрасно вижу, – раздраженно сказала Белинда. – Я вижу, что вы ничего об этом не знаете. Да будет вам известно, что папа решительно возражал против помолвки. И мама тоже. Но мне уже не семнадцать лет, в этом году мне исполнится девятнадцать, и я достаточно взрослая, чтобы знать, чего хочу. Поэтому они ничего не могли поделать и в конце концов были вынуждены согласиться, так как Амброуз...

– Вы притворяетесь, будто любите его? – резко перебил Аш.

– Разумеется, люблю. Вы же не думаете, что я вышла бы замуж не по любви?

– Неправда! Я вам не верю. Этот жирный, занудный, напыщенный старик одного возраста с вашим отцом...

Кровь прилила к лицу Белинды, и внезапно Ашу вспомнились слова Джорджа о том, как она дурнеет от злости. Она подурнела сейчас, и в ее дрожащем от гнева голосе послышались визгливые нотки.

– Он моложе моего отца! Моложе! Да как вы смеете говорить со мной в таком тоне? Вы ревнуете, потому что Амброуз вхож в высшее общество, он зрелый, интересный и преуспевающий человек. Надежный и достойный уважения мужчина, а не глупый мальчишка, который... – Она остановилась на полуслове, закусил губу, а потом с усилием овладела собой и сказала более спокойным тоном: – Извините, Аштон. Но я страшно злюсь, когда люди говорят такие вещи. В конце концов, вы точно так же злились, когда папа считал вас слишком молодым. Вы говорили, что возраст не имеет никакого значения, помните? И это действительно так. Амброуз понимает меня, и он добрый, щедрый, умный, и все говорят, что он непременно станет губернатором. Может даже, однажды он станет вице-королем.

– Наверное, он еще и богат вдобавок.

Белинда не услышала саркастических ноток в голосе Аша и, восприняв замечание всерьез, счастливо сказала:

– Да. Он дарит мне такие замечательные подарки. Вот, взгляните.

Она с неподдельным удовольствием вытянула вперед левую руку, и Аш с болью увидел у нее на пальце кольцо с огромными бриллиантами, причем каждый по меньшей мере вдвое превосходил размерами жемчужины на прелестном, но непритязательном колечке, что он купил для своей возлюбленной в Дели полтора с лишним года назад. Казалось, с тех пор прошло гораздо больше времени – лет пять, самое малое. Слишком много для Белинды, которая собиралась выйти замуж за человека, годившегося ей в отцы. За жирного, богатого, преуспевающего вдовца, который имеет возможность дарить ей бриллианты и сделает ее леди Подмор-Смит – и мачехой двух своих дочерей такого же возраста, как она сама.

Казалось, говорить больше не о чем. Бриллиантовое кольцо на пальце Белинды ясно свидетельствовало, что любые доводы и мольбы не возымеют никакого действия и ему остается только пожелать ей счастья и удалиться. Было странно думать, что он собирался прожить с ней всю жизнь, а сейчас, вероятно, видит ее в последний раз. Внешне она оставалась все такой же бело-розовой и очаровательной, как прежде, однако теперь Аш ясно понимал, что на самом деле никогда не знал, что творится в этой золотоволосой головке, и полюбил девушку, существовавшую главным образом в его воображении.

– Полагаю, я делал то же самое, – медленно произнес он. – Тешил себя приятными выдумками, как Джордж.

Белинда напряглась, и лицо ее снова некрасиво покраснело от гнева, а голос зазвучал пронзительно и злобно.

– Не упоминайте при мне имени Джорджа. Он безродный лживый лицемер. Все эти рассказы про бабу-гречанку... – Увидев выражение лица Аша, она осеклась и испустила резкий смешок, такой же противный, как голос. – Ах, я забыла: вы же ничего не знаете. Что

ж, я расскажу вам. Она была такой же гречанкой, как я. Она была базарной торговкой, и если он думает, что я собираюсь молчать, то глубоко ошибается.

С трудом шевеля непослушными губами, Аш, запинаясь, проговорил:

– Вы не можете... Вы говорите не всерьез... Вы не стали бы...

Белинда снова рассмеялась, ее глаза горели от гнева и злобы.

– Очень даже могу. Уже смогла. Неужели вы думаете, что я собираюсь сидеть и ждать, пока еще кто-нибудь не узнает и не начнет всем рассказывать, чтобы люди смеялись надо мной и мамой за нашей спиной и жалели нас, купившихся на ложь? Да я лучше умру! Я сама все расскажу: скажу, что с самого начала подозревала неладное и хитростью заставила его во всем признаться, и...

Голос у Белинды дрожал от возмущения и чувства оскорбленного самолюбия, и Аш мог лишь оторопело смотреть на нее, пока с прелестных розовых губ безудержным потоком лились полные злобы и желчи слова, словно она была не в силах остановиться. Будь он старше, умнее и сам не так сильно уязвлен, возможно, он понял бы, что на самом деле это просто истерика испорченного ребенка, избалованного, заласканного и захваленного до такой степени, когда здоровый смысл и детская веселость сменяются сомнением и тщеславием и любое противодействие, любая воображаемая обида преувеличиваются до размеров непростительного оскорбления.

Белинда была молода и не слишком умна. По глупости она принимала за чистую монету комплименты своих поклонников и после головокружительного года пребывания в статусе первой красавицы привыкла принимать лесть, восхищение и зависть окружающих как должное. Она сверх всякой меры возвысилась в собственных глазах и теперь жестоко мучилась мыслью о том, что скажут несколько завистливых молодых леди, когда узнают, как она попала на удочку. Да как Джордж посмел солгать ей и выставить ее на посмешище?! Такой, по существу, была инстинктивная реакция Белинды на разоблачения, сделанные миссис Гидни. Истинная причина лжи и позерства Джорджа, личная трагедия, сокрытая за ними, унижение, которое он терпел сейчас, – об этих сторонах дела она даже не задумывалась, поскольку, потрясенная открытием, могла думать лишь о том, как случившееся отразится на репутации мисс Белинды Харлоу.

После мамы и самого Джорджа Аш оказался первым человеком, которому Белинда смогла излить все негодование и боль уязвленного тщеславия, накопившиеся в ней с момента, когда она узнала о двуличности Джорджа, – и она испытывала огромное облегчение. Но для Аша, слушавшего гневное словоизвержение, это стало окончательным прозрением, полным развенчанием образа милой, доброй, невинной девушки, существовавшего в его воображении. Обладательница этого визгливого голоса не имела с ним ничего общего. Она была расчетливой, хваткой женщиной, собиравшейся выйти замуж за жирного старика из-за денег и ради высокого положения в обществе. Бессердечной, исполненной снобизма особой, осуждавшей человека за грехи его предков, и злоречивой мегерой, способной погубить чужую репутацию, дабы избежать незначительного ущерба для своей собственной.

Аш хранил молчание и не предпринимал никаких попыток прервать яростную тираду, но, очевидно, на лице у него явственно отразилось отвращение, ибо Белинда вдруг возвысила голос, по-кошачьи стремительно выбросила вперед руку и нанесла ему пощечину с такой силой, что у него голова дернулась назад, а у нее заняла ладонь.

Сей поступок стал неожиданностью для них обоих, и несколько мгновений они в ужасе смотрели друг на друга, лишившись дара речи от потрясения. Потом Аш холодно произнес: «Благодарю вас», а Белинда разразилась рыданиями, круто развернулась и бросилась к двери, разумеется запертой.

Именно в этот момент хруст гравия под колесами возвестил о несвоевременном возвращении майора и миссис Харлоу, и следующие десять минут были, мягко выражаясь,

довольно сумбурными. К тому времени, когда Аш достал ключ из кармана и отпер дверь, Белинда впала в совершенную истерику, и взору ошарашенных родителей явилась рыдающая, визжащая дочь, которая вылетела из гостиной, пронеслась через холл и скрылась в своей спальне, захлопнув дверь с таким грохотом, что стены бунгало сотряслись.

Майор Харлоу первым овладел собой, и все, что он имел сказать по поводу манер Аша и ситуации в целом, отнюдь не улаждало слуха. Миссис Харлоу не приняла участия в разговоре, она сразу бросилась утешать сокрушенную горем дочь, и заключительная часть гневной речи ее мужа прошла под аккомпанемент приглушенных стонов и возбужденных материнских призывов сказать, что же натворил этот ужасный мальчишка.

– Я намерен сообщить о случившемся вашему командиру, – напоследок объявил майор Харлоу. – И предупреждаю: если вы еще когда-нибудь попытаетесь хотя бы заговорить с моей дочерью, я с огромным удовольствием задам вам трепку, которой вы в полной мере заслуживаете. А теперь убирайтесь вон!

Он не дал Ашу возможности объясниться, и в любом случае Аш не мог бы сказать ничего такого, что не усугубило бы ситуацию, если не считать униженных извинений, которые, возможно, были бы приняты, но несколько не изменили бы положения вещей. Однако Аш не имел намерения извиняться. Он не считал себя виноватым и укрепил майора в его мнении о нем, смерив разгневанного джентльмена взглядом, который сделал бы честь самому дяде Мэтью, и покинув бунгало без единого слова оправдания или раскаяния.

– Несносный щенок! – прошипел майор, кипя вполне понятной яростью, после чего удалился в свой кабинет и принялся сочинять убедительное письмо командующему корпусом разведчиков, пока Аш ехал обратно в Мардан со смятенной душой, полной гнева, отвращения и жгучей горечи.

Он так болезненно отреагировал вовсе не на помолвку Белинды. Этому он мог бы найти оправдание: в Викторианскую эпоху браки юных девушек с мужчинами много старше их считались обычным делом, и девушки шестнадцати-семнадцати лет часто выходили замуж за сорокалетних мужчин. Мистер Подмор-Смит, при всех своих физических недостатках, был богат, уважаем и успешен, – вероятно, Белинде очень льстило его внимание, и в результате она ошибочно приняла свое восхищение достоинствами этого джентльмена за чувство более теплое и убедила себя, что влюблена в него. В конце концов, она была молода и впечатлительна – и всегда отличалась импульсивностью. Аш мог бы простить ей помолвку с Подмор-Смитом, но не мог ни оправдать, ни простить ее поведение с Джорджем.

Ну да, Джордж наврал с три короба, но месть Белинды представлялась жестокой и несправедливой, ведь он же не собирался жениться на ней обманным путем. Он прекрасно понимал, что ни она, ни ее родители никогда не станут всерьез рассматривать его в качестве возможного мужа, и надеялся лишь стать более интересным в глазах девушки и войти на равных в закрытое светское общество военного городка. Однако Белинда намеревалась во всеуслышание объявить Джорджа лжецом и полукровкой, отлично понимая, что означенное общество никогда не простит и ни на минуту не забудет этого. Джордж окажется изгоем, ибо круг англичан в Индии весьма тесен и эта история последует за ним в любой уголок страны. Куда бы он ни поехал, там всегда найдется человек, знающий ее или слышавший о ней из вторых уст, и добродетельные матроны станут перешептываться, прикрывшись веерами, тогда как их дочери будут выказывать бедняге презрение, а мужчины – смеяться и изгонять его из своих клубов.

«Это нечестно!» – гневно думал Аш. Какое значение имеет то, кем была твоя бабушка, или отец, или мать? Теперь он жалел, что не поступился самолюбием и не попросил за Джорджа перед отцом Белинды. Ему следовало сообщить этому старому солдафону о намерениях дочери и сказать, что ее надо остановить. Хотя, наверное, для этого было уже слишком поздно, ведь она, по ее словам, уже рассказала все нескольким людям. И, насколько он пони-

мал, ее отец вполне мог одобрять такие действия. Ее мать и эта сплетница миссис Гидни явно одобряли, а значит, одобряют их друзья и знакомые, которые все станут сочувствовать этой тщеславной маленькой стерве Белинде и набросятся на бедного Джорджа, как стая волков. При мысли о такой мерзости и несправедливости у Аша ком подкатывал к горлу, и он задышался, испытывая физические муки от отвращения.

Он прибыл в Мардан в черной ярости и еще более черном разочаровании. А через несколько дней Дилазах скрылся с винтовками, и пятерых соваров из его клана, включая Малик-шаха и Лала Маста, заставили снять форму и изгнали из полка с приказом вернуть похищенное оружие – или никогда впредь не появляться в Мардане...

Аш намеревался просить о встрече с командующим, чтобы опротестовать предпринятые действия, но не успел: тот сам вызвал его к себе для объяснений, получив несколько запоздавшее письмо от майора Харлоу. Головойка, заданная отцом Белинды, не шла ни в какое сравнение с жестоким разном, полученным от командующего, хотя Аш почти все пропустил мимо ушей, всецело поглощенный мыслью о совершенной несправедливости. Было несправедливо изгонять из полка, точно преступников, пятерых мужчин из клана Дилазаха, которые имели безупречную репутацию и даже не испытывали приязни к своему сородичу, а уж тем более не пособничали ему! Аш с нетерпением ждал, когда командир закончит говорить и он сможет выразить свой протест, и тот факт, что он явно уделял мало внимания обращенным к нему словам, нисколько не улучшил ни положения дел, ни настроения командира.

– Если кто здесь и виноват, то только я, – горячо заявил Аш. – Это меня следовало выгнать из полка и послать за Дилазахом, потому что я чувствовал что-то неладное и должен был принять меры к тому, чтобы он не получил возможности совершить подобное. Но Малик и остальные не имеют к случившемуся никакого отношения, и несправедливо марать их честное имя таким образом. Они не виноваты, что преступник принадлежит к их роду, и не заслуживают...

Больше он ничего не успел сказать. Командир одной короткой гневной фразой сказал Ашу все, что прежде другие говорили более пространно, но менее ясно, и велел убраться с глаз долой. Аш поделился своими переживаниями с Зарином, но и здесь не нашел понимания, ибо Зарин считал действия командира разумными. Рисалдар Авал-шах тоже придерживался такого мнения.

– Как еще он вернет наши винтовки? – спросил Авал-шах. – Разведчики прочесали всю окрестную местность, но не обнаружили ни следа Дилазаха. Но возможно, его сородичи знают, что у него на уме, разыщут парня и через два-три дня вернутся с оружием. Таким образом их и наша честь будет спасена.

Зарин кивнул в знак согласия, а Кода Дад, который как раз тогда наносил один из своих редких визитов сыновьям, не только принял их сторону, но и сурово отчитал Аша.

– Ты рассуждаешь как сахиб, – с досадой сказал Кода Дад. – Болтать о несправедливости в подобной ситуации просто глупо. Командующий-сахиб умнее тебя, поскольку рассуждает не как ангези, а как патан, но вот ты – ты, который в прошлом был Ашоком, – смотришь на дело так, словно всю жизнь был Пелам-сахибом. Право слово! Сколько раз я повторял тебе, что только малые дети кричат «это нечестно!» – малые дети и сахиб-логи? Теперь наконец я вижу, – ядовито добавил старик, – что ты самый настоящий сахиб.

Аш вернулся в свои комнаты мрачный и подавленный, как прежде. Однако, даже несмотря на такое свое состояние, он, возможно, воздержался бы от безрассудного поступка, если бы не Джордж – если бы не Джордж и Белинда...

Войдя в офицерскую столовую вечером, Аш столкнулся с одним из своих товарищей-субалтернов, недавно вернувшимся из штаба в Пешаваре.

– Слышали новости об этом малом, Гарфорте? – спросил Кук-Коллис.

– Нет. И слышать не желаю, благодарю вас, – грубо ответил Аш.

Он не ожидал, что слухи распространятся так быстро, и при мысли о необходимости выслушивать историю из вторых и третьих уст его замутило.

– Разве он вам не нравился?

Проигнорировав вопрос, Аш отвернулся, окликнул кхидматгара и велел подать двойной бренди. Но от Кук-Коллиса было не так-то просто отделаться.

– Пожалуй, я тоже выпью. Мне то же самое, Иман Дин. Ей-богу, мне надо выпить. От таких дел всегда на душе мерзко, но, когда речь идет о твоём знакомом, это здорово выводит из равновесия, даже если ты знал его не близко, как я в данном случае, хотя встречался с парнем на разных званных обедах, балах и тому подобных мероприятиях, поскольку его повсюду приглашали. Он пользовался успехом у дам, даром что был всего лишь мелким бокс-валлахом. Вообще-то, я ничего не имею против бокс-валлахов, знаете ли. На мой взгляд, они весьма приятные люди. Но одного только Гарфорта можно было встретить практически в любом месте, и, не стану отрицать, я испытал страшное потрясение, когда узнал, что он...

– Полукровка, – раздраженно закончил Аш. – Да, знаю. И не понимаю, какое дело до этого вам или еще кому-либо, так что можете не продолжать.

– Он полукровка? Я и не знал. Вы уверены? С виду он не походил на полукровку.

– Тогда о чем, собственно, вы говорите? – осведомился Аш, злясь на себя за то, что выдал тайну Джорджа человеку, который явно ничего не знал, а теперь непременно начнет трепать языком.

– О Гарфорте, разумеется. Он застрелился сегодня днем.

– Что?! – У Аша пресекся голос. – Нет, не может быть!

– Чистая правда, увы. Не знаю, что он там натворил, но, похоже, несколько человек оскорбительно обошлись с ним в клубе вчера вечером. А сегодня утром он получил несколько писем, отменяющих приглашения, уже принятые им. И вот около полудня он купил в лавке две бутылки бренди, выпил обе, а потом пустил себе пулю в висок, бедняга. Мне сообщил об этом Билли Кардок, который столкнулся с доктором, выходившим из бунгало фирмы. Он сказал, что никто понятия не имеет, почему Гарфорт сделал это.

– Я знаю, – прошептал Аш с посеревшим от потрясения лицом. – Джордж спросил меня, что бы я сделал на его месте, и я ответил... я ответил... – Он содрогнулся всем телом и, прогнав прочь невыносимую мысль, громко сказал: – Это из-за Белинды. Из-за Белинды и всех этих узколобых, нетерпимых снобов, которые всячески привечали Джорджа, пока считали, что его бабушка была графиней, и стали оскорблять и унижать, когда узнали, что она была всего лишь базарной торговкой из Агры. Да чтоб...

Заключительная часть тихо произнесенной фразы прозвучала на местном наречии и, к счастью, осталась непонятной для молодого мистера Кук-Коллиса, но крайняя непристойность исполненных злобы слов ошеломила кхидматгара, от неожиданности уронившего коробку сигар, и вызвала протест со стороны шокированного майора, оказавшегося в пределах слышимости.

– Послушайте, Аштон, – возмутился майор, – в офицерской столовой недопустимо выражаться подобным образом! Если вам угодно сквернословить, будьте любезны делать это в другом месте.

– Не беспокойтесь, – сказал Аш обманчиво спокойным тоном. – Я уже ухожу.

Он поднял стакан, словно чокаясь, единым духом осушил его, потом швырнул через плечо, как делали в прежнее время, когда в некоторых полках существовал обычай разбивать бокалы после тоста за здоровье молодой королевы. Звон разбитого стекла заставил всех присутствующих разом умолкнуть, и в наступившей тишине Аш круто повернулся и вышел прочь.

– Молодой болван, – бесстрастно заметил майор. – Надо будет пробрать парня завтра утром.

Но к утру Аш исчез.

Постель в его комнате имела такой вид, будто в нее не ложились ночью, а часовой, заступивший на пост в полночь, доложил, что Пелам-сахиб покинул крепость вскоре после означенного часа, сославшись на бессонницу и желание немного прогуляться. Он был одет в поштину и патанские штаны и, насколько часовой помнил, шел с пустыми руками. Лошади Аша по-прежнему стояли в конюшне, и Алаяр, допрошенный начальником строевого отдела, сказал, что, кроме поштины, пары чаплей и незначительной суммы денег, из комнаты пропали только патанский костюм и афганский нож, который сахиб всегда держал в запертой шкатулке на буфете. Шкатулка находилась не на обычном своем месте, когда Алаяр утром принес своему сахибу чота хазри, а стояла на полу, открытая и пустая. Что касается денег, то речь шла всего о нескольких рупиях, и было очевидно, что они не украдены, так как золотые запонки сахиба и серебряные гребенки лежали на туалетном столике на самом виду. По мнению Алаяра, сахиб, чем-то встревоженный, взял увольнительную и последовал за отцом рисалдара Авал-шаха и джемадара Зарин-хана, который навещал сыновей и накануне вечером отбыл обратно в свою деревню.

– Кода Дад – он как отец моему сахибу, который очень его любит, – сказал Алаяр. – Но вчера между ними вышла небольшая размолвка, и, возможно, мой сахиб хочет поправить дело и помириться со стариком, а потом он сразу вернется. По ту сторону границы с ним не приключится никакой беды.

– Все это замечательно, но он не имеет права пересекать границу – ни сейчас, ни в любое другое время, – резко ответил начальник строевого отдела, на мгновение забыв, с кем разговаривает. – Ну попадись мне только в руки этот сопля...

Он осекся, овладел собой и отпустил Алаяра. Слуга вернулся в комнату сахиба, чтобы унести поднос с чота хазри, оставленный на прикроватном столике на рассвете и забытый там из-за всех треволнений, и лишь тогда увидел письмо под подносом, ибо в тусклом свете раннего утра конверт был незаметен на фоне чистой скатерти, которую он сам ежедневно менял.

За годы жизни в Билайте Алаяр немного научился читать по-английски, и десятью минутами позже, расшифровав послание, он уже находился в кабинете командующего корпусом.

Аш действительно пересек границу. Но не для того, чтобы повидаться с Кодом Дадом. Он решил присоединиться к Малик-шаху, Лалу Масту и остальным, получившим приказ разыскать Дилазаха и вернуть в полк две похищенные винтовки. Несколько поисковых отрядов пустились вдогонку за ним, но поиски не увенчались успехом. Аш исчез так же бесследно, как Дилазах, и почти два года о нем не было ни слуху ни духу.

В тот же день Зарин явился к командующему и попросил о внесрочном увольнении, чтобы отправиться на поиски Пелам-сахиба. В просьбе ему было отказано, а через несколько часов, после продолжительного разговора с Махду и короткой, не вполне мирной беседы с Зарином, из крепости исчез Алаяр.

– Я слуга сахиба, и он покамест не уволил меня, – сказал Алаяр. – Вдобавок я обещал Андерсону-сахибу присматривать за мальчиком, а поскольку ты не можешь последовать за ним, значит идти должен я. Вот и все.

– Я бы пошел, будь моя воля, – прорычал Зарин, – но я тоже слуга. Я служу сиркару и не волен поступать, как мне угодно.

– Знаю. Поэтому я пойду вместо тебя.

– Ты старый дурак, – сердито сказал Зарин.

– Возможно, – беззлобно согласился Алаяр.

Он покинул Мардан за час до заката, и Махду проводил друга по тропе, ведущей в сторону Афганистана, и долго смотрел вслед удалявшейся фигуре, которая становилась все меньше и меньше на фоне широкой пустынной равнины и пограничных гор – и наконец, когда солнце зашло и на землю спустились лиловые сумерки, скрылась из виду.

Часть 3. Мир вне времени

13

– Там люди. За ущельем, слева, – сказал один из часовых, напряженно глядя на залитую лунным светом равнину. – Смотри-ка... они двигаются в нашу сторону.

Его товарищ повернулся и уставился в направлении, куда указывал палец, но мгновение спустя рассмеялся и помотал головой:

– Газель. Из-за засухи чинкары настолько осмелели, что подходят на расстояние броска камня. Но если вон те облака оправдают наши ожидания, скоро здесь будет полно травы.

Лето 1874 года выдалось на редкость тяжелое. Сезон дождей запоздал и быстро закончился, и на выжженных солнцем коричнево-золотых равнинах вокруг Мардана не было ни следа зелени. Пыльные смерчи плясали целыми днями напролет среди миражей и сухих терновых кустов, и обмелевшие реки медленно текли между ослепительно-белыми песчаными берегами.

На холмах травы тоже не было, и большинство диких животных ушли в далекие горные долины в поисках пищи. На равнине остались только немногочисленные дикие свиньи да чинкары, и по ночам они совершали набеги на поля деревенских жителей, а изредка даже наведывались в военный городок и объедали кусты в саду Ходсона или тутовое дерево, росшее на месте, где семнадцать лет назад застрелился полковник Споттисвуд. Часовые настолько привыкли к ним, что больше не кричали: «Стой, кто идет?» – и не палили из карабина, когда замечали неясную тень, скользящую по краю плаца или среди терновых зарослей, да и вообще на участке границы, охраняемом Марданом, уже так давно царило спокойствие, что люди к нему привыкли.

Вот уже более пяти лет не происходило никаких инцидентов на границе, и разведчики не принимали участия в боевых действиях. Они выделили эскорт под командованием джемадара Сиффат-хана для нового посланника, отправившегося с миссией в Кашгар, а через год двое из эскорта доставили заключенный договор из Кашгара в Калькутту за шестьдесят дней. Одного сипая из пехоты разведчиков отрядили сопровождать дипломатического курьера за Амударью, а оттуда, через Бадахшан и Кабул, обратно в Индию; один совар из кавалерии, отправленный в Персию с британским офицером, выполнявшим особое поручение, был убит по дороге в Тегеран, защищая багаж от шайки грабителей. Сам корпус принял участие в длившихся целый год военных учениях под Хасан-Абдалом, откуда прибыл обратно в Мардан в феврале 1874 года, чтобы вернуться к обычному распорядку жизни военного городка и молить все засушливое лето о дожде, который умерил бы убийственную жару.

Сентябрь был таким же знойным, как июль, но сейчас уже близился к концу октябрь, и столбик ртути в термометре на веранде офицерской столовой опускался день ото дня. Мужчины снова выходили из помещений в полдень, и ветер, дувший с гор на закате, дышал спасительной прохладой. Но если не считать нескольких коротких ливней, никаких признаков осенних дождей не наблюдалось – до сегодняшней ночи, когда впервые за много месяцев в небе появились тучи.

– На сей раз – благодарение Аллаху – они не обманут наших ожиданий, – с надеждой произнес часовой. – Их гонит ветер, и я чую запах дождя.

– Я тоже, – сказал его товарищ.

Двое мужчин принялись и, когда внезапный порыв ветра взвихрил пыль, скрывшую от взора неясную тень на равнине, продолжили обход своей территории.

С восхода луны ветер дул лишь редкими слабыми порывами, но сейчас он стал ровным, сильным и гнал скученные облака по небу, пока они не заволокли луну. Через четверть часа из темных туч пролились первые тяжелые капли дождя – предвестники неистового ливня, который в считанные минуты превратил пыль долгого знойного лета в море грязи, а каждый овраг и канаву – в полноводную бурную реку.

Под покровом тьмы, в оглушительном шуме низвергающихся с небес потоков воды несколько мужчин, ошибочно принятых часовым за газелей, миновали сторожевые заставы незамеченными. Но, шагая с низко наклоненными головами, чтобы спрятать лицо от хлестких дождевых струй, они сбились с пути и были окликнуты часовым у ворот форта.

Представать перед начальством среди ночи не входило в их планы. Они намеревались добраться до расположения кавалерийской части и спрятаться там до утра. Но так или иначе, хавилдар, стоявший в карауле за старшего, послал за индийским дежурным офицером, который в свою очередь послал за британским дежурным офицером, и вскоре из офицерской столовой вызвали адъютанта, игравшего там в вист, и подняли с постели заместителя командующего корпусом, рано легшего спать.

Сам командующий тоже удалился к себе рано, но еще не ложился. Он писал еженедельные письма домой, когда был отвлечен от своего занятия появлением офицеров, сопровождавших самого жалкого субъекта из всех, каким доводилось бывать в этой комнате, – изможденного бородатого горца с перевязанной головой, закутанного на местный манер в драное одеяло, с которого стекала вода на любимый ширазский ковер командующего. Кровь капала с повязки на впалую небритую щеку, и под складками мокрого, прилипшего к телу одеяла угадывались очертания некоего продолговатого громоздкого предмета. Мужчина опустил руки, и винтовки выскользнули из-под накидки и с лязгом упали на пол в круг света от керосиновой лампы, стоящей на письменном столе.

– Вот они, сэр, – сказал Аш. – Прошу прощения... у нас ушло много времени... на это дело, но... оно оказалось не таким простым, как... мы думали.

Командующий уставился на него, не в силах произнести ни слова. У него в голове не укладывалось, что это тот самый мальчик, который ворвался к нему в кабинет почти два года назад. Теперь это был мужчина. Высокий, ибо Аш поздно достиг полного своего роста, и худой той жилистой худобой, что свидетельствует о стальных мускулах и трудной жизни. С глубоко запавшими глазами, оборванный, грязный и раненый, он чуть не терял сознание от усталости, но держался прямо и принуждал себя изъясняться на английском, которым не пользовался так долго.

– Я должен... извиниться, сэр, – с запинками проговорил Аш, еле ворочая языком, – за то... что мы предстали перед вами... в таком виде. Мы не хотели... Мы собирались переночевать у Зарина и... привести себя в приличный вид, а утром... Но ливень... – Голос его пресекся, и он сделал неопределенный и чисто восточный жест рукой.

Командующий повернулся к начальнику строевого отдела и отрывисто спросил:

– Остальные там?

– Да, сэр. Все, кроме Малик-шаха.

– Он погиб, – устало произнес Аш.

– А Дилазах-хан?

– Тоже. Мы вернули почти все патроны. Они у Лалы Маста... – Аш опустил глаза и несколько долгих мгновений смотрел на винтовки, а потом сказал с неожиданной горечью: – Надеюсь, они того стоят. Стоят трех жизней. Это слишком дорогая цена.

– Неужели честь того не стоит? – спросил командующий прежним отрывистым тоном.

– Ах... честь! – Аш рассмеялся безрадостным смехом. – Малик и Алаяр... – Голос его прервался, и глаза вдруг наполнились слезами. И он резко сказал: – Теперь мне можно удалиться, сэр?

И, еще не успев договорить, повалился вперед, точно срубленное дерево, и распростерся без сознания на винтовках, похищенных два года назад и возвращенных ценой трех жизней. В том числе жизни Алаяра...

– Его придется уволить, конечно, – сказал заместитель командующего.

Он говорил тоном скорее вопросительным, нежели утвердительным, и командующий корпусом, чертивший замысловатые узоры на листе промокашки, вскинул глаза и пристально посмотрел на него.

– Ну, я имею в виду... очень жаль, – сказал майор, словно защищаясь. – В конце концов, если подумать, они выступили чертовски здорово. Я разговаривал с Лалом Мастом и остальными, и они...

– Я тоже, как ни странно, – перебил его командующий. – И если вы намерены разыгрывать передо мной адвоката дьявола, то напрасно теряете время. Я в таковом не нуждаюсь.

Прошло два дня с той ночи, когда Аш и четверо его товарищей добрались до Мардана, но дождь по-прежнему лил без устали, и маленький форт оглашался шумом воды, барабанившей по плоским крышам, потоками извергающейся из водосточных труб и с плеском падающей в озеро глубиной в дюйм, которое разлилось на месте пыльных дорожек и выжженных солнцем лужаек. Семье Малик-шаха оформляли пенсию, четверых его сородичей поздравили и восстановили в прежней должности, вернув обмундирование и задним числом выдав жалование за два года. Но лейтенант Пелам-Мартин, обвиненный в самовольной отлучке на двадцать три месяца и два дня, формально находился под строгим арестом, хотя на деле лежал в лазарете полкового врача Амброуза Келли с сильнейшей лихорадкой, начавшейся из-за загноившейся раны на голове. Его судьба и будущее по-прежнему оставались под вопросом.

– Вы хотите сказать, что согласны со мной? – спросил изумленный майор.

– Разумеется, согласен. Зачем еще я стал бы ездить вчера в Пешавар? Вы же не думаете, что я более часа разговаривал с комиссаром и еще два часа спорил с собранием штабных офицеров просто для развлечения? Аштон – своевольный молодой болван, но такими ценными людьми нельзя разбрасываться. Подумайте сами: что больше всего нужно любому командиру, который планирует военную операцию или пытается поддерживать порядок в местности вроде нашей? Информация! Своевременная и точная информация стоит дороже любого количества оружия и боеприпасов – вот почему я намерен драться как лев, чтобы оставить в полку этого молодого идиота. Вряд ли в любом другом корпусе такое дело могло бы сойти с рук, но наш корпус особенный – мы никогда не подчинялись безоговорочно общепринятым правилам, и если один из наших офицеров в состоянии провести пару лет по ту сторону границы, не будучи опознанным как англичанин или застреленным как шпион, он слишком полезен, чтобы его терять, вот и все дела. Хотя, заметьте, в действительности он заслуживает трибунала. А трибунал постановил бы уволить его со службы.

– Но что нам с ним делать? – спросил майор. – Мы же не можем просто позволить ему остаться здесь, словно ничего не случилось?

– Нет, конечно. Чем скорее он покинет Мардан, тем лучше. Я хочу попробовать перевести его в другую часть на пару лет. Предпочтительно в британскую, чтобы он потомился там бездельем и пообщался со своими соотечественниками разнообразия ради. Парня нужно срочно услатить на некоторое время подальше от его друзей и от границы, и ему не повредит отправиться куда-нибудь на юг.

– Там он может попасть в еще большую беду, – пессимистически заметил майор. – В конце концов, он был воспитан как индус.

– Ну и что с того? Дело в том, что сейчас он просто не может остаться здесь. Это пагубно отразилось бы на дисциплине.

Вот почему Аштон Пелам-Мартин оказался той зимой в Равалпинди.

Если бы командир полка настоял на своем, Аша отправили бы гораздо дальше. Хотя Равалпинди не относится к пограничной области, которая на северо-западе страны начинается за Хасан-Абдалом, в прошлом перевалочным пунктом могольских императоров по дороге в Кашмир, он находится всего в ста тринадцати милях к юго-востоку от Мардана. Но поскольку начальство преследовало цель убрать правонарушителя из полка как можно скорее, а в Равалпиндской бригаде имелась вакансия (Аш очень удивился бы, если бы узнал, сколько связей было пущено в ход, чтобы устроить его спешный перевод на новую должность), все решили пока удовольствоваться этим. А командующий разведчиками пообещал, что при первой же возможности мистер Пелам-Мартин будет отправлен еще дальше на юг и что он ни под каким видом не получит разрешения даже соваться в Северо-Западную пограничную провинцию или переправляться через Инд.

Найдись в Равалпинди люди, способные вспомнить, что видели Аша более трех лет назад, когда он останавливался в тамошнем дак-бунгало на своем пути из Бомбея в Мардан, они точно не узнали бы его сейчас, ибо он изменился до неузнаваемости, и не только внешне. В пору своего гулкотского детства он считался бы не по годам взрослым по европейским меркам; Гулкот и Хава-Махал не щадили юность, и Аш рано узнал всю правду о жизни, смерти и зле. Однако позже, будучи подростком среди подростков одной с ним крови, он казался на удивление юным, потому что сохранил по-детски непосредственный взгляд на проблемы, которые трактовал самым простым из всех мыслимых способов, не понимая – или просто игнорируя – тот факт, что любой вопрос чаще всего имеет больше чем две стороны.

Ашу было всего двадцать два года, когда он вернулся в Равалпинди той зимой. Но он наконец повзрослел, хотя навсегда сохранил черты ребенка, подростка и юноши, какими был в прошлом, и, несмотря на всю критику Коды Дада, по-прежнему судил о проблемах в терминах «справедливо» и «несправедливо». Но он многому научился по другую сторону границы – в частности, обуздывать свой гнев, думать, прежде чем говорить, проявлять спокойствие и выдержку и (удивительное дело) смеяться.

Внешние перемены, произошедшие в нем, больше бросались в глаза. Хотя Аш сбрил бороду и усы, он навсегда утратил прежний мальчишеский вид, и на лице у него пролегли глубокие, несвойственные молодости складки – неизгладимые следы, оставленные голодом, горем и жизненными тяготами. Кроме того, на лбу у него теперь багровел длинный шрам, скрывавшийся в волосах над левым виском, из-за чего одна бровь слегка приподнималась, придавая лицу насмешливо-вопросительное выражение. Но этот шрам, как ни странно, отнюдь не портил наружности. Глядя на Аша сейчас, любой нашел бы его весьма привлекательным мужчиной, а также, по какой-то необъяснимой причине, опасным человеком, с которым нужно считаться...

В сопровождении Гулбаза и Махду, уже усохшего от старости и начинавшего чувствовать свой возраст, Аш прибыл в Равалпинди, где обнаружил, что для проживания ему выделена половина комнаты в маленьком ветхом бунгало, занятом различными конторами и архивами. Комната была тесной и темной, но по сравнению с местами, где Ашу доводилось ночевать последние два года, она казалась просто роскошной, и он, много месяцев подряд проживший бок о бок со своими товарищами, ничего не имел против того, чтобы делить ее с другим человеком. В военном городке хронически не хватало жилья, и на самом деле Ашу повезло, что не пришлось делить с кем-нибудь палатку. И еще больше повезло с соседом, хотя сам Аш, наверное, никогда бы не выбрал в товарищи по комнате долговязого молодого прапорщика почти на четыре года моложе его, недавно прибывшего из Англии и имеющего пристрастие к сочинению скверных стихов. Однако соседство оказалось в высшей степени удачным. Они сразу понравились друг другу и вскоре обнаружили, что у них много общего.

Прапорщик Уолтер Ричард Поллок Гамильтон из 70-го пехотного полка был тогда всего на год моложе Аша в день его высадки в Бомбее. Как и Аш, он считал Индию прекрасной

и таинственной страной, дающей бесчисленные поводы для восторга и возможности для увлекательных приключений. Он был приятным юношей, добродушным, жизнерадостным и чрезвычайно романтичным – и тоже безумно влюбился во время плавания в золотоволосую шестнадцатилетнюю бойкую особу. Девушка охотно флиртовала с высоким красивым молодым человеком, но на предложение о браке он получил незамедлительный отказ по причине своей молодости, а через два дня после прибытия в Бомбей она обручилась с неким пожилым джентльменом, по меньшей мере вдвое старше ее.

– Ему все тридцать, – с отвращением объявил Уолтер. – И к тому же он штатский. Невыносимо скучный тип из политического департамента. Нет, ты можешь в такое поверить?

– Запросто, – ответил Аш. – Белинда, скажу я тебе...

Но эта история, поведанная сейчас, больше не казалась трагической, и если от нее в душе и осталась горечь, то лишь в связи с самоубийством Джона Гарфорта, ибо и оно среди всего прочего столь сильно изменило Аша за последние два года. Вспоминая прошлое, Аш не только понимал всю глупость и мимолетность своего неудачного романа, но и видел его комичную сторону. Хроника несчастий Аша утратила в пересказе всякую трагичность и под конец стала такой уморительной, что призрак Белинды был изгнан раз и навсегда, отброшенный взрывом хохота в глубины памяти, где хранятся забытые любовные истории. Шестнадцатилетняя кокетка Уолтера последовала туда же, и молодой человек по этому радостному случаю написал скабрёзное стихотворение «Ода отвергнутым субалтернам», которое бы сильно удивило и огорчило его любящих родственников, привыкших к более возвышенным излияниям чувств милого Уолли.

Уолли воображал себя поэтом. Здесь, и только здесь обычное чувство юмора изменяло юноше, и его письма домой зачастую содержали прискорбно дилетантские стихи, передававшиеся из рук в руки в семейном кругу и вызывавшие бурный восторг у обожающих его тетюшек и прочих равно пристрастных и несведущих критиков, которые находили, что милый Уолли пишет не хуже мистера Теннисона, о чем и сообщали в своих посланиях к нему. Однако «Ода» по стилю сильно отличалась от всех предыдущих творений, и Аш перевел ее на урду и попросил одного знакомого кашмирского певца положить стихи на музыку. Впоследствии она пользовалась значительным успехом на пиндском базаре, и варианты песни (более красочные) еще много лет исполнялись по всему Пенджабу.

Уолли и сам весьма недурно пел, отдавая предпочтение произведениям менее светского характера. В свое время он несколько лет состоял в школьном хоре и теперь, когда испытывал желание петь, что случалось часто, ибо он пел всегда, когда был счастлив или радостно возбужден, обычно заводил один из воинственных церковных гимнов своей юности: «Сражайтесь доблестно», «Вперед, о воины Христа!», «Наш девиз „Всегда вперед“» или «В бой за всех святых» – последний он особенно любил. В этом не было никакой непопулярности: Уолли горячо приветствовал религиозные чувства, искренне любил знакомые мелодии (он называл их сносшибательными мотивчиками) и не видел причины, почему гимны следует исполнять только в церкви, особенно такие, что вызывали у него в воображении образы знамен, труб и легионов вооруженных мужчин, идущих в наступление на войска мидян. Благодаря его пристрастию к этим волнующим песнопениям день в бунгало неизменно начинался со звука приятного баритона, который под аккомпанемент шумного плеска воды напевно сообщал, что «Времени вечный поток уносит прочь своих сынов», или же призывал: «Пусть же воины Твои, которых нет смелей, сражаются отважно, как святые прежних дней, и завоюют золотой венец победы – Аллилуйя! Ал-ли-луй-я!» Подобными гимнами часто оживлялись вечерние верховые прогулки, а однажды Уолли пронесся через все поле для поло и забил победный гол за две секунды до окончания чрезвычайно напряженного матча, распевая во все горло «В бой идут знамена наши!».

Эти и другие «уолли-измы», вроде обыкновения время от времени говорить с провинциальным акцентом, забавляли Аша. Возможно, у любого другого человека подобные привычки он нашел бы утомительными и презрительно посчитал бы претенциозными и недостойными внимания. Но Уолли был... Уолли – *fīdus Achates*¹⁹.

Кроме Зарина, в котором он видел скорее старшего брата, у Аша никогда раньше не было по-настоящему близких друзей. Похоже, он не обладал даром дружить со своими соотечественниками. В школе и военной академии, а позже в полку он всегда оставался своего рода одиночкой – скорее сторонним наблюдателем, нежели участником событий. И даже когда он завоевывал всеобщее признание своими спортивными достижениями, никто не мог сказать, что хорошо его знает или состоит с ним в доверительных дружеских отношениях, хотя многие были бы не прочь подружиться с ним. Однако Аша никогда не волновало, хорошо или плохо к нему относятся, и хотя в целом он всегда пользовался приятелью окружающих, чувство это неизменно отдавало холодком отчужденности – главным образом по собственной его вине. Однако сейчас, совершенно неожиданно, он обрел друга, которого ему так не хватало прежде.

С первого момента знакомства Аш почувствовал себя совершенно непринужденно в обществе Уолтера – настолько, что впоследствии рассказал ему то, чего раньше не рассказывал никому, даже Зарину: всю мрачную историю о трудных розысках и поимке Дилазах-хана; о смерти Алаяра и Малика; о страшной мести, совершенной охотниками над вором и убийцей; о долгом ужасном путешествии обратно через территорию, населенную враждебно настроенными племенами, которые охотились за ними, и о засаде, устроенной на них у самой границы горцами из племени утманхель, пожелавшими прибрать к своим рукам запримеченное ранее оружие. Они с трудом унесли ноги после того, как Аш и Лал Маст получили ранения...

Эту самую историю частично узнал командующий Корпусом разведчиков от четырех соплеменников Дилазаха, но не от Аша, который поначалу слишком тяжело болел, чтобы подвергаться допросу, а потом ограничивался предельно короткими ответами на все вопросы. Официальный отчет Аша о тех двух годах был до крайности бесцветен. Но подлинную историю никто не посчитал бы бесцветной, и Уолтер (сам из тех, из кого выходят герои) выслушал ее зачарованно и в свою очередь исполнился обожания. На свете нет никого лучше Аша! И разумеется, нет полка лучше разведчиков.

Уолтер всегда хотел стать солдатом. Героями его детства были Иисус Навин и Давид, Александр Великий и Руперт Рейнский²⁰, и он грезил единственно о славе, добытой на полях сражений. То были тайные мечты, и он никогда не предполагал, что однажды поделится ими с кем-либо. Однако он разговаривал о них с Ашем, причем без всякого смущения, и воспринимал насмешки и поддразнивания с неизменным добродушием.

– Твоя беда в том, Уолли, – сказал Аш, – что ты родился слишком поздно. Тебе следовало бы быть конным воином Средневековья. Или одним из рыцарей Генриха в битве при Азенкуре. Но теперь не осталось стран, которые нужно завоевывать, а в современной войне нет места романтике и рыцарству.

– В Европе, возможно, и нет, – согласился Уолли. – Но именно поэтому я захотел служить здесь. В Индии все не так.

– Ты сам в это не веришь.

– Но ведь это правда! Иначе и быть не может в стране, где орудия до сих пор таскают слоны и солдаты полка вроде твоего соревнуются за честь служить в нем. Ваши совары и

¹⁹ Преданный друг (лат.).

²⁰ Руперт (1619–1682) – пфальцграф Рейнский, герцог Баварский. Племянник английского короля Карла I Стюарта, лучший полководец его армии в ходе гражданской войны в Англии.

сипаи не жалкие пешки или какие-нибудь подонки общества из трущоб больших городов типа Лахора и Пешавара. Они йомены – благородные искатели приключений, которые служат во имя чести. Это великолепно!

– Вижу, ты безнадежный идеалист, – сухо заметил Аш.

– А ты прирожденный циник, – отпарировал Уолли. – Разве тебе никогда не хотелось штурмовать неприступную крепость или защищать заведомо обреченную? Мне так очень хочется. Я бы хотел возглавить кавалерийскую атаку или вести отряд на выполнение какого-нибудь опасного задания. И я бы хотел, чтобы мои соотечественники помнили таких людей, как Филип Сидни и сэр Джон Мур. И вон того героя – «Никалсейна»...

Они совершали конную прогулку по открытой местности к западу от Пинди, и Уолли выбросил вперед руку, указывая на каменистый холм на горизонте, увенчанный гранитным обелиском памяти Джона Николсона, убитого семнадцать лет назад, в ходе сражения за Дели, когда он вел свои войска в наступление.

– Вот так я хотел бы умереть. Героически – с мечом в руке, ведя в атаку своих солдат.

Остужая пыл собеседника, Аш заметил, что люди Николсона тогда не пошли за ним в атаку и что в действительности он умирал в мучениях по меньшей мере три дня после того, как получил смертельное огнестрельное ранение.

– Ну и что? Он же останется в памяти другим. Более двух тысяч лет назад Александр Македонский сказал... – У юноши засверкали глаза, и лицо залилось девичьим румянцем. – «Великое счастье прожить жизнь доблестно и умереть, покрыв свое имя вечной славой». Я прочитал это в возрасте десяти лет и никогда не забывал. Именно так я...

Он осекся, зябко передернувшись и застучав зубами, а Аш сказал:

– У тебя мурашки по спине бегут – оно и понятно. Что касается меня, то я предпочитаю не лезть на рожон и дожить до глубокой и ничем не примечательной старости.

– Вздор! – презрительно бросил Уолли, твердо убежденный, что его друг – истинный герой. – Становится свежо. Поскакали к дороге наперегонки.

Аш хорошо знал, что такое преклонение перед героями. Он вызывал обожание у младших учеников в школьные годы, когда входил в состав первой команды, и позже у кадетов, когда играл за военную академию, а в далеком прошлом – у маленькой девочки, «невзрачного угрюмого существа, похожего на незрелый плод манго». Аш никогда не относился к такому преклонению всерьез, и в целом оно либо раздражало, либо смущало его – или раздражало и смущало одновременно. Но восхищение Уолли он воспринимал иначе: оно грело сердце, поскольку было данью уважения настоящего друга, а не угодливым низкопоклонством подхалимов, которые восторгаются силой, ловкостью и спортивным мастерством независимо от того, уважения или презрения заслуживает обладатель означенных качеств сам по себе и умён он или глуп.

Аша и Уолли прозвали в Равалпинди неразлучниками, и если один появлялся где-нибудь без другого, кто-нибудь непременно восклицал: «Эй, Давид, где твой Ионафан?» или «Провалиться мне на месте, если это не Уолли! Я не узнал тебя без Панди – такое впечатление, будто ты одет не по форме». Эти и другие глупые шуточки поначалу привлекли к друзьям пристальное внимание нескольких старших офицеров, которые не особо возражали против того, чтобы подчиненные заводили любовниц-полукровок или посещали публичные дома на базарной площади (при условии соблюдения известных мер предосторожности), но панически боялись так называемого противоестественного порока.

Этим старикам любая близкая дружба между молодыми людьми казалась подозрительной, и они опасались худшего. Однако тщательное расследование не выявило ничего противоестественного в пороках двух молодых офицеров, – по крайней мере, в данном отношении они были безусловно нормальными, как засвидетельствовала, в частности, Лалун, самая обольстительная и дорогая куртизанка в городе. Не то чтобы они часто посещали подобные

заведения – они интересовались другими вещами, а общение с Лалун и ей подобными было для них просто очередным жизненным опытом. Они вместе выезжали на конные прогулки, участвовали в скачках, играли в поло, стреляли куропаток на равнине и чикар в горах, плавали или ловили рыбу на реках и тратили гораздо больше денег, чем могли себе позволить, на покупку лошадей.

Они читали запоем – труды по военной истории, мемуары, поэзию, эссе, романы Де Квинси, Диккенса, Вальтера Скотта, Шекспира, Еврипида и Марлоу; «Историю упадка и разрушения Римской империи» Гиббона, «Человеческую комедию» Бальзака, «Происхождение человека» Дарвина; Тацита и Коран и всю индийскую литературу, какую только могли достать. Интересы у них были самыми разносторонними, и они из всего извлекали пользу. Уолли собирался получить звание лейтенанта, и Аш учил друга пушту и хиндустани и часами разговаривал с ним об Индии и индийском народе – не о Британской Индии военных городков и клубов или искусственном мире горных застав или конноспортивных праздников, а о другой Индии, являющей собой причудливую смесь роскоши и безвкусицы, порочности и благородства. О стране многочисленных богов, несметных сокровищ и страшного голода. Безобразной, как разлагающийся труп, и немыслимо прекрасной...

– Я по-прежнему считаю Индию своей родиной, – признался Аш, – хотя и узнал на опыте, что любовь к родной стране ничего не значит, пока тебя там держат за чужака, а меня все здесь держат за чужака, кроме Коды Дада и немногочисленных незнакомых людей, которые не знают моей истории. А для тех, кто ее знает, я, похоже, навсегда останусь сахибом. Однако в детстве я был – или считал себя – индусом почти семь лет, а это целая жизнь для ребенка. В то время ни мне, ни любому другому никогда не приходило в голову, что я чужак, а сейчас ни один индус из высшей касты не сядет со мной за стол, и многие выбросят свою пищу, если на нее упадет моя тень, и тщательно вымоются, если я хотя бы дотронусь до них. Даже самый низкородный разобьет тарелку или чашку, из которой я ел или пил, дабы никто больше не осквернился, используя «нечистую» посуду. С мусульманами, разумеется, дело обстоит иначе, но, когда мы разыскивали Дилазах-хана и я жил, сражался и думал, как один из них, вряд ли кто-нибудь из людей, знавших, кто я такой, по-настоящему забыл об этом. А поскольку мне никак не научиться считать себя сахибом или англичанином, надо полагать, я отношусь к числу людей, которых в министерстве иностранных дел называют лицами без гражданства.

– «Рай дураков, немногим незнакомый», – процитировал Уолли.

– Что это?

– Чистилище, согласно Мильтону.

– А... Да, возможно ты прав. Хотя сам я не назвал бы это раем.

– Может, у него есть свои преимущества, – предположил Уолли.

– Не исключено. Но должен признаться, я ни одного не вижу, – иронически сказал Аш.

Однажды, сидя в теплом лунном свете среди руин Таксилы (Пиндская бригада находилась на учениях), он заговорил о Сите. О ней он тоже никогда прежде ни с кем не разговаривал, даже с Зарином и Кодой Дадам, которые ее знали.

– Так что понимаешь, Уолли, – задумчиво заключил Аш, – что бы ни говорили люди, она была моей настоящей матерью. Другой матери я не знал, и мне даже как-то не верится, что она существовала, хотя я видел ее портрет, разумеется. Похоже, она была очень красивой женщиной, а мата-джи – Сита – не отличалась красотой. Но мне она всегда казалась прекрасной, и, я думаю, именно благодаря ей я считаю своей родиной эту страну, а не Англию. У англичан вообще не принято разговаривать о своих матерях. Это считается то ли слюнтяйством, то ли дурным тоном – не помню, чем именно.

– И тем и другим, вероятно, – сказал Уолли, а потом самодовольно добавил: – Но мне такое позволяется, конечно. Это одно из преимуществ, которые дает ирландское происхож-

дение. От нас ожидают сантиментов, что здорово облегчает жизнь. По-видимому, твоя приемная мать была замечательной женщиной.

– Да. Лишь гораздо позже я понял, насколько замечательной. В детстве многое принимаешь как должное. Я в жизни не встречал человека смелее. Смелость высшей пробы, ибо Сита жила в вечном страхе. Теперь я это понимаю, но тогда не понимал. И она была такой худенькой... Такой маленькой, что я... – Он осекся и с минуту сидел молча, задумчиво глядя вдаль и вспоминая, как легко было одиннадцатилетнему мальчику поднять ее и отнести к реке...

Ночной ветер приносил запах дыма от лагерных костров и едва уловимый аромат сосен с близких предгорий, похожих в лунном свете на измятый бархат. Возможно, именно вид гор воскресил в памяти образ Ситы.

– Она часто рассказывала мне про одну горную долину, – медленно начал Аш. – Полагаю, про свои родные места, где она родилась. Она была горянкой, знаешь ли. Мы собирались однажды отправиться туда и жить там: построить дом, насадить фруктовые деревья и держать козу и осла. Хотелось бы знать, где находится эта долина.

– А она никогда не говорила тебе? – спросил Уолли.

– Возможно, сказала однажды. Но если и сказала, то я забыл. Однако мне кажется, это где-то в Пир-Панджале, хотя я всегда считал, что долина находится в горах под Дур-Хаймой. Ты ведь не слышал о Дур-Хайме, верно? Это самые высокие горы, которые можно увидеть из Гулкота: могучие горы, увенчанные заснеженными пиками. Я обращал к ним свои молитвы. Глупо, правда?

– Вовсе нет. Ты читал «Аврору Ли»?²¹

Земля наполнена святыми небесами,
На ней куст каждый Господом пылает,
Но только зрящие снимают обувь.

Ты просто снимал обувь, вот и все. И здесь ты не одинок: миллионы людей наверняка испытывают такие же чувства, ведь на земле великое множество священных гор. И еще был Давид, разумеется: «Возвожу очи мои к горам...»²²

Аш рассмеялся:

– Знаю. Забавно, что ты говоришь это. Я всегда думал о Дур-Хайме, когда мы пели этот псалом в церкви. – Он обратился к предгорьям и вздымавшимся за ними далеким горам, черным на фоне звездного неба, и негромко процитировал: – «Возвожу очи мои к горам, откуда придет помощь моя». Знаешь, Уолли, когда я только-только прибыл в Англию и еще не освоился там, я все пытался определить, в какой стороне находятся Гималаи, чтобы обращаться к ним лицом во время молитвы, как Кода Дад и Зарин, которые всегда поворачивались в сторону Мекки. Помню, моя тетя пришла в совершенный ужас. Она сказала викарию, что я не только язычник, но еще и дьяволопоклонник.

– Ее можно понять, – снисходительно произнес Уолли. – Мне повезло больше. К счастью для меня, мои близкие так никогда и не узнали, что на протяжении многих лет я молился своему крестному отцу. Ну, ты понимаешь: «Бог Отец» для меня естественным образом трансформировался в «крестного отца»²³. Тем более что мой старый крестный имел внушительные седые бакенбарды и золотую цепочку для часов и все его ужасно боялись. Признаюсь, я испытал сильнейшее потрясение, когда в конце концов обнаружил, что он

²¹ «Аврора Ли» – стихотворный роман Элизабет Браунинг.

²² Псалом 120.

²³ God-the-Father – Бог Отец; godfather – крестный отец.

вовсе не Бог и что я посылал свои прошения не по тому адресу. Все годы страстных молитв – коту под хвост. Это была катастрофа, честное слово.

Хохот Аша разбудил обитателя ближайшей палатки, и недовольный голос настойчиво попросил их заткнуться и дать человеку поспать спокойно.

Уолли ухмыльнулся и понизил голос:

– Нет, если серьезно, больше всего меня расстроила напрасная трата времени. Но потом я пришел к заключению, что важно само намерение. Мои молитвы шли от чистого сердца – как, наверное, и твои, – и потому Бог едва ли вменит нам в вину тот факт, что они посылались не по нужному адресу.

– Надеюсь, ты прав. А ты по-прежнему молишься, Уолли?

– Конечно, – ответил Уолли, искренне изумленный. – А ты?

– Иногда. Хотя толком не знаю, к кому обращаю свои молитвы. – Аш поднялся на ноги и отряхнул пыль и сухие травинки с одежды. – Пойдем, Галахад, пора возвращаться. Чертовы учения начнутся в три часа утра.

При данных обстоятельствах не приходится удивляться, что Уолли страстно возжелал вступить в Корпус разведчиков. Правда, в настоящее время он мало что мог сделать, поскольку сначала должен был выдержать экзамен на звание лейтенанта. Аш опасался, что попытка замолвить за друга словечко скорее навредит, нежели поможет ему, и потому пошел окольным путем: познакомил Уолли с лейтенантом Уиграмом Бэтти из разведчиков, дважды приезжавшим в Равалпинди по служебным делам, а позже с Зарином.

Зарин взял короткий отпуск в разгар июньской жары и приехал в Пинди с письмами от отца и брата и новостями о делах в полку и на границе. Он не стал задерживаться там: в любой день мог начаться сезон муссонов, а как только польют дожди, все броды через реки станут непроходимыми и на обратный путь уйдет много времени. Однако он пробыл достаточно долго, чтобы составить превосходное мнение о новом друге Ашока. Аш позаботился о том, чтобы Зарин лично убедился, что мальчик – отличный стрелок и прирожденный наездник, и побудил их двоих к разговорам, зная, что под его собственным своеобразным наставничеством и более традиционным наставничеством мунши Уолли сделал значительные успехи в изучении двух основных языков, использовавшихся на границе. И хотя сам Аш не стал восхвалять друга, Махду отозвался о нем в самых лестных выражениях.

– Он хороший сахиб, – сказал Махду, болтая с Зарином на задней веранде. – Старой школы: похож на Андерсона-сахиба в молодости. Учтивый и добрый, а также гордый и смелый, как лев. Наш мальчик стал совсем другим человеком, когда познакомился с ним. Он снова весел и жизнерадостен, смеется и сыплет шутками. Да, они оба славные мальчики.

Зарин привык считаться с мнением старика, а характер и достоинства самого Уолли сделали остальное. Уиграм Бэтти тоже присмотрелся, прислушался и одобрил, и они с Зарином вернулись в Мардан с самыми благоприятными отзывами, вследствие чего командование корпуса, постоянно искавшее хорошие кадры, обратило внимание на прапорщика Уолтера Гамильтона из 70-го пехотного полка как на возможное будущее пополнение.

Лето в тот год выдалось не такое ужасное, как предыдущее, но для Уолли оно было первым, и он претерпел все муки, какие зачастую выпадают на долю новичка, впервые подвергающегося действию нещадной индийской жары. Тропическая потница, фурункулез, москитная лихорадка, дизентерия, тропическая лихорадка и прочие вызванные жарой болезни поражали его одна за другой, а под конец он перенес сильный тепловой удар и несколько дней пролежал в темной комнате, твердо уверенный, что умирает, так и не успев осуществить ни один из своих многочисленных замыслов. По совету врача полковник отправил Уолли в горы поправить здоровье, и Ашу удалось получить отпуск и поехать вместе с другом.

В сопровождении Махду и Гулбаза они двое выехали на тонге в Мари, где для них были забронированы номера в одном из отелей, в это время года переполненных постояльцами, ищущими в горах спасения от нестерпимого зноя равнин.

По случаю своего спасения Уолли на радостях влюбился одновременно в трех молодых леди: хорошенькую девушку, сидевшую с матерью за соседним столом в столовой, и дочерей-двойняшек судьи высокого суда, который снимал коттедж на территории отеля. Неспособность юноши сделать окончательный выбор между ними помешала любому из трех романов развиваться до серьезной степени, но они вдохновили его на написание изрядного количества любовных стихов, прискорбно слабых, и вызвали к жизни такой поток приглашений на званые обеды, балы и чаепития, что, если бы не вмешательство Аша, Уолли едва ли получил бы возможность насладиться отдыхом и покоем, предписанными доктором. Но Аш не имел намерения тратить свой отпуск на ухаживания за безмозглыми девчонками и ветреными соломенными вдовами, о чем и заявил весьма решительно, напоследок высказав мнение, что три предмета обожания Уолли являются тремя самыми скучными и неинтересными особами по эту сторону Суэцкого залива и что его скверные стишки вполне их достойны.

– Твоя беда в том, – ответствовал разгневанный поэт, – что у тебя нет души. И вдобавок у тебя нет ни капли здравого смысла, коли ты собираешься до конца жизни строить из себя женоненавистника только потому, что какая-то глупая девица безжалостно разрушила твои юношеские иллюзии. Тебе давно пора забыть твою Берту, или Беллу, или Белинду, или как там ее, и понять, что на свете есть другие женщины, причем весьма очаровательные. Правда, на них не обязательно жениться, – признал Уолли. – Я лично считаю, что солдату не следует жениться до тридцати пяти лет, самое малое.

– Праведный судья! – насмешливо сказал Аш. – Что ж, чем раньше мы сбежим от соблазна, тем лучше.

Они сбежали в Кашмир, оставив большую часть багажа в отеле и наняв горных пони для долгого путешествия из Мари в Барамулу, где они свернули с дороги, чтобы пострелять уток на озере Вулар и поохотиться на медведя и барса в горах над озером.

Уолли впервые поднялся высоко в горы. Завороженно глядя на белую вершину Нангапарбата (Голой горы), величественно вздымающегося над длинной заснеженной грядой, окружающей долину легендарной Лалла-Рук, он хорошо понял благоговейный трепет, в детстве побуждавший Аша возносить молитвы к Дур-Хайме. Вся горная местность показалась юноше бесконечно прекрасной – от усеянных лотосами озер и извилистых, окаймленных ивами рек до огромных деодаровых²⁴ и каштановых лесов, поднимающихся к покрытым глинистым сланцем участкам склонов, и громадных ледников, блистающих над границей вечных снегов. Уолли очень не хотелось покидать эти края, и Равалпинди показался еще более жарким, пыльным и неприятным против прежнего, когда в последний день отпуска двуколка грохотала по дороге военного городка, везя друзей обратно в бунгало. Но горный климат и долгие дни, проведенные на свежем воздухе, сделали свое дело. Уолли совершенно оправился и до конца жаркого сезона больше не болел.

Аш хорошо переносил жару, но канцелярская работа надоедала ему до безумия, а такой работы в Равалпинди всегда было много. Зарин, приехавший из Мардана, сообщил, что разведчики должны предоставить эскорт старшему сыну падишаха (королевы), когда тот посетит Лахор в ходе зимнего путешествия по Индии.

– Это великая честь, – сказал Зарин, – и мне ужасно жаль, что ты не поделишь ее с нами. Сколько еще они собираются держать тебя здесь прикованным к столу? Уже почти год

²⁴ Деодар – гималайский кедр. – *Примеч. ред.*

прошел. Скоро будет три года, как ты не служишь в Корпусе разведчиков, а это слишком большой срок. Тебе пора возвращаться.

Но начальство было иного мнения. Они пообещали при первой же возможности отправить лейтенанта Пелам-Мартина подальше от границы и теперь, почти одиннадцать месяцев спустя, вышли из состояния апатии, вызванного жарой, и выполнили свое обещание.

От первого секретаря губернатора Пенджаба пришло письмо, именем его превосходительства предписывающее командиру полка отрядить подходящего британского офицера для сопровождения в Раджпутану двух сестер махараджи Каридкота, собиравшихся сочетаться браком с правителем Бхитхора. Главной обязанностью означенного офицера будет следить за тем, чтобы сестер махараджи принимали с должными почестями во всех британских гарнизонах по пути и чтобы они со своей свитой были обеспечены провизией. По прибытии в Бхитхор от него потребуются проследить за тем, чтобы условленный выкуп за невест был полностью выплачен, а невесты благополучно вышли замуж, после чего он сопроводит все общество обратно к границе Каридкота. Принимая во внимание все вышесказанное и учитывая предполагаемую многочисленность свиты, представляется важным, чтобы выбранный офицер не только бегло говорил на местных наречиях, но и хорошо знал особенности туземного характера и обычаи страны.

Именно последний пункт письма навел начальство на мысль о лейтенанте Пелам-Мартине, а тот факт, что подобное поручение, безусловно, уведет его далеко от северо-западной границы, окончательно решил дело. Самому Ашу не предложили выразить своего мнения на сей счет и не предоставили возможности отказаться от назначения. Он просто явился по вызову и получил приказ.

– Похоже, – с отвращением сказал Аш, описывая Уолли разговор с начальством, – им нужен человек, который исполнял бы роль пастушьей собаки, снабженца и няньки одновременно, прислуживая кучке визгливых женщин и дворцовых паразитов, и этот человек – я. Значит, в нынешнем сезоне в поло мне не поиграть. Плохо быть солдатом в мирное время.

– Если честно, по-моему, тебе чертовски повезло! – с завистью воскликнул Уолли. – Я бы очень хотел оказаться на твоём месте. Ты только подумай: увеселительное путешествие через всю Индию в качестве опекуна двух прекрасных принцесс!

– Двух толстомордых неряшливых девиц, скорее всего, – мрачно ответил Аш. – Бьюсь об заклад, они жирные, избалованные и прыщавые и еще не вышли из школьного возраста.

– Вздор! Все принцессы восхитительно прекрасны. Во всяком случае, должны быть. Я словно воочию их вижу: кольца на пальцах, колокольчики на щиколотках и волосы как у Рапунцель... хотя нет, она была блондинкой. А они брюнетки. Я обожаю брюнеток. Может, ты попросишь, чтобы я поехал с тобой, а? В качестве твоей правой руки: главного повара и мойщика бутылок. Тебе наверняка понадобится помощник.

– Как собаке пятая нога, – нелюбезно заметил Аш.

Через пятнадцать дней он попрощался с Уолли и в сопровождении Махду, Гулбаза, своего старшего саиса Кулурама, косильщика и полудюжины слуг рангом пониже пустился в путь к Динагунджу, маленькому городку в Британской Индии, где свадебная процессия, сейчас находившаяся под опекой окружного инспектора, ожидала его прибытия.

Динагундж лежал на подступах к предгорьям, на расстоянии дня пути от границы независимого княжества Каридкот и почти в двадцати милях от ближайшего британского гарнизона.

Размерами не больше деревни, он ничем не отличался от сотен других маленьких городков в северной части территории, орошаемой реками Чинаб, Рави и Биас, и численность населения там редко превышала две тысячи. В настоящий момент, однако, данная цифра значительно увеличилась: секретарь губернатора недооценил ситуацию, когда в своем письме предположил, что свита принцесс будет многочисленной, ибо в действительности она оказалась просто громадной.

Собрание слуг и придворных, посланное махараджей Каридкота сопровождать сестер, численно превосходило население Динагунджа почти в четыре раза, и по прибытии на место Аш обнаружил, что городок превратился в придаток лагеря, все продукты и корм на базаре раскуплены, запасы воды быстро иссякают, отцы города находятся в состоянии, близком к истерике, а окружной инспектор, формально управляющий лагерем, лежит с малярией.

Подобная ситуация обескуражила бы многих людей гораздо старше и опытнее Аша. Но начальство сделало неплохой выбор, когда поручило данную миссию лейтенанту Пелам-Мартину (временно повышенному в звании до капитана в силу важности своих обязанностей). Шум, гам и сумятица, которые на стороннего наблюдателя произвели бы впечатление мятежа, не повергли в смятение человека, выросшего на базарах индийского города и еще в малом возрасте привыкшего к сумасбродству, неразберихе и хитросплетениям жизни во дворце индийского князя.

Размеры лагеря и царивший в нем беспорядок не показались Ашу из ряда вон выходящими. Он не забыл бракосочетания Лалджи и армию сопровождающих лиц, прибывших с невестой в Гулкот и заполонивших город и Хава-Махал, словно туча саранчи. Но невеста Лалджи была всего лишь дочерью мелкого горного раджи, тогда как брат каридкотских принцесс являлся махараджей и правителем довольно крупного княжества, а потому следовало ожидать, что их свита окажется значительно больше. Здесь требовался всего-навсего человек, способный принимать решения и отдавать необходимые приказы, а Аш недаром служил в Корпусе разведчиков и учился уму-разуму у сыновей Коды Дада. Он чувствовал себя в своей стихии.

Он сразу отправил Гулбаза на поиски человека, способного проводить их к окружному инспектору, и в скором времени они уже ехали по запруженному народом лагерю, ведомые пожилым мужчиной в форме (вероятно, форме каридкотской армии), который размахивал налево-направо ножами с ржавой кривой саблей, прокладывая путь через беспорядочно толкующуюся, гомонящую толпу людей и животных.

Палатка окружного инспектора стояла под деревом шал, и ее обитатель лежал пластом на походной кровати, беспомощно трясясь в лихорадочном ознобе. У него была температура тридцать девять и четыре десятых градуса (почти такая же, как температура воздуха в палатке), и он искренне обрадовался при виде своего преемника. Мистер Картер был молод и назначен в округ совсем недавно, а поскольку он впервые болел малярией, едва ли приходится удивляться, что вся ситуация представлялась бедняге подобием кошмарного сна. Донельзя измученный бесконечным потоком прошений, жалоб и обвинений, полной неразберихой, жарой и шумом — особенно шумом, — он ощущал свою голову наковальней, по которой беспрестанно бьют молоты, и появление Аша, готового снять с него груз ответственности, стало для него таким же спасением, как вода для томимого жаждой путника в пустыне.

– Прошу прощения, – прохрипел окружной инспектор. – Ужасный кавардак. Боюсь, вы найдете, что дела здесь... в некотором беспорядке. Недисциплинированные попрошайки... Лучше, чтобы они продолжили путь по возможности скорее... пока не начнется массовое побоище. И еще надо позаботиться о мальчике... Джоти. Брат махараджи. Первый наследник. Прибыл вчера вечером. Должен вам сказать...

Мистер Картер попытался обрисовать Ашу ситуацию в целом и дать представление о проблемах и вопросах, требующих решения, но было ясно, что мысли у него путаются и язык не слушается, и в конце концов он послал за своим секретарем-индийцем, который бойко доложил о приданом, содержавшемся в двадцати окованных железом сундуках, и о значительной сумме наличных денег, выделенной на путешествие, достал списки с перечнем слуг и придворных, выючных животных, палаток, продовольственных припасов и маркитантов, но признал, что цифры в них приблизительные и, вероятно, несколько ниже реальных. Даже на бумаге размеры свиты потрясали воображение: в нее входили артиллерийская батарея и два пехотных полка махараджи, а также двадцать пять слонов, пятьсот верблюдов, несметное количество лошадей и не менее шести тысяч сопровождающих.

– Не было никакой надобности посылать такую толпу. Бахвальство, вот и все, – хрипло прошептал окружной инспектор. – Но ведь он еще совсем мальчик. И семнадцати не исполнилось... Я о махарадже. Его отец умер два года назад, и это... это для него возможность похвастаться перед другими князьями. И перед нами, разумеется. Напрасная трата денег, но с ним бесполезно спорить. Трудный юноша... хитрый...

Похоже, молодой махараджа сопровождал сестер до границы своего княжества, а потом повернул назад и отправился на охоту, оставив громадную свиту на попечение окружного инспектора, имевшего приказ довести все сборище до Динагунджа, а там передать под ответственность капитана Пелам-Мартина из кавалерии разведчиков. Но ни его превосходительство губернатор Пенджаба, ни военное начальство в Равалпинди не представляли, насколько огромной будет свита. И не знали, что в последний момент она получит пополнение в лице десятилетнего брата махараджи, Джоти.

– Не знаю, зачем они его прислали. Хотя догадываюсь, – невнятно произнес окружной инспектор. – Несносный ребенок... До вчерашнего вечера я даже не знал, что он здесь... Лишняя головная боль. Ох, ладно... теперь за него отвечаете вы, слава богу! Сочувствую вам...

Надлежало выполнить еще много формальностей, и к тому времени, когда все они были улажены, день уже клонился к вечеру. Но больной мужчина настоял на своем немедленном отъезде – не только потому, что жаждал тишины, покоя и свежего воздуха, но и потому, что сознавал неизбежные трудности двоевластия. Дела в лагере больше его не касались, и чем скорее он уберется отсюда, тем лучше. Слуги перенесли мистера Картера в паланкин и потрусили с ним прочь по пыльной дороге, залитой светом предзакатного солнца, а Аш вышел из палатки, чтобы принять руководство лагерем.

Первый вечер прошел сумбурно. Едва лишь паланкин окружного инспектора скрылся из виду, его преемника осадила шумная толпа с требованиями выплаты жалованья, обвинениями в воровстве, грубости и прочих видах притеснения, с громкими жалобами по самым разным поводам: от неудовлетворительных условий проживания до конфликта между погонщиками верблюдов и махаутами. Такое поведение людей объяснялось просто: возраст и звание нового сахиба, сменившего Картера-сахиба, наводили на мысль о неопытности, и на основании одного только этого обитатели лагеря и отцы города пришли к заключению, что сиркар прислал почти оскорбительно некомпетентного представителя на роль «пастушьей собаки, снабженца и няньки». Посему они повели себя вполне предсказуемо, но уже примерно через пять минут поняли ошибочность своего первого впечатления.

«Я обратился к ним с речью, – так описывал Аш эту сцену в письме к Уолли, – и в самом скором времени нам удалось уладить все вопросы». Подобное описание, вероятно, не хуже любого другого, хотя оно не дает понятия о сильном впечатлении, произведенном словами и самой личностью Аша на шумное собрание людей в каридкотском лагере. Они никогда прежде не встречали сахиба, умеющего говорить на их языке столь свободно и красочно, как этот молодой сахиб, или вкладывать столько убедительности и здравого смысла в десяток четких коротких фраз. Немногие ангрези-логи, с которыми этим людям прежде доводилось сталкиваться, были либо вежливыми чиновниками, усердно, но безуспешно пытавшимися понять чуждую им точку зрения, либо менее вежливыми сахибами, приезжавшими с инспекцией или с целью поохотиться, которые легко теряли самообладание и кричали на них, когда были чем-то недовольны. Пелам-сахиб держался совершенно иначе. Он говорил с ними как многоопытный сирдар, хорошо знающий жизненный уклад своих людей и обычаи своего округа и привыкший к безоговорочному подчинению. Аш, как станет видно впоследствии, многому научился на полковых дурбарах.

Собравшиеся выслушали Аша и прониклись к нему приязнью: вот человек, который их понимает и которого они понимают. К тому времени, когда они свернули палатки и приготовились двинуться в путь, все предъявленные городскими жителями счета были оплачены, почти все спорные вопросы улажены, а Аш умудрился встретиться и обменяться любезностями с большинством высокопоставленных придворных из свиты, хотя не успел разобратся, кто есть кто, и запомнил лишь длинную череду из многих десятков лиц, каждое из которых на мгновение пряталось за ладонями, сложенными в традиционном индийском жесте приветствия. Позже он получит возможность узнать всех поближе, но сейчас самым важным было поскорее тронуться в путь. Совет поторопиться, данный окружным инспектором, казался разумным, и Аш решил вести огромную процессию со всей возможной скоростью и нигде не задерживаться более чем на одну-две ночи, чтобы не повторить допущенной в Динагундже ошибки, состоявшей в злоупотреблении гостеприимством местных жителей. Почти восемь тысяч людей и свыше четырех тысяч выючных животных страшнее нашествия саранчи, и Аш ясно понимал, что без тщательно спланированных и продуманных действий они произведут на своем пути чудовищное опустошение и разорение.

В первый день похода он не смог уделить внимание отдельным людям, потому что постоянно ездил взад-вперед вдоль длинной колонны, оценивая ее численный состав, построение, возможную предельную скорость передвижения и таким образом бессознательно выполняя одну из ролей, упомянутых в разговоре с Уолли, – роль пастушьего пса. Особых трудностей у него не возникало, поскольку двигались они медленно. Растянувшаяся на милю колонна, окутанная облаками пыли, шла таким же неспешным шагом, как слоны, и часто останавливалась, чтобы отдохнуть, поболтать, побраниться, подождать отставших или набрать воды в колодцах у обочины дороги. По меньшей мере треть слонов несла поклажу, а все остальные – кроме четырех парадных слонов – везли значительное количество каридкотских солдат и причудливый набор оружия, включающий тяжелые железные пушки.

Четыре парадных слона несли на спинах роскошные паланкины из чеканного золота и серебра, в которых раджкумари со своими придворными дамами, младшим братом и несколькими высокопоставленными особами из числа сопровождающих лиц поедут в день бракосочетания. Изначально предполагалось, что невесты будут в них путешествовать, но из-за медленной развалистой поступи огромных животных паланкины сильно раскачивались, и младшая невеста (а также главная, так как она приходилась махарадже родной сестрой) вскоре пожаловалась на тошноту и потребовала пересадить ее вместе с сестрой, с которой не желала расставаться, в ратху – запряженную волами повозку с куполообразной крышей и расшитыми занавесями.

– Принцесса сильно нервничает, – пояснил старший евнух, извиняясь перед Ашем за задержку, вызванную этими перемещениями. – Она никогда прежде не покидала стен зенаны, и она тоскует по дому и сильно напугана.

В первый день они покрыли менее девяти миль, а по прямой так всего три, ибо дорога вилась и петляла между низкими, покрытыми кустарником холмами, представляющими собой просто складки почвы. Было ясно, что нередко они будут проходить еще меньшее расстояние, и тем же вечером, изучив топографическую карту местности и подсчитав, что за неделю они будут преодолевать в среднем пятьдесят-шестьдесят миль, Аш понял: если так пойдет и дальше, он вернется в Равалпинди лишь через несколько месяцев. Эта мысль ничуть его не расстроила: кочевая жизнь с постоянной сменой пейзажей очень нравилась ему и он испытывал радостное возбуждение от сознания, что свободен от надзора старших по званию офицеров, несет единоличную ответственность за несколько тысяч людей и ни перед кем не обязан отчитываться.

В середине следующего дня Аш запоздало вспомнил о прибытии младшего брата махараджи, но на вопрос, может ли он засвидетельствовать свое почтение маленькому принцу, получил ответ, что тому нездоровится (говорят, он переел сластей) и лучше подождать один-два дня. Сахиба известят, как только ребенок полностью оправится. А пока, в знак особого расположения, он приглашается на встречу с сестрами принца.

Шатер невест был самым большим в лагере, а поскольку его всегда разбивали первым, остальные палатки стояли вокруг него концентрическими кругами: палатки внутреннего круга занимали придворные дамы, служанки и евнухи, а палатки второго круга – высокие должностные лица, дворцовые стражники и малолетний принц со своей личной прислугой. Здесь же по праву полагалось размещаться и Ашу, но он предпочитал место потише и подальше от центра и распорядился ставить свою палатку на окраине лагеря, которая в данный вечер находилась на значительном расстоянии от шатра невест. На встречу его сопровождали два офицера из стражи и пожилой господин, накануне вечером представленный Ашу как Рао-сахиб, брат покойного махараджи и дядя двух принцесс.

Традиция парды – ношения чадры и затворничества женщин, – перенятая индусской Индией от мусульманских завоевателей, не уходила корнями в далекое прошлое страны, поэтому не так уж и удивительно, что Ашу позволили увидеться с двумя его подопечными. Будучи сахибом и чужестранцем, а самое главное, представителем британской власти, в чьи обязанности входило заботиться о безопасности и благополучии принцесс в ходе путешествия, он заслуживал особого отношения и удостоился чести побеседовать с ними (подобной чести не удостоился бы любой другой мужчина, не относящийся к числу близких родственников). Разговор, однако, был коротким и происходил отнюдь не с глазу на глаз, а в присутствии дяди девушек и второго пожилого родственника, Малдео Рая, а также компаньонки – дальней родственницы по имени Анпора-Баи, нескольких придворных дам, евнуха и полудюжины малолетних ребятишек. Ради соблюдения приличий обе невесты и Анпора-Баи частично прикрывали лицо свободным концом расшитого, отделанного бахромой сари таким образом, чтобы видными оставались только глаза и часть лба. Но так как сари были из тончайшего бенаресского шелка, этот жест носил скорее символический характер, и Аш получил возможность составить ясное представление о внешности девушек.

«Ты был совершенно прав насчет них, – написал он Уолли в пространном постскрипуме к письму с рассказом о своем прибытии в лагерь. – Они чудо как хороши. Во всяком случае, младшая. Ей еще не стукнуло четырнадцати, и она очень похожа на супругу Шах-Джахана, владычицу Таджа с той миниатюры. Я сумел хорошо рассмотреть ее: один из детишек дернул ее за сари, пытаясь привлечь к себе внимание, и вырвал у нее из руки уголок ткани, прикрывавший лицо. Она прелестнейшее создание из всех, какие тебе доводилось встречать в жизни, и благодарение Небу, что ты не можешь увидеть сию юную особу, ибо

ты, впечатлительный кельт, влюбился бы в нее с первого взгляда и не знал бы удержу в своей страсти. Ты бы рифмовал свои „кровь“, „любовь“ и „вновь“ на всем пути отсюда до Бхитхора, а я едва ли сумел бы вынести такое. Слава богу, я нечувствительный мрачный мизантроп! Вторая сестра держалась незаметно, и она вполне взрослая, восемнадцати лет самое малое, – старая дева по здешним понятиям. Я не понимаю, почему ее не выдали замуж несколько лет назад, могу лишь предположить, что она дочь какой-нибудь младшей жены или, возможно, наложницы покойного махараджи, и она, насколько я сумел рассмотреть, не отвечает индийским представлениям о красоте. Да и моим тоже, коли на то пошло. Слишком высокая, и лицо у нее скорее квадратное. Я предпочитаю овальные лица. Но глаза восхитительные – глубокие, как „озерки Есевонские, что у ворот Батраббима“²⁵, и не черные, как у сестры, а цвета торфяной воды, с золотыми крапинками. Ну разве не хотел бы ты оказаться на моем месте?»

Пускай Аш и зарекомендовал себя нечувствительным мрачным мизантропом, однако тот факт, что каридкотские принцессы оказались далеко не дурнушками, добавил приятной остроты ситуации, хотя он не рассчитывал видаться с ними часто, так что их наружность не имела особого значения. Но все же сознание, что он сопровождает двух очаровательных молодых особ, а не толстомордых неряшливых девиц, какими рисовал их в своем воображении, привнесло во все происходящее романтический оттенок и даже придало некую чарующую привлекательность шуму, грязи и неудобствам огромного лагеря. И Аш неспешным шагом вернулся к своей палатке, напевая себе под нос старую детскую песенку, в которой говорилось о даме, ехавшей к Банбери-Кросс «с кольцами на пальцах и бубенцами на щиколотках», и вспоминая имена легендарных красавиц, чьи истории описаны в «Раджастанхане» Тода²⁶: четырнадцатилетней Хамеду, супруги Хамаяна; прелестной Падмини, «прекраснейшей на свете», чья роковая красота стала причиной первого и самого страшного разграбления Читора; Мумтаз-Махал, «Жемчужины Дворца», в память о которой скорбящий муж воздвиг беломраморное чудо Тадж-Махал. Наверное, Уолли все-таки прав и все принцессы действительно прекрасны.

Слишком заинтересованный невестами, Аш окинул лишь беглым взглядом всех остальных присутствующих, на иных из которых стоило бы обратить внимание. А поскольку на следующий день они собирались закончить переход на окраине городка, где размещался маленький британский гарнизон, он поехал вперед, чтобы переговорить с командиром, и в тот вечер больше не видел почти никого из своих подопечных, ибо начальник гарнизона пригласил его на обед.

В отличие от Уолли хозяин дома считал, что британскому офицеру, получившему такое задание, какое поручили Ашу, можно только посочувствовать, о чем он и сообщил, когда они пили портвейн и курили сигары после обеда.

– Признаться, я вам не завидую, – сказал начальник гарнизона. – Слава богу, мне вряд ли когда-нибудь поручат подобное дело! Должно быть, почти невозможно жить среди такого множества туземцев, не попадая впросак по двадцать раз на дню, и, честно говоря, я не представляю, как вам это удается.

– Вы о чем? – недоуменно спросил Аш.

– Да об этих кастовых делах. С мусульманами трудностей не возникает: они не придают особого значения тому, в чьем обществе едят и пьют или кто готовит и подает пищу, и у них мало религиозных табу. Но индусы со своими кастами зачастую создают самые ужасные проблемы. Они настолько связаны различными замысловатыми правилами, традициями

²⁵ Песнь песней Соломона, 7: 5.

²⁶ Тод Джеймс – английский исследователь Индии, в 1829 г. опубликовавший книгу «Анналы и древности Раджастанхана».

и ограничениями, налагаемыми на них религией, что чужак среди них должен держаться, как Агаг²⁷, чтобы ненароком не оскорбить их или не поставить в неловкое положение. Признаться, я нахожу это чертовски сложной проблемой.

Дабы проиллюстрировать изъяны кастовой системы, начальник гарнизона поведал длинную историю про одного сипая, который был ранен в битве и оставлен на поле боя, сочтенный за мертвого, но потом очнулся и много дней брел по джунглям, еле живой от голода, в горячечном жару, с помраченным от жажды рассудком. В конце концов он повстречал маленькую девочку, пасшую коз, и она дала несчастному молока, которое, несомненно, спасло ему жизнь. В скором времени он случайно наткнулся на нескольких солдат из своего полка, и они доставили его в ближайший госпиталь, где он, тяжелобольной, пролежал много месяцев, прежде чем выписался и вернулся к своим служебным обязанностям. Через несколько лет он получил отпуск для поездки домой и по прибытии туда рассказал свою историю. Отец сипая моментально заявил, что, судя по описанию, девочка могла принадлежать к касте неприкасаемых, а коли так, значит его сын осквернен и не может оставаться в родном доме, потому что своим присутствием оскверняет его. Никакие доводы не возымели действия, и не только семья, но и все жители деревни отвернулись от него как от парии и нечистого. И лишь после дорогостоящих обрядов, за проведение которых жрецы потребовали у него все накопленные за жизнь сбережения до последней аны, он был объявлен очищенным и получил разрешение снова войти в родной дом.

– И все это только потому, – сказал начальник гарнизона в заключение, – что когда-то бедняга, обезумевший от тяжелых ран и жажды, находившийся при последнем издыхании, принял чашку молока из рук ребенка, предположительно принадлежавшего к касте неприкасаемых. Очевидно, ему следовало предпочесть мучительную смерть малой вероятности осквернения. Ну что вы на это скажете? И уверяю вас, история совершенно правдива: один мой родственник услышал ее от самого сипая. Она просто показывает, с чем нам приходится сталкиваться в этой стране. Впрочем, полагаю, вы и сами уже знаете.

Аш узнал это много лет назад. Но он не стал говорить этого, а сказал лишь, что, по его мнению, фанатичное почитание буквы закона и навязчивый страх осквернения распространены главным образом среди жрецов, которые извлекают из них выгоду, и представителей средних слоев общества. Знать в меньшей степени одержима таким страхом, а принцы крови, уверенные в своем превосходстве над людьми низшего происхождения, обычно считают себя вправе толковать общепринятые правила в соответствии со своими прихотями – несомненно, подбодренные сознанием, что, если они выйдут за границы дозволенного, им достаточно заплатить браминам и те оправдают их в глазах богов.

– Дело здесь не в широте взглядов и терпимости, – сказал Аш. – Просто они твердо верят в богоданное право монархов, что неудивительно, если вспомнить, что многие княжеские династии убеждены в своем происхождении от того или иного бога – или от солнца, или от луны. А когда веришь в такое, ты обязательно чувствуешь себя не совсем таким, как остальные люди, и можешь позволить себе поступки, каких представители менее благородных и древних родов никогда не посмеют совершить.

– Возможно, вы правы, – согласился начальник гарнизона. – Но, должен признать, я не знаком ни с одним из правящих князей. Еще портвейна?

Разговор перешел на охоту и лошадей, и Аш вернулся в свою палатку далеко за полночь.

Назавтра с утра пораньше зарядил дождь и подул крепкий ветер, и потому Аш смог поспать подольше: при таких погодных условиях лагерь снимался с места позже обычного.

²⁷ Агаг – царь амаликийян, был побежден и взят в плен Саулом, царем израильским, и умерщвлен затем пророком Самуилом (Первая книга Царств, 15).

Из-за скверной погоды он снова лишился возможности уделить достаточное внимание своим многочисленным спутникам, которые, в отличие от него, спасаясь от дождя, кутались в плащи или одеяла, скрывавшие лица. Впрочем, Аш не беспокоился на сей счет – позже у него будет времени с избытком – и с великим удовольствием рысил себе по дороге в молчании. Даже перспектива провести день в мокром седле, низко наклонив голову, чтобы спрятать лицо от порывистого ветра, яростно треплющего мокрый плащ, и хлестких дождевых струй, казалась бесконечно предпочтительнее унылого прозябания за письменным столом в равалпиндской конторе. Почти полное отсутствие всякой бумажной работы являлось, по мнению Аша, одним из главных преимуществ нынешней его миссии; второе же заключалось в том, что любые вероятные проблемы, скорее всего, окажутся знакомыми и будут отличаться от проблем, часто возникавших на полковых дурбарах, лишь по степени важности, но не по существу, а потому справиться с ними не составит труда.

Но здесь он ошибался, и вечером того самого дня ему предстояло столкнуться с проблемой не только незнакомой, но и в высшей степени трудноразрешимой. И потенциально чрезвычайно опасной.

В том, что Аш оказался совершенно не готов к ней, был виноват главным образом он сам, хотя недостаточно подробные переговоры по делу между военным штабом в Равалпинди и командующим Корпусом разведчиков вкупе с недостаточно обстоятельными инструкциями со стороны политического департамента и болезнью окружного инспектора тоже могли сыграть свою роль. Но именно изначальное пренебрежительное отношение Аша к возложенной на него миссии, воспринятой им как необходимость выступить «в роли пастушьей собаки и провожатого для двух неряшливых девиц и кучки визгливых женщин», привело к тому, что он допустил ошибку, какую часто совершал в младших классах школы: не счел нужным сделать домашнее задание.

Вина лежала на нем одном. Он просто-напросто не потрудился ничего узнать об истории и связях княжества, принцесс которого собирался эскортировать на бракосочетание, а начальство в Равалпинди не снабдило Аша никакой информацией, полагая, что окружной инспектор мистер Картер введет его в курс дела, и никак не предвидя, что приступ малярии помешает упомянутому джентльмену сделать это. В результате Аш приступил к выполнению своих обязанностей в состоянии блаженного неведения, ни сном ни духом не догадываясь о грядущих трудностях. Даже известие, что младший брат махараджи в самый последний момент решил присоединиться к свите и будет путешествовать с ними, не произвело на него особого впечатления. В конце концов, почему бы ребенку не сопровождать своих сестер на свадьбу? Он не придал присутствию юного Джоти никакого значения и, вежливо справившись о здоровье мальчика, напроць о нем забыл. Но в тот вечер, после наступления темноты, один из слуг явился к Ашу с сообщением, что принц полностью оправился от недомогания и желает увидеться с ним.

Дождь несколько часов назад закончился, и небо снова было ясным, когда Аша, одетого по такому случаю в парадную форму, снова провели через шумный, освещенный фонарями лагерь к расположенной неподалеку от шатра принцесс палатке, возле которой стоял вооруженный древним тулваром стражник и ждал зевающий слуга, готовый ввести посетителя к высокой особе. Снаружи на железном шесте висел один-единственный фонарь «молния», и, войдя в палатку, Аш на мгновение зажмурился, ослепленный ярким светом полудюжины европейских ламп, которые обычно использовались с шелковыми или бархатными абажурами, но сейчас стояли неприкрытые на низких столиках, выстроенных полукругом перед грудой подушек, где сидел пухлый бледный мальчик.

Несмотря на полноту и бледность, он был красивым ребенком, и щурившийся от света Аш внезапно вспомнил Лалджи, каким он увидел его в первый день своего пребывания в Хава-Махале. Мальчик был примерно того же возраста, что и Лалджи в ту пору, и – насколько

Аш помнил ювраджа – походил на него, точно родной брат. Хотя Лалджи значительно уступал в привлекательности этому ребенку и уж точно не поднялся бы на ноги, дабы попригласовать гостя, как сделал Джоти. Сходство между ними заключалось главным образом в одежде и выражении лица, ибо Лалджи тогда был одет в похожий наряд и тоже казался мрачным, раздраженным – и очень напуганным.

Аш низко поклонился в ответ на приветствие мальчика и подумал при этом, что, если все принцессы (согласно утверждению Уолли) прекрасны, остается лишь сожалеть, что все юные принцы непременно одутловаты, раздражены и напуганы. Во всяком случае, все, каких он встречал прежде.

Абсурдность этой мысли вызвала у него улыбку, и он все еще продолжал улыбаться, когда выпрямился и... посмотрел прямо в лицо, которое даже сейчас, по прошествии многих лет, узнал мгновенно, оцепенев от потрясения, – лицо мужчины, стоявшего сразу за маленьким принцем и всего в трех шагах от него самого, чьи прищуренные глаза имели все то же коварное, все то же жутковатое холодно-оценивающее и злобное выражение, столь хорошо знакомое Ашу в далекую пору, когда их обладатель был любимым придворным Лалджи и шпионом нотч.

Это был Биджурам.

Улыбка на лице Аша застыла, превратившись в окаменелую гримасу, и сердце у него подпрыгнуло и забилось неровно. Быть такого не может! Наверное, он ошибается! Однако он знал, что не ошибается. И в следующий миг Аш отчетливо понял, почему мальчик по имени Джоти напомнил ему Лалджи: просто Джоти приходился Лалджи либо родным, либо двоюродным братом.

Он не мог быть Нанду в силу своего возраста. Но у нотч было еще двое сыновей, и впоследствии она вполне могла родить еще нескольких. Или это сын Лалджи?.. Да нет, вряд ли. Значит, двоюродный брат или племянник? Сын или внук одного из братьев прежнего раджи Гулкота?..

Аш осознал, что несколько присутствующих начинают смотреть на него с любопытством, но в прищуренных глазах Биджурама нет ни тени узнавания. Обычное коварство – да. И злоба. А оценивающее выражение, вероятно, просто означало, что Биджурам пытается определить степень важности нового сахиба и прикидывает, придется ли ему угождать, ибо ни при каких обстоятельствах он не смог бы узнать в этом сахибе конюшонка, много лет назад спасшего жизнь ювраджу Гулкота.

Аш с усилием отвел глаза и принялся отвечать на вежливые вопросы маленького принца. Вскоре сердце у него забилось ровно, и он смог окинуть беглым взглядом палатку, проверяя, нет ли там еще кого-либо из знакомых. Таких оказалось по меньшей мере двое. Но все равно опасность разоблачения не грозила Ашу, поскольку никто в Гулкоте, кроме Коды Дада (а тот никогда никому не сказал бы), не мог знать, что сын Ситы в действительности являлся ангрези. Ничто не связывало мальчика Ашока с капитаном Аштоном Пелам-Мартинотом из Корпуса разведчиков, и между ними было мало сходства. Но вот Биджурам не изменился. Правда, он заметно растолстел и начал сесть, и морщины у него на лице, появившиеся от разгульного образа жизни еще в молодые годы, стали глубже, но и только. Он остался таким же холеным, щеголеватым и коварным, и он по-прежнему носил подвеску с огромным бриллиантом в одном ухе. Но почему он здесь и в каком родстве состоит юврадж Гулкота с десятилетним Джоти? И кого или чего боится маленький мальчик?

Аш слишком часто видел страх, чтобы не узнать его сейчас. Все признаки страха были налицо: расширенные, лихорадочно блестящие глаза и быстрые взгляды, постоянно бросаемые налево-направо и через плечо; напряженные мышцы и резкие, нервные повороты головы; непроизвольная дрожь рук и судорожно сжатые кулаки.

Именно так в свое время выглядел и Лалджи, с полным на то основанием. Но этот мальчик не наследник престола. Он всего лишь младший брат махараджи, а потому едва ли кто-нибудь может желать ему зла. Скорее всего, он просто сбежал из дворца, чтобы присоединиться к свадебной процессии против воли старших, и только теперь начал сознавать последствия своей выходки.

«Возможно, он просто избалованный мальчишка, который зашел слишком далеко и боится крепкой взбучки, – подумал Аш. – И если он действительно сбежал без спроса, бьюсь об заклад, что по наущению Биджурама... Я должен разузнать побольше о его семье. Обо всех родственниках. Мне следовало сделать это раньше».

Маленький принц принялся представлять присутствующих, и Аш поприветствовал Биджурама и обменялся с ним несколькими формальными фразами, приличествующими случаю, прежде чем перешел к следующему человеку. Через десять минут встреча завершилась, и Аш зашагал в полумраке через лагерь, слегка дрожа – не только потому, что ночной воздух показался холодным после жаркой, слишком ярко освещенной палатки. Аш глубоко, прерывисто вздохнул, испытывая такое облегчение, будто минуту назад вырвался из ловушки, и со стыдом обнаружил, что ладони у него ноют там, где остались глубокие следы от ногтей: он лишь сейчас заметил, что все это время крепко стискивал кулаки.

Той ночью палатка Аша стояла под баньяном ярдах в пятидесяти от границы лагеря, за скоплением палаток поменьше, где размещались его личные слуги. Проходя мимо них, он передумал посылать за одним из каридкотских секретарей, так как увидел Махду, курящего кальян на свежем воздухе, и сообразил, что старик наверняка уже успел разведать всю информацию о правящей династии Каридкота, какой располагает любой житель этого княжества. Махду любил сплетничать, а поскольку он вступил в общение со многими людьми, незнакомыми Ашу, то явно узнал такие вещи, которые не принято рассказывать сахибам.

Аш остановился возле старика и сказал приглушенным голосом:

– Пойдем поговорим в моей палатке, ча-ча, мне нужен совет. Возможно, ты сумеешь сообщить мне много полезного. Давай руку. Я понесу кальян.

В палатке Аша висел фонарь «молния» с прикрученным фитилем, но он предпочел сесть снаружи, под узким навесом в густой тени баньяна, откуда открывался вид на широкую равнину, тускло освещенную звездами. Махду удобно устроился на корточках, а Ашу, облаченному в стесняющую движения парадную форму, пришлось удовольствоваться складным стулом.

– Что ты хочешь знать, сынок? – спросил старик, используя обычное в прошлом обращение, крайне редко употребляемое в последнее время.

Аш ответил не сразу. С минуту он сидел молча, прислушиваясь к бульканью кальяна и приводя в порядок свои мысли. Наконец он медленно проговорил:

– Прежде всего я хочу знать, какая связь существует между махараджей Каридкота, чьих сестер мы сопровождаем на бракосочетание и чей брат путешествует с нами, и неким раджей Гулкота. Такая связь есть, я уверен.

– Ну разумеется, – удивленно ответил Махду. – Это один и тот же человек. Владения махараджи Каридкота граничили с владениями его двоюродного брата, раджи Гулкота, и, когда махараджа умер, не оставив наследника, раджа отправился в Калькутту и заявил самому лат-сахибу о своих притязаниях на земли и титул брата. Поскольку он приходился покойному самым близким родственником, его требование было удовлетворено, и два княжества объединились в одно, которое переименовали в Каридкот. Как так вышло, что ты этого не знаешь?

– Просто я слепец... и дурак! – Аш говорил почти шепотом, но в нем слышалась глубокая горечь, поразившая Махду. – Я страшно разозлился, когда понял, что для генералов в Равалпинди это задание – всего лишь предлог, чтобы отослать меня подальше от моих дру-

зей на границе, и даже не потрудился задать какие-то вопросы и хоть что-то выяснить. Хоть что-то!

– Но какая тебе разница, кто они такие, это княжеское семейство? Какое тебе дело до них? – спросил старик, встревоженный странным тоном Аша.

Махду не знал истории про Гулкот. Полковник Андерсон посоветовал держать ее в тайне на том основании, что чем меньше людей будет знать о прошлом Аша, тем лучше, ведь жизнь мальчика зависела от того, насколько основательно затеряются его следы. Ашу запрещалось упоминать о своей жизни в Гулкоте при Махду или Алаяре, и он не желал ничего рассказывать сейчас. Вместо этого он сказал:

– Человек должен располагать всей возможной информацией о людях, находящихся на его попечении, чтобы... случайно не оскорбить их по неведению. Но сегодня я понял, что не знаю ровным счетом ничего. Даже того... Когда умер старый раджа, Махду? И кто такой этот старик, которого мне представили как его брата?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.